
ФРЕДЕРИК
ПОЛ
ПОХОДКА
ПЬЯНИЦЫ

Походка пьяницы; Чума питонов; Рассказы

Фредерик Пол

Фредерик ПОЛ. Походка пьяницы
Походка пьяницы
- Глава 1
- Глава 2
- Глава 3
- Глава 4
- Глава 5
- Глава 6
- Глава 7
- Глава 8
- Глава 9
- Глава 10
- Глава 11
- Глава 12
- Глава 13
- Глава 14
- Глава 15
- Глава 16
- Глава 17
- Глава 18

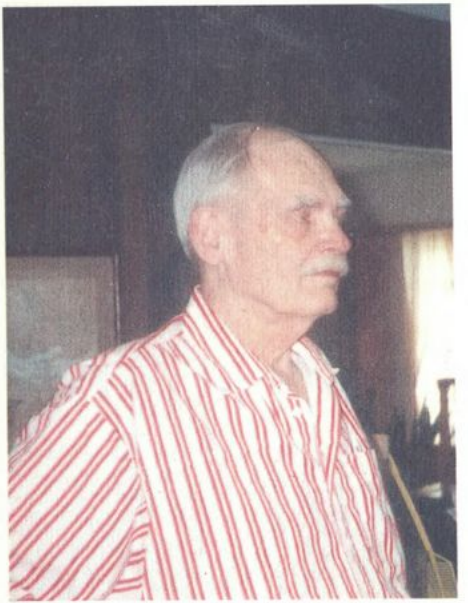
Чума питонов

- Глава 1
- Глава 2
- Глава 3
- Глава 4
- Глава 5
- Глава 6
- Глава 7
- Глава 8
- Глава 9
- Глава 10
- Глава 11
- Глава 12
- Глава 13
- Глава 14
- Глава 15
- Глава 16
- Глава 17
- Глава 18

Рассказы

- Человек, который мог съесть мир
- Мечи и орала
- Радостный свет кометы
- Смертельная миссия Финеаса Снодграсса
- Человек-схема

Фредерик ПОЛ
Походка пьяницы



Love Pete

Походка пьяницы

Глава 1

Конут родился в 2166 году. В свои тридцать лет он уже профессор математики, посвятивший себя теории чисел. Основное его занятие — чтение лекций по курсу «Мнемоника[1] чисел» в крупнейшем университете мира. Конут полностью поглощен этой темой и лишь изредка позволяет себе отвлечься, предаваясь абстрактным, расплывчатым мечтам о девушках.

Это не удивительно. Ведь Конут не женат и не может не страдать от одиночества.

Его маленькая комнатка на восемнадцатом этаже Башни Математиков ничем не отличается от множества соседних спален — те же лиловые стены и кремовый потолок, но если бы вы оказались здесь этим ранним утром, вы обратили бы внимание на странные звуки — не то шорох, не то слабое жужжание. Дело не в дыхании спящего Конута. Еле слышный шорох доносится от электрического будильника: как-то раз его уронили

---

[1] Примечания: 1

Мнемоника — совокупность приемов и способов, облегчающих запоминание и увеличивающих объем памяти путем образования устойчивых ассоциаций.

на пол, и за погнутый корпус стала задевать шестеренка. Еще один будильник издает нечто вроде ворчливого жужжания.

Шума могло быть гораздо больше, для такой маленькой спальни будильников, пожалуй, многовато; их даже не два, а пять! И все заведены на одно время.

Взглянув на спящего, ей нашли бы его довольно привлекательным. Только немного бледным — такая бледность обычно вызывает сочувствие у девушек, которые обязательно бы решили, что он нуждается в женской заботе, прогулках на свежем воздухе, усиленном питании и положительных эмоциях. Конуту же подобные мысли и в голову не приходят. Однако в последнее время он ощущает смутное беспокойство, не в силах понять, чего именно ему недостает.

Еще два месяца назад все было в порядке, и вдруг его захлестнуло необъяснимое и непроходящее чувство неблагополучия, разлада.

Скоро семь пятнадцать, будильники вот-вот зазвонят. Конут долго возился с ними, настраивая в унисон: заводил, проверял, переставлял стрелки — и теперь можно не сомневаться, что звонки прозвучат с интервалом не более четверти минуты.

Но одного он не учел: побывавший на полу будильник приобрел дурную привычку прочищать себе горло, слабо лязгая чуть раньше положенного. Еле слышный, но неожиданный звук потревожил Конута, однако не разбудил его. Конут приоткрыл глаза и сразу же закрыл их. Спустя мгновение, не сознавая, что делает, он откинул одеяло и сел на кровати.

Если бы вы были бесстрастным наблюдателем или уподобились одному из портретов, украшающих спальню Конута (например, Лейбницу в большом завитом парике со старинной гравюры Фике), вы бы увидели, как молодой человек поднялся с постели и с закрытыми глазами медленно двинулся к распахнутому окну.

Если бы портреты могли помнить все, что им довелось увидеть из своих тесных рам, вы, как один из них, припомнили, бы, что Конут уже проделывал однажды такой фокус и едва не выпал из окна. Кажется, на этот раз он может преуспеть.

Попытка самоубийства. Девятая за последние пятьдесят дней.

Если бы портреты были наделены эмоциями, вы, временно пребывая одним из них, испытали бы чувство сожаления, глядя на Конута, — ведь его толкает к смерти не сознательный выбор, он

совсем не хочет умирать и, придя в себя, не может понять причины своих поступков.

Глава 2

Действительность неохотно проникала в сознание Конута сквозь пелену сна. Ему казалось, будто он с трудом балансирует на краю страшной бездны и вот-вот сорвется вниз, и в этот момент до него донесся чей-то оклик. Лицо Конута исказилось, он невнятно забормотал и открыл глаза.

Под ним была пустота, почти две сотни футов, — он стоял на подоконнике и смотрел на прямоугольник двора с высоты восемнадцати этажей, отделявших его от земли. От неожиданности Конут пошатнулся и едва не вывалился наружу. На его счастье, в комнате оказался спаситель, по-видимому, он-то и разбудил Конута своим криком. Этот человек схватил его за руку и грубо втащил в комнату.

И тут, как хорошо слаженный хор, в пять голосов грянули будильники. Еще мгновение — и к ним присоединились трели стоявшего в изголовье телефона; подчиняясь автоматическому таймеру, вспыхнули светильники под потолком, а настольная лампа сменила трубку на более яркую и направила свет на подушку Конута.

— С вами все в порядке?

Ошарашенный Конут понял, что вопрос обращен к нему, и рявкнул:

— Конечно, разве не заметно?

Он наконец осознал, что ему чудом удалось избежать гибели; Сердце бешено колотилось, вены наполнились адреналином. Ощущение собственного бессилия вызвало вспышку злобы.

— Извини, Эгерт. Спасибо, — тут же взял себя в руки Конут. Он узнал своего спасителя — девятнадцатилетнего студента с коротко стриженными огненно-рыжими волосами. Его лицо, обычно темное от загара, сейчас было белым как мел.

— Вот и хорошо, — Эгерт, не сводя глаз с профессора, осторожно попятился к телефону и снял трубку.

— Алло. Да, он уже встал. Спасибо за звонок.

— Еще немного, и было бы поздно, — проговорил Конут.

Эгерт пожал плечами.

— Я лучше вернусь к себе, сэр. Мне надо… О, доброе утро, Мастер Карл.

В дверях спальни стоял глава математического факультета, а за его спиной теснилась кучка студентов, пытаясь выяснить причины суматохи. Мастер Карл, высокий, пожилой брюнет с проницательными голубыми глазами, держал в руке

только что проявленную фотопленку, роняя на пластиковые плитки пола капли воды.

— Что вы тут устроили, черт возьми?

Конут открыл было рот, но не нашелся с ответом. Он не мог объяснить происходящее, не знал, какая сила в течение уже пятидесяти дней толкает его к смерти. Девятый раз ему чудом удалось избежать конца — вот и все. Поэтому Конут сказал:

— Расскажи Мастеру Карлу, Эгерт.

Юноша вздрогнул. Мастер Карл для студентов — царь и бог. От него зависит судьба каждого — сдаст ли он экзамены, будет ли призван в армию, отправится ли на принудительные работы в Трудовые Лагеря. Не удивительно, что Эгерт начал запинаться.

— Сэр, я… я пришел по вызову Мастера Конута. Он поручил мне заходить в его спальню каждое утро за пять минут до подъема. На всякий случай, чтобы он… Впрочем, это неважно. Вот и все, о чем он просил. А сегодня я немного задержался.

— Опоздал? — холодно осведомился Карл.

— Да, сэр, я…

— И вышел в коридор не побрившись?

Студент был сражен этим вопросом. Стайка любопытных за спиной Карла быстро рассосалась,

предчувствуя бурю. Эгерт что-то залепетал, но Конут прервал его оправдания:

— Оставь парня в покое, Карл, хорошо? Если бы он тратил время еще и на бритье, меня уже не было бы в живых.

— Ладно, Эгерт, можешь идти в свою комнату, — резко проговорил Мастер Карл. — Но, Конут, я требую объяснений. Что все это значит?

Он умолк, что-то припоминая, затем опустил взгляд на фотопленку в своей руке и тоном, не терпящим возражений, заключил:

— Я выслушаю тебя за завтраком.

И величавой поступью покинул комнату.

Конут с трудом заставил себя одеться и приступил к бритью. С тех пор как началась эта история, каждый прожитый день казался ему годом. Будь это так, ему было бы уже под восемьдесят — на десять лет больше, чем самому Мастеру Карлу.

Конуту было о чем задуматься. Однако он не напоминал человека, только что побывавшего между жизнью и смертью. Он молод, пожалуй, слишком молод для профессора и атлетически сложен. В студенческие годы он был капитаном команды фехтовальщиков и сейчас продолжает ее консультировать. С виду он крепок и здоров, только вот спит мало: частенько приходится

жертвовать сном ради своих исследований. Но сейчас на его лице написана растерянность, он решительно не способен понять те невероятные, непростительные поступки, которые совершает, не отдавая себе отчета.

Сегодняшний случай прибавил Конуту забот. Он чудом спасся, но весть о его выходке немедленно облетит университет. Несомненно, слухи о странном поведении профессора ходили и раньше, а сегодня многие убедились в этом собственными глазами и не преминут разнести молву. Как ему теперь смотреть в глаза коллегам и студентам? Университет был для Конута всем — он не мыслил себя вне этого мира и не мог примириться с тем, что близкие ему люди вскоре узнают, как он глупо и бессмысленно пытался покончить с собой, к тому же еще и неудачно.

Он обтер лицо и приготовился совершить неизбежное — переступить порог комнаты и оказаться лицом к лицу с обитателями городка.

В ячейке для корреспонденции на его рабочем столе лежала стопка писем. Конут бегло проглядел их — ничего важного. Он обратил внимание на оставленные с вечера бумаги — кто-то привел их в порядок. Наверное, Эгерт. Листки с небрежными зарисовками аномалий

Вольграна аккуратно сложены в стопку рядом с планом утренних лекций, а в центре стола придавлен пресс-папье конверт с красной каймой из канцелярии Президента Университета. Письмо предписывало Конуту отправиться в полевую экспедицию. Он как раз собирался поговорить с Карлом об отмене этого распоряжения: сейчас слишком много работы, чтобы отвлекаться на общественные дела. Только для завершения исследований по Вольграну потребуется не одна неделя, а Карл уже давно настаивает на публикации результатов. Пока материал сыроват. Может, месяца через три… Если Вычислительный Центр выделит время для обработки данных и если не обнаружится чья-нибудь старая ошибка, после исправления которой аномалии исчезнут сами собой.

И, конечно, если он все еще будет жив.

— О, проклятье! — выругался вслух Конут и, положив письмо в карман, набросил мантию и вышел в коридор, кипя от раздражения.

Столовая в Башне обслуживала всех преподавателей математического отделения. Всего их было тридцать один, и большинство уже сидело за столиками, когда Конут появился на пороге. Он вошел с бесстрастным лицом, предчувствуя,

как с его появлением смолкнет неизменный гул голосов и воцарится напряженная тишина. Так и вышло. Все взгляды были прикованы к нему.

— Доброе утро, — Конут приветствовал присутствующих бодрым кивком.

Одна из немногих женщин, улыбаясь, махнула ему рукой:

— Привет, Конут. Присаживайся к нам. У Дженет есть идея, как помочь твоему горю.

Изобразив улыбку, Конут повернулся к женщинам спиной. Женские спальни в другом крыле и двенадцатью этажами ниже, но их обитательницы уже в курсе событий! Конут остановился у столика, за которым Мастер Карл в одиночестве прихлебывал чай, просматривая ворох фотоснимков.

— Мне очень жаль, что так случилось. Не знаю, как это вышло, Карл.

Глава факультета рассеянно поднял голову. Когда Карл погружался в свои вычисления, его глаза не сияли уже теми холодными сапфирами, которые пронзали Эгерта насквозь, а скорее напоминали ласковые голубые глаза Санта-Клауса, что больше соответствовало характеру их обладателя.

— Что? А, ты о своей зарядке на подоконнике…

Присядь, мой мальчик.

Карл разгреб фотографии, чтобы одна из обслуживающих столовую студенток могла поставить прибор для Конута. Протягивая ему какой-то снимок, Карл примирительно заговорил:

— Скажи, это не напоминает тебе изображение звезды?

— Нет.

Конут не особенно интересовался увлечениями главы отделения. Изображение напоминало яркую вспышку света и ничего больше.

Карл вздохнул и забрал снимок.

— Ладно. Ну, что на тебя нашло с утра пораньше?

Конут взял у официантки чашку кофе, а от других блюд отказался.

— Я сам хотел бы знать, — произнес он серьезно.

Карл ждал.

— Я хочу сказать, все не так просто.

Карл не прерывал его.

Конут одним глотком выпил кофе и отставил чашку. Карл, возможно, был единственным человеком на факультете, которого не интересовали утренние сплетни. Трудно было решиться просто взять и выложить ему все как есть. Он, как и Ко-

нут, дитя Университета. Оба они родились здесь, в Медицинском Центре, учились в университетских Школах. Карла не привлекала суетливая жизнь, бурлящая за этими стенами, в Городах. Его вообще мало интересовали человеческие проблемы. Одному Богу известно, как этот бесстрастный, сухой человек с головой, забитой Виноградовым и де Бесси, прореагирует на сообщение о такой далекой от математики вещи, как самоубийство.

— Я пытался покончить с собой уже девять раз, — наконец выдавил Конут. — Не спрашивай меня почему. Сам не знаю. То, что ты видел сегодня утром, — девятая попытка.

Выражение лица Карла полностью соответствовало ожиданиям Конута.

— Не смотри на меня так недоверчиво, — вспылил он, — я действительно больше ничего не знаю. И меня это раздражает не меньше, чем тебя!

Карл в растерянности ухватился за свои снимки, как будто они могли что-то подсказать.

— Хорошо, — он потер лоб. — Я понимаю, в каком положении ты оказался. Тебе не приходило в голову обратиться за помощью?

— Помощь? Боже, да я окружил себя помощниками везде, где только можно. Хуже всего с

утра, ты видел. Это самое опасное время — перед пробуждением, когда я еще не настороже. Я учел это и разработал целую систему сигналов, чтобы сразу прийти в себя. Завел пять будильников, договорился с конторой управляющего об автоматическом включении света в комнате, поручил ночному дежурному звонить мне по телефону — все для того, чтобы проснуться сразу. Три дня это действовало и, поверь мне, напоминало ушат холодной воды. На всякий случай я попросил еще Эгерта приходить рано утром и следить за моим пробуждением — вдруг что-то не сработает.

— Но сегодня Эгерт опоздал?

— Немного задержался, — поправил Конут. — Еще минута, и он бы действительно опоздал. И я вместе с ним.

— Это не та помощь, которую я имел в виду, — сказал Карл.

— Ты говоришь о Медицинском Центре?

Конут достал сигарету. Официантка поспешно поднесла зажигалку. Он узнал девушку. Это была одна из его студенток, Лусилла. Очень хорошенькая и совсем юная. Провожая ее глазами, Конут рассеянно произнес:

— Я был там, Карл. Они очень настаивали на проведении психоанализа.

На лице Мастера Карла появилось выражение крайней заинтересованности. Конут отметил про себя, что не видел главу факультета настолько увлеченным с тех пор, как они вместе обсуждали подготовленную Конутом статью — анализ расхождений в основном законе статистического распределения Вольграна.

Карл задумчиво проговорил:

— Я скажу, что меня удивляет. Ты не производишь впечатление человека обеспокоенного.

— На самом деле это не так, — возразил Конут.

— Значит, тебе удается скрыть беспокойство. Может, в глубине души тебя что-то тревожит?

— Тревожит настолько, чтобы покончить с собой? Ну, нет. Однако я полагаю, какая-то причина должна существовать, не так ли?

Карл смотрел в сторону. Ее глаза обрели прежнюю яркость; он подключил свой мозг к решению проблемы: взвешивал возможные причины, оценивал их вероятность, пытался выработать подходящую теорию.

— Только по утрам?

— Нет, Карл. Я гораздо более изобретателен, могу попытаться убить себя в любое время суток. Но чаще всего это происходит в полусне — когда я засыпаю или пробуждаюсь, как-то раз даже среди

ночи. Тогда я пришел в себя на пожарной лестнице. Бог знает, как меня туда занесло. Возможно, что-то потревожило мой сон, не знаю. После этого я попросил Эгерта быть со мной вечером, пока я не засну, и утром. Как нянька для малыша.

— Думаю, ты мог бы рассказать мне значительно больше, — раздраженно заметил Карл.

— Хорошо. Пожалуй, мне есть что добавить. Мне снятся странные сны.

— Сны?

— Да, Карл, я бы назвал это так. Воспоминания не слишком четкие, но похоже, я подчиняюсь чьему-то приказу, мной руководит кто-то, чье мнение для меня очень важно. Возможно, отец. Я совсем не помню своего отца, но мне казалось, что это он.

Лицо Карла помрачнело. Он утратил интерес к разговору.

— В чем дело? — удивленно спросил Конут.

Карл откинулся на стуле, тряхнув головой.

— Нет, Конут, ты не должен думать, что выполняешь чью-то волю. Этого просто не может быть. Я очень тщательно проверял, поверь мне. Сны рождаются в мозгу самого спящего.

— Но я только сказал…

Карл прервал его жестом и менторским тоном,

как человек, лекции которого ежедневно собирают три миллиона слушателей, проговорил:

— Допуская любую другую возможность, ты столкнешься с двумя предполагаемыми причинами. Давай их проанализируем. Во-первых, возможно чисто физическое объяснение: кто-то действительно говорит с тобой, пока ты спишь. Думаю, мы можем отбросить этот вариант. Остается телепатическое внушение. А нам известно, — добавил он устало, — что его не существует.

— Но я только…

— Обрати взор внутрь самого себя, мой мальчик, — отеческим тоном закончил Карл, вновь теряя интерес к беседе. — А что там у тебя с аномалиями Вольграна? Есть какие-нибудь сдвиги?

Через двадцать минут под предлогом, что он опаздывает на встречу, Конуту наконец удалось покинуть столовую. Там было двенадцать столиков, и за восемь из них его настойчиво приглашали — выпить еще чашечку кофе и рассказать о случившемся.

У Конута действительно была назначена встреча, однако он ничего не сказал о ней Мастеру Карлу. Конут хотел сохранить это в тайне.

Он плохо представлял себе возможности психо-

анализа в решении подобных проблем. Несмотря на трехсотлетнюю историю, методика поддержания психического здоровья еще не привела к созданию строгой системы защиты сознания, а Конут от природы скептически относился ко всему, что не поддается математическому анализу. Было и еще кое-что, о чем он не нашел нужным рассказывать Мастеру Карлу.

Не один Конут вел себя так странно. Человек, с которым он беседовал в Медицинском Центре, был очень обеспокоен происходящим. Он назвал имена пятерых преподавателей, известных Конуту по факультету, которые покончили жизнь самоубийством в течение последних нескольких лет или погибли при странных обстоятельствах. Один из них совершил пятнадцать попыток, прежде чем добился цели, взорвав себя во время эксперимента по полимеризации, который проводил ночью в Химическом зале. Двое покончили с собой с первой или второй попытки.

Конут отличался от погибших только в одном: ему удалось прожить в таком состоянии уже семь недель и не нанести себе ни малейшего увечья. Рекорд составлял десять недель. Столько продержался химик.

Психоаналитик обещал Конуту собрать к се-

годняшнему утру всю возможную информацию о других самоубийцах. Без сомнения, Конута это очень интересовало. Это могло оказаться важным.

Если тут не простое совпадение, он, как и все остальные, рано или поздно убьет себя и, возможно, так и не узнает причин своего поступка.

И если здесь действительно есть закономерность, это должно случиться в течение ближайших трех недель.

Глава 3

В Университете начинался очередной день. В конторе Правления служащий заполнил приемный бункер бумагами, щелкнул переключателем — и Стики Дик, компьютер, прозванный так по первым буквам его названия — S. T. I. (C. E.), Di. C., приступил к кропотливой обработке оценок, полученных на вчерашних экзаменах по английскому, санскриту и курсу «Ядерные реакции в цикле Бета-Феникс». Студенты медицинского факультета выкатывали расчлененные трупы из холодильных камер, разыгрывая избитые грубые шутки с разрозненными частями тел. В Центральной аппаратной телевизионные техники выполняли нескончаемый таинственный ритуал проверки цепей и согласования напряжений; каждая университетская лекция обязательно записывалась на пленку, даже те, которые не предназначались ни для эфира, ни для передачи в архив.

Тридцать тысяч студентов пытались угадать настроение своих преподавателей, приходя к выводу, что пережить этот учебный день будет нелегко. Но все без исключения знали: это все-

таки лучше, чем пытаться выжить за стенами университета.

На кухне, примыкающей к столовой Башни Математиков, дежурная студентка Лусилла торопливо вытирала последние капли влаги со стальной кухонной утвари. Она повесила передник, проверила макияж, остановившись у зеркала на двери, потом спустилась в служебном лифте и вышла на жаркую, шумную аллею университетского двора.

Ни жара, ни шум не смущали ее. Она повидала и не такое.

Лусилла — стипендиатка Университета. Ее родители — Горожане, а не Ученые. Здесь она живет всего два года, а на выходные иногда уезжает домой. Ей хорошо известно, что такое жизнь в одном из городов по ту сторону залива или, того хуже, в одном из поселений вдали от берега — в грохочущем, не смолкающем день и ночь шуме, где люди в толпе то и дело натыкаются друг на друга. Здесь, во дворе, шум создавали только людские голоса. Земля здесь не дрожала.

Маленькое личико Лусиллы сохраняло беззаботное выражение, коротко стриженные волосы развевались в такт решительной походке. Было совсем незаметно, что девушка обеспокоена, но

тем не менее это было так. Он выглядел сегодня в столовой таким усталым! И ничего не ел, хотя это на него не похоже. Он всегда ел что-нибудь — если не яичницу с беконом, то кашу с фруктами. Инстинктивно Лусилла предпочитала людей с хорошим аппетитом. На ходу отвечая на приветствия, она продолжала думать о своем. Возможно, завтра ей удастся самой подать ему омлет, и он ему понравится. Не стоит переживать, в конце концов все наладится.

Лусилла вздохнула. Она чувствовала себя совершенно несчастной. Это просто невыносимо: так сильно беспокоиться о ком-то и не иметь ни малейшей возможности узнать, что с ним происходит…

Девушка услышала за спиной чей-то топот.

— Эй, — переходя на шаг, окликнул ее Эгерт, частый спутник Лусиллы на прогулках. — Почему ты не подождала меня? Как насчет вечера в субботу?

— А, привет. Я еще не знаю. Может, буду занята на факультетском танцевальном вечере.

— Скажи, что не можешь, — предложил Эгерт. — Что должна ехать домой. Ну, что твой брат заболел или еще что-нибудь и маме нужна твоя помощь.

Лусилла рассмеялась.

— Подумай. Я бы взял на вечер лодку Карнегана, и мы спустились бы до самой излучины.

Лусилла, смеясь, позволила ему взять себя за руку. Ей нравился Эгерт. Он симпатичный и приветливый. Он напоминал ей брата, нет, не настоящего, а такого, какого бы ей хотелось иметь. Да, он ей нравился, но она не была им увлечена. Разница совершенно ясная для нее. Вот Эгерт, например, несомненно был увлечен ею.

— Ну, хорошо, — сказал Эгерт. — Подумай, ладно? Я спрошу тебя завтра.

В нем сработал инстинкт коммивояжера: лучше удовольствоваться неопределенностью, чем получить отказ. Он повел девушку между двумя высотными зданиями к владениям факультета агрономии, где посреди пятнадцати тщательно возделанных акров экспериментальных посадок гороха и пшеницы имелся маленький японский садик.

— Кажется, я сегодня получил плохую оценку по поведению от Мастера Карла, — мрачно сказал Эгерт, припоминая утреннее происшествие.

— Да, не повезло, — рассеянно посочувствовала Лусилла: это не было из ряда вон выходящим событием. Но последующие слова Эгерта при-

влекли ее внимание.

— Я только пытался оказать Конуту любезность. Хотя какую, к черту, любезность? Я спас ему жизнь!

Лусилла вся обратилась в слух. Эгерт продолжал.

— Он уже почти вывалился из окна. Сумасшедший! Ты знаешь, мне кажется, половина этих профессоров с приветом. Что ни говори, но если бы я не вошел в ту минуту, он бы разбился. Выпал бы прямо во двор. Понимаешь, — добавил он возбужденно, — сегодня я немного задержался.

— Эгерт!

— Что случилось?

Лусилла набросилась на него с упреками.

— Ты не должен был опаздывать! Ты ведь знаешь, как Мастер Конут тебе доверяет. В самом деле, ты просто обязан быть внимательнее.

Она не на шутку рассердилась. Эгерт задумчиво посмотрел на нее и умолк. Утро уже не казалось ему таким безоблачным и прекрасным. Внезапно юноша схватил Лусиллу за руку и заговорил очень серьезным тоном:

— Лусилла, давай заключим временный брак. Я знаю, здесь я всего лишь стипендиат, и мои шансы невелики. Но скоро все будет по-другому.

Послушай, что я придумал. Я брошу занятия математикой. Ребята с медицинского факультета говорят, что там много интересных тем для исследования, например, в области эпидемиологии, а там математические знания мне пригодятся. Я не требую от тебя обещания на десять лет. Мы можем возобновлять договор каждый месяц. И если ты не захочешь его продлевать, клянусь, я не буду настаивать. Но только позволь мне попытаться сделать так, чтобы ты захотела остаться со мной. Прошу тебя, давай поженимся!

Он замолчал, глядя на девушку. На его открытом загорелом лице застыло ожидание. Но Лусилла избегала встречаться с ним взглядом.

Спустя мгновение Эгерт примирительно кивнул головой.

— Ну ладно. Конечно, где мне тягаться с Мастером Конутом!

Лусилла нахмурилась.

— Эгерт, я надеюсь, ты не станешь считать… Я имею в виду, именно потому, что ты решил, что я интересуюсь Мастером Конутом, я надеюсь…

— Нет, — усмехнулся он. — Я не дам ему выпасть из окна. Но ты знаешь, Лусилла, хотя ты такая хорошенькая, сомневаюсь, что Мастер Конут подозревает о твоем существовании.

Психоаналитик проводил Конута до двери. Он был в ярости, что не продвинулся ни на шаг, — нет, не с Конутом, а в этом деле в целом.

— Мне очень жаль, но я больше не могу откладывать свои дела, — решительно сказал ему Конут.

— Боюсь, это произойдет, если ваши попытки увенчаются успехом.

— Но ведь вы собираетесь мне помочь? Или мы просто зря тратим время?

— Во всяком случае, это лучше, чем вообще не сопротивляться.

Конут пожал плечами в ответ на это логически непогрешимое утверждение. Психоаналитик продолжал уговоры.

— Вы не останетесь у нас даже на ночь? Наблюдение могло бы дать толчок к разгадке…

— Нет…

Психоаналитик колебался. Потом махнул рукой.

— Хорошо. Думаю, вам известно, что если будет принято соответствующее решение, вашего согласия не потребуется. Я просто передам вас в распоряжение Медицинского Центра.

— Конечно-конечно, — успокаивающе проговорил Конут. — Но ведь у вас ничего не вышло.

Разве вы уже не пытались получить предписание в канцелярии Президента?

— Обычная чиновничья волокита, — проворчал психоаналитик. — Они не понимают, что программа психического здоровья нуждается в небольшой поддержке, хотя бы раз за столько лет…

Конут вышел, предоставив собеседнику бормотать дальше.

Во дворе на него обрушились жара и шум. Но Конут этого даже не заметил, он давно привык.

Он достаточно пришел в себя, чтобы думать о своем утреннем спасении без содрогания, даже с интересом. Ощущение противоречивое, с привкусом тревоги, но Конут уже был в состоянии взглянуть на вещи с другой стороны. Как нелепо! Убить себя! Самоубийства совершают люди отчаявшиеся, несчастные, а Конут вполне счастливый человек.

Даже психоаналитик вынужден был признать это. Он только потратил время даром, копаясь в туманных детских воспоминаниях Конута в поисках давнишней психической травмы, которая гнездилась бы в тайниках сознания Конута, исподволь отравляя его существование. У него не было никаких травм! Да и откуда им взяться?

Его родители — Ученые — работали в этом же Университете.

Он пошел в ясли прежде, чем начал ходить, затем развивающая с помощью игр школа для малышей, которой руководили лучшие в мире специалисты в области детского воспитания. Каждый ребенок там был окружен любовью и заботой и имел все, что рекомендовали лучшие детские психологи. Травма? Это невозможно. Не только потому, что подобного не случалось вообще, результат подтвердило и конкретное исследование личности Конута. Это человек, искренне увлеченный своей работой, и если он и чувствует недостаток любви и заботы, то, вне всякого сомнения, надеется обрести их в свое время. Ему просто не приходило в голову торопить естественный ход событий.

Конут вежливо отвечал на приветствия идущих навстречу студентов. Он даже начал насвистывать одну из мнемонических песен Карла. Ребята кивали ему и улыбались. Конут был популярным профессором.

Он прошел мимо Дома Гуманитариев, Дома Литераторов, Доврачебной помощи и Башни Администрации. По мере того как он удалялся от своего здания, он встречал все меньше знакомых

лиц, но и незнакомые вежливо приветствовали его из уважения к одеянию Мастера. Над головами раздался пронзительный вой пролетающего высоко в небе самолета.

Гигантский изгиб стального Моста через бухту остался позади, но Конут все еще слышал шум бесконечного потока автомобилей; издалека доносился приглушенный расстоянием гул Города.

Конут остановился у двери телестудии, где должен был провести первую лекцию. Он бросил взгляд вдоль узкой городской улицы, на которой обитали Те, кто не занимался наукой. Там была другая жизнь, там была тайна. Как ему казалось, более значительная, чем безмолвный убийца у него в мозгу. Но это не та проблема, которую он когда-нибудь сможет решить.

«Хороший преподаватель должен хорошо выглядеть» — гласил один из афоризмов Мастера Карла. Конут уселся за длинный стол и начал методично наносить тон на скулы. Пока он гримировался, бригада операторов наводила камеры.

— Вам помочь? — Конут поднял взгляд и увидел своего продюсера.

— Нет, спасибо, — и он чуть-чуть подвел уголки глаз.

Часы отсчитывали секунды, оставшиеся до начала лекции.

Конут замаскировал морщины (плата за звание профессора в тридцать лет) и стал наносить помаду. Он придвинулся к зеркалу, чтобы оценить результат, но продюсер остановил его.

— Минутку! Даммит, дружок, меньше красного!

Оператор взялся за диск, изображение на экране послушно становилось то чуть краснее, то чуть зеленее.

— Так лучше. Все готово, профессор?

Конут вытер руки салфеткой и надел на голову золотистый парик.

— Готов, — проговорил он, подымаясь. В этот самый момент часы показывали ровно десять.

Из решетчатого звукоизолирующего потолка студии полилась музыка, сопровождающая лекции Конута; аудитория притихла. Конут занял место за кафедрой, кланяясь, улыбаясь и нажимая на педаль суфлера, пока тот не занял свое место.

Класс был полон. По мнению Конута, присутствовало более тысячи студентов. Он любил читать лекции перед большим полным залом, отчасти как приверженец традиций, отчасти из-за того, что по лицам слушателей мог опреде-

лить, хорошо ли излагает материал. Этот класс был одним из его любимых. Он живо реагировал на настроение лектора, но не заходил слишком далеко. Здесь не смеялись слишком громко, когда он включал в свой рассказ одну из традиционных академических шуток, не кашляли и не шептались.

Пока ведущий объявлял лекцию в эфир, Конут обвел аудиторию взглядом. Он увидел Эгерта, который с расстроенным и раздраженным лицом что-то шептал девушке, которая утром была в столовой. Как же ее зовут? А, Лусилла. «Повезло парню», — отрешенно подумал Конут, и тут его мысли захватила Биномиальная теорема, как всегда оттеснив остальное на второй план.

— Доброе утро, — произнес он. — Приступим к занятиям. Сегодня мы будем изучать связь треугольника Паскаля с Биномиальной теоремой.

Сопровождая его слова, по залу поплыла музыка. На мониторе за спиной Конута появились горящие буквы p+q.

— Полагаю, все вы помните, что такое Биномиальная теорема, если, конечно, не прогуливали лекций.

По аудитории прошелся легкий смешок, стихнувший сразу, как только схлынула легкая

веселость.

— Степени $p+q$ — это, конечно, их квадрат, куб, четвертая степень и так далее.

Невидимая рука начала записывать золотом на экране результат умножения $p+q$ на себя.

— p плюс q в квадрате равно p в квадрате плюс два pq плюс $д$ в квадрате, p плюс q в кубе…

На экране появилась запись: $p^3+3p^2q+3pq^2+q$.

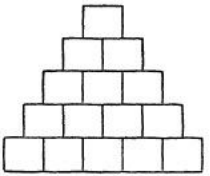
— Не правда ли, ничего сложного?

Конут сделал паузу, а затем невозмутимо продолжил:

— Но если так, то почему Стики Дик утверждает, что пятьдесят процентов из вас не выдержали последнего теста?

Раздалось более оживленное хихиканье с парой громких смущенных смешков из задних рядов. Да, это был чудный класс!

Буквы и цифры исчезли с экрана, их сменила забавная выразительная фигурка каменщика, приступившая к постройке кирпичной пирамиды.



— Забудем на минутку о теореме, для некоторых из вас это не составит большого труда.

По залу вновь прокатился смешок.

— Рассмотрим треугольник Паскаля. Сейчас мы построили его в виде кирпичной стены, однако не стоит торопиться, друзья.

Каменщик остановился и изумленно повернулся к аудитории.

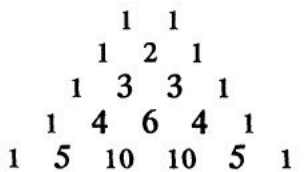
— Только мы начнем не снизу. Мы будем строить ее сверху вниз.

Каменщик сделал комический жест и, пожав плечами, стал стирать стену взмахами мастерка. Потом он подвесил в воздухе первый кирпич и начал пристраивать к нему пирамиду снизу.

— И мы будем строить ее не из кирпичей, а из чисел, — добавил Конут.

Каменщик выпрямился, сбросил стену с экрана, но прежде, чем исчезнуть вслед за ней, показал Конуту язык. А на мониторе появилась картинка с живыми персонажами: университетский

футбольный стадион с заполненными трибунами, причем каждый болельщик держал в руках плакат с числом, вместе плакаты образовывали треугольник Паскаля:



Конут повернулся к экрану, чтобы полюбоваться конструкцией, впервые написанной столетия назад.

— Как вы заметили, каждое из чисел пирамиды равно сумме двух чисел, стоящих на строку выше. Треугольник Паскаля — нечто большее, чем красивая конструкция. Он представляет… — Конут видел, что увлек аудиторию. Лекция проходила прекрасно.

Он взял указку с железным наконечником со стола, где были разложены традиционные принадлежности лектора: нож для разрезания бумаги, ножницы, карандаши. Эти вещи лежали здесь только для вида, чтобы осуществлять аудио-визуальное воздействие на зрителей. С

указкой в руках Конут начал объяснять своей трехмиллионной телеаудитории соотношение между треугольником Паскаля и Биномиальным распределением.

Каждая черточка на лице Конута, каждое движение балерин, появившихся теперь на экране и тоже олицетворяющих числа, схватывались нацеленными на них камерами, преобразовывались в высокочастотные импульсы и передавались в эфир.

Число слушателей Конута не ограничивалось тысячей сидящих в аудитории студентов-избранных, которым позволено посещать Университет лично, — его видели три миллиона людей, разбросанных по всему миру. В ретрансляционной башне порта Мон Маут старший инженер смены Сэм Генсел внимательно следил за танцем пяти девушек из четвертого ряда треугольника, на которых накладывались электронные символы:

$p^4+4p^3q+6p^2q^2+q^4$.

Его не интересовал тот удивительный факт, что коэффициенты разложения $(p-q)^4$— 1, 4, 6, 4, 1 — те же, что и числа в четвертой строке, но его очень беспокоило то, что изображение слегка подрагивает. Он повернул регулятор, нахмурился, повернул обратно, щелкнул выключателями,

приводящими в действие дублирующую цепь, и удовлетворился, получив более четкое изображение. Видимо, где-то в основной цепи перегорела трубка. Он взял телефон и позвонил в ремонтную службу.

Прошедший корректировку сигнал поступал на ретрансляционный спутник для передачи по всему миру.

А в это время в поселении Сэнди Хук мальчик по имени Роджер Хоскинс, с серьезным видом нюхая рыбу, приостановился в дверях, чтобы взглянуть на экран. Роджер был постоянным зрителем, хотя его интересовала не математика, а возможность увидеть среди студентов свою удачливую сестру, которая изредка приезжала домой на выходные. Мама всегда радовалась, когда Роджер говорил ей, что мельком видел сестру по телевизору.

В яслях у подножия Манхэттена три малыша тоже смотрели на экран, грызя рассыпчатые крекеры, — усталый воспитатель обнаружил, что их привлекает мелькание цветов на экране.

В то время как Конут излагал принципы Паскаля, на двадцать пятом этаже многоквартирного дома на острове Статен перед телевизором сидел водитель монокара Франк Моран. Моран немногое почерпнул из лекции. Он только что пришел

с ночной смены и задремал у телевизора.

Таких случайных или незаинтересованных зрителей было множество. Но гораздо больше было тех, кто увлеченно ловил каждое слово профессора. Ибо образование — это очень дорогое и полезное удовольствие.

Тридцать тысяч студентов университета были счастливчиками, они выдержали вступительные экзамены, которые с каждым годом становились все труднее. Сдать их удавалось одному из тысячи, это зависело не только от интеллекта, но, прежде всего, от наличия способностей, которые делают обучение в Университете полезным для общества. Потому что каждый должен трудиться, принося максимальную пользу. Людей слишком много, и позволять кому-то бездельничать — непростительная роскошь. Ведь на Земле, способной вместить три биллиона человек, живет двенадцать биллионов.

Телеаудитория Конута тоже сдавала экзамены, и самые способные получали возможность обучаться в стенах Университета. Конечно, с таким огромным количеством студентов профессора справиться не могли. Для этого существовал Стики Дик. Его электронный мозг обрабатывал данные тестов, выставлял усредненные оценки и

выдавал дипломы студентам, которых преподаватели никогда не видели.

Конечно, шансы обучающихся по телевидению были невелики. Но для этих молодых людей, занятых однообразным трудом на производстве или в сфере обслуживания, важно было иметь надежду.

Например, юноша по имени Макс Стек уже внес небольшую лепту в теорию нормированных рядов. Но недостаточную. Стики Дик вынес решение, что ему не под силу математика. Максу рекомендовалось писать эротическую прозу, так как анализаторы Стики Дика нашли, что у него похотливое воображение и творческие наклонности. И таких, как он, были тысячи.

Или, например, Чарльз Бингем, рабочий генераторной установки на Четырнадцатой улице. Математика со временем могла бы помочь ему стать инженером по надзору. Но вероятность весьма мала — уже сейчас на это место претендовало более пятидесяти кандидатов. Людей с надеждами, как у Чарльза, было полмиллиона.

Сью-Энн Флуд — дочь фермера. Ее отец летает на вертолете над вспаханными полями, сеет, поливает, удобряет. Он знает: обучение в колледже не поможет его дочери попасть в Университет.

И Сью-Энн тоже это знает. Стики Дик учитывает способности и таланты, а не образование. Но ей всего четырнадцать лет, и Она еще надеется. Таких, как она, более двух миллионов, и каждый уверен, что повезет именно ему.

Все эти люди составляли незримую аудиторию Мастера Конута. Но были и другие. Один в Боготе и один в Буэнос-Айресе. А еще один, в Саскачеване, произнес, глядя на экран:

— Ты опростоволосился сегодня утром.

Еще один, пролетая высоко в горах, сказал:

— Может, попробуем справиться с ним сейчас?

И еще один, лежа перед телевизором на очень мягкой подушке всего за Четверть мили от Конута, ответил:

— Стоит попробовать. Этот сукин сын сидит у меня в печенках.

Объяснить связь между треугольником Паскаля и Биномиальным разложением — довольно трудная задача, но Конут успешно справился с ней. Ему помогли маленькие мнемонические аллитерации Мастера Карла, но больше всего помогло то огромное удовольствие, которое Конут получал от самого процесса. В конце концов, в этом заключалась вся его жизнь. Читая лекцию, он вновь чувствовал ту жажду знаний, какую

испытывал, когда сам сидел в этом зале, будучи студентом. Он услышал слабый гул аудитории, когда на минуту положил указку, чтобы освободить руку для жеста, а затем, не глядя, взял ее вновь, продолжая объяснения. Преподавание математики было для него разновидностью гипноза, сильной, всепоглощающей страстью, без остатка забирающей внимание и силы. Впервые он испытывал подобное чувство, когда начал читать лекции своему первому классу. Это его состояние было отмечено Стики Диком, и Конут стал полным профессором в тридцать лет. Конут и сейчас не переставал удивляться такой загадочной вещи, как числа, с помощью которых можно выразить все на свете, но еще большее удивление вызывал тот факт, что они покорно служат человечеству.

Класс гудел и шептался. Конута неприятно поразило, что студенты шумят больше обычного.

Он обвел зал отсутствующим взглядом. У него зачесалась шея. Машинально Конут стал почесывать ее наконечником указки. Сменяющиеся на экране иллюстрации не давали ему сбиться, заставляя продолжать, и он подхватил нить изложения, не обращая внимания на зуд и гул…

Затем он снова запнулся.

Что-то было не так. Класс гудел громче. Сидящие в первом ряду смотрели на него с застывшим, непривычным выражением. Зуд стал нестерпимым. Конут снова почесал, но зуд не прекращался, и тогда, не задумываясь над тем, что делает, он ткнул в это место указкой. Нет. Не указкой. Чудно, указка-то лежит на столе, подумал он.

Внезапно горло пронзила острая боль.

— Остановитесь, Мастер Конут! — закричал кто-то.

Это была девушка… С опозданием он узнал голос, голос Лусиллы, и увидел, что та вскочила на ноги, а за ней и половина класса. Его горло быстро охватила жгучая боль. Теплая щекочущая струйка побежала по груди — кровь! Из его горла! Конут изумленно взглянул на предмет в своей руке и увидел, что это совсем не указка, а нож для разрезания бумаги, стальной и острый. Смущенный и испуганный, он повернулся и пристально посмотрел на экран. Оттуда глядело его собственное растерянное лицо, от пореза на шее тянулась узкая темная дорожка.

Три миллиона зрителей раскрыли рты от изумления. Половина класса, и Эгерт с девушкой впереди всех, бросились к Конуту.

— Ничего страшного, сэр. Разрешите мне… —

это был Эгерт, он уже прижимал к ране кусок материи. — Все будет в порядке, сэр, артерия не задета.

Не задета… Он едва не перерезал артерию прямо перед классом, на глазах у всего мира! Убийца в его мозгу становился все сильнее и увереннее; настолько, что отважился напасть среди бела дня.

Глава 4

Теперь Конут был меченым в буквальном смысле слова.

Его шею охватывала аккуратная белая стерильная повязка, и медики бодро уверяли, что когда ее снимут, останется только красивый рубец. Они требовали, чтобы Конут остался для полного психофизиологического обследования, но он отказался. Они спросили: «Вы предпочитаете умереть?» Он ответил; «Я не собираюсь умирать». Тогда они спросили: «Но как вы можете быть уверены?» Однако Конут сознавал, что никакая клиника не сможет оградить его от смертельной угрозы, и был полон решимости бороться сам. Конут злился на назойливых медиков, на себя за нелепое поведение, на Эгерта за то, что тот остановил кровь, на Лусиллу за то, что она все видела… Словом, он совершенно потерял терпение и был зол на весь мир.

Большими шагами Конут двинулся к Башне Математиков; он не глядел по сторонам, словно лошадь в шорах, так как прекрасно знал, что увидит. Любопытные взгляды! Всё, кто только есть во дворе, пялят на него глаза и перешепты-

вается. Взгляд Конута случайно упал на какого-то студента, который благоразумно занялся своими делами (только что он буквально пожирал своего преподавателя глазами, полными любопытства, но едва только заметил, что внимание Мастера обратилось на него, сделал вид, что поглощен своими проблемами и Конут его нисколько не интересует). Нужно отдохнуть хотя бы полчаса. Медики рекомендовали Конуту отдых. Переводя дух и ощущая боль в напряженных мускулах, он вошел в свою комнату чтобы последовать их совету.

Он провел весь день лежа в кровати и размышляя, глядя в потолок, но это ни к чему не привело. Дурацкое утреннее происшествие так раздражало его, что он не мог ни на чем сосредоточиться.

Но несмотря на предостережения медиков, без четверти пять он надел чистую рубашку и отправился на факультетское чаепитие.

Чаепитие было чем-то вроде проводов в Полевую Экспедицию. Присутствие на нем было обязательным, в особенности для тех, кто, как Конут, являлся ее участником. Но Конут собрался туда по другой причине. Он рассчитывал использовать последний шанс отказаться от поездки.

В огромном сводчатом зале собрались три

сотни человек. Помещения Университета впечатляли своими размерами. Это была традиция, как и карандашные пометки на полях книг университетской библиотеки. Когда Конут вошел в зал, присутствующие, метнув на него взгляд, быстро отводили глаза — кто с приглушенным смешком, кто с сочувствием, в лучшем случае — с деланным безразличием. «Хватит думать о сплетнях, — решил Конут. — Наплевать. Можно подумать, ни один профессор до этого не пытался покончить жизнь самоубийством». Он не мог не слышать шепота за спиной:

— …Уже седьмая попытка. Знаешь, он доведен до отчаяния, ведь он хочет стать главой факультета, а старый Карл не уступает своего места.

— Перестань, Эсмеральда! Вечно ты повторяешь чьи-то выдумки. Ты же сама знаешь, что это неправда!

Невольно подслушав такой диалог, Конут с пылающим лицом быстро двинулся дальше. Ему казалось, что он, как факир, идет по раскаленным углям.

К счастью, для бесед за чаем были и другие темы, и некоторые обрывки разговоров, дошедшие до ушей Конута, совсем его не касались.

— …Хотят, чтобы мы обходились одним трева-

троном, которому уже четырнадцать лет. А вы знаете, сколько их у китайцев? Шесть совершенно новеньких. И чистое серебро для проводов!

— Да, но китайцев два биллиона. На душу населения у нас ситуация лучше…

Конут остановился посреди жующей, болтающей, волнующейся толпы и стал искать глазами Мастера Карла. Наконец он увидел, что глава отделения беседует с Президентом Университета Эстом Киром, чья древняя фигура выглядела здесь довольно странно. Конут был поражен. Из-за старости и нездоровья Эст Кир весьма редко показывался на факультетских чаепитиях. Значит, сегодня какой-то особый случай. Как бы то ни было, присутствие столь высокого начальства могло облегчить Конуту его задачу — получить освобождение от экспедиции.

Конут начал пробираться к Мастеру Карлу и Президенту. Сначала ему пришлось обойти приземистого подвыпившего мужчину, который нашептывал непристойности весьма недовольной студентке из обслуживания, потом путь Конуту преградила тесная группа анатомов из Мед-школы.

— Заметь, какие подходящие трупы мы теперь получаем. Такой удачи не было со времен послед-

них военных действий. Конечно, они не лучшего качества, разве что для гериатрии, но там есть селективная эутоназия для тебя.

— Взгляните, что вы делаете со своим мартини!

Конут постепенно приближался к Мастеру Карлу и Президенту. Чем ближе он подходил, тем легче было двигаться дальше. Вокруг Президента толпа заметно редела.

Он был центральной фигурой собрания, но гости старались держаться от него подальше — уж таким он был человеком.

Дело в том, что Эст Кир был самым безобразным человеком в зале.

Среди присутствующих имелось немало таких, кого нельзя было назвать красавцами, — старых, толстых или больных, но Эст Кир представлял собой нечто особенное. Самый отталкивающий вид имело его лицо. Изрезанное глубокими старыми рубцами, оно напоминало потрескавшуюся сырную корку. Откуда эти шрамы? Никто не знал их происхождения. И никто не помнил, чтобы Эст Кир выглядел иначе. А кожа у него была голубоватого оттенка.

Рядом с ним стояли Мастер Гринлиз (физическая химия) и Мастер Уол (антропология); первый

— потому, что Карл держал его под руку и не давал уйти, а второй — потому, что был слишком пьян, чтобы обращать внимание на внешность собеседника. Эст Кир, как маятник, четырежды кивнул Конуту.

— Хо-рошая погода, — выдавил он голосом робота.

— О да, сэр. Простите. Послушай, Карл…

Эст Кир поднял висевшую вдоль тела руку и вяло вложил ее в ладонь Конута, изображая рукопожатие. Затем разомкнул сморщенные губы и издал серию глотательных звуков — они заменяли довольное хихиканье.

— Это бу-дет неблаго-приятная по-года для Мас-тера Уола, — добавил он, отсчитывая слоги, как метроном. Такова была манера Президента шутить.

Конут ответил вежливой улыбкой и коротким искусственным смешком. Объектом насмешек было назначение Мастера Уола в состав Полевой Экспедиции. Конут решил, что это неудачная шутка: во-первых, она задевала его самого, а во-вторых, его голова была сейчас слишком занята другими мыслями, чтобы оценивать юмор Президента.

— Карл, извини, пожалуйста, — начал Конут,

но и у Мастера Карла голова была занята другим: по неизвестной причине он изводил Гринлиза дотошными расспросами о структуре молекулы. Эст Кир тем временем упорно держал Конута за руку.

Конуту не оставалось ничего другого, как оставаться на месте и ждать; он с трудом подавлял растущее раздражение. Уол, хихикая, пересказывал какую-то факультетскую шутку, Эст Кир внимал с видом знатока. Конут избавил себя от неприятной обязанности вникать в разговор и уделять внимание Эсту Киру. Мерзкий старый слизняк! Это первое, что при его виде приходит в голову. Конечно, можно объяснить некоторые странности его внешности, скажем, больным сердцем. Это подошло бы и в качестве объяснения голубизны кожи. Но, если так, почему ему не сделали операцию?

Кроме того, некоторым вещам трудно было найти объяснение. Например, совершенно неподвижное лицо, безжизненный голос, выделяющий окончания слов и не делающий ударения ни на одном слоге; Эст Кир говорит как заводная кукла. Может, он туговат на ухо? И это человек, которому подчиняется весь Университет, включая клинику на восемьсот коек!

Уол наконец заметил присутствие Конута и ткнул его кулаком в плечо. Поразмыслив, Конут решил, что это знак расположения.

— Ты все еще пытаешься покончить с собой, приятель? — спросил Уол и икнул. — Не расстраивайся. Вы знаете, Президент, это ошибка — посылать его с нами на Таити. Он не любит Таити.

— Полевая Экспедиция отправляется не на Таити, — теряя последнее терпение, возразил Конут.

Уол пожал плечами.

— Так смотрим на вещи мы, антропологи. С нашей точки зрения, один острой похож на другой как две капли воды.

Он насмехался даже над своей профессией! Конут был возмущен. А рядом стоял Эст Кир, который, казалось, ничего не замечал и ни о чем не думал. Он наконец высвободил руку из ладони Конута и небрежно положил ее на покачивающийся локоть Уола. В другой руке он держал полный стакан виски с содовой, который, как заметил Конут, всегда оставался нетронутым. Эст Кир не пил и не курил (даже табак). Более того, Конуту ни разу не довелось увидеть, чтобы Президент дважды посмотрел на привлекательную девушку.

— Послу-шайте, — как всегда замедленно произнес Эст Кир, поворачивая Уола лицом к Карлу и химику. — Это интересно.

Карл не обращал внимания ни на Президента, ни на Конута. В данный момент окружающее его совершенно не интересовало, так как рядом находился химик, наверняка знающий ответы на его вопросы. Информация была рядом, и Карл должен был ее получить.

— Кажется, мне не удастся разобраться самому. Что я хотел бы знать, Гринлиз, так это каким образом можно точно визуализировать структуру молекулы. Вы понимаете, что я имею в виду? Например, какого она цвета?

Химик с надеждой взглянул на Президента, но тот был слишком увлечен беседой.

— Хорошо, — покорно сказал Гринлиз. — Уфф! В данном случае нельзя оперировать понятием цвета. Слишком велика длина излучаемых волн.

— А, понимаю, — Карл был зачарован. — Ну а как насчет формы? Мне доводилось видеть искусственные модели. Ну, те, в которых атомы представлены в виде маленьких шариков и соединяются гибкими стерженьками, изображающими, как мне кажется, соединяющие атомы силы. Это соответствует действительности?

— Не совсем. Объединяющие силы действительно существуют, но вы не можете их видеть или, возможно, вы бы их увидели (Гринлиз, как и большинство присутствующих, знал чуть больше, чем достаточно; не в его характере было объяснять внутримолекулярные взаимодействия по искусственным моделям, да еще и профессорам, которые, каков бы ни был их вклад в теорию чисел, полные профаны в физической химии), если бы вам удалось увидеть сами атомы. И то, и другое одинаково невозможно. С таким же успехом можно представить в виде стержней силы тяготения, удерживающие Луну над Землей. Давайте лучше представим… Вы знаете, что такое «валентность»? Нет? Ну что же, а известно ли вам из атомной теории, какое значение имеет количество электронов в… нет лучше подойдем с другой стороны…

Он умолк. По выражению его лица нетрудно было догадаться, что он просто в ярости от того, что вынужден отвечать на глупые вопросы Карла — так охотник на слонов, согнувшийся под тяжестью автоматической винтовки «Экспресс-400», отражает атаки голодного москита. Похоже, химик собирался изложить теорию атома начиная с исследований Бора, а заодно и познакомить

собеседника с воззрениями Демокрита.

— Ват что я предлагаю, — наконец нашелся Гринлиз, — давайте подождем до завтра. У меня есть несколько снимков, сделанных с помощью электронного микроскопа.

— Замечательно, — с воодушевлением воскликнул Карл. — Да, но завтра меня не будет, — улыбнулся он Эсту Киру, — я должен отправиться с Полевой Экспедицией. Раз так, отложим беседу до моего возвращения. Но не забудьте, Гринлиз, — сразу, как я вернусь.

И Карл тепло пожал руку химику, который поспешил откланяться.

— Именно об этом я хотел с тобой поговорить, — злобно прошипел наконец добравшийся до Карла Конут.

Карл ответил ему крайне удивленным, но благосклонным взглядом.

— Я не знал, Конут, что ты интересуешься моими скромными экспериментами. Польщен, польщен. Знаешь, я, например, всегда думал, что молекула серебра черная или серебряная. Но, похоже, я ошибался. Гринлиз говорит…

— Нет, я не об этом. Я имел в виду Полевую Экспедицию. Я не могу ехать.

Сторонний наблюдатель заметил бы, что все

внимание Эста Кира, после того как он несколько минут назад утратил интерес к беседе Карла и Гринлиза, было обращено на Уола. Но голова старика реагировала на происходящее, как параболическая антенна: заслышав Конута, он тут же повернулся к нему.

— Ты дол-жен ехать, Ко-нут, — протикал он, как метроном.

— Должен?

— Конечно, Конут. Желаю тебе успеха, — произнес Карл и, повернувшись к Эсту Киру, добавил. — Не обращайте внимания, Президент. Он непременно поедет.

— Но я почти завершил работы по Вольграну…

— А заодно и попытки самоубийства, — мышцы в углах рта Президента попытались растянуть губы в подобии улыбки.

— Сэр, но я совсем не хотел… — с досадой начал объяснять Конут.

— Ты не хо-тел этим ут-ром…

— Конут, успокойся, — прервал их Карл. — Ах, Президент, конечно, это очень огорчительно. Я должен дать вам полный отчет и, уверен, мы сможем расценить это как несчастный случай. Возможно, все вышло нечаянно. Не так уж трудно ошибиться и взять в руки острый нож вместо

указки.

— Но я… — снова начал Конут.

— Он дол-жен ехать в лю-бом слу-чае.

— Конечно, Президент. Ведь ты согласен, Конут?

— Но…

— Прошу вас выле-теть на голов-ном само-лете. Я хочу ви-деть вас на мес-те, когда при-буду на посадку.

— Решено, так и сделаем.

Конут открыл было рот, однако не сумел больше произнести ни слова в свою защиту — из толпы вынырнули мужчина и женщина. Напряженность и скованность, с которыми они держались, выдавали в них горожан. Мужчина был репортером одного из каналов телевидения, женщина — держала в руках фотоаппарат.

— Президент Эст Кир? Спасибо за приглашение. Безусловно, ваше возвращение из экспедиции будет снимать целая бригада репортеров и операторов, но почему бы не сделать несколько снимков прямо сейчас? Как я понял, вы отобрали семерых аборигенов на острове. Это правда? Конечно, их там целое племя, но сюда будут вывезены семеро. Кто же возглавит экспедицию? Вы лично? Несомненно, это лучшее решение.

Милли, ты уверена, что снимки Президента выйдут удачно?

Большой палец руки репортер держал на кнопке диктофона, записывая сообщение: девять преподавателей факультета отправятся в экспедицию, чтобы привезти в Университет семерых аборигенов. Экспедиция стартует на двух самолетах в девять вечера, чтобы прибыть на место назначения рано утром по местному времени. Он также отметил, что будущие исследования сулят важные открытия в области антропологии.

Конут отвел Мастера Карла в сторону.

— Я не хочу ехать! В конце концов, какого черта этим должны заниматься математики?

— Ну, пожалуйста, Конут. Ты же слышал, что сказал Президент. Да, там нечего делать математикам, но это традиционная поездка и удобный случай поднять свой авторитет. И ты не должен пренебрегать этим при сегодняшних обстоятельствах. Ты же видишь, слухи о твоих, гм, приключениях уже достигли его ушей. Не провоцируй конфликтов с начальством.

— А что будет с Вольграном? И как быть с моими, гм, приключениями? Даже здесь я почти убил себя, хотя сделал все, чтобы предотвратить это. Как я обойдусь без Эгерта?

— С тобой буду я.

— Нет, Карл?

— Ты поедешь, — четко выговаривая слова, произнес Карл, и глаза его вновь засияли.

Конут с минуту выдерживал этот непреклонный взгляд, потом сдался. Когда у Карла такие глаза и такой тон, спорить не имеет смысла. А Конут любил старика и никогда не спорил с ним понапрасну.

— Хорошо, я поеду, — угрюмо произнес он.

Конут быстро уложил вещи — это заняло всего несколько минут — и вернулся в клинику: взглянуть, свободна ли диагностическая комната. Но она была занята. Времени у Конута оставалось очень мало, первый самолет вылетал меньше чем через час, но он упрямо уселся в приемной. Какая-то вялость охватила его, и он даже не смотрел на часы.

Когда место освободилось, дело пошло быстро. Машина автоматически измеряла и изучала параметры жизнедеятельности организма, хроматографировала спектральные характеристики крови, испытательная платформа наклонилась так, чтобы Конут мог сойти с нее, а пока он одевался, его осматривал фотоэлектрический глаз. Затем открылась дверь в коридор, и записанный

на пленку голос проговорил: «Благодарю вас. Подождите, пожалуйста, в приемной».

Там и нашел Конута обеспокоенный Мастер Карл.

— О Боже, мой мальчик! Ты знаешь, что самолет вот-вот взлетит? А ведь Президент особо подчеркнул, что мы должны отправиться на первом самолете. Пойдем, нас ждет скутер…

— Извини, я не могу.

— Не можешь? Что это значит, черт возьми? Пошли!

— Я согласен ехать и поеду, — вяло проговорил Конут, — но раз уж возникло предположение, которое, кстати, разделял и ты, что врачи помогут мне защититься от попыток самоубийства, я не собираюсь уходить отсюда, пока они не скажут, что делать. Я жду результатов обследования.

— О! Мастер Карл взглянул на настенные часы. — Понимаю. — Он задумчиво уселся рядом с Конутом. Внезапно Карл усмехнулся: — Хорошо, мой мальчик. Думаю, Президент не сможет оспорить такую причину.

Конут немного успокоился.

— Ну, ладно, Карл, ты иди. Незачем нам вдвоем волноваться из-за пустяков.

— Волноваться? — переспросил Карл с самым

безмятежным и веселым видом. Конут понял: Карлу в конце концов пришло в голову, что эта поездка — нечто вроде каникул, поэтому он стал вести себя легкомысленно, как отпускник.

— В самом деле, из-за чего нам беспокоиться? У тебя есть хорошая причина, чтобы задержаться, а у меня — чтобы подождать тебя. Знаешь, Президент все время подгоняет работу над распределением Вольграна. По-моему, он весьма заинтересован в ней. А так как я не нашел материалов в твоей комнате, то подумал, что они у тебя в сумке, и теперь жду, когда эта сумка отправится в путь.

— Но моя работа далека от завершения, — запротестовал Конут.

Карл в ответ только подмигнул.

— Неужели ты думаешь, он это заметит? Будет замечательно, если он хотя бы взглянет на нее!

— Ну, хорошо, — с неохотой согласился Конут, — но откуда, черт возьми, ему вообще про нее известно?

— Конечно, это я ему сказал. За последние несколько дней у меня не раз была возможность поговорить с Президентом о тебе.

Вдруг лицо Карла омрачилось.

— Конут, — сказал он сурово, — ведь мы не

можем оставить все как есть, правда? Ты должен упорядочить свою жизнь. Я вижу только один способ: тебе надо жениться.

— Мастер Карл! — взорвался Конут, — вы не имеете права вмешиваться в мои личные дела.

— Поверь мне, мой мальчик, — Карл старался говорить как можно убедительнее, — затея с Эгертом не спасет тебя надолго. А заключив тридцатидневный брак, ты получишь жену, которая, несомненно, убережет тебя от любой опасности.

Конут в это время подумал, что ему осталось всего три недели до завершения исследований.

— Вне всякого сомнения, тебе нужна жена. Мужчина не должен идти по жизни один, — втолковывал Карл.

— А как же ты? — перебил его Конут.

— Я стар, а ты молод. Скажи, ты был женат когда-нибудь?

Конут упрямо молчал.

— Ты согласен? В Университете так много замечательных девушек. И каждая будет рада твоему предложению. Повторяю: каждая!

Меньше всего Конут хотел предаваться мечтаниям на тему, которую развивал сейчас Карл, но это происходило помимо его воли.

— Кроме всего прочего, она будет с тобой все

время, в самые опасные моменты. Ты перестанешь нуждаться в Эгерте.

Конут отвлекся от мечтаний и направил свои мысли в более привычное и менее заманчивое русло.

— Я подумаю об этом, — сказал он наконец, как раз в тот момент, когда появился медик, держа в руках заключение, две коробочки с пилюлями и пачку листов бумаги. Заключение было негативным, все показатели ниже нормы. Пилюли? Они на всякий случай, сказал медик. Вреда от них никакого, а помочь могут.

А стопка бумаг… На верхнем листе значилось: «Конфиденциально. Экспериментальные материалы. Исследование случаев самоубийства среди преподавателей факультета».

Конут накрыл бумаги рукой, прервав врача, который пытался объяснить, как нужно принимать таблетки, и скомандовал:

— Поехали, Карл! Мы еще можем успеть.

Однако успеть на самолет им не удалось. Они гнали скутер вовсю, но добрались до взлетной полосы, когда реактивный самолет с вертикальным взлетом с первым отрядом Полевой Экспедиции на борту уже оторвался от земли.

Против ожиданий Конута Карл ничуть не рас-

строился.

— Ну и ладно, — сказал он, — у нас была уважительная причина. Другое дело, если бы мы опоздали ни с того ни с сего. Во всяком случае, — тут он снова подмигнул сам себе уже второй раз за последние четверть часа, — это дает нам шанс отправиться на личном самолете Президента. Ты доволен? Прекрасный случай для нас, простых смертных, вкусить настоящей жизни! — Карл собрался было разразиться довольным смехом, но только беззвучно раскрыл рот. Над их головами раздался звук, напоминающий грубый кашель гиганта, и все вокруг осветила яркая вспышка. Конут и Мастер Карл подняли глаза. Небо было объято пламенем: там, вверху, что-то рассыпалось на горящие куски и падало на землю большими белыми лоскутами.

— Боже, — тихо произнес Конут, — да это же наш самолет…

Глава 5

— Без стыда, — задумчиво проговорил Мастер Карл, — я жаждал твою любовницу…

Он скосил глаза в иллюминатор, смакуя произнесенное выражение. Хорошо. Без сомнения, это хорошо. Но вот насколько хорошо?

Его внимание привлекло нагромождение кучевых дождевых облаков далеко внизу. Он вздохнул. Настроение было совершенно нерабочее. Все остальные пассажиры, по-видимому, спали. Или пытались уснуть. Только Эст Кир, сидящий далеко впереди, опираясь на надувные подушки в полукруглом кресле-качалке, выглядел не более сонным, чем всегда. Но с ним лучше было не заговаривать. Карл давно понял, что, независимо от собеседника, любит свернуть в разговоре на обсуждение какого-нибудь собственного исследования в области теории чисел. А так как в этом он понимает больше, чем любой из живущих на земле, разговор превращается в лекцию. Эсту Киру это не по душе. Он давным-давно объяснил Карлу, что не желает, чтобы его учили им же самим нанятые преподаватели.

И к тому же он был в плохом настроении.

«Очень странно», — подумал Мастер Карл. Его негодование почти без остатка вытеснил дух научного исследования: ведь Эст Кир прямо-таки набросился на них без видимых причин. Это не могло быть вызвано их опозданием на самолет — если бы они успели, их сейчас не было бы в живых, как экипажа и четырех студентов, находящихся на борту. Однако Эст Кир пришел в ярость, он хрипел и задыхался, а голые брови гневно хмурились.

Мастер Карл отвел взгляд от окна и оставил мысли об Эсте Кире. Пусть дуется. Карл не любил проблемы, не имеющие решений, «Без стыда я жаждал твою любовницу». Не лучше ли продолжить сочинение песни?

Тут он ощутил, что кто-то дышит ему в затылок, обдавая запахом пива.

— Я рад, что ты проснулся, Уол, — проговорил он, оборачиваясь. Его лицо очутилось в нескольких дюймах от нависающей над ним физиономии антрополога. — Я хотел бы узнать твое мнение. Как тебе кажется, какую фразу легче запомнить: «Без стыда я жаждал твою любовницу» или «О, прыжок к числу сумм квадратов»?

Уола передернуло.

— Ради Бога. Я только что проснулся.

— Ерунда. Думаю, это даже к лучшему. Основная идея такова, чтобы облечь мнемонику в форму, доступную человеку, находящемуся в любом состоянии, включая, — добавил Карл деликатно, — и расстройство желудка.

Карл развернул кресло к Уолу, постукивая по своей тетрадке, чтобы указать на исписанную каракулями страницу.

— Ты разбираешь мой почерк? Как видишь, идея заключается в том, чтобы обеспечить быстрое и удобное запоминание результатов перемножения кратных чисел. Тебе, без сомнения, известно, что все квадраты чисел могут оканчиваться на одну из шести цифр. И ни один квадрат не может кончаться на двойку, тройку, семерку или восьмерку. Отсюда моя первая и самая интересная идея — использовать мнемоническую строку «Нет, величина не квадрат». Я думаю, что ты заметил принцип. Три буквы в слове «нет», восемь в «величина», две в «не» и семь в «квадрат». Мне кажется, эту фразу легко запомнить и она самодостаточна. Полагаю, это большое достоинство.

— Да, конечно, — подтвердил Уол.

— Но, — продолжал Карл, — в ней есть и недостатки. Отрицание «нет» можно легко принять

за обозначение нуля, а не тройки по сумме букв. Поэтому я решил сменить подход. Квадрат может оканчиваться на ноль, единицу, четверку, пятерку, шестерку или девятку. Пусть восклицание «О!» обозначает ноль, тогда можно использовать фразу: «О, прыжок к числу сумм квадратов!» Как видишь, все слова в этой фразе имеют указанное количество букв. Извини, я так привык иметь дело со студентами, что склонен иногда объяснять излишне подробно. В этой мнемонической фразе есть все, чтобы рекомендовать ее для запоминания, но все-таки в ней чего-то не хватает — ну, изюминки, что ли.

Он смущенно улыбнулся.

— И вот просто на вдохновении я сочинил: «Без стыда я жаждал твою любовницу». Во всяком случае, эта фраза тоже подходит по количеству букв в словах.

— Да, действительно, — согласился Уол, потирая виски, — скажи, а где Конут?

— Ты понял, что «без» в данном случае означает ноль?

— А, вон он. Эй, Конут!

— Тише! Дай человеку поспать!

Карл был сбит с мысли. Он повернулся, чтобы взглянуть на кресло впереди, и, убедившись, что

Конут продолжает мирно похрапывать, успокоился.

Уол, залившийся было смехом, вдруг смолк и с выражением недоумения схватился за голову.

— Ты заботишься о нем, как о своем ребенке!

— Ты напрасно так шутишь…

— Ничего себе ребеночек! Я слыхал о людях, склонных к несчастным случаям, но это поистине фантастический экземпляр! Даже Джо Бифск не устраивал крушение самолета, на котором должен был лететь и на который не попал!

Мастер Карл подавил готовый прорваться наружу поток возражений, немного помолчал, чтобы восстановить душевное равновесие и подобрать подходящий ответ. Беспокойство все еще не покинуло его. Самолет слегка кренился, и далеко, у самого горизонта, поблескивали вспышки. Но нет, это была не гроза. Это другой реактивный самолет заходил на посадку по указаниям невидимого радиолуча.

Самолет немного покачивало, и Уолу по дороге в умывальную было очень трудно сохранять равновесие. Это разбудило Конута. Как только Карл заметил, что его подопечный пошевелился, он тотчас вскочил на ноги и следил за ним, пока тот не раскрыл глаза.

— Все в порядке? — спросил Карл, дождавшись.

Конут зажмурился, зевнул и потянулся всем телом.

— Думаю, да.

— Мы вот-вот приземлимся, — в голосе Карла слышалось облегчение. Нет, он не боялся. Для этого не было никаких оснований. Но все-таки существовала вероятность, что…

— Хочешь, я принесу тебе чашку кофе?

— Нет, спасибо. Не стоит. Через пару минут мы будем уже на земле.

Остров под ними скользнул назад, а затем наискось вперед, как лист, подхваченный ветром; по крайней мере, им так казалось — уж очень быстро он увеличивался в размерах. Уол вышел из умывальной и вытаращил глаза на хорошо различимые дома.

— Грязные лачуги, — проворчал он.

Внизу шел дождь — нет, вокруг самолета, — нет, уже над ними. Самолет окружали клочья облаков, а «лачуги», которые мельком увидел Уол, темнели прямо внизу. Вне облачного слоя шел дождь.

— Куче-вые обла-ка оро-графи-ческой[2] природы, — проговорил Эст Кир своим монотонным голосом прямо в ухо Мастеру Карлу. — Над островом по-чти всег-да тучи. Я наде-юсь, что шторм вас не бес-поко-ит.

— Он беспокоит меня, — проговорил Мастер Уол.

Они приземлились под пронзительный визг шасси по мокрому бетону взлетной полосы. К самолету тут же подбежал темнокожий коротышка с зонтом и, хотя дождь уже почти кончился, проводил их к административному зданию, неся зонт над головой Эста Кира.

Нельзя было не заметить, что положение и авторитет Президента делают свое дело. Вся группа беспрепятственно прошла таможенный контроль, темнокожие служащие даже не притронулись к их багажу. Один из инспекторов коротко оглядел гору оснащения Полевой Экспедиции, в которой был и портативный диктофон.

— Инструменты для исследований, — пропел он гортанным голосом, и остальные начали повторять его слова по цепочке, — инструменты… инструменты…

---

[2] Примечания: 2
Здесь: обусловленные особенностями рельефа.

— Но это мой личный багаж, — прервал их Мастер Карл, — и в Нем нет никаких инструментов для исследования.

— Простите, — дипломатично проговорил таможенник, но продолжал свой путь, повторяя над каждой сумкой те же слова; единственная уступка, которую он сделал после поправки Карла, — это понизил голос.

По Мнению Мастера Карла, таможенники устроили оскорбительный спектакль, и он пообещал себе высказать это кому-нибудь из начальства. У них не было ничего, даже отдаленно напоминающего инструменты, если не считать коллекции наручников, которую захватил с собой Уол, просто на случай, если аборигены заупрямятся и откажутся ехать. Карл подумывал, не отдать ли их на хранение Эсту Киру, но Президент в этот момент разговаривал с Конутом. Карл не хотел им мешать. Конечно, он не задумываясь прервал бы Конута, но отвлечь Президента Университета — совсем другое дело.

— Интересно, что это за здание, — поинтересовался Уол. — Правда, похоже на бар? Как насчет выпить?

Карл холодно покачал головой и вышел на улицу. Поездка не доставляла ему удовольствия.

«Жаль», — подумал он, так как понимал, что собирался в дорогу гораздо охотнее. Каждому нужно хотя бы иногда видеть что-нибудь, кроме университетских залов. Иначе можно стать старомодным и провинциальным, утратив контакт с огромной массой людей вне стен Университета. По этой причине Карл еще тридцать с лишним лет назад, когда только начал преподавать, взял за правило не менее раза в год совершать какую-то поездку или посвящать время какой-то проблеме, связанной с неакадемическим миром… Все предыдущие путешествия так же обманывали его ожидания, как и теперешнее, но раньше Мастер Карл никогда не задумывался над этим.

Он стоял в дверях под лучами яркого, жаркого солнца и смотрел на широкую улицу. «Грязные лачуги» вблизи оказались довольно опрятными, Уол назвал их так, повинуясь скорее плохому настроению, чем действительному состоянию вещей. «Они вполне ухоженные, — удивился Карл. — Хотя и не особенно привлекательные. Небольшие. Да, красотой тут и не пахнет, хотя вид у них довольно экзотический». Это были неуклюже сработанные сборные дома из какого-то прессованного волокна — скорее всего, местного производства, решил Мастер Карл; на

их изготовление шла мягкая сердцевина пальмовых деревьев.

Над головой прожужжал легкий вертолет, резко снизился и сел на мостовую, сложил лопасти и подкатил прямо к зданию. Водитель выпрыгнул из кабины и, резво обежав вертолет, открыл другую дверцу.

Странно. Водитель вел себя так, словно из вертолета собиралась ступить на землю, по меньшей мере, императрица Екатерина. Однако вышедшая блондинка ничем не напоминала великую леди и, по крайней мере на первый взгляд, казалась четырнадцатилетней девушкой. Карл поджал тонкие губы и скосил глаза на небо. Странно, снова удивился он, эта особа направляется прямо к нему!

Подойдя, особа заговорила металлическим голосом, который не мог принадлежать юной девушке.

— Ты — Карл. Давай садись в вертолет. Я жду ваших людей уже полтора часа, а к вечеру мне нужно вернуться в Рио-де-Жанейро. И поторопи этого старого козла Эста Кира.

К удивлению Карла, Эст Кир не уничтожил ее на месте. Напротив, он вышел и поприветствовал ее так любезно, насколько позволял его

замогильный голос, а потом молча, как старый знакомый, уселся с ней рядышком на переднее сиденье вертолета. Но это было еще не все. Карла изумило другое: особа вовсе не была молодой девушкой. При ближайшем рассмотрении она оказалась размалеванной старухой с подтянутой кожей лица, одетой в бермуды и коротко стриженной! Ну почему женщины не могут достойно встретить старость, как, например, Эст Кир или сам Мастер Карл?

И все-таки, раз она знакома с Эстом Киром, в ней должно быть что-нибудь хорошее, иначе что их связывает? Но довольно об этом: как бы то ни было, у Карла есть другая причина для беспокойства — куда-то делся Конут.

Вертолет собирался взлететь. Карл поднялся со своего места.

— Подождите! Одного не хватает.

Никто не обратил внимания на его слова. Старушенция в шортах что-то щебетала на ухо Эсту Киру своим странным голосом, который не могли заглушить даже последовательно запускающиеся двигатели.

— Президент! Прикажите пилоту остановиться.

Но Эст Кир и головы не повернул.

Карл заволновался. Он прижался лицом к стеклу, пытаясь разглядеть город, но вертолет был уже далеко. «Ничего не случилось, — пытался успокоить себя Карл, — никакой опасности нет. Нигде в мире нет враждебных туземцев. Ничего не случится. Конут здесь в такой же безопасности, как у себя в постели. В такой же, — неумолимо напомнила ему память, — но не более».

Конут опоздал на вертолет по той причине, что в это время потягивал пиво за пыльным столиком, стоящим на тротуаре. Впервые за невообразимо долгий срок его мозг отдыхал — а случалось ли с ним это вообще?

Он не думал ни об аномалиях, зафиксированных в статистических переписях законом распределения Вольграна, ни о предложении Карла вступить во временный брак, ни даже о том, что экспедиция — досадная помеха работе. Теперь, когда он здесь, поездка не казалась такой неприятной. Какое спокойствие вокруг. Похоже на рождение нового цветка.

Он прислушался к непривычной тишине и решил, что это хоть и непривычно, но довольно приятно. В нескольких сотнях ярдов, нарушив безмолвие, в небо поднялся какой-то самолет, но — вот удивительно — тишина сейчас же вер-

нулась.

У Конута появилась, наконец, возможность, которую он искал с тех пор, как покинул клинику полдня назад в десяти тысячах миль отсюда. Он заказал еще пива и достал из кармана пачку историй болезни, полученную в Медицинском Центре.

Их было больше, чем он ожидал.

Как признался врач, подобных случаев в Университете было около пятидесяти. Сейчас Конут держал в руках более сотни историй болезни. Он быстро просмотрел медицинские заключения и пришел к выводу, что проблема существует не только в их Университете, но и в школах, и даже вне научных кругов. Кажется, много случаев было среди членов Правительства. Двенадцать историй относились к персоналу одной телевещательной сети.

Он читал ничего не говорящие ему имена и изучал факты. Один работник телевидения восемь раз пытался закоротить хорошо защищенную цепь, прежде чем ему удалось убить себя этим способом. Он был счастлив в семейной жизни и со дня на день ожидал повышения по службе.

— Ancora birra?

Конут вздрогнул, но это была всего лишь офи-

цианткa, предлагающая еще пива.

— Хорошо, одну минуту.

Не было смысла постоянно отвлекаться, чтобы заказать очередной стакан.

— Принесите-ка пару бутылок.

Солнце поднялось высоко, облака медленно затягивали небо, прикрывая остров от палящих лучей, но над горизонтом небо оставалось безоблачно голубым. От жары и пива Конута клонило ко сну.

Он подумал, что должен попытаться догнать остальных. Или они решили продолжать путь без него? Мастер Карл, наверное, просто выйдет из себя.

Но Конуту было так хорошо здесь.

На этом маленьком острове он, без сомнения, легко нашел бы остальных, если бы захотел. Но у него еще осталось пиво и куча бумаг, и здесь, похоже, его никто не побеспокоит. Он прочел документы от начала до конца, но не нашел ни одного случая, где бы мания самоубийства не доконала человека за десять недель. Конуту до конца этого срока оставалось двенадцать дней.

— Вернитесь, — бушевал Мастер Карл в салоне вертолета. — Мы не можем оставить беднягу умирать!

Эст Кир недоуменно фыркнул. Старуха пронзительно прокричала:

— Нечего так о нем беспокоиться. В самом деле, вы что — хотите испортить ему жизнь? Дайте малышу возможность поразвлечься.

Карл сделал глубокий вздох и возобновил уговоры, но без толку — его спутники были настроены весьма легкомысленно и не желали смотреть на вещи серьезно. Карл тяжело опустился в кресло и уставился в окно.

Вертолет приземлился перед самым большим из сборных домиков. Окна в нем были застеклены и забраны решетками. Блондинка открыла рот, будто деревянная кукла, и прокричала:

— Выходите все! И побыстрее, я не могу ждать вас весь день.

Карл мрачно двинулся за ней к дому. Он все поражался, как мог, пусть хотя бы на мгновение и издалека, принять ее за подростка. Да, у нее яркие голубые глаза и белокурые волосы, но глаза все в красных прожилках, а волосы неопрятными желтоватыми космами падают на скулы. Черт с ней, сказал он себе и вновь забеспокоился о Конуте.

Процессия быстро поднялась по лестнице, миновала зарешеченную дверь и вошла в перегороженную двумя рядами решеток комнату.

— Вот аборигены, — объявил Эст Кир своим лишенным выражения голосом.

Оказалось, это местная тюрьма, состоящая всего из одной камеры, в которой копошилась дюжина или около того низкорослых мужчин и женщин со смуглой кожей. Детей среди них не было. «Нет детей, — подумал Мастер Карл, — но ведь они искали полное племя, чтобы сделать выборку. А здесь сплошные старики. Самые молодые выглядели, по крайней мере, лет на сто...»

— Посмотри внимательнее, — произнес размеренный голос Эста Кира, — здесь нет ни одного старше пятидесяти.

Мастер Карл вздрогнул. Опять Кир прочел его мысли! Не без зависти Мастер Карл подумал о том, как, наверно, прекрасно быть таким мудрым, таким опытным, все понимающим, чтобы угадывать мысли каждого, прежде чем они будут высказаны вслух. Это была та самая мудрость, которую, как надеялся Карл, его подчиненные когда-нибудь припишут и ему, но пока этого не произошло, и поэтому Карл испытывал легкую досаду, что Эст Кир достиг цели.

Карл раздраженно слонялся по коридору, глядя сквозь находящуюся под напряжением решетку на аборигенов. В комнату вошел одутловатый

толстяк. Сначала он поклонился блондинке, потом Эсту Киру, потом слегка наклонил голову, приветствуя Мастера Карла, и презрительно обвел взглядом остальных. Прекрасный пример того, как опытный человек может с первого взгляда определить значимость каждого из группы незнакомых ему людей.

— Я ваш переводчик, — объявил он. — Если вы хотите поговорить с аборигенами, сэр, то давайте приступим. Вон тот самый маленький немного говорит по-английски.

— Спасибо, — ответил ему Мастер Карл.

Угрюмого вида коротышка, на которого указал переводчик, был одет, как и остальные дикари, в драные шорты и куртку с короткими рукавами и нелепым тесно прилегающим воротником. Одежда выглядела очень старой, не просто поношенной, а именно старой. И женщины, и мужчины были одеты одинаково. Разными были только нашивки на воротниках и нарукавные повязки. Похоже, аборигены использовали воинские знаки различия. К примеру, воротник одной из женщин украшал красный матерчатый лоскут с золотой полосой; красная краска полиняла, а позолота загрязнилась, но когда-то цвета были яркими. На золотую полосу была нашита пяти-

конечная звезда из желтой материи. Коротышка, о котором говорил переводчик, носил красный лоскут с большим количеством золота и тремя тусклыми позеленевшими металлическими звездочками. Другой мужчина имел лоскут без полос с тремя матерчатыми звездами.

Эта троица — двое мужчин и женщина — выступила вперед, положила ладони на колени и поклонилась. Обладатель металлических звездочек с придыханием произнес:

— Таи-и Матасура-сан. Я капитан, сэр. Эти двое из моей команды: Хейко Икури и Джото-хей Шокуто.

Мастер Карл брезгливо отступил назад. Они улыбались! Дикари выглядели не то чтобы грязными, но какими-то запущенными: болезненно-желтые лица, кожа вся в шрамах, рубцах и оспинах, к тому же от них исходил стойкий кислый запах. Карл повернулся к переводчику:

— Капитан? Это что, армейское звание?

Тот ухмыльнулся.

— Теперь нет, — пояснил он. — Было когда-то раньше. Но, как видите, они сохранили свои звания. Передают их по наследству, как эти трое. Вот он, таи-и, сказал мне, что все они — часть Экспедиционного Корпуса Японских Императорских

Войск, которая все еще собирается совершить высадку в Вашингтон. Таи-и — капитан, и я уверен, все остальные находятся под его началом. Хейко — это женщина; по словам капитана, что-то вроде младшего капрала. А самое низкое звание у второго парня, который просто старший рядовой.

— Я не знаю, что такое капрал и рядовой.

— Конечно. И никто не знает. Но, кажется, для них это важно.

Переводчик помедлил, улыбнулся и прохрипел:

— Они все находятся в родстве. Таи-и — отец, Хейко мать, а Джото-хей — их ребенок. Всех зовут Матасура-сан.

— Какой ужас, — произнес Карл. — Хорошо, что мне не надо торчать около них.

— Но тебе придется, — пробубнил надменный голос у него за спиной. — Да-да. Это твоя обязанность, Карл. Ты должен руководить их медицинским обследованием.

Мастер Карл недовольно насупился, но возражать не стал. Эст Кир имел право приказывать.

Медики изучали дикарей бесстрастно и тщательно, будто это были не люди, а расчлененные трупы. «Медики есть медики», — подумал Мастер Карл с отвращением. Только они способны на

такое. Мужчину и женщину раздели: взорам окружающих предстали вялая грудь, отвисшие животы. Лаборант с темно-оливковой кожей производил спектральный анализ нашивок и химического состава одежды. Карл терпел сколько мог, а потом вышел, оставив гордых своей наготой дикарей перед кучами их рванья, в то время, как его коллеги изучали их, словно подопытных животных.

Карл вышел не только потому, что дикари его не интересовали, — бесспорно, для математика их научная ценность хоть и не равна нулю, но составляет бесконечно малую величину. Карл покинул комнату скорее потому, что хотел найти Конута.

В небе висела огромная луна.

Карл направился к тому месту, где черным силуэтом на серебряной пыли вырисовывался вертолет. Пилот дремал на сиденье, и Карл с энергией и напором, которые обычно приберегал для критических статей в научных журналах, проговорил:

— Эй ты, вставай! Я не могу торчать тут всю ночь.

Пилот подчинился своему пассажиру, прежде чем сообразил, что приказ отдала не его хозяйка,

молодящаяся старуха блондинка, и не ее равноправный партнер, древний Эст Кир. А может, это не имело для него никакого значения. Так или иначе, но когда Карл приказал вернуться в город, на аэродром, пилот поворчал себе под нос, но согласился. Узнать, куда делся Конут, не составляло труда. Полицейский патруль указал Карлу на придорожное кафе, оттуда кассир переслал его в туземный кафетерий, продавец видел Конута — тот съел сандвич с кофе и, пошатываясь, вышел, по-видимому, собираясь вернуться в аэропорт. Дежурный из своей будки видел, как он вошел на территорию аэропорта и долго пытался найти транспорт, чтобы догнать остальных, но безуспешно. Тогда он упрямо поковылял по ровной грузовой дороге прямо в джунгли.

Последний человек, видевший Конута, сказал, что у того, похоже, слипались глаза.

Карл призвал на помощь полицию. Он испугался.

Небольшой полицейский мотороллер подпрыгивал по дороге, освещая фарами траву по обе ее стороны. «Нет, только не это, — молил про себя Карл, — я так к нему привязался!»

Завизжали тормоза, и мотороллер плавно остановился.

Полицейский был маленький, щуплый, молодой и проворный, но Мастер Карл первым соскочил с мотороллера и первым подбежал к скорчившейся под хлебным деревом фигуре.

Впервые за несколько недель Конут полностью отдался сну, утратив контроль, без ангела-хранителя. Период беспомощности между сном и бодрствованием, который уже не раз грозил Конуту гибелью, подстерег его на обочине пустынной дороги, посреди безлюдной равнины, поросшей мягкой пахучей зеленью.

Карл осторожно поднял безвольную голову лежащего.

— Боже, — вознес Карл благодарственную молитву, — он всего лишь напился! Идите сюда. Помогите мне отнести его в постель.

…Конут проснулся с пересохшим ртом и раскалывающейся головой, но очень бодрый. За походным столиком сидел Мастер Карл, и рассеянный свет освещал его со спины.

— Проснулся? Вот и хорошо. Я приказал дежурному разбудить меня несколькими минутами раньше — на всякий случай…

— Да-да. Спасибо.

Конут попробовал пошевелить челюстью, но это была не слишком удачная идея. И все же он

чувствовал себя прекрасно. Он уже очень давно не напивался, и состояние похмелья было достаточно непривычным, чтобы заинтересовать само по себе. Конут сел на край кровати. Очевидно, дежурный получил от Мастера Карла и другие указания, потому что рядом с постелью стоял оловянный кофейник и толстая керамическая чашка. Конут налил себе кофе.

Карл некоторое время наблюдал за ним, а потом снова углубился в изучение чего-то на столе. Перед ним стояла банка с какой-то зеленоватой жидкостью и традиционная стопка фотоснимков.

— Что ты можешь сказать об этом фото? — спросил он Конута. — Похоже на звезду?

— Нет.

Карл отбросил снимок в общую кучу.

— Распределение Беккереля не лучше, — загадочно прокомментировал он.

— Извини, Карл, — бодро проговорил Конут, — ты же знаешь, я не очень интересуюсь псионом…

— Конут!

— Извини. Твоими исследованиями в области паранормальной кинетики.

Карл помолчал, затем с оттенком сомнения

в голосе, начисто забыв, о чем они только что беседовали с Кону-том, задумчиво произнес:

— Мне кажется, Гринлиз натолкнул меня на верный путь. Ты знаешь, я пытался манипулировать отдельными молекулами РК — при помощи фотопленки, основываясь на том, что молекулы всегда готовы перейти в другое состояние, причем для этого не нужно большого количества энергии. Да. А Гринлиз сказал мне о броуновском движении. Как в этом мыльном растворе, — он поднес банку к свету. — Видишь?

Конут поднялся и взял банку с квартой жидкости из рук Карла. На свету он смог различить, что зеленоватый цвет создавался мириадами блуждающих сияющих точек, скорее золотых, чем зеленых.

— Броуновское движение? Я что-то припоминаю.

— Хаотическое движение молекул, — торжественно произнес Карл. — Одна молекула налетает на другую, толкает ее на третью, третья толкает четвертую. Для этого существует название в…

— В математике, конечно. Да-да. «Пьяная походка», — Конут с ясностью вспомнил определение, и это доставило ему удовольствие. В то время он

был второкурсником, а факультет возглавлял старина Вейн. Лекция сопровождалась видеорядом — по экрану перемещался пьяный человечек. Он брел случайными заплетающимися шажками без определенного направления, наталкиваясь на крошечные фонарные столбы. Глядя на банку, Конут улыбнулся.

— Чего бы я хотел, так это протрезвить его. Смотри! — Карл, пыхтя, уставился на жидкость. Он являл собой образец концентрации мысли, в сравнении с которым бледнел «Мыслитель» Родена. Наконец Карл закончил свое упражнение и, отдуваясь, поинтересовался:

— Ну как?

«Кажется, он пытается заставить молекулы двигаться по прямой», — подумал Конут. А вслух дипломатично ответил:

— Не могу сказать, что мне это кажется удачной идеей.

— Знаешь, мне тоже… Ну ладно, — Мастер Карл отставил банку. — Отрицательный результат — тоже результат. Но я не собираюсь отказываться от этой темы. У меня есть еще кое-какие соображения относительно фотографий, если Гринлиз сможет мне немного помочь.

Он сел рядом с Конутом.

— А ты мне поможешь?

— Ты же видишь, что происходит.

Карл серьезно кивнул.

— Я вижу, что ты еще жив. Не потому ли, что ты тоже двигаешься «пьяной походкой»?

Конут тряхнул головой. Это не означало «нет». Это означало «откуда мне знать».

— А как насчет моей идеи подыскать жену?

— Не знаю.

— Та девушка в столовой, — проницательно проговорил Карл, — может, она?

— Лусилла? О Боже, Карл, я же ничего о ней не знаю! С трудом вспомнил даже, как ее зовут. Кроме того, она, кажется, близка с Эгертом.

Карл поднялся и уставился в окно.

— Думаю, нам стоит позавтракать. Туземцы должны быть уже готовы. «Он отправлялся малиновым утром». Мадам Сант-Анна искала помощника для перевозки дикарей в Вальпараисо, — задумчиво произнес он. — Думаю, я помогу ей.

Глава 6

В это время за десять тысяч миль от Карла и Конута Лусилла вовсе не была близка с Эгертом.

— Извини, но мне нужно подумать, — говорила она. Эгерт с обиженным видом стоял рядом.

— Не слишком ли много ты просишь на раздумье? — раздраженно спросил он. — Десять недель? Неплохо. Знай, я буду рядом, чтобы спросить тебя сразу же, как только истечет срок.

И он гордо вышел из гостиной на женской половине общежития.

Лусилла вздохнула, но так как она не знала, что делать с ревностью Эгерта, то решила ничего не предпринимать. Иногда быть девушкой очень сложно.

А Лусилла была девушкой довольно привлекательной, с множеством девичьих проблем. Но дело девушки — держать свои проблемы при себе. Девушка должна выглядеть уравновешенной и милой. И свободной.

Неправда, что девушки сделаны из сахара и перца. Эти таинственные создания с подкрашенными личиками, от которых веет легким ароматом далеких цветочных полей и мускуса,

сужающиеся здесь и расширяющиеся там — они, как и мужчины, животные, составляющая того же грязного потока органической материи. У них много земных проблем, неизвестных мужчинам — ежемесячные кровотечения, рождение новых клеток, благодаря которым пополняется человечество. Женское племя всегда было вершиной хитрости среди любых зверей.

Но сейчас речь идет о Лусилле. Двадцатилетняя студентка, дочь отставного инженера метро и его жены, бывшего социального работника. Она молода, но уже достигла брачного возраста. Здоровье — как у крестьянской лошади. Что эта юная девушка могла знать о чуде, именуемом любовью?

Но она знала.

В день, когда ожидалось возвращение Полевой Экспедиции, Лусилла отпросилась со всех вечерних занятий. Час свободного времени она потратила на то, чтобы позвонить родителям, живущим в пригороде. И в сотый раз обнаружила, что разговаривать им не о чем. А потом отправилась на кухню при факультетской столовой, как раз вовремя, чтобы приступить к вечернему дежурству.

Поводом было возвращение экспедиции. Го-

товился грандиозный банкет. Было приглашено более двухсот светил, не считая большинства ученых факультета. Работа на кухне кипела. Все шесть инженеров-кулинаров просто сбились с ног. Та из них, которая отвечала за соусы и подливы, первой увидела Лусиллу и позвала девушку себе в помощь, но инженер-кондитер тоже знала Лусиллу и хотела заполучить себе. Разыгралась настоящая битва, в которой победили соусы, и Лусилла оказалась у огромного металлического чана. В нем взбивалась спекшаяся бычья кровь с молотыми специями. Звучный вой взбивалки и свистящее стаккато горячего пара, который девушка по мере надобности выпускала через клапан в смесь, заглушили шум реактивного двигателя. Экспедиция вернулась, а Лусилла не знала об этом.

Первой весточкой было оживление в отдаленной части кухни. Девушка обернулась и увидела Эгерта, сурово опекающего троих незнакомых ей маленьких, болезненного вида людей. Эгерт заметил ее.

— Лусилла! Подойди, познакомься с дикарями!

Лусилла в нерешительности взглянула на свою начальницу, которая жестами показала ей: отойди-если-это-не-повредит-подливе.

Лусилла установила таймеры и термостаты и ускользнула от ее бдительного взгляда, прошмыгнув мимо тестомесильных, кипятящих, готовящих под давлением машин. Она подошла к Эгерту и его трофеям.

— Они японцы, — сказал юноша гордо. — Ты слышала о Второй мировой войне? Их тогда оставили на острове, и теперь там живут их потомки. Послушай, Лусилла, — девушка перевела взгляд с дикарей на Эгерта; казалось, его распирают злость и гордость одновременно, — я должен ехать в Вальпараисо. Здесь еще шесть туземцев, которых надо переправить в Южную Америку, и Мастер Карл выбрал меня в качестве сопровождающего.

Лусилла хотела что-то ответить, но в этот момент в дверь с отсутствующим видом заглянул Конут. Эгерт задумчиво поглядел ему вслед.

— Хотелось бы знать, почему Карл выбрал именно меня, — сказал он не столько с досадой, сколько с недоумением. И направился в другую дверь, бормоча себе под нос: — У него (он подразумевал Конута) есть шанс добиться своего за эти шестнадцать дней.

Конут был погружен в глубокое раздумье. Никогда раньше он не помышлял о свадьбе.

— Привет, Лусилла, — словно между прочим поприветствовал он девушку.

Она с готовностью отозвалась:

— Здравствуйте, Мастер Конут.

— Я, гм, хотел бы кое о чем с тобой поговорить.

Она ничего не ответила. Конут оглядел кухню, как будто никогда не был здесь раньше, что, возможно, и соответствовало истине.

— Послушай, не хотела бы ты, гм, не хотела бы ты встретиться со мной завтра на Обзорной башне?

— Конечно, Мастер Конут.

— Замечательно, — он вежливо кивнул головой и был уже на полпути в обеденный зал, когда сообразил, что не назначил время. Так Лусилла еще подумает, что он хочет заставить ее простоять там в ожидании целый день!

Он поспешил вернуться.

— В полдень, ладно?

— Хорошо.

— И не строй никаких планов на вечер, — скомандовал он, в смущении спеша прочь. Конут никогда не делал предложения, и ему казалось, что попытка провалится, не удастся. Но он ошибался. Его ждал успех. Он не знал об этом, но Лусилла знала.

Остаток вечера пролетел для Конута очень быстро. Обед удался на славу. Туземцы были сенсацией. Они расхаживали среди гостей, курили трубку мира с любым, кто хотел попробовать, а хотели все. Гости вовсю спаивали дикарей, и каждый тост сопровождался криками «Банзай!» — сперва громкими, затем хриплыми и, наконец, дурашливыми. Аборигены напились.

Конут был в ударе. Поначалу он ловил на себе беглые взгляды Лусиллы, потом это прекратилось. Он спрашивал о ней: у официанток, у туземцев, потом обнаружил, что расспрашивает о Лусилле Мастера Уола (или рассказывает ему о ней), обнимая его рукой за расслабленные плечи. Конут рано опьянел и продолжал пить дальше. Мастер Карл невозмутимо наблюдал, как Конут пытается продемонстрировать броуновское движение в имбирном желе.

Случались и моменты просветления. В один такой момент Конут поймал себя на том, что шатается по пустой кухне, выкрикивая имя Лусиллы холодным медным котлам.

В конце концов, глубокой ночью, Бог знает как, он все же оказался в лифте Башни, и Эгерт в кремовой робе пытался помочь ему войти в комнату. Конут сознавал, что чем-то обидел Эгер-

та, так как юноша оставил его и не возражал, когда Конут защелкнул замок, но не мог сообразить, что именно он сказал своему помощнику. Что-нибудь о Лусилле? Вполне возможно! Конут неуклюже упал на кровать, глупо хихикая. Да, сегодня он упоминал Лусиллу тысячу раз и сейчас продолжал думать о ней, поглаживая лежащую рядом подушку.

Сон медленно уносил его. Конут плыл по течению сна, временами трезвея и пугаясь того, что он на грани сна и вновь один. Но не мог остановиться.

Не мог, потому что был молекулой в мыльном растворе, и Мастер Карл толкнул его в объятия Лусиллы.

Мастер Карл оттолкнул Эгерта в сторону, так как его самого толкнул Эгерт; Лусилла пихнула его на Эста Кира, а тот, безголосо радуясь, выкинул его вон из банки, так что Конут не мог остановиться.

Он не мог остановиться, потому что Эст Кир сказал: «Ты молекула, пьяная и случайная, без своего пути, ты пьяная молекула и не можешь остановиться».

Он не мог остановиться, ибо голос, которому повинуется, казалось, весь мир, кричал:

— Ты можешь только умереть, пьяная молекула, можешь умереть, но не можешь остановиться.

Он не мог остановиться, и мир катился, катился без конца. Он пытался открыть глаза и прекратить этот кошмар, но ничего не выходило.

Он был молекулой.

Он понимал это и сознавал, что не может остановиться.

Потом все кончилось — молекула остановилась.

Глава 7

Минут пять Эгерт пытался достучаться в запертую дверь, а потом ушел. Он мог бы остаться еще, но не захотел. Он все тщательно обдумал и решил, что, во-первых, выполнил свой долг — несмотря на то, что Конут собирается, не считаясь с ним, жениться на Лусилле, а во-вторых, прошло столько времени, что он все равно опоздал.

Примерно через час Конут проснулся.

Он с интересом отметил, что еще жив. Вспомнил свой странный сон. Это казалось вполне реальным. Его дневная лекция, где опоссум разворачивал на экране покрытые ореховой скорлупой правила умножения больших чисел, представлялась ему сейчас более фантастичной, чем сон, в котором он занимался самосозерцанием, пьяный, с бутылкой в руке, шатаясь в бесконечных броуновских зигзагах. Он знал, что единственная возможность для молекулы остановиться — смерть, но, к своему удивлению, не умер. Конут встал, оделся и вышел из комнаты.

Он не вполне протрезвел, но на улице почувствовал себя намного лучше. Было ясное утром, и он хорошо помнил, что договорился в полдень

встретиться с Лусиллой.

Его дневная лекция была записана на пленку — это давало возможность не ходить на занятия. Он бесцельно пошел по аллее, мимо зеленого стадиона из стали и стекла, мимо широких лужаек нижнего двора, по направлению к Мосту. Здесь, у самого основания Моста, находилась медицинская школа. Конут любил Мост, ему нравилось, как он вздымается над бухтой, нравилась дорога, которую он бережно опускает на остров, где раскинулись здания Университета. В месте спуска дорога опиралась на один высокий пилон. Конуту очень нравился этот пилон — это и была Обзорная башня.

Под действием импульса, полагая, что сейчас нужно иметь ясную голову, Конут остановился у клиники, чтобы пополнить свой запас взбадривающих пилюль. В этот час здесь было мало народу, только дежурные врачи, но поскольку Конут принадлежал к числу участников экспедиции, его допустили к автоматам диагностики. Все в точности повторяло обследование три дня назад, за исключением того, что теперь врача не было вообще. Механический палец ввел Конуту в руку усик толщиной с волос и взял кровь, затем автомат сравнил анализ с предыдущей хромато-

граммой и задумчиво зажужжал. На мгновение индикатор «Раствор» мигнул розовым, потому что-то щелкнуло, стукнуло, и на поддоне возле руки Конута оказалась пластиковая коробочка с таблетками.

Конут положил одну в рот. Хорошо! Они действовали. Это было необычное и отрадное чувство. Что бы ни содержали пилюли, они побеждали усталость. Конут мог мысленно проследить путь первой пилюли — через горло в желудок. Там разлилось приятное тепло. Он чувствовал себя достаточно хорошо. Нет, просто превосходно.

И Конут снова вышел на свежий воздух, что-то напевая себе под нос.

Предстоял долгий подъем на смотровую площадку Башни, но Конут проделал его пешком, не испытывая ни малейшего неудобства. Он бросил в рот еще одну таблетку и с мягкой насмешливой улыбкой стал ждать Лусиллу.

Она пришла прямо с занятий.

Стоя внизу, она взглянула вверх на площадку, расположенную на двухсотфутовой высоте. Если Конут и был там, она не могла его увидеть. Она поднялась по внешним эскалаторам, опоясывающим огромную восьмигранную башню, чтобы

насладиться воздухом и видом. Вид, действительно, был чудесный: чистый белый прямоугольник биологической фабрики, под самой башней — клиника, имеющая архитектуру собора, яркие здания факультетов, зелень лужаек, два оттенка голубизны — воды и неба. Прекрасно!

Но девушка нервничала. Сошла с эскалатора, обошла громаду башни и поклонилась.

— Мастер Конут?

Ветер трепал ее блузку и волосы. Конут с мечтательным видом стоял у перил, короткие волосы в беспорядке развевались вокруг лба. Он медленно повернулся, и улыбнулся сонными глазами.

— А, Лусилла.

Затем кивнул, как будто бы она ему ответила, но девушка молчала.

— Лусилла, — сказал он. — Я хочу жениться. Ты мне подходишь.

— Спасибо, Мастер Конут.

Он мягко взмахнул рукой.

— Как я понял, ты свободна?

— Да.

(Если не брать в расчет Эгерта, а она не брала его в расчет.)

— И ты не беременна?

— Нет, я никогда не была беременна.

— Впрочем, это не имеет значения, — поспешно проговорил он. — Я не это имел в виду. Я хотел знать, нет ли у тебя каких-нибудь препятствий по здоровью?

— Нет, — сказала она, хотя и отвела глаза. Ибо некоторое препятствие все же существовало. Беременность невозможна без мужчины. Лусилле неловко было говорить об этом.

Девушка стояла и ждала, не скажет ли Конут еще что-нибудь, но он долгое время не решался заговорить. Уголком глаза Лусилла заметила, как он достает из маленькой коробочки таблетки и отправляет их в рот, будто леденцы. Казалось, он не отдает себе в этом отчета. Лусилла вспомнила острие ножа у его горла на лекции, припомнила намеки, которые слышала в адрес Конута. Идиотская затея — зачем люди пытаются убить себя?

Наконец Конут собрался с мыслями и прочистил горло, проглотив очередную пилюлю.

— Итак, — начал размышлять он вслух, — никаких письменных обязательств женитьбы, никаких физических препятствий и, безусловно, отсутствует кровное родство — я, знаешь ли, единственный ребенок в семье. Думаю, все в порядке, Лусилла. Договоримся окончательно сегодня вечером после занятий.

Тут он спохватился:

— О, то есть если ты не возражаешь.

— Я не возражаю.

— Хорошо, — он кивнул, но лицо его оставалось озабоченным. — Лусилла, возможно, ты слышала сплетни про меня. Я… я до этого совершил ряд попыток самоубийства. И одна из причин, по которой я хочу жениться, — чтобы жена следила за мной, не допуская этого впредь. Понимаешь?

— Да, Мастер Конут.

— Хорошо. Очень хорошо.

Он достал из коробочки еще одну таблетку, смутился, взглянул на девушку.

Глаза его расширились.

Лусилла стояла без движения, ничего не понимая; она не знала, что на Конута нашло внезапное просветление.

Последняя пилюля. Но ведь недавно их было двадцать! Двадцать — менее, чем три четверти часа назад!

— Еще одна попытка, — хрипло выдохнул он.

Это просветление, казалось, резко ускорило действие таблеток. Сердце заколотилось. Часто и сильно застучало в висках. Глаза застлала алая пелена. К горлу подступил комок желчи.

— Мастер Конут!

Но кричать было слишком поздно — он уже взял себя в руки и действовал. Отшвырнул пустую коробочку и, покраснев, бросил взгляд на Лусиллу. Затем без всяких церемоний перевесился через перила.

Лусилла завизжала.

Она подбежала к нему и вцепилась в него сзади, но Конут нетерпеливо отталкивал ее, пока девушка не увидела, что он не собирается броситься вниз, а засунул пальцы в рот и, невзирая на манеры и приличия, быстро и эффективно пытается выплеснуть отраву наружу.

И все сам.

Лусилла молча стояла и ждала.

Через несколько минут локти Конута перестали ходить ходуном, но он все еще лежал на перилах, пристально глядя вниз. Когда он обернулся, у него было измученное лицо человека, на котором лежит проклятье.

— Извини, спасибо.

— Но я ничего не делала, — кротко возразила Лусилла.

— Конечно, сделала. Ты разбудила меня.

Она покачала головой.

— Ты знаешь, что сделал это сам. Сам. Без моей помощи.

Он взглянул на нее сначала с раздражением, потом с сомнением. И, наконец, с оттенком зарождающейся надежды.

Глава 8

Церемония была очень простой. Ее проводил Мастер Карл. Был дружеский ужин, а потом они остались одни, с этого момента — муж и жена, соединенные властью, данной главам факультетов. Они ушли к себе. — Тебе лучше отдохнуть, — сказала Лусилла.

— Хорошо.

Он растянулся на кровати так, чтобы видеть ее. Он очень мало знал о ней, теперь изучающей свое новое жилище, строящей свои женские планы по поводу обустройства его — нет, их комнаты. Она была так незаметна, как только может быть незаметно живое существо, а двигалась бесшумно и быстро. Но с таким же успехом она могла бы предстать перед ним в сиянии вспышек неона и под вой сирен — все равно она смущала его.

Конут встал и оделся, не глядя на Лусиллу. Она удивилась:

— А я думала, пора спать…

Он замялся.

— Неужели?

Время было действительно позднее, но накануне Конут проспал целый день.

— Ну да, — проговорил он беспечно, как человек, у которого со сном не связано решительно никаких проблем. — Да, пора. Но я думаю прогуляться во дворе, Лусилла. Мне это просто необходимо.

— Конечно, — она кивнула и вежливо замолчала.

— Наверное, я вернусь прежде, чем ты уснешь, а может, и нет. Или да…

Сбившись, он кивнул Лусилле, прокашлялся, накинул мантию и вышел.

Ни в коридоре, ни в холле не было ни души.

Не дремал только тонкий луч электронного глаза робота-дежурного, но он не обратил на Конута внимания. Ведь Конут не был студентом и ему не приходилось, извиваясь, проползать на животе под сканирующими лучами. Привилегия Мастера — приходить и уходить, когда захочется.

Конут хотел выйти.

Конут прогуливался по безмолвному двору, освещенному желтой луной, над его головой возвышался призрачный серебряный мост. С чего это он так разнервничался? Лусилла всего лишь студентка.

Но как он ни уговаривал себя, нервы были напряжены до предела.

Почему? Студенческий брак хорош и для студента, и для Мастера; традиции его разрешают, и Мастер Карл сам советовал Конуту жениться…

Конут не мог забыть Эгерта.

На юном лице Эгерта было такое выражение… Возможно, как раз это и не давало Конуту покоя. Он не так уж давно сам защитил диплом и еще не позабыл, что у студентов есть чувства. Так как традиции, положение и закон благоволили к одной стороне, часто случалось, что студенты ревновали к исключительным правам Мастеров. Сам Конут, будучи студентом, не завязывал любовных отношений, поэтому никогда не попадал в положение Эгерта. Но у других такое случалось. Нет сомнения, Эгерта, этого неоперившегося юнца, сейчас мучает ревность.

Но что это значит?

Ревность Эгерта может повредить лишь ему самому. Ни один раб, в душе разъяренный правом первой ночи господина, не мог бы сделать свой гнев менее заметным, чем Эгерт. Но Конут почему-то почувствовал его состояние и ощущал себя почти виноватым.

Он не логик, а математик. Стройная концепция права, размышлял он, идя по берегу реки, нуждается в переоценке. Всеобщий закон ясен: права

высшего превосходят права низшего подобно тому, как атом фтора вытесняет из вещества атомы кислорода. Но справедливо ли это?

Во всяком случае, так происходит давно — если, конечно, можно считать это ответом.

Бесспорно только одно: вся система классов, привилегий, законов преследует определенную цель, и цель эта — производство некоего товара, уникального по своим свойствам. Нельзя получить его в короткий срок, нельзя совершенно удовлетворить потребность в нем и нельзя остаться без рынка сбыта. Этот товар — дети.

Они везде, куда ни бросишь взгляд. В яслях на женской половине, в игровых, примыкающих к покоям Мастеров. Все будто предусмотрено заранее, традиции и законы поощряют людей заводить как можно больше детей. Почему? Кому нужно так много детей?

Причина не только в сексе — конечная цель именно дети. Секс был бы возможен и приятен в условиях, полностью исключающих появление детей; наука решила этот вопрос десятки, нет, сотни лет назад. Но применение противозачаточных средств не одобрялось. И в результате проводимая во всем мире политика несложного и бесцельного детопроизводства давала в год

чистую двухпроцентную прибавку к народонаселению.

Два процента в год!

Чем вызвана такая любовь к детям?

Тут Конута осенило сумасшедшее решение: так запланировано!

«Кем?» — удивился он, настраиваясь на задумчивую длинную ночную прогулку и уже предчувствуя, что сейчас его осенит блестящая мысль — окончательное разрешение мучающей его проблемы.

Нет, не сейчас, не сегодня, Конут взглянул вверх, на горящее окно своей спальни. Его ноги гораздо лучше его самого знали ответ на вопрос о детях.

Конут торопливыми шагами направился к Башне Математиков, в свою комнату, где его ждала Лусилла.

Был один вопрос — кровать.

Лусилла перенесла собственную кровать в его комнату — так делалось всегда; но, конечно, и его кровать по-прежнему стояла там, более широкая и удобная, так что…

Интересно, какую она выбрала кровать?

Конут сделал глубокий вдох, машинально кивнул электронному ночному дежурному и открыл

дверь в комнату.

Тишину потряс громкий сигнальный звонок.

Мастер Конут застыл, тупо глядя на дверь, в то время как на шум из-за угла изумленно выглянул дежурный студент, обходивший коридоры. Звонок продолжал греметь.

Конут понял, что сигнал соединен с дверью, это была им самим установленная система защиты. Но он помнил, что, уходя, не включал ее.

Конут бросил сердитый взгляд на студента-дежурного, быстро вошел внутрь и захлопнул дверь. Звон стих.

Лусилла села в кровати — его кровати. Ее волосы разметались, а глаза были потупленными, но ясными. Она не спала.

— Ты, наверно, устал, — проговорила она. — Хочешь, я сделаю что-нибудь поесть?

Конут дрожащим от суровости голосом произнес:

— Лусилла, зачем ты включила сигнализацию?

Она подняла глаза.

— Я хотела проснуться к твоему приходу. Звонок там был, я просто подключила его.

— Но зачем?

— Зачем? Мне так хотелось.

Она зевнула, став еще милее, и извинилась за свой поступок улыбкой, а потом повернулась расправить покрывало на постели.

Конут, глядя на нее со спины, как будто бы никогда не видел в лицо, отметил два неправдоподобных факта.

Первый тот, что эта девушка красива. На ней было надето очень мало — только ночная рубашка и пеньюар, так что не оставалось сомнений в совершенстве фигуры; она также не была накрашена, что позволяло оценить лицо. «Хороша. Поразительно, — сказал себе Конут, ощущая внутреннее волнение, — поразительно, но я очень хочу быть с ней».

И это привело его к осознанию второго, еще более неправдоподобного факта.

Он выбрал Лусиллу, как покупатель выбирает кусок мяса для жаркого. Он диктовал ей, что делать; как только мог, методично и планомерно разрушал всякую возможность возникновения пылких и неожиданных удовольствий. Однако это ему не удалось — какое счастье!

Конут смотрел на Лусиллу и сознавал: существует нечто, не входившее в его расчеты. Он не мог и предположить, что девушка страстно любит его.

Тук-тук…

Лусилла потормошила Конута, и он проснулся окончательно.

— Кто это? — сердито воскликнул Конут.

Лусилла за его спиной состроила гримасу — милую, забавно-высокомерную карикатуру на него самого, так что, когда утренний дежурный заглянул в дверь, Конут вовсю улыбался ему.

«Ну и чудеса», — подумал дежурный и робко сказал:

— Уже восемь часов, Мастер Конут.

Конут натянул одеяло на голое плечо Лусиллы и сказал дежурному:

— Выйди.

Дверь захлопнулась, и прямо против нее шлепнулась одна из розовых тапочек Лусиллы. Она подняла и вторую, чтобы отправить вслед за первой. Конут, посмеиваясь, мягко поймал ее за руку, а она повернулась к нему, сдерживая смех, поцеловала и отскочила.

— И больше не засыпай, — предупредила она. — Я ухожу на занятия.

Конут откинулся на подушку.

«Прекрасное утро, — подумал он, — возможно, мир прекрасен на самом деле». Просто удивительно, сколько в нем оказалось оттенков и

ярких красок, которых он не замечал прежде или о которых давно забыл. Он видел перед собой девушку, непостижимо ставшую частью его жизни, частью, присоединившейся к нему без следа швов и рубцов в том месте, где он никогда не предполагал утрату. Она легко двигалась по комнате, время от времени бросая на него взгляд; и если она в этот момент не улыбалась, как обезьянка, то только потому, конечно, что именно сейчас в улыбках не было никакой нужды.

Да, сегодняшним утром Конут был очень доволен жизнью.

Лусилла одевалась быстро-быстро, даже слишком.

— Мне кажется, ты слишком торопишься уйти, — сказал Конут.

Лусилла подошла и села на край кровати. Даже в студенческой форме она выглядела прекрасно. Была еще одна удивительная вещь.

Как если бы чаша под покрывающей ее эмалью оказалась из чистого золота — те же цвета, та же форма, но внезапно то, что казалось фабричной работой, стало произведением искусства.

— Это потому, что я тороплюсь вернуться, — ответила Лусилла.

Она взглянула на него с нежностью и спросила

еще раз:

— Ты ведь не будешь больше ложиться?

— Конечно, нет.

Она слегка сдвинула брови, он ответил ей ласковым взглядом; оба вспомнили причину, по которой он в первую очередь нуждался в партнере, ту, старую причину.

— Ну, ладно.

Лусилла поцеловала его, поднялась, взяла со стула брошенную там сумку и книги. Она тихонько напевала строчки из мнемонической песенки: «Двойки столкните и тройки столкните: вот Сито Эратосфена. Когда улетучатся кратные…»

— Конут, ты уверен, что больше не заснешь?

— Уверен.

Она кивнула и, колеблясь, оперлась рукой на дверь. Затем сказала с сомнением:

— Может, все-таки примешь взбадривающую таблетку?

— Хорошо, — ответил он, радуясь, что к нему придираются.

— И лучше бы тебе начать одеваться. До твоей первой лекции осталось полчаса.

— Знаю.

— Хорошо, — она послала ему воздушный поцелуй и улыбку и вышла.

В комнате стало очень пусто. Но все же не так пусто, как было много дней и ночей до этого.

Конут послушно встал, нашел коробочку с таблетками — регуляторами сна — двух цветов, красного и зеленого, принял одну и вернулся в постель. Он чувствовал себя прекрасно, как никогда.

Конут расслабленно откинулся на подушку, наслаждаясь покоем. Он пользовался будильником, а теперь будильник заменила жена. Потягиваясь и зевая, он улыбнулся низкому кремовому потолку. Какая замечательная выгодная сделка! Какой у него теперь великолепный будильник!

Это напомнило ему о времени — он взглянул на часы, но затем снял их с руки, а настенные часы не попадали в поле его зрения. Не имеет значения — возбуждающая пилюля не даст ему больше уснуть. Общеизвестно, что под действием таких пилюль время течет быстро. Кажется, он лежит так уже полчаса, а на самом деле это все действие таблетки, прошло не более пяти минут.

Хотя…

Он заглянул в маленькую коробочку с отделениями. Хорошо, что она под рукой — вторая таблетка удвоит гарантии.

Конут проглотил пилюлю, снова улегся и зев-

нул. Его беспокоила какая-то мысль, что-то о пилюлях…

Он повернул голову, вздохнул, глубоко задышал. Да, Лусилла лежала на этой подушке. Именно так и было. Лусилла, оставившая здесь свой аромат. Прекрасный запах, прекрасное имя. Чудесная девушка. Он поймал себя на том, что снова зевает.

Зевает?

Он снова зевает!

Конут раскрыл глаза, что было довольно трудно, и попытался повернуть отяжелевшую голову. Зевота! И это после двух взбадривающих пилюль — а может, трех или шести?

История повторяется!

Красные пилюли для бодрствования, зеленые для сна. Зеленые, Конут мысленно всхлипнул, он принимал зеленые!

Он попался.

О Боже, беззвучно хныкал Конут, о Боже, почему именно сейчас? Почему это продолжается, хотя теперь обо мне есть кому позаботиться?

Глава 9

Помощник инженера-звукотехника проверял перед лекцией аппаратуру, время от времени поглядывая сквозь стекло на полную аудиторию и напевая себе под нос. Это раздражало Мастера Карла. Пение сбивало его с мысли. Двойки столкните и тройки столкните:

Вот Сито Эратосфена.
Когда улетучатся кратные числа.
Простые останутся там непременно.

Раздражение не смягчало и то, что это была одна из мнемонических песен, написанных им самим. Темой утренних занятий была не Классическая Теория простых чисел, а Теория Рядов. Карл резко произнес:

— Успокойтесь! Вам что, не нравится здесь работать? Инженер покраснел. Он был родом из поселений и никогда не забывал, что его могут отослать назад.

На самом деле пение не так уж и отвлекало Мастера Карла. В его возрасте человек или знает, что делает, или нет, а он знал. Он вошел в

класс точно в тот момент, когда зазвучала его музыкальная тема, и произнес те же слова, что и всегда, в то время как голова его была занята мыслями о Конуте, о распределении Вольграна, о его собственных исследованиях в области паранормальных явлений и в особенности о качествах и поведении каждого из сидящих в аудитории студентов. Он замечал каждый зевок сонного главы ядерной физики в дальнем углу, с особенной заботой пронаблюдал за тайным обменом замечаниями между Эгертом и новой женой Конута Лусиллой. Он ничего не хотел предпринимать. Ему нравилась Лусилла. Она, словно хороший сторожевой пес, могла охранять жизнь единственного человека на факультете, которого Карл рассматривал как своего возможного преемника.

В пять минут он изложил ту часть лекции, которая давалась «живьем», и, потакая своим безобидным желаниям, покинул аудиторию. На экране видеозаписи танцующие фигурки продолжали распевать «Балладу Рядов»:

Пусть S — числовой прогрессирующий ряд,

Тогда если числа a и b стоят,

Значит, сумма их тоже есть

В этом замкнутом ряде S.

И вот репродуктивный ряд с таким определением:

«Числовой ряд S замкнут по сложению».

Карл выкинул лекцию из головы и нетерпеливо вытащил из портфеля пачку снимков. Он беспокойно спал прошлой ночью и рано поднялся, чтобы выкроить время для своего нового хобби. Хобби у Карла было множество. Видимо, это объяснялось свойством характера. С годами Карл не разочаровался в своей работе, напротив, он не мог себе представить, что стал бы в этом мире не математиком, а кем-то другим, однако он старел, на арену выходили более молодые. А, как известно, в истории математики существует такой странный факт, что почти все выдающиеся ученые создали свои лучшие труды до тридцати лет. И затем большинство из них, подобно Карлу, увлеклось исследованиями в других областях.

Кто-то открыл дверь, и в комнату ворвались звуки хорового пения из аудитории:

Если числовой ряд M замкнут по вычитанию,

То его определяет понятие модуля.

Мастер Карл обернулся, недовольно нахмурив брови. Эгерт! Карл грозно спросил:

— Что есть числовой ряд, замкнутый по умножению?

Эгерт вздрогнул, но ответил:

— Это последовательность, Мастер Карл. О ней говорится в четвертой песне. Я бы хотел…

— А замкнутый и по сложению, и по вычитанию?

— Кольцо, сэр. Могу я поговорить с вами?

Карл что-то проворчал.

— Вы же видите, я выучил урок.

Он хотел продолжать, но Карл не смягчился.

— Эгерт, нет оправдания тому, кто покидает занятия без разрешения. Тебе это должно быть известно. Тебе, возможно, кажется, что ты справишься с изучением Теории Рядов и по учебникам. Но это неверно. Математик должен знать эти классические определения так же хорошо, как дети знают, что в феврале двадцать восемь дней. И должен усвоить их тем же путем — при помощи мнемоники! Уверяю тебя, пропуская занятия, ты никогда не станешь первоклассным математиком.

— Да, сэр. Вы правы. Поэтому я хочу уйти с фа-

культета. Как только вернусь из Южной Африки, если не возражаете.

Мастер Карл был шокирован. В его практике еще ни разу не случалось подобного. Карл вовсе не считал, что уход Эгерта будет потерей для математики. Он возмущался из-за самого Эгерта, давшего повод для беспокойства.

— Хорошо. Куда ты хочешь перевестись?

— В Медицинскую Школу, сэр. Я сделал выбор. Вы можете понять почему, Мастер Карл, — добавил он. — У меня нет больших способностей к математике.

Карл не понимал, и никогда бы не понял. За свою долгую практику он сделал очень важный для себя вывод: в жизни студентов существуют вещи, которые и не требуют понимания. Студенты интересовали его лишь с одной точки зрения. Они были для него чем-то вроде гексифлексагонов — бумажных моделей, которые используются в топологии, эти конструкции при перегибании каждый раз поворачиваются одной из множества новых сторон.

Карл печально сказал:

— Хорошо, я подпишу разрешение.

Увидев, что Эгерт протягивает ему уже приготовленный документ, Карл нахмурился: мальчик

уж больно нетерпелив.

Дверь вновь открылась.

Мастер Карл замер с занесенным пером.

— Ну что там еще?

Он смутно припомнил вошедшего — прихлебатель из Департамента Гуманитарных Наук. Имя вылетело из головы, Карл помнил лишь то, что это писатель эротических книг. Вошедший, как и Эгерт, тоже был взволнован.

— Извините. Меня зовут Фарли. Я обращался к Мастеру Конуту…

— Вы секс-писатель, — прервал его Карл. — Я ничего не имею против эротической литературы, но не выношу, когда нарушают мое уединение.

В действительности Мастер Карл слегка кривил душой. Он был немного ханжой и всегда держался в стороне от слабого пола. Поэтому считал, что происходящее между мужчиной и женщиной не должно искусственно подогреваться творениями секс-писателей или, как их иногда называли, брачных советников. Сам он никогда бы не воспользовался подобными услугами и был раздражен упоминанием Конута.

Как оказалось, Конут был с ним вполне солидарен.

— Я был свадебным подарком, — пояснил

Фарли, — поэтому и пришел сегодня утром показать Мастеру Конуту черновой набросок, над которым трудился целый месяц. Я не использовал стандартных решений, а придал ему форму персонализированных советов. Я предпочитаю интервьюировать мужчину немедленно, потому что, как вам известно…

Эгерт отчаянно перебил его:

— Мастер Карл, подпишите, пожалуйста, мой перевод.

Выражение его глаз было красноречивее слов. Флексатон повернулся другой Стороной, и на этот раз Карл мог понять его устройство. Он кивнул и вывел подпись. Было совершенно ясно, что математические способности Эгерта отнюдь не перевесят его желания держаться подальше от Конута и Лусиллы.

Однако писатель не унимался.

— А где женщина? — допытывался он. — Мне сказали, она должна быть здесь.

— Лусилла? Конечно.

Карлу пришла в голову ужасная догадка:

— Ты думаешь, что-то снова случилось? Когда ты пришел повидать Конута, он был…

— Совершенно холодным. Почти мертвым. Ему сделали промывание желудка, и, говорят, все

будет в порядке.

Когда они подошли к комнате Конута, врач изучал спектр, выдаваемый портативным диагностическим прибором. Конут лежал без движения. Врач успокоил их.

— Он был близок к успеху, но и на этот раз не достиг цели. Какая это попытка? Пятнадцатая? Если судить по записям…

Карл холодно прервал его.

— Вы сможете его разбудить? Хорошо. Давайте.

Врач пожал плечами и взял шприц для подкожных инъекций. Он вдавил поршень, и из иглы побежала тонкая струйка, проникая сквозь кожу Конута, не повреждая ее. Крохотные капельки находили путь сквозь дермис, эпидермис и подкожный жир; через минуту Конут открыл глаза.

— Я видел совершенно нелепый сон, — произнес он внятно.

Тут он заметил Лусиллу, и его лицо просветлело. По крайней мере, она не была сном. Мастер Карл никогда не страдал избытком такта, но его хватило на то, чтобы выйти., прихватив с собой врача, и оставить парочку наедине.

Промывание желудка — процедура не из приятных. Конут перенес ее уже в третий раз, но еще не полюбил; в данный момент он чувствовал во

рту мерзкий привкус желчи, пищевод просто разрывался на куски. Снотворные таблетки покинули его, оставив взамен головную боль.

— Мне очень жаль, — сказал он.

Лусилла подала ему стакан воды и одну из капсул, которые оставил врач. Конут проглотил ее и засмеялся.

— Счастливчик Уол, — сказал он. — Знаешь, если бы я не спал, когда явился этот писака, я бы пошел и дал Уолу по башке — это его идея прислать писателя; он подбил половину антропологов вскладчину оплатить нам услуги Фарли на год вперед. Вот так… Я обязан Уолу жизнью.

Конут поднялся и удивленно огляделся. Несмотря на головную боль и поганый привкус во рту, он чувствовал себя гораздо лучше, причины этого не поддавались анализу. Даже сон, хотя и эксцентричный, не был неприятен. Там были Мастер Карл, Эст Кир и женщина из Южной Америки, но там была и Лусилла.

Конут остановился у стола.

— Что это?

Это была аккуратная стопка бумаги, подшитая в папку с надписью «С. Р. Фарли, консультант». И больше ничего. Просто консультант. Конут открыл папку и углубился в изучение первой

страницы; записи производили впечатление уравнений. Часто встречались символы и среди черточек, крестиков и знаков конгруэнтности, все это смутно напоминало студенческий курс логики символов.

— Почти булевское изложение, — произнес Конут заинтересованно. — Очень любопытно. Взгляни, Лусилла. В третьей строке. Если подставить эти три члена в расширение на четвертой строке…

Он осекся. Лусилла покраснела. Но Конут не заметил этого, он смотрел на свой стол.

— Мое исследование Вольграна! Где оно?

— Если ты имеешь в виду аномалии распределения, которые готовил для Мастера Карла, то он забрал их, уходя.

— Да оно же еще не закончено!

— Но Мастер Карл не хочет, чтобы ты сейчас работал над ним. Или над чем-нибудь еще. Он хочет, чтобы ты сегодня отдохнул — уехал из городка, и чтобы я была с тобой.

— Гм, — Конут мрачно уставился в окно, затем причмокнул губами и языком, скорчил гримасу. — Хорошо. Но куда мы поедем? У тебя есть идея?

Лусилла выглядела несколько обеспокоенной.

— Честно говоря, — произнесла она неуверенно, — да…

К заходу солнца они сели на борт ежедневного перевозчика, направляющегося к поселениям; между городом и поселениями движение было достаточно интенсивным, между городом и Университетом тоже, но прямо из Университета на поселения рейсов не было. Пока перевозчик поднимался в воздух, они смотрели, облокотившись на перила, на университетский остров, город и бухту. Над их головами почти беззвучно вращались лопасти, не заслоняя алое от заходящего солнца небо; все, что они могли слышать во время путешествия — низкое гудение лопастей под куполом перевозчика и тонкий свист двигателей.

Внезапно Лусилла сказала:

— Я не говорила тебе о Роджере. Моем брате, — добавила она быстро.

Конут прервал движение, которое собирался сделать.

— Что ты хочешь о нем рассказать? — спросил он.

Лусилла решительно произнесла:

— Он не достиг университетского уровня. Возможно, он и попал бы в Университет, но когда Роджеру было пять лет, он купался, в воде был

другой мальчик, он нырял. Они столкнулись, и второй утонул.

Она остановилась, чтобы взглянуть на Конута.

— Роджер разбил себе череп. И вот с тех пор он… ну, словом, дальше его мозг не развивался.

Конут, нахмурившись, переваривал информацию.

Не потому, что думал о тупом брате жены, а лишь потому, что раньше не подозревал о его существовании. Конуту никогда не приходило в голову, что брак затрагивает отношения не только между двумя людьми.

— Он не сумасшедший, — беспокойно добавила Лусилла, — всего лишь не очень развит.

Конут почти не обратил внимания на ее слова. Он с трудом пытался примириться с мыслью, что приобрел не только сторожа и любовь, но и что-то еще, чего раньше совсем не принимал в расчет. Остаток пути занял двадцать минут; все это время потребовалось Конуту для осмысления факта, что вместе с удобством и удовольствиями у него появились и определенные обязанности.

Поселение располагалось в девяноста футах над водой, как раз вровень с горизонтом. Оно называлось Сэнди Хук и размещалось на стальной платформе площадью пятьдесят акров.

Поселение состояло из двенадцати уровней, самый нижний из которых был в сорока футах над уровнем максимальной воды — абстракция, обозначающая расстояние между подошвой платформы и наибольшей высотой волн океана. Поселение стояло на сотнях металлических ног, которые уходили в ил, покрывающий скалистое дно. В шторм белые барашки волн требовательно хлопали по подбрюшью платформы. Если же случались молнии, то они непременно попадали в громоотвод на башне радара.

Было время, когда радары являлись причиной существования таких поселений. Но это осталось в прошлом, гак как радары утратили свое значение, их заменило слежение со спутников и использование отраженных от ионосферы сигналов. Но люди приспособили платформы для других целей. Радары указывали путь подводным судам флотов всего мира, когда те, похожие на китов, плыли вдоль континентального шельфа в поисках гавани. Платформы служили «кораблями-матками» рыболовных судов на отмелях. Такие поселения давали жилье нескольким десяткам миллионов на одном только американском побережье. Там же размещалось производство вредных отраслей, сопровождающееся тяжелым

запахом, сильным шумом, и оборудование для опасных технологических процессов.

Энергия была рядом и бесплатно. Для этого служила каждая пустотелая «нога». Налетающие волны, разбиваясь об опоры, сжимали в них воздух, через однонаправленный клапан вытесняли его в сосуд давления, на выходных отверстиях которого стояли пневматические турбины, дающие электричество для бытовых и промышленных нужд поселения. В «хорошую» погоду, когда *волны* грохочут и бьются об опоры, энергии хватает для плавки алюминия; рудовозы, которые доставляют сырье, везут обратно шлак, чтобы выгрузить его в пределах видимости поселения в бездонное чрево океана. При «плохой» погоде, когда воды Атлантики гладкие, как зеркало, производство алюминия приостанавливается. Но погода никогда не остается «плохой» надолго.

Семья Лусиллы занимала трехкомнатный отсек в жилой части поселения. Их жилье располагалось на подветренной стороне, отведенной рыбакам, — по другую сторону платформы от завода очистки алюминия, на шестом уровне над генераторами. Здесь воняло рыбой и было очень шумно.

Лусилла привезла домой подарки. Шарф для

отца, что-то из косметики для матери и, к удивлению Конута, один из аборигенских флагов для брата Роджера. Конуту и в голову не пришло, что нужно привезти подарки, тем более, что ими могут служить вещи туземцев, которые в качестве сувениров оказались ценнее любых других подарков. Роджер был доволен. Он давно хотел иметь такую вещь.

Мать Лусиллы подала кофе и пирог, и Конут рассказал всем о своем путешествии по Южным морям. Однако он ни словом не обмолвился о том, как валялся пьяный на обочине дороги.

Во время рассказа Конут не сводил глаз с Роджера. Брат Лусиллы оказался молодым гигантом, ростом выше Конута, с кротким, но лишенным всякого выражения взглядом. Он не пил кофе и отказался от пирога, просто сидел, глядя на Конута, и теребил потертую материю своего подарка, даже нюхал его, поднося к лицу. Конуту он показался смущенным. Исключая аборигенов и некоторые клинические случаи, представляющие интерес для ученых, все, кто окружал Конута в Университете, имели индекс умственного развития не ниже ста сорока, и у него не было опыта общения с менее развитыми людьми. Роджер мог говорить, но чаще предпочитал молчать, и

хотя казалось, что он понимает слова Конута, выражение его лица не менялось.

В действительности Роджера мало интересовал рассказ Конута. Все его внимание было поглощено подарком. И как только представился случай, мальчик извинился и ушел с ним к себе в комнату.

Роджер знал, что флаг очень старый и привезен издалека, но его временные рамки не превышали нескольких недель, а понятие «далеко» могло обозначать ближайший город за горизонтом — память у него была слабая. Что его действительно восхищало в подарке, так это цвет, чудесный цвет.

Мальчик прикрепил флаг магнитами к стене, постоял в задумчивости и перевесил поближе к кровати. Ему было приятно просто стоять и смотреть на флаг, любуясь его цветом.

За окном была ясная лунная ночь, дул свежий ветер с далеких берегов Португалии. Шли высокие волны, и по поселению разносился, заглушая и перекрывая друг друга, шум пневматических установок и грохот открывающихся и закрывающихся клапанов. Поэтому если собеседник находился, например, в другой комнате, разговаривать было совершенно невозможно. Но

Роджера шум нисколько не беспокоил. С тех пор как проломленный череп задел кусочек его мозга, ничто не беспокоило его по-настоящему.

Однако флаг пришелся ему по душе. Поглядев на него минут десять, Роджер убрал магниты, взял флаг, сложил и положил под подушку. С довольной улыбкой юноша вернулся к столу, чтобы пожелать спокойной ночи новому мужу своей сестры.

Глава 10

Мастер Карл повесил на дверь табличку «Не беспокоить» и опустил штору, скрывающую его маленькую затемненную комнату от случайных взглядов студентов-уборщиков. Нет, он не стыдился хобби, из-за которого и устроил затемнение, это было бы против его правил. Карл вообще не стыдился своих занятий. Об этом свидетельствовала и его комната, несущая на себе следы всех его увлечений.

Там на трех досках пылились забытые шахматные комбинации; дюжина поколений студентов-уборщиков протирала фигурки и ставила на место. На лиловых стенах висели в рамках рисунки и тексты — следы его десятилетней давности увлечения статистической проверкой грамматики. В коробке, в которой когда-то лежали две дюжины колод карт Райана, теперь оставалось только пять — напоминание о двух годах, отданных доказательству, что телепатии не существует. Карл занимался всем этим исключительно для собственного удовольствия.

Доказательство базировалось на аналогии, но Мастер Карл убеждал себя, что аналогия право-

мерна. Допустим, рассуждал он, телепатическая связь подчиняется общим уравнениям Универсального закона поля, тогда она должна попадать в одну из указанных там категорий. Либо она регулируется плавно, как спектр электромагнитного излучения, либо имеет чисто квантовый характер, как кинето-гравитационные силы. Карл раз и навсегда исключил вторую возможность. Она подразумевала, что любая мысль может быть принята любым человеком вне зависим мости от диапазона излучения, — но ведь наблюдения это отрицают.

Следовательно, телепатия, если она вообще существует, должна быть плавно регулируемой. Тут Карл и применил свою аналогию. Идентичные по структуре кристаллы резонируют на одной и той же частоте. Существуют и идентичные по своей структуре люди, их называют тождественными близнецами. В течение двух лет Мастер Карл почти все свое свободное время проводил, отыскивая, убеждая сотрудничать и изучая таких близнецов. Он занимался этим два года, не больше, так как за это время нашел триста двадцать шесть пар, то есть как раз такое количество, которое определяется законом хи-квадрат как минимальная выборка, в которой статистиче-

ские наблюдения можно считать достоверными. Когда все триста двадцать шесть пар потерпели неудачу в угадывании карточных символов в гораздо большей степени, чем предусматривала теория вероятностей, Карл раз и навсегда прекратил эксперименты.

Отрицательный результат упорного двухлетнего труда не ожесточил Карла, но он потерял надежду. Ему не приходило в голову продолжать дальше, сделав триста двадцать седьмую попытку. Однако он позволил себе перейти к изучению других аспектов явления, именуемого психоникой.

Предсказания он отклонил по логическим причинам, о ясновидении размышлял несколькими месяцами ранее и пришел к выводу, что это явление, как и рассказы о летающих тарелках с инопланетянами, представляют слишком мало возможностей для экспериментальной проверки и потому не подходят для изучения.

Сглаз или колдовство он счел требующим или телепатии, или ясновидения. По крайней мере, в тех случаях, когда жертва не знает, кто виновник ее страданий. В большинстве случаев колдовство объясняется так: человек, который видел восковую куклу с воткнутыми в нее булавками или

которому колдун говорит, что кто-то жмет ему ногти на ногах, легко может заболеть или даже умереть от ужаса, но если человек не подозревает о действиях колдуна — его болезнь можно объяснить только ясновидением или телепатией, а Карл уже отбросил их.

В традиционном списке сверхъестественных явлений оставалось еще два — это пирокинез и телекинез.

Карл считал первое разновидностью второго. Ускорение броуновского движения молекул (то есть нагревание до точки горения) по сути ничем не отличается от манипулирования группами молекул (то есть передвижения материальных объектов).

Его первые опыты в области телекинеза состояли в утомительных попытках сдвинуть кусочки различных веществ — сначала это был клочок бумаги, затем сбалансированные булавки, подвешенные на нитку, потом крупинки пыли, установленные в микробаланс. Это не дало никаких результатов. Прибегнув к помощи классической физики, Карл начал серию экспериментов с фотопленкой.

Как уверяли физики-практики, она является средой, в которой самая незначительная физи-

ческая сила дает максимальный измеряемый эффект. Фотон, свободный электрон, почти всякая частица содержат энергию, способную сдвинуть нестабильные молекулы фотоэмульсии.

Карл использовал все более и более чувствительную пленку, изучал способы повышения ее чувствительности — специальные разработки, жесткий температурный контроль, предэкспозиционирование для «впитывания» пленкой части энергии, необходимой для создания изображения. Он часами просиживал над каждой новой катушкой, усилием воли пытаясь нарисовать на ней круги, перекрестия или звезды, представляя себе молекулы и мысленно заставляя их перемещаться. Он вырезал шаблоны и помещал их на завернутые пачки пленки — на тот случай, если псионное «излучение» проявляется только как точечный источник. Однажды ему показалось, что он добился успеха: на пластинке особо чувствительной пленки, пролежавшей всю ночь у него под подушкой, наутро обозначилась призрачная, волнистая буква «Х». Но Мастер Флориан — фотохимик — развеял его надежды. Карл достиг успеха лишь в одном: он сделал пленку столь чувствительной, что она прореагировала на незначительное тепловое излучение его тела.

Этой ночью Мастер Карл планировал предварительное экспонирование специально изготовленной партии рентгеновской пленки наложением на нее стопки люминесцентной бумаги; для того, чтобы слабое у-излучение бумаги подействовало на эмульсию, потребуются часы, но время должно быть точно отмерено.

Чтобы заполнить часы ожидания, у Карла было другое приятное занятие. Он послал в свой кабинет студента за незаконченным черновиком, который взял в комнате Конута. Заголовок гласил: «Объяснение некоторых очевидных аномалий закона распределения Вольграна». Карл придвинул к столу стул с жесткой спинкой и с большим удовольствием углубился в чтение.

Закон Вольграна, касающийся распределения неоднородных элементов в случайных популяциях, — чисто математическое правило. Он не имеет дело с материальными объектами и даже с численными величинами как таковыми. И тем не менее закон Вольграна нашел применение во всех отраслях производства — вплоть до безошибочного определения подлежащих отбраковыванию нестандартных партий консервированных сардин. Это закон общего характера, но некоторые его следствия проявляются практи-

чески в каждом эксперименте.

Почти в каждом, кроме одного. Один из выпускников Карла пытался согласовать правило Вольграна с данными переписи населения из своей докторской диссертации — до него эту тему еще не охватывали. Как ни странно, юноша потерпел неудачу. Он взял другую тему, защитился и теперь успешно проектировал системы связи для телевизионных компаний, но неудача породила проблему, заинтересовавшую самых выдающихся математиков, и Карл поручил ее Конуту.

Конут работал над ней в свободное время уже шесть месяцев. Даже в незавершенном виде рукопись доставила Карлу подлинное удовольствие. Чтение заняло три часа. Прекрасная работа! Хорошо, что он доверил ее Конуту!

Карл отслеживал каждый постулат, мурлыкая про себя, подымая бровь при использовании закона хи-квадрат с проверкой при помощи смелого расширения правила анализа фаз Гибба. Это была любопытная математическая проблема, интересовавшая Карла сама по себе, независимо от результатов переписи населения.

Закончив чтение, Карл удивился, почему Конут считает статью неоконченной. Ведь она вполне

готова! Каждое уравнение проверено. Все константы стандартные и приведены правильно, переменные учтены и определяются на каждой странице продолжения.

— Очень странно, — проговорил Карл, глядя на скамью, на которой беззвучно впитывала электроны рентгеновская пленка. — Хотел бы я знать…

Он пожал плечами и попытался отвлечься. Но вопрос не шел из головы. Карл хотел было позвать Конута, но вовремя остановился: тот еще, наверное, не вернулся из поездки к родным Лусиллы, а если и вернулся, не стоит врываться к нему в такое время.

Все больше раздражаясь, Карл перечел последнюю страницу. С точки зрения математики, все было в порядке, теперь он старался вникнуть в смысл: «При числе рождений n возраст, достигаемый старейшим из популяции, должен равняться натуральному логарифму *q*, умноженному на n». Да. Ну и что тут особенного?

Карл окончательно разозлился. Он взглянул на часы. Было только десять вечера. Нахмурившись, он накинул пиджак и вышел, оставив гореть свет, не закрыв дверь и не убрав листки со стола. А рентгеновская пленка по-прежнему подверга-

лась воздействию у-излучающей бумаги.

Карл постучал в дверь комнаты Конута, но ему никто не ответил. Карл, подумав, распахнул дверь. Комната была пуста, супруги еще не вернулись из поездки.

Карл что-то проворчал ночному дежурному и спустился в лифте на улицу. Он надеялся, что прогулка ему поможет. Было холодно, но он едва ли заметил это. Величина *q*, все ли здесь в порядке? Но ведь все действия над ней выполнены правильно. Карл мысленно восстановил формулы, содержащие *q;* они предстали перед ним так ясно, словно были начертаны на стене Административного корпуса, возвышавшегося перед ним; он вспомнил даже коэффициенты уравнений. Общественное здоровье, войны, обеспеченность пищей, хитроумно вычисленная величина, характеризующая общественное сознание — все они участвовали в расчетах.

— Доброй ночи, Карл-сан.

Карл остановился и, мигая, всмотрелся в сотканную из железных прутьев ограду. Он разглядел маленький лагерь, в котором расположились аборигены; капитан — Карл забыл его имя — приветствовал Карла.

— Я думал, твои люди, ну, на лекциях, — про-

говорил Карл неубедительно. — То есть, на выставке, — теперь он был ближе к тому, что хотел сказать.

— Завтра, Карл-сан, — ответил мужчина с лицом, напоминающим вафлю, протягивая Карлу длинную оперенную трубку. Карл уже видел ее на представлении аборигенов в Университете — это была трубка мира, причудливая, и по какой-то причине, к удивлению антропологов, характерная для островитян. Карл отрицательно покачал головой. Мужчина — Карл вспомнил, что его зовут Матасура-сан — сказал извиняющимся тоном:

— Сладкосердечный, я чувствую, вчера у тебя был долгий путь.

— Так и есть, — ответил Карл, не вслушиваясь в его слова. Он думал о правомерности применения натурального логарифма, но пришел к выводу, что и здесь ошибки нет.

— Сладкосердечный, девочка-подросток плохо пахнет, — серьезно заявил туземец.

— Да-да. Вы правы, — Карл думал о величине *a*, возрастном коэффициенте в конечном уравнении.

Таи-и Матасура-сан сказал настойчивее:

— Конут-сан тоже плохо пахнет, так говорит

Эст Кир-сан! Только не говори при девочке!

Мастер Карл рассеянно взглянул на него.

— Конечно, — сказал он. — Доброй ночи.

Таи-и что-то кричал ему вслед, но Карл по-прежнему не слушал; он, наконец, понял, что именно не закончено в статье Конута. Численные значения приведены для всех величин, кроме одной. Время было еще не позднее, и он не собирался спать, пока у него есть столь важная задача.

Конут, держа Лусиллу под руку, зевал в лицо красной луны, висящей над горизонтом. Луна довольно быстро поднималась.

Они должны были добраться до города, а оттуда ждать рейса в Университет; единственный прямой рейс от поселения до Университета был только утром, а семья Лусиллы не могла устроить их на ночлег. Впрочем, даже если бы места хватало, Конут все равно не захотел бы остаться. Ему требовалось время, чтобы привыкнуть к новой обстановке. Слишком много обрушилось на него сразу — чего стоит одно то, что ему придется изменить свой привычный уклад жизни из-за постоянного присутствия Лусиллы в его комнате. Но она, конечно, того стоит.

И вот уже под ними Университет; силуэт Моста через бухту, перечеркивающий луну, огни Адми-

нистративного корпуса, ярко освещенного среди массы темных зданий.

То, что Административный корпус освещен, было необычно.

Сквозь дремоту Конут уголком глаза посматривал на изящную головку спящей жены. Он не мог сказать, больше или меньше он любит ее теперь, когда представляет как члена семьи. Ее родители показались Конуту скучными. Они, конечно, любезные, думал он, но он-то привык иметь дело с выдающимися людьми. А ее брат — жаль что с ним случилось такое несчастье — как он был очарован тряпкой, которую ему привезла Лусилла! Как маленький ребенок, нет, скорее, как звереныш. Конуту совсем не хотелось, чтобы его связывали с Роджером. Однако нам не дано выбирать родственников. Даже собственные дети могут легко обмануть ожидания…

Его дети! Эта мысль возникла так естественно! Но Конут никогда не думал об этом раньше. Он вздрогнул и снова взглянул на Лусиллу.

Она сонно пробормотала:

— Что случилось? — а потом, стряхивая остатки сна, добавила: — Интересно, что им нужно?

Перевозчик снижался, на посадочной площадке его ожидали несколько человек, позади них

стоял полицейский вертолет. Винт не работал, но обязательные огни горели красным. В свете прожекторов, освещающих для пилота посадочную площадку в виде буквы «Х», Конуту удалось разглядеть одного из стоящих внизу — кажется, это был чиновник, ведающий кадрами. Остальные были в полицейской форме.

— Удивительно, — сказал Конут, радуясь про себя, что не нужно объяснять дрожь. — Сегодня довольно прохладно, и я буду хорошо спать.

Он подал Лусилле руку и с удовольствием помог ей сойти, хотя в этом не было нужды.

Коренастый полицейский выступил вперед.

— Мастер Конут? Я сержант Рейм. Вы, наверное, меня не помните…

— Почему же, помню, — сказал Конут, — Рейм. Вы учились в моей группе лет шесть или семь назад. Мастер Карл был о вас хорошего мнения, помнится, он выступал защитником в прениях по вашей диссертации.

Наступила пауза.

— Да, действительно, — произнес Рейм. — Мастер Карл хотел взять меня на факультет, но я занимался судебной теорией вероятностей и меня призвали в Вооруженные Силы. Это было так давно…

— Рад был повидать тебя снова, Рейм, — Конут поощрительно кивнул. — Спокойной ночи.

Но Рейм покачал головой. Конут остановился, чувствуя, как его охватывает немой необъяснимый ужас. На кого не подействует появление полицейского, настроенного на неофициальную беседу, да еще среди ночи, а выражение лица Рейма говорило о самом худшем. Конут резко спросил:

— В чем дело?

Казалось, Рейм испытывает неловкость.

— Я ждал вас. Дело касается Мастера Карла, а поскольку вы его ближайший друг… У меня есть несколько вопросов…

Лусилла испуганно стиснула руку Конута, но он даже не заметил.

— Что-то случилось с Карлом?

Рейм развел руками.

— Мне очень жаль. Я думал, вы уже знаете. Лейтенант дал указание позвонить в Сэнди Хук; наверное, к этому времени вы уже уехали.

Конут видел, что Рейм старается высказать сочувствие.

— Это случилось примерно час назад — около двенадцати. Президент собирался ложиться спать, я имею в виду Эста Кира. Мастер Карл

ворвался в его резиденцию — он был невменяем, как утверждает охранник.

— И кто же довел его до такого состояния? — вскричал Конут.

— Я надеюсь, вы поможете нам выяснить это. Случай очень серьезный. Мастер Карл пытался убить Эста Кира топором. К счастью, — тут Рейм замялся, но не нашел более подходящего выражения, — к счастью, в этот момент рядом находился телохранитель Президента. И ему пришлось выстрелить — он не смог остановить Мастера Карла иначе.

Глава 11

Конут прожил эту ночь и следующий день как во сне. Не оставалось никаких сомнений, что случившееся — правда, но принять ее было нелегко. Карл мертв! Старика застрелили при попытке убить человека! Это было более чем невероятным. Конут ни на секунду не мог допустить такую возможность. Но нельзя отрицать очевидное.

Лусилла почти все время находилась рядом, ближе, чем требуется от жены, ближе даже, чем сторож. Конут не отдавал себе отчета в ее присутствии. Но он заметил бы, если бы ее не было. Казалось, Лусилла была с ним рядом всю жизнь, и это не удивительно, ибо его жизнь стала теперь совершенно другой, не похожей на прежнюю, и началась она в час ночи со встречи с сержантом Реймом.

Рейм исчерпал все необходимые вопросы за четверть часа, но и после этого не оставил Конута в покое. Им руководило милосердие, а не чувство долга. Полицейский, даже если он занимается судебной теорией вероятностей, более привычен к насилию и разнообразным убийствам, и порой может прояснить некоторые факты, которые

не укладываются в голове наивных свидетелей. Именно это он пытался сделать, но Конут не испытывал к нему благодарности. Он испытывал скорее недоумение.

На следующий день Конут отменил все свои занятия — за него поработает видеозапись — и отправился вместе с Реймом по последнему маршруту Карла. Сперва они посетили резиденцию Эста Кира; тот уже проснулся и встретил их очень холодно. Он не выглядел потрясенным или взволнованным, хотя, надо сказать, он всегда отличался хладнокровием. Президент уделил пришедшим всего несколько минут.

— Карл — убий-ца. Это боль-шой удар для нас, Конут. Однако, я ду-маю, гении все таковы, мы не мо-жем требо-вать от них урав-нове-шенности.

Конут не хотел здесь задерживаться. Присутствие Эста Кира было ему неприятно. Единственное, из-за чего он пришел сюда, — взглянуть на алебарду пятнадцатого века, которая лежала на полу, где, по словам очевидцев, Мастер Карл выронил ее, пораженный выстрелом охранника. Ворс ковра был здесь ярче, чем в других местах. Конут, чувствуя внезапно подступившую тошноту, понял, что ковер недавно вычистили, и догадался, какое пятно требовалось так быстро

убрать.

Он с облегчением покинул богато обставленную резиденцию Президента, но остаток дня тоже не принес ничего утешительного. Следующий визит они с Реймом нанесли ночному дежурному на этаже Карла, который сообщил, что Карл вышел из комнаты около десяти вечера. Казалось, он был чем-то обеспокоен, но, по своему обыкновению, ничего не сказал дежурному студенту. Конуту и Рейму не пришло в голову справляться о Карле у туземцев, и они не узнали об их краткой и односторонней беседе, но зато обнаружили его следы в следующем пункте.

В двадцать пять минут одиннадцатого Карл вошел в книгохранилище и немедленно потребовал ночного библиотекаря. Это был студент и, как большинство студентов на дежурстве, он занимался своими делами. Он был смущен, и Конут быстро сообразил почему.

— Ты ведь спал, правда?

Тот, опустив голову, кивнул. Говоря с ними, он почти засыпал; известие о смерти Мастера Карла быстро облетело всех ночных дежурных городка, и мальчик больше не мог заснуть.

— Он назначил мне пять штрафных очков, — признался он с досадой.

— Можешь считать их отмененными, — милостиво разрешил Конут. — Ты правильно поступил, сказав нам об этом. Сержант Рейм должен знать все подробности.

— Спасибо, Мастер Конут. А еще я не успел убрать со стола пепельницу, и Мастер Карл заметил ее. Но сказал только, что хочет поработать с книгами.

Студент провел их в большой зал с кондиционированием, где хранились микрофильмы и пленки, составляющие Университетскую библиотеку. Библиотечный компьютер был подключен к той же цепи, что и Стики Дик; все компьютеры Университета образовывали единую сеть.

Рейм разглядывал помещение.

— С тех пор как я здесь учился, оборудование стало сложнее, — заметил он. — А Мастер Карл знал, как им пользоваться?

Студент улыбнулся.

— Ему казалось, что да. Но потом он потребовал меня. Он был в ярости, потому что не мог получить те данные, которые хотел. Я попытался помочь, но это были данные со спецдоступом. Результаты всеобщей переписи.

— О, — сказал Конут.

— Что? — обернулся к нему сержант Рейм.

— Думаю, я знаю, чего он добивался. Это Вольгран.

По счастью, Рейм понял, о чем идет речь, ибо самому Конуту и в голову не пришло бы, что кто-то не знает о законе распределения Вольграна.

— Я использовал в своей работе специальные функции Вольграна, — сказал Рейм. — Мне не совсем ясно, какая здесь связь с переписью населения.

Конут уселся и начал объяснения. Не глядя, он протянул руку, и Лусилла, которая по-прежнему сопровождала его, взяла его руку в свою.

— Это не имеет отношения к расследованию. По крайней мере, мне так кажется. Предмет исследования — некоторые аномалии в распределении Вольграна применительно к результатам переписи; они существуют, хотя очевидно, что их быть не должно. Поэтому я взял эту тему для изучения. — Конут нахмурился. — Я думал, что справлюсь, но столкнулся с проблемой. Некоторые величины, вытекающие из составленных мной уравнений, оказались… нелепыми. Я попытался получить истинные данные, но столкнулся с тем же, что и Мастер Карл, — они выдаются только по спецдоступу. Глупо, конечно.

Студент неожиданно вмешался.

— Мастер Карл сказал, что это идиотизм. Сказал, что собирается получить их, чего бы это ни стоило.

И умолк, залившись краской.

— Понятно, — сказал Рейм. — Я полагаю, он так и поступил. А что за показатели вас интересовали?

— Не важно, — ответил Конут, покачав головой. — Мои результаты неверны. Только я не могу найти ошибку. И решил проверить вычисления опытным путем. Видимо, Карл рассуждал так же и решил взглянуть на результаты переписи в надежде найти разгадку, как до этого поступил и я.

— Давайте взглянем, — предложил Рейм.

Библиотекарь пригласил их к компьютеру, но Конут кивком отослал его в сторону. Он сам сделал запрос.

— Данные по возрастам, — пояснил он. — Никакой особой важности они, конечно, не представляют. Нет причин засекречивать их. И все же…

Он закончил манипуляции с клавиатурой и вывел результат на экран. Экран замигал, появилась алая надпись: «Информация выдается по спецдоступу».

Рейм уставился на экран, затем произнес:

— Я не знал, что такое бывает.

Конут понял, что он имел в виду.

— Я тоже вначале не поверил. Карл был главой факультета, ему казалось, что у него есть определенные права…

Полицейский кивнул.

— Что скажешь, сынок? Как он реагировал? Возмущался?

— Он был злой как черт, — с удовлетворением сообщил библиотекарь. — Сказал, что дойдет до самого Президента и выяснит, как получить эти данные. Кричал, что это идиотская, так и говорил, идиотская, некомпетентная бюрократия.

Сержант взглянул на Конута.

— Достаточно. Вот мы и выяснили, что хотели.

— Думаешь, он мог убить человека? — резко спросил Конут.

— Мастер Конут, — медленно проговорил полицейский, — я же не утверждаю, что он хотел это сделать. Но Карл достиг предела. Он был вне себя от ярости и, кто знает, что могло случиться.

Он лишил возможности Конута продолжать спор, сказав библиотекарю:

— Думаю, это все. Если, конечно, Мастер Карл не говорил еще чего-нибудь.

Студент помялся, а потом ухмыльнулся.

— Только одно. Уходя, он дал мне еще десять

штрафных очков за курение на дежурстве.

Наутро Конута вызвали в Канцелярию для оглашения завещания Карла. Он не особенно удивился, узнав, что является единственным наследником. Однако был тронут. И опечален, так как ему сообщил об этом голос самого Карла.

Запись наиболее важных документов на пленку была нововведением. Что ж, похоже на Мастера Карла — пребывать в уверенности, что распоряжения насчет его скромного имущества имеют первостепенную важность.

На пленке с изображением Мастера Карла были записаны несколько звучных фраз: «Будучи в здравом уме и твердой памяти, я завещаю своему дорогому другу, Мастеру Конуту...» Конут, щурясь, смотрел на изображение. Оно было полно жизни. Несмотря на то, что пленку с голосом можно подделать, как и любой документ. Но никто в мире не сможет подделать видеопленку так мастерски. Голос, который слышал сейчас Конут, гремел из миллионов телевизоров в течение десятилетий. Конут поймал себя на том, что не обращает внимания на слова, а пытается понять, когда именно Карл принял решение оставить все ему. Он смутно припомнил, что эту одежду Карл носил когда-то раньше, но когда он сменил

ее на другую?

Теперь это не важно. Все, что касается Мастера Карла, уже не имеет значения. Динамик затрещал, и лицо Карла исчезло с экрана.

Лусилла тронула его за локоть.

Чиновник бодро произнес:

— Ну вот и все. Все ваше. Вот опись.

Конут быстро проглядел список. Более тысячи книг — чиновники все подсчитали, наверное, трудились день и ночь! — на пятьсот долларов с небольшим. Одежда и личные вещи — Конут невольно улыбнулся — произвольно оценены в один доллар. Наличных денег чуть больше тысячи долларов, включая те монеты, что нашли у него в карманах. Доля в университетском пенсионном фонде — восемь тысяч четыреста шестьдесят долларов; задолженность по зарплате, высчитанная на час смерти — двести семьдесят один доллар; гонорар, причитавшийся за использование пленок с его лекциями, — пятьсот долларов. Конут содрогнулся. Карла бы это задело, но его старые записи, действительно, использовали все меньше, появились новые профессора, новые методики. В списке значился также гонорар, причитающийся за мнемонические песни, совершенно возмутительный

— пятьдесят долларов.

Конут не стал читать подробный перечень вычетов — налог на наследство, подоходный налог, какие-то счета. Он взглянул только на окончательную сумму — чуть больше восьми тысяч.

Управляющий похоронными делами медленно вышел из глубины комнаты и важно провозгласил:

— Обозначим сумму в восемь тысяч. Вас устраивает? Тогда распишитесь здесь, Мастер Конут.

«Здесь», то есть внизу стандартного посмертного соглашения со стандартным разделением наследства пополам между наследниками и похоронным ведомством. Конут быстро проглядел его, чувствуя некоторое облегчение. Все прошло гладко. Установленная законом минимальная плата за обычные похороны составляла две с половиной тысячи долларов; если же имущество стоило меньше пяти тысяч, наследовалось только то, что превышает стоимость похорон. А если сумма не достигала двух с половиной тысяч, наследник не получал ничего и должен был доплачивать разницу за похороны. Таков был закон.

Нередко наследник, обязанный нести расходы на похороны, вспоминал о покойном отнюдь не с состраданием.

(В самом деле, попадаются такие нищие, которые используют завещание как инструмент мести. За бутылку ликера стоимостью в сто долларов они готовы завещать свое ничтожное имущество злейшему врагу — поставщику спиртного, который рано или поздно обнаружит, что неизбежно должен заплатить две с половиной тысячи долларов за похороны.)

Сержант Рейм ждал их на улице.

— Не возражаете? — он вежливо протянул руку за бумагами.

Конут передал ему посмертное соглашение с описью имущества Карла. Полицейский вдумчиво прочел его, покачал головой.

— Не так уж много. Хотя много ему и не требовалось, не так ли?

Он взглянул на часы.

— Ну ладно. Не могли бы вы пройти со мной? Нужно продолжать расследование.

Отдавая дань уважения Университету, государственный медэксперт пригласил в состав комиссии дюжину профессоров разных факультетов. С математического отделения присутствовала женщина по имени Дженнет, но Конут смутно узнал и других — по совместным чаепитиям и

прогулкам во дворе.

Эст Кир кратко и в своей обычной, неизменной манере показал, что прежде Мастер Карл никогда не проявлял признаков безумия, но в ту ночь вел себя буйно и угрожающе.

Экономка Эста Кира утверждала то же самое, добавив, что опасалась за собственную жизнь.

Затем поднялся телохранитель, убивший Карла. Конут почувствовал, как сжалась сидящая рядом Лусилла; он испытывал то же самое.

С виду в этом человеке не было ничего особенного — средних лет, рослый и сильный, речь его каким-то странным образом напоминала манеру говорить его патрона, Эста Кира. Он сказал, что служит у Президента около десяти лет, до этого был полицейским, ведь богатые люди часто нанимают в телохранители бывших полицейских, и что раньше ему не приходилось убивать, защищая Эста Кира.

— Но этот человек… Он был опасен. Он… собирался убить… кого-нибудь.

Затем показания дали еще несколько человек: сам Конут, ночной дежурный, студент-библиотекарь, даже секс-писатель Фарли, который утверждал, что Мастер Карл показался ему при встрече достаточно выбитым из колеи, но, без-

условно, это оправдывали обстоятельства — ведь Фарли сообщил о последней попытке самоубийства Конута. При этих словах Конут постарался не обращать внимания на прикованные к нему любопытные взгляды.

На вынесение вердикта потребовалось не более пяти минут. Он гласил: «Убит в целях защиты при попытке совершить убийство».

Потом Конут долго избегал посещать резиденцию Эста Кира, чтобы не сталкиваться с убийцей Карла. Он никогда не видел этого человека раньше и не хотел встречать вновь.

Но время шло, и смерть Карла сгладилась в его памяти, постепенно ее вытеснили другие проблемы.

День за днем Конут приближался к рубежу жизни самоубийц, потом перешагнул его, побив рекорд выживаемости.

Ему сохраняла жизнь бесконечная забота Луциллы. Каждую ночь жена ждала, пока он заснет, и каждое утро вставала раньше него. Она-стала бледной, как-то Конут заметил, что она дремлет в раздевалке во время его лекции, — но не жаловалась. Она не говорила ему, пока он сам по некоторым признакам не догадался, что дважды за педелю, несмотря на ее заботу, умудрился

совершить попытку вскрыть себе вены, сперва ножом для разрезания бумаг, потом краем разбитого стакана. Когда он побранил ее за молчание, она в ответ лишь поцеловала его. И все.

Конут по-прежнему видел сны, странные сны. Просыпаясь, он отчетливо видел их содержание, но только один раз рассказал Лусилле, больше не решился. Уж очень они были странные. В снах Конута заставляли подчиняться чьему-то контролю, он получал приказания от какого-то грубого начальника или враждебной толпы римлян, жаждущих пролития его крови на арене гладиаторских боев. Сны были неприятны; Конут долго пытался объяснить их природу и пришел к выводу, что они вызваны его подсознательным ощущением контроля со стороны Лусиллы. Следующий вывод был таков: паранойя. Он не хотел в это верить. Но какое объяснение можно было найти еще?

Конут подумывал вновь обратиться к психоаналитику, но когда заговорил об этом с Лусиллой, она лишь покраснела и стала более напряженной. Из их любви ушли неожиданные радости, это беспокоило Конута, но ему не приходило в голову, что растущее доверие и солидарность, возможно, куда важнее.

Не все радости канули в прошлое. Кроме передышек между взрывами страстей, отчасти провоцируемых непреклонным желанием Лусиллы оставаться на страже, пока он спит, кроме доверия и близости, было еще кое-что. Интерес к общему делу, ибо Лусилла, как преданная жена, разделяла научные интересы Конута куда больше, чем любой другой ученик из его классов. Вместе они перепроверили работу по Вольграну, не нашли серьезных ошибок, неохотно отложили исследования из-за отсутствия проверочных данных и начали новую работу по вопросу первичного распределения в очень больших числах.

В один из теплых дней они шли к Башне Математиков, обсуждая новый подход к использованию в целях анализа законов конгруэнтности, как вдруг Лусилла остановилась и схватила Конута за руку.

Навстречу шел Эгерт. Он загорел, но выглядел каким-то угнетенным. Причиной была, как правильно догадался Конут, неловкость от встречи с девушкой, которую он любил, и с человеком, за которого она вышла замуж. Но были и другие причины. У Эгерта был нездоровый вид.

— Что с тобой случилось? — напрямик спросила Лусилла.

— Разве ты не знаешь Медицинскую Школу? — невесело улыбнулся Эгерт. — У них принято издеваться над новичками. Обычная шутка — это кожный грибок, который вызывает прогорклый пот, так что ты начинаешь ужасно вонять; или еще: несколько капель какого-то вещества — и весь покрываешься оранжевыми пятнами, либо… ладно, хватит об этом. Некоторые шутки носят весьма, как бы это выразиться, специфический характер.

— Это ужасно, — искренне огорчилась Лусилла. — Мне кажется, ты несчастлив, Эгерт.

Когда Эгерт ушел, Конут сказал ей:

— Мальчишки есть мальчишки.

Лусилла бросила на него быстрый взгляд и отвела глаза. Конут сознавал, что говорит жестоко, но не знал, что она поняла причину, и надеялся, что ему удалось скрыть внезапную вспышку ревности.

Прошло немногим больше двух недель после смерти Карла, когда в дверь Конута постучал дежурный и доложил о посетителе. Это был сержант Рейм с чемоданом, набитым всякой всячиной.

— Личные вещи Мастера Карла, — провозгласил он. — Они теперь ваши. Мы временно брали их на экспертизу.

Конут пожал плечами. Пожитки не имели особой ценности. Он просмотрел содержимое чемодана: несколько поношенных предметов туалета, объемистая тетрадка с надписью «Дневник» — он нетерпеливо пролистал ее, но там были записи только о недостатках и посещаемости классов — и коробка с фотопленками.

Сержант Рейм сел.

— Вот о чем я хотел вас спросить. У него была масса фотопринадлежностей. Мы нашли несколько нераспечатанных пачек пленки, которые Мастер Карл поместил в нечто вроде облучающего устройства из люминесцентной бумаги. Наши лаборанты потратили массу времени, чтобы разобраться с этим хозяйством. Они пришли к выводу, что Карл пытался зарегистрировать излучение бумаги на пленке, но не смогли понять, с какой целью.

— Я тоже не знаю, — ответил Конут, — но могу предположить.

Он рассказал об увлечениях Карла, о бесконечных экспериментах, в которые Карл хотел втянуть и его.

— Не знаю, чего он хотел добиться на сей раз, по-моему, это как-то связано с получением изображений геометрических фигур — звезд, кругов

и тому подобное. Но почему вы спрашиваете? Не хотите ли вы сказать, что он добился успеха?

— Не совсем.

Сержант Рейм открыл пакет и протянул Конуту глянцевый отпечаток.

— Все негативы были пусты, кроме одного. Вот этого. Конут изучил фото. Казалось, это был текст принтера.

Изображение не слишком четкое, но достаточно ясное, чтобы Конут мог прочесть. Некоторое время он искал разгадку, потом покачал головой.

Из букв на снимке складывалось:

«Ты проклятый старый дурак».

Глава 12

Дул свежий ветер, и натянутые под платформой поселения кабели, вибрируя, издавали бычий рев. Пневматические генераторы то грохотали, то жалобно визжали, то трещали. Но брат Лусиллы не замечал обычного шума.

Он не очень хорошо себя чувствовал, но привык всегда делать то, чего ожидают от него родители, а они ожидали, что он будет смотреть передачу из Университета, лекцию, на которой должна присутствовать его сестра. Это был класс Конута, и Роджер в полном неведении слушал обстоятельное объяснение теоремы Вильсона. Интереснее всего казались танцующие фигурки на экране, но в целом это было для него бессмысленное зрелище. Камера лишь дважды показала аудиторию, Лусилла не попалась ему на глаза ни разу.

Он сообщил об этом матери, бросил взгляд на флаг, подаренный сестрой, и отправился на работу.

К концу дня он почувствовал себя хуже. В висках стучало, голова болела, временами подступала тошнота. Работать стало трудно, а работа у Роджера была не из приятных: весь день он

проводил, стоя по колено в вонючей массе из соленой воды, рыбьих внутренностей и крови.

Обычно Это его не беспокоило (как не беспокоило ничто другое). Но сегодня все было иначе. Он с трудом стоял на ногах, придерживаясь одной рукой за обитый железом стол, и сильно тряс головой, пытаясь прийти в себя. Только что ему пришлось сбегать в туалет, где его сильно вырвало. И, кажется, придется бежать туда снова.

Стоящий на другом конце стола сортировщик окликнул его:

— Эй, Роджер! Ты нас задерживаешь!

Роджер потер затылок и пробормотал что-то, непонятное даже ему самому. Он начал работать, больше медлить было нельзя — уже навалилось много рыбы. В обязанности сортировщика входило отделять самок искусственно разведенного атлантического лосося от самцов. Самцы скатывались по крутому скату навстречу быстрой и неминуемой смерти, в то время как самки в сезон метания икры содержали в себе нечто слишком ценное, чтобы отбросить его в месиво из внутренностей и костей, из которого делают чистую рыбную муку.

В этом состояла работа Роджера и еще нескольких десятков людей, стоящих, как и он, у разде-

лочных столов. Сначала они хватали бьющуюся самку за хвост и ударом оглушали ее. Затем брали тушку обеими руками, развернув брюхом к соседу, а тот своим длинным, испачканным жиром ножом вскрывал ей живот и извлекал икру. (Часто нож срывался, так что работа Роджера была не завидной.) Быстрое вращательное движение — икра отправляется в одну сторону, а выпотрошенная тушка в другую, и сортировщик берется за следующую рыбину. Иногда рыба отчаянно сопротивлялась, что было крайне неприятным зрелищем для людей с воображением, и даже самый равнодушный человек начинал испытывать отвращение к такой работе. Роджер занимался ею уже четыре года.

— Давай, Роджер! — вновь прокричал его напарник.

Роджер тупо уставился на него. Он немного пришел в себя, подбодренный привычными звуками: хлопаньем, грохотом, ревом, доносящимися с рыбоперерабатывающего завода, который располагался на нижнем уровне, ближе к морю. Роджер открыл было рот, чтобы что-то сказать, и вдруг сорвался с места. Но не успел добежать до туалета — его вырвало тут же.

Час спустя мать Роджера удивилась, увидев,

что ее сын уже вернулся домой.

— Что случилось?

Мальчик попытался объяснить, но выдавил из себя несколько бессвязных слов. Наконец он с трудом осилил фразу:

— Мне нехорошо.

Мать встревожилась. Роджер никогда не жаловался на здоровье. Правда, вид у него не слишком симпатичный, но это оттого, что поврежденная часть мозга вызвала сокращение мышц лица. В самом деле, он болел не больше недели за всю свою жизнь. С сомнением в голосе мать произнесла:

— Отец вернется примерно через час, но, может, мне лучше вызвать его? Как ты думаешь, Роджер?

Вопрос был риторическим. Она давно поняла, что сын не способен думать. Мальчик пошатнулся и выпрямился, нахмурясь. У него нестерпимо болели шея и затылок, и он не мог размышлять над такими трудными вопросами. Ему очень хотелось лечь в постель и положить на подушку подарок сестры, чтобы можно было гладить его, засыпая. Это было его единственное любимое занятие. Так он и сказал матери.

Теперь она забеспокоилась не на шутку.

— Ты и вправду заболел. Я позову врача. Иди ложись.

— Нет, не надо. Они уже осмотрели меня.

Мальчик с трудом сглотнул слюну. У него начинался озноб.

— Мистер Гарни водил меня к этому диа… диа…

— К диагносту в клинику, Роджер!

— Да, и мне дали какие-то таблетки.

Он порылся в кармане и достал маленькую коробочку.

— Одну я уже проглотил, а потом приму еще.

Мать мало что поняла из его объяснений, но уже не так беспокоилась. Диагностическое оборудование ошибается не часто.

— Во всем виновата холодная вода, в которой ты работаешь, — печально сказала она, помогая ему лечь. — Я ведь говорила тебе, Роджер, ты должен найти работу получше. Например, резчика или даже сортировщика. Или вообще уйти оттуда. Ты работаешь там уже четыре года…

— Спокойной ночи, — невпопад ответил Роджер — до ночи было еще далеко.

Собираясь лечь, он почувствовал себя немного лучше — психологически, потому что был в своей привычной комнате со своей удобной постелью

и старым японским флагом на подушке.

— Сейчас я усну, — сказал он матери и, по крайней мере, избавился от нее.

Он съежился под согревающими покрывалами, обогрев был включен на полную мощность, но мальчик продолжал дрожать всем телом. Головная боль стала невыносимой.

Мистер Гарни в клинике изо всех сил старался объяснить ему действие пилюль. Они должны успокоить боль и унять дрожь, облегчить его страдания и помочь уснуть. Роджер лихорадочно вытащил из коробочки таблетку и проглотил.

Она обязательно поможет. Таблетки, которые дают в клинике, всегда помогают. Боль уменьшилась, стала не пульсирующей, а ноющей, потом совсем отступила. Дрожь утихла, и Роджер начал засыпать.

Сквозь дрему он чувствовал умиротворение. Он не мог видеть своего лица, поэтому не знал, как оно покраснело и как быстро поднимается температура. Во сне он был совершенно счастлив… прижимая к щеке старый потрепанный флаг… Как он делал предыдущие три недели и как не сделает больше никогда в своей жизни.

Роджер не мог видеть на занятиях Лусиллу по той причине, что ее не было на лекции, она жда-

ла Кону та в его маленькой уборной. Так велел ей Конут.

— Тебе нужно отдохнуть, — заботливо сказал он и обещал пересказать ей содержание лекции.

На самом деле у него была другая причина. Войдя в аудиторию, он написал и послал ей со студентом записку: «Мне нужно кое-что сделать. Я отлучусь всего на пару часов. Обещаю, что все будет в порядке. Не волнуйся».

Прежде чем Лусилла получила записку, Конут был уже на Мосту, по дороге в город.

Он действительно собирался кое-что сделать и не хотел говорить об этом Лусилле. Странные сны не прекращались, появилось и кое-что еще. К примеру, теперь Конут почти постоянно находился в состоянии похмелья. Он обнаружил, что пара выпитых на ночь стаканов делают сновидения менее яркими, и стал прибегать к этому средству.

И было нечто, о чем он вообще не мог поговорить с Лусиллой, потому что она не хотела об этом слышать.

Монотрек доставил его на светлую, шумную, душную станцию подземки далеко в городе. Конут задержался у телефонной будки, чтобы уточнить по справочнику адрес секс-писателя

Фарли, и поспешил наверх, на улицу, желая избавиться от вони и шума. Но он ошибался. Здесь, на открытом воздухе, грохот стоял оглушительный, да и запахи были гораздо сильнее. Вокруг возвышались кубические громады домов, по двухуровневой магистрали сновали маленькие трехколесные машины и большой коммерческий транспорт. До конторы Фарли была всего минута ходьбы, но она стала для Конута нелегким испытанием.

На дверной табличке стояла та же надпись, что и на когда-то врученной Конуту папке: «С. Р. Фарли. Консультант».

Секретарь посмотрел на Конута с большим сомнением, но в конце концов сказал, что мистер Фарли примет его, несмотря на то, что мистер Конут не предупредил о своем визите.

Войдя в кабинет Фарли, Конут уселся, достал сигарету и начал без обиняков:

— Я изучил тексты, которые вы приготовили для нас. Они довольно любопытны, и все же я не уверен, что в будущем мне понадобятся ваши услуги. Мне кажется, я уловил вашу основную мысль и заметил, что в тексте присутствует ряд постоянных величин, которые, по-видимому, характеризуют жизненный путь — мой и моей

жены.

— О да. Это очень важные показатели, — ответил Фарли. — Информация о вас, конечно, не полная, у меня не было возможности побеседовать с вами. Но я ознакомился с вашим файлом в банке данных Университета, картой в Медцентре и тому подобными материалами.

— Хорошо. Но я хочу задать вам один вопрос.

Конут колебался. По правде говоря, вопрос следовало бы сформулировать так: «На основании смутных догадок я подозреваю, что в одно прекрасное утро сделаю своей жене довольно странное предложение». Но так сказать он стеснялся. К тому же такая фраза могла потребовать разъяснений, рассказа о том, сколько странных вещей он уже совершил, включая и попытки самоубийства в полусне, которые чуть не привели к печальному результату.

Вместо этого Конут сказал:

— Позвольте листок бумаги, — и начал быстро набрасывать строку символов.

Представленная в таком виде проблема менее смущала Конута, и он перебросил листок писателю.

— Взгляните. Ложится ли это в составленную вами схему?

Фарли изучил запись и поднял бровь.

— Абсолютно нет, — уверенно заявил он, — и не думайте об этом. Она никогда не согласится.

— Значит, вы утверждаете, что это нежелательно?

— Мастер Конут! Только не прибегайте к моралистике! Сексуальная жизнь — личное дело двоих. То, что считается аморальным в одном месте, вполне может быть принято в другом…

— Я понимаю, мистер Фарли. Но по нашим собственным понятиям о морали, моем и моей жены — вы отразили их в своем исследовании — это выглядит как нежелательное?

Писатель рассмеялся.

— Более того, Мастер Конут. Как абсолютно неприемлемое. Я знаю, что мои данные неполные, но ответ на ваш вопрос не оставляет никакого сомнения.

Конут глубоко вздохнул.

— И все же, если, — сказал он, помолчав, — если это произошло? Если я уже предложил это жене?

Фарли забарабанил пальцами по столу.

— Я могу только сказать, что на вас влияют другие факторы.

— Какие?

Фарли сказал без улыбки:

— Вы должны попытаться удалить от себя жену.

По дороге от офиса Фарли до подземки Конут видел последствия аварии — три трупа. Грузовик на верхнем уровне потерял управление, толкнул другую машину и вылетел за ограждение, при этом погибли шофер и два пешехода. Однако даже это шокирующее вмешательство жестокости в спокойную академическую жизнь Конута оказалось пустяком в сравнении с теми неприятностями, которые ждали его впереди. Его жизнь, как этот грузовик, быстро катилась под откос.

«Вы должны попытаться удалить от себя жену».

Едва сознавая, что делает, Конут сел на нужный поезд. Он не хочет расставаться с Лусиллой!

Но ведь убивать себя он тоже не хочет, и все-таки нет ни малейшего сомнения, что он будет продолжать попытки. Все это части одного целого, и совершенно ясно, каков будет результат: он пытается разрушить себя любыми средствами. Потерпев неудачу с самоубийством, разрушительная сила внутри него хочет уничтожить его жизнь по частям; сейчас она выбрала часть, которая для Конута особенно важна, важнее всего остального — его любовь к Лусилле. С уходом

Лусиллы, рассуждал он, после смерти Карла и перевода Эгерта рядом с ним не останется ни одного близкого человека, способного помочь в опасные моменты полусна, которые случаются, по крайней мере, дважды в сутки.

Он хотел бы, чтобы этот день кончился.

Конут упал в кресло, чувствуя беспросветное отчаяние, какого раньше никогда не испытывал. Какая-то часть его сознания осуждающе сказала: «Очень плохо».

Другая часть была полностью занята мыслями о тех, кто его окружал. Даже депрессия не ослабила новизны впечатлений — ведь сегодня он видел множество новых для него людей, жителей Города, а не Университета. Он безучастно отметил, что они выглядят уставшими и злыми, а двое или трое даже больными. Он хотел бы знать, знакома ли кому-нибудь из них беспомощность перед лицом самого коварного из врагов, с которым столкнулся он сам.

«А если предположить, что Мастер Карл был прав?» — неожиданно сказал себе Конут.

Эта мысль поразила его. Она пришла внезапно, и если ее причиной были дорожные размышления, то он начисто забыл об этом.

Прав? Но в чем?

По трансляции объявили следующую остановку. Конут в задумчивости поднялся с места. Прав?

Он сомневался, что Мастер Карл действительно хотел убить Эста Кира. Но факты свидетельствовали именно об этом. Полиция обнаружила на топоре отпечатки его пальцев.

Итак, предположим, что Мастер Карл действительно вооружился, чтобы пробить старику череп. Невозможно! Но если он поступил так… И если Карл не просто впал в ненормальный старческий гнев…

Тогда, сказал себе Конут, выходя из лифта у подножия опоры Моста и оглядывая знакомый университетский городок, тогда у Карла имелась на это причина. Возможно, Эст Кир заслуживал смерти.

Глава 13

Войти в комнату было все равно что погрузиться в море.

Свет сине-зеленых ламп отражался от сине-зеленых стен. Одну стену покрывала паутина синих и зеленых линий, изображающих волны, из ящиков, стоящих вдоль решетки в полу, поднимались вьющиеся бледные растения, похожие на бурые водоросли подводных лесов.

Морские мотивы не были изыском дизайнеров, комната была такой потому, что именно эти цвета и формы нравились Эсту Киру. Это была его любимая комната. Не кабинет с дубовыми панелями и коллекцией древнего оружия на стенах и даже не личная гостиная, где он иногда принимал членов факультета. Эта комната была предназначена для очень узкого круга лиц.

Четверо из них, сейчас присутствовали здесь. Очень толстый мужчина неуклюже повернулся и проговорил: — Когда? — затем: — Вы хотите, чтобы собрались мы все? — и еще добавил: — Это работа Джилсона.

Эст Кир улыбнулся, и, спустя секунду, в разговор вступил его телохранитель.

— Нет, я не могу. В самом деле. Вам это доставляет больше удовольствия, чем мне.

Женщина в нелепом молодежном наряде раскрыла тонкогубый рот и громко хихикнула. В это время раздался стук в дверь.

Джилсон, телохранитель, открыл ее и обнаружил там тощую безмолвную экономку Эста Кира в сопровождении Конута.

Сидящий в бирюзовом кресле Эст Кир поднял руку. Джилсон взял Конута за локоть и ввел в комнату, экономка скрылась за дверью.

— Мас-тер Ко-нут, — проговорил Эст Кир. — Я ждал те-бя.

Старуха в ярком платье захохотала без видимых причин, телохранитель улыбнулся, развеселился и толстяк.

Несмотря на все эти странности, Конут с любопытством оглядывал комнату, в которой раньше не бывал. Здесь было прохладно, температура поддерживалась гораздо ниже той, к которой привык Конут. Откуда-то доносилось размытое бренчание музыки, такой тихой, что нельзя было разобрать мотив. И эти люди — какие-то странные.

Он не обратил внимания на Джилсона, убийцу Карла, которого запомнил на процессе. Толстяк

подмигнул ему.

— Сен-на-тор Дейн, — представил Эст Кир. — И мисс Мей Кербс.

Мисс Мей Кербс засмеялась, остальные молчали. Она качнулась к Конуту с видом девочки-подростка, попавшей на первую вечеринку.

— Мы говорили о вас, — сказала она неожиданно резким голосом, и Конут был потрясен, поняв, что это не подросток. Она внезапно напомнила ему ту женщину из Южной Америки, которую он встретил в Полевой Экспедиции: черты лица были немного другими, но манеры те же. В сущности, трудно судить о чертах лица, если это череп, покрытый гримом. Ей было лет пятьдесят, нет, семьдесят пять, нет, она старше — старше, чем он мог себе представить, эта старуха, одетая, как юная девушка.

Конут был до крайности удивлен этой метаморфозой. Он не мог оторвать глаз от женщины. Они говорили о нем? Чем он их заинтересовал?

— Мы знали, что ты придешь сюда, парень, — сказал убийца-Джилсон доброжелательно. — Ведь ты думаешь, что мы убили этого ребенка.

— Ребенка?

— Мастера Карла, — пояснил Джилсон.

«У них была причина», — проговорил внутрен-

ний голос Конута. Странно, но он сказал это в запинающейся манере Джилсона.

— Но са-ди-тесь, Мас-тер Ко-нут, — жестом Эст Кир показал ему место.

Женщина любезно взбила на диване подушки цвета бирюзы и морской волны на диване.

— Я не хочу сидеть!

— И все же, пожалуйста, сядьте, — отливающее голубизной лицо Эста Кира выражало лишь любезность.

Толстяк засопел.

— Очень плохо, юнец. Мы не хотели больше его дурачить! Я имею в виду, зачем нам лишнее беспокойство? **С** ним были одни проблемы. Каждый год, — радостно пояснил он, — мы получаем около полудюжины людей, которые сами осложняют себе жизнь. Большинство — как ты, некоторые — как он. Он поднял шум, обнаружив засекреченные материалы. Однако, — сурово сказал толстяк, покачивая жирным пальцем, — имелась причина, чтобы их засекретить.

Конут в конце концов сел, потому что все равно ничего не мог сделать. Все шло совсем не так, как он ожидал: они ничего не отрицали. Но поверить, что они убили Карла, чтобы сохранить в тайне какие-то незначительные показатели переписи

населения? Это бессмыслица!

Старая шлюха пронзительно засмеялась.

— Не обращай внимания на мисс Кербс, — сказал толстяк, — ей показалось смешным, что ты собираешься судить, являются наши поступки осмысленными или нет. Поверьте, молодой человек, мы знаем, что делаем.

Конут почувствовал, что скрежещет зубами от бессилия. Эти односторонние беседы, эти ответы на еще не заданные вопросы, эти туманные намеки…

Как будто они читают его мысли.

Как будто им известно все, о чем бы он ни подумал.

Но это невозможно! Ведь Карл доказал!

Проклятый старый дурак.

Конут подскочил. Эта мысль была произнесена в мозгу голосом толстяка, и он вспомнил, где раньше видел эти слова.

Толстяк кивнул, его подбородок колыхался, как медуза.

— Мы проявили ему пленку, — с довольным видом рассмеялся он. — Да. Это была всего лишь шутка, мы знали, что он уже не увидит ее и не поднимет шума. Раз уж он взялся за анализ Вольграна, мы могли ему помочь.

— Очень плохо, — жизнерадостно продолжил он, — потому что мы хотели, чтобы он опубликовал свое доказательство невозможности существования телепатии. Ведь это совершенно ясно. Для него. Но не для нас. И, к несчастью, мой дорогой друг, не для вас.

Лусилла проснулась и вздрогнула, не обнаружив рядом Конута. Она включила свет и посмотрела на часы — час ночи.

Она встала, выглянула в окно, прислушалась у двери, включила внутреннюю связь, тряхнула переговорное устройство, чтобы убедиться, что оно работает, проверила, не отключен ли телефон, потом села на край кровати и стала тихонько плакать. Ей было страшно.

Какая бы сила не заставляла Конута убить себя, она никогда не проявлялась во время бодрствования, когда он полностью владеет своими мыслями. Или это уже не так? А если так, то почему он ушел тайком, ничего не сказав ей?

Радио убедительным шепотом извергало поток новостей: забастовки в Гейри, штат Индиана; крушение грузовой ракеты; три сотни случаев заболевания гамма-вирусом в течение последних двенадцати часов; снова катастрофа — столкновение траулера с платформой поселения (Лусилла

сначала слушала, потом отвлеклась) у берегов Гаити. Все, что не касалось Конута, Лусиллу сейчас не интересовало. Где же он может быть?

Зазвонил телефон, она тут же схватила трубку.

Но это был не Конут. Грубый, торопливый голос какого-то очень занятого человека прокричал:

— Поручила мне позвонить. Она с вашим братом. Вы можете приехать?

— Мама поручила позвонить?

В трубке нетерпеливо ответили:

— Ну я же вам говорю. Брат серьезно болен, — и, не дрогнув, голос равнодушно закончил: — Похоже, умрет в ближайшие несколько часов. Всего хорошего.

Любовь к Конуту говорила ей: останься и жди, но ведь ее звала мать. Лусилла быстро оделась. Она оставила ночному дежурному необходимые распоряжения — что он должен делать, когда (не если, а когда) Конут вернется. Проверить, как он заснет, оставить дверь открытой, заходить через каждые полчаса и быть рядом в момент пробуждения.

— Хорошо, мадам, — ответил студент и мягко добавил: — С ним будет все в порядке.

Но где он? Лусилла поспешила во двор, выкинув этот вопрос из головы. Для рейсового перевозчи-

ка было слишком поздно. Нужно дойти до Моста, ехать в город и ждать там вертолет на поселения. По дороге Лусилла заметила, что многие окна Медцентра освещены. «Странно», — подумала она и заспешила прочь. Аборигены за своей проволочной загородкой не спали и шептались. Тоже странно.

А если дежурный забудет?

Лусилла стала убеждать себя, что этого не случится, ведь он студент Конута. В любом случае придется пойти на риск. Она была почти рада, что обстоятельства заставили ее выйти из дому, избавив от невыносимого ожидания.

Не глядя, она прошла мимо резиденции Эста Кира. Окна здесь тоже были освещены, но ей и в голову не пришло, что это может иметь отношение к ее собственным проблемам.

До тех пор, пока Лусилла не села на медленно ползущий монокар, она не сознавала, куда едет и зачем. Здесь страшная новость дошла до ее сознания. Роджер! Он умирает.

Она заплакала, оплакивая брата, пропавшего Конута и себя; в машине было пусто, и никто не видел ее слез.

В этот самый момент Конут, ощущая нестерпимую боль, пытался подняться с пола. Над ним

стоял спокойный, жизнерадостный Джилсон, держа дубинку, обернутую влажной тканью. Конут не представлял, что ему может быть так больно. Он пробормотал:

— Вы не посмеете больше бить меня.

— Воз-можно, мы это сде-лаем, — прокаркал Эст Кир со своего сине-зеленого трона. — Ты знаешь, мы не любители подобных развлечений, но, что поделаешь, приходится.

— Говори за себя, — бодро промолвил Джилсон, а древняя блондинка зашлась хохотом.

Конут понял, что они беседуют между собой; он мог слышать только то, что произносилось вслух, а они шутили, обменивались замечаниями… Они хорошо повеселились, пока этот методичный маньяк раскрашивал его дубинкой в черный и синий цвета.

Толстый сенатор засопел.

— Поймите нашу позицию, Конут. Мы не жестоки. Мы не убиваем просто так. Но мы не люди и нас нельзя судить по законам людей… Давай, Джилсон.

Телохранитель вновь взмахнул дубинкой, и Конут осел на подушки, которые взбила для него дальновидная блондинка. Самым скверным было то, что сенатор держал в руках ружье. Когда его

ударили в первый раз, Конут сопротивлялся, но сенатор навел на него ружье, позволяя Джилсону безнаказанно вышибать из него дух. И все это время они продолжали болтать!

— Хватит, — ласково сказал Эст Кир.

Это было в момент очередного избиения, уже пятого за шесть или семь часов, а в промежутках они допрашивали его.

— Рас-скажи нам, что ты по-нял, Ко-нут.

Дубинка научила его послушанию.

— Вы — члены организации, — покорно проговорил он, — формы жизни, следующей за человечеством. Я это понял. Вам нужно выжить, и неважно, выживем ли при этом мы. Благодаря своим телепатическим способностям вы можете подталкивать к самоубийству тех, кто обладает вашей силой в скрытой форме.

— В пресе-ченной фор-ме, — поправил Эст Кир, пока Конут делал очередную попытку выпрямиться после удара.

Он откашлялся и увидел кровь на тыльной стороне ладони. Но сказал только:

— В искусственно пресеченной форме. Как я.

— Пресечение мутаций, — удовлетворенно заметил сенатор, — то есть безуспешных попыток природы создать нам подобных.

— Да-да. Безуспешные попытки, пресечение мутаций. Это мой случай, — Конут повторял, как попугай. — И вы можете предотвратить многое, если можете угробить талант, если можете добраться до мозга его носителя, когда он находится между бодрствованием и сном.

— Прекрасно, — сказала старуха. — Ты хороший ученик, Конут. Но телепатия — это только одно из преимуществ. Знаешь ли ты, что по-настоящему отличает нас от людей?

Конут отшатнулся от Джилсона, когда тот тряхнул головой. Телохранитель взглянул на старуху, пожал плечами и сказал:

— Хорошо. Не буду вам мешать, продолжайте.

— То, что нас отличает, — это возраст, мой дорогой мальчик.

Она пронзительно хихикнула.

— Мне, например, двести восемьдесят три года.

В конце концов он им надоел, и они оставили его в покое. Хотя Конут чувствовал боль в каждой клеточке, на нем почти не было видимых следов от побоев — благодаря ткани на дубинке. «Это сделано специально», — мучительно думал Конут. Раз они не хотят оставить следов, значит, рассчитывают на то, что кто-то может его уви-

деть. А это значит, по крайней мере, что они не собираются его убить и выкинуть в море.

Двести восемьдесят три года.

А ведь она не самая старшая из этой четверки; только Джилсон моложе — этакое дитя лет ста или около того.

Сенатор родился, когда Америка была еще английской колонией. Эст Кир родился во Франции при де Голле.

Вот почему так старательно оберегались от любопытных цифры статистики. Если бы Конут увидел их, он бы понял, что аномалии закона Вольграна применительно к переписи населения вызваны не чьей-то ошибкой. Данные показали бы, что некоторые люди не умирали. Статистически незначимая в течение тысячелетий эта часть населения резко увеличилась за последние двести — триста лет — во времена Листера, Пастера, Флеминга. Эти люди не были бессмертными, они становились жертвами ранений, болезней, но не умирали от старости.

По мере развития профилактической медицины они начали накапливать свою силу. На самом деле они не обладали особыми преимуществами по сравнению с обычными людьми, не были мудрее или могущественнее. Даже телепатия была

их привилегией скорее всего потому, что люди, живущие меньше их, не имели времени развить это свойство; оно зависело от сложных, медленно формирующихся нервных связей и было знаком зрелости, как половое созревание и волосяной покров на лице. Словом, все, что делало их могущественными, было даром времени. У них были деньги (но, интересно, кто бы, имея в своем распоряжении одно-два столетия, не достиг бы богатства?).

Их спаянное, тесное сотрудничество преследовало определенные цели. Они поддерживали войны, ибо что лучше войны может способствовать развитию медицины? Они материально обеспечивали бесчисленные проекты, так как развитие хирургии людей смертных поможет сохранить их бесконечные и куда более значимые жизни.

К обычным людям — мало живущим, которые кормили их, служили им, делали их существование возможным, — они испытывали лишь презрение.

Им приходилось быть сплоченными. Даже бессмертным нужны друзья, а люди с обычным сроком жизни представлялись им не более чем гостями на уик-энде.

Презрение… И страх. Ведь как они сказали Конуту, существовали ему подобные, обладающие задатком телепатических способностей, люди, которым нельзя позволять жить и развивать это свойство. Внушить такому мысль об убийстве — и он умрет, это же так просто. Спящий мозг может создать картину закрывающейся двери или шума приближающегося грузовика. Мозг на границе сна и бодрствования может превратить этот мираж в действие…

Конут услышал пронзительный смех, и дверь распахнулась. Первым, лучезарно улыбаясь, вошел Джилсон.

— Нет! — инстинктивно закричал Конут, уклоняясь от удара дубинкой.

Глава 14

Лусилла пристроилась рядом с матерью в кафетерии госпиталя, радуясь уже тому, что им удалось найти место, чтобы сесть. Госпиталь поселения был переполнен. Люди, хлынувшие туда в тревоге, заняли каждый дюйм в зале ожидания, помещениях, примыкающих к приемному покою, даже на застекленном балконе-солярии, который нависал над бушующими волнами и предназначался для прогулок пациентов. В такое позднее время кафетерий обычно не работал, но персонал решил обеспечить всех кофе и закусками.

Мать что-то сказала, но Лусилла только кивнула в ответ. Она не расслышала. Немудрено — среди оглушительного бычьего рева опоясывающих поселение кабелей. Кроме того, Лусилла думала о Конуте. По телефону ей не удалось узнать ничего нового, ночной дежурный сказал, что Конут не возвращался.

— Он так хорошо ел, — внезапно произнесла мать. Лусилла потрепала ее по руке. Кофе был холодный, но она все равно выпила. «Доктор знает, где нас найти, — подумала она, — хотя он,

конечно, так занят...»

— Он был лучшим из моих детей, — сказала мать. Лусилла знала, что брату недолго осталось. Сыпь, поставившая врачей в тупик, жар, от которого стекленели глаза, — это лишь внешние признаки страшной борьбы, разыгравшейся внутри его неподвижного тела; они были как заголовки в газете о происшедшем за тысячи миль — «Восемьсот моряков погибли в штормящем Айво»; в них были кровь, боль и смерть, но сами по себе они ничего не значили. Роджер умирал. Внешние признаки находились под контролем, но целебная мазь могла лишь излечить гнойные болячки, пилюли могли лишь облегчить дыхание, уколы могли лишь успокоить головную боль.

— Он так хорошо ел, — повторила мать, грезя наяву, — и начал говорить в полтора года. У него была музыкальная шкатулка в виде маленького слоника, и он умел заводить ее.

— Не беспокойся, — фальшиво прошептала Лусилла.

— Но мы разрешили ему купаться, — вздохнула мать, обводя глазами битком набитый зал.

Это она, а не Лусилла, первой увидела медсестру, пробирающуюся к ним сквозь толпу; и она, как

и Лусилла, по выражению лица медсестры должна была понять, что за сообщение она несет.

— Он десятый сегодня в моей палате, — прошептала медсестра, подыскивая уединенное место, чтобы поговорить с ними, и не находя его. — Он не приходил в сознание.

Конут, жмурясь, вышел из резиденции Президента. Было утро.

— Хороший денек, — вежливо сказал он идущему рядом Джилсону. Тот кивнул. Он был доволен Конутом. Мальчик не собирался доставлять им хлопот.

Пока они шли, Джилсон мысленно «кричал» приказы мозгу Кону та. «Тяжело с этими сопротивляющимися полу-телепатами», — вздохнул он, но это его обязанность. Он всего лишь исполнитель. Он взял Конута за локоть — контакт немного облегчал дело, но не слишком — и напомнил Конуту, чего от него ждут.

Ты должен умереть. Убей себя.

— О да, — вслух произнес Конут. Он был удивлен. Неужели он действительно пообещал им это? Он не испытывал обиды за побои. Он понимал: те, кто бил его, имели на это причины. Однако удивление его росло по мере того, как он удалялся от резиденции, а чем дальше он удалял-

ся, тем жестче становился контроль. Нет, Конут вовсе не возражал против контроля над своим существованием со стороны древней четверки.

Ты умрешь, Конут, но что это меняет? Сегодня, завтра, через пятьдесят лет — все едино.

— Хорошо, — вежливо ответил Конут. Спорить было не в его интересах, за прошедшую ночь этот вопрос был полностью исчерпан. Походя он заметил большую топку у Медцентра. Весь городок выглядел необычно взбудораженным.

Они прошли к Административному корпусу и обогнули его, направляясь к Башне Математиков.

Ты знаешь, что умрешь, — «кричал» Джилсон. *Однажды мир проснется, и тебя в нем не будет. К твоей бедной груди приложат стетоскоп и не услышат биения сердца. Стук сердца, который ты слышал всю свою жизнь, никогда не раздастся вновь.*

Конут смутился. Все верно, он нисколько не возражает, чтобы ему говорили об этом, но со стороны Джилсона было просчетом вкладывать столько удовольствия в свои слова. В мысли Конута вкралось что-то вроде улыбки, как юношеское оживление при виде неприличной картинки.

Мозг превращается в желе, весело пел Джилсон.

Тело превращается в липкую грязь. С горящими глазами он облизал губы.

Конут искоса взглянул на него, желая сменить тему.

— О, смотрите, — сказал он. — Это, случайно, не сержант Рейм?

Джилсон грохотал: *Оторванный ноготь на твоем большом пальце, который сейчас болит, отторгнется, сгниет и разложится, не будет даже боли, какую должен испытывать живой человек. А твоя подружка — ты, кажется, отложил какой-то разговор с ней? Ты слишком долго откладывал, Конут.*

— Это сержант Рейм. Сержант!

Черт — затрещало в мозгу Конута, но Джилсон улыбался.

— Привет, сержант, — сказал он вслух, бушуя в душе.

Конуту следовало бы помочь Джилсону, но он не знал, как его полуотключенное состояние выводило его из игры. «Плохо, — старательно подумал Конут, надеясь, что Джилсон прочтет его мысли. — Я знаю, что Эст Кир приказал тебе находиться возле меня до самой моей смерти, но не беспокойся. Я убью себя. Я обещаю».

Сержант грубовато говорил с Джилсоном по

поводу толпы у Медцентра. Конут хотел, чтобы сержант ушел. Он понимал, что Рейм опасен для бессмертных: полиция могла бы связать их со многими насильственными смертями. Рейм расследовал смерть Мастера Карла от рук Джилсона, нельзя было позволять ему расследовать самоубийство Конута, особенно после того, как он видел Джилсона и Конута вместе. Джилсон сейчас же должен уйти и оставить Конута одного. Плохо. Это так правильно, подумал Конут, так справедливо, что он должен умереть ради безопасности бессмертных, ведь они — будущее человечества. Он знал это, они сами ему сказали.

Его внимание привлек разговор.

— Когда распространилась болезнь, они заполнили все госпитали, — говорил Рейм Джилсону, показывая на толпу у Медцентра.

— Болезнь? — переспросил Конут, оборачиваясь.

Он глядел на полицейского так, будто тот сказал: «Я собираюсь достать чеснока, сегодня ночью появятся вампиры. Болезни остались далеко в прошлом. Самое опасное, что вам грозит, это головная боль или расстройство желудка; тогда вы идете в клинику, а все остальное — дело диагностического оборудования».

Рейм проворчал:

— Где вы были, Мастер Конут? Около тысячи смертельных исходов только в этом районе. Толпы требуют иммунизации. Они хотят, чтобы им сделали прививки от того, что медики называют вирусом Гамма. Есть предположение, что это настоящая оспа.

— Оспа? Просто невероятно! — Конуту это слово было знакомо как археологическая древность.

— Случаи по всему городу, — сказал Рейм, и Конут внезапно подумал о той аварии, которую видел.

— Жар, сыпь и… о, я не знаю всех этих симптомов. Но болезнь неизлечима. Кажется, у медиков нет лекарства от нее.

— Мы знать оспа, — произнес голос за спиной Рейма. — Меня портить, много умирать.

Это был один из туземцев, спокойно наблюдающий, как подразделение Рейма возводит заслон перед их загородкой.

— Мари умирать, — добавил он печально.

— Ты понимаешь его? — спросил Рейм. — Если прислушаться, — это английский. Пиджин[3]. Он говорит, что им знакома оспа. Кажется, его жена

---

[3] Примечания: 3
Англо-китайский гибрид языка, диалект.

умерла от нее.

— Умирать Мари, — подтвердил абориген.

— К несчастью, он, кажется, прав, — сказал Рейм. — Похоже, ваша экспедиция привезла вместе с ними массу неприятностей; похоже, центром распространения эпидемии являются дикари. Взгляни на их лица.

Конут посмотрел — действительно, широкие темнокожие щеки туземцев были испещрены точками старых шрамов.

— Вот мы и пытаемся удержать толпу от беспорядков, огораживая дикарей заслоном.

Однако Конут был настроен даже более скептически, чем раньше. Массовые беспорядки? Ну, это его уже не касается… С тех пор как он закончил все дела с этим миром. Он равнодушно кивнул Рейму, заговорщицки — Джилсону и направился к Башне Математиков. Вслед ему что-то кричали аборигены.

— Ждать Матасура-сан, говорить тебе! — так это звучало, но Конут не обратил внимания.

Джилсон тоже «кричал» ему вслед: *Не забывай! Ты должен умереть!*

Конут обернулся и кивнул. Конечно, он должен умереть. Это справедливо.

И все-таки это было трудно.

К счастью, Лусиллы в комнате не оказалось. Конут ощутил внезапный прилив ужаса от мысли, что потерял жену, но быстро подавил в себе это чувство. Это всего лишь эмоция, а он должен уметь владеть собой. «Возможно, питекантропы обладали такими же эмоциями», — подумал он, подбирая подходящий способ самоубийства. Оказалось, это не так просто.

Конут удостоверился, что дверь заперта, подумал минутку и решил выпить напоследок. Нашел бутылку, налил в стакан, понюхал и громко сказал: «За будущие разновидности человека!» Осушив стакан, принялся за дело.

Мысль о смерти не чужда любому смертному, однако Конут никогда не рассматривал ее как ближайшее будущее. Это его беспокоило. Все там будем, утешил он себя (или почти все). Даже дети совершают самоубийства. Старики, опротивев сами себе, вздыхают и помогают себе уйти из жизни. Нервные люди поступают так из-за вымышленного оскорбления или от страха. Смельчаки идут на верную гибель на войне. Как пишут в древних историях, девушки выбирали смерть, чтобы не оказаться в султанском серале. Почему же Конуту так трудно?

Поскольку Конут был человеком методичным,

он уселся за стол и принялся за составление списка, который озаглавил

Способы смерти
1. Яд.
2. Вскрытие вен.
3. Прыжок из окна (или с моста).
4. Электрический ток.

Он приостановился. Электричество? Звучит не так плохо, особенно если учесть, что все вышеназванные способы он уже перепробовал. Приятно выбрать что-нибудь новенькое. Он налил себе еще стакан, чтобы все хорошенько обдумать, а потом развить бурную деятельность. В душе царило полное умиротворение.

— То, что я должен умереть, всего лишь справедливо, — уютно устроившись, сказал Конут, — ты слышишь, Джилсон?

Конечно, он не мог разговаривать с ними. Но, возможно, они его слышали. И, возможно, они беспокоятся. Печальная мысль, — он не хотел доставлять бессмертным беспокойство.

— Я прекрасно все понимаю, — сказал он вслух, — надеюсь, вы меня слышите. Я выполню вашу волю.

Он сделал паузу, бессознательно, по лекторской

привычке, подняв палец.

— Предположим, — сказал он чуть погодя, — у меня рак в последней стадии. Предположим, я и Эст Кир попали в крушение на судне, и у нас только один спасательный пояс. Перед ним вся жизнь, а у меня, в лучшем случае, неделя мучений. Кто возьмет пояс?

Он покачал пальцем и прогремел:

— Эст Кир возьмет! А здесь тот же случай. У меня смертельная болезнь, я человек. И вопрос стоит так: их жизнь или моя.

Он налил себе еще и решил, что истина, которую в него вколачивали, слишком велика, чтобы исчезнуть вместе с ним. Он смахнул на пол лист со способами самоубийства и, мурлыкая, начал писать на следующем:

«Мы — дети, а бессмертные — мудрые в полном смыслу этого слова. Как дети, мы нуждаемся в их знаниях. Они направляют нас, руководят нашими университетами и планируют наши действия; у них опыт веков, без них мы были бы потерянными, случайными частицами, статистическим хаосом. Но мы опасные дети, так что они должны хранить свой секрет, а тот, кто узнал его, должен умереть…»

Он гневно смял листок бумаги. Он чуть все не

испортил! Из-за собственного тщеславия почти раскрыл секрет, ради сохранения которого должен умереть. Он стал шарить по полу в поисках первого листка, но вдруг остановился, задумчиво глядя на пол.

По правде говоря, он совсем не любил их.

Он выпрямился и печально наполнил стакан. Нет, тут он не может рассчитывать на себя, подумал он. Например, вскрыть вены. Вдруг кто-нибудь войдет, а что может быть неудобнее, чем очнуться на операционном столе с зашитыми венами и необходимостью приняться за это проклятое дело вновь.

Он заметил, что стакан опять пуст, но не стал наполнять его. Он чувствовал, что уже достаточно выпил. Если бы он не был так возмутительно глуп, он чувствовал бы себя просто отлично, ибо что может быть лучше сознания, что очень скоро твоя смерть послужит высшим интересам в мире. Здорово…

Он встал и, лучезарно улыбаясь, уставился в окно. Возле Медцентра еще кишела толпа, добиваясь иммунизации. Глупцы, насколько ему лучше, чем им!

— Двойки столкните и тройки столкните: вот Сито Эратосфена, — пел он. — Постойте!

У него появилась хорошая мысль. Было бы кстати, подумал он, иметь в такое время поддержку мудрого старшего друга. Конут не должен беспокоиться о том, как умереть, чтобы не напортить чего-нибудь. Он должен дать Эсту Киру и его друзьям шанс. Расслабиться, прийти в состояние полусна… Возможно, еще выпить… Остальное сделают они сами.

— Сито Эратосфена, — весело допел он. — Когда улетучатся кратные числа, простые останутся там непременно! — он споткнулся и растянулся на кровати.

Спустя мгновение он в гневе поднялся. Он был не совсем честен! Если ему сложно найти подходящий способ самоубийства в своей комнате, как он может переложить эту трудность на плечи своего повелителя, Эста Кира?

Он очень рассердился на себя, но, подобрав бутылку, выйдя в коридор и распевая, что ищет подходящее для смерти место, он снова почувствовал себя прекрасно.

Сержант Рейм проверил баррикады перед загородкой аборигенов и отослал своих людей к Медцентру поддерживать порядок в толпе. Его люди трудились без отдыха; аборигены пытались заговорить с ними на пиджине, но полицейские

были слишком заняты. Единственный говорящий по-английски более или менее сносно Матасура-сан не выходил из своей хижины, остальных было не понять.

Рейм взглянул на часы и решил, что у него есть время быстренько выпить чашку кофе, перед тем как отправиться на помощь своим людям в толпе. Хотя, мелькнула у него невеселая мысль, не лучше ли предоставить обезумевших людей самим себе, пусть передавят друг друга. По крайней мере это быстрая смерть. Хирург полицейского департамента в частном порядке сообщил, что прививки не действуют… Рейм испуганно обернулся, услышав девичий оклик.

Это была плачущая Лусилла.

— Пожалуйста, помогите мне! Конут куда-то делся, мой брат умер, и — я нашла вот это.

Она протянула сержанту листок бумаги с аккуратно выписанными Конутом способами самоубийства.

Тот факт, что Рейма оторвали от компьютерных занятий и послали сюда, чтобы сдерживать толпу, не оставлял сомнений в том, что ситуация чрезвычайная, но он был смущен и растерян. Несчастье с конкретным человеком гораздо более впечатляет, чем массовая паника. Он начал

задавать обычные вопросы:

— Не знаете, где он может быть? Никаких соображений? Может, горничные видели его уходящим? Вы не справлялись? А почему…

Но у него не было времени допытываться, почему Лусилле не удалось опросить горничных, он понимал, что любой момент отсутствия Конута может стать моментом его смерти.

Они разыскали студента-дежурного, который нервничал, напуганный событиями, но все еще не покинул своего поста. И он видел Конута!

— Думаю, он спятил. Я пытался кое-что втолковать ему — вы помните Эгерта из его класса? — (Студент прекрасно знал, насколько хорошо Эгерт был знаком Лусилле.) — Он умер сегодня утром. Я думал, это подействует на Мастера Конута, но он не обратил на мои слова внимания.

Студент всмотрелся в лицо Лусиллы, но сейчас было не время интересоваться, какие чувства вызвало в ней известие о смерти Эгерта.

— Куда пошел Конут? Когда?

Выяснилось, что он направился вниз по коридору более получаса назад. Они последовали за ним.

Лусилла горестно произнесла:

— Это чудо, что он еще жив! Но если он будет

продолжать в том же духе… И если я опоздаю хоть на несколько минут…

— Заткнись, — грубо сказал полицейский и обратился с вопросом к очередному студенту.

Преследовать Конута было несложно, даже в такой день его дикое поведение бросалось в глаза окружающим. Подходя к факультетской столовой, они услышали хриплое пение.

— Это Конут, — закричала Лусилла и бросилась вперед. Рейм поймал ее в дверях, ведущих на кухню, где она проработала столько месяцев.

Конут, шатаясь, распевал с завываниями одну из любимых песен Карла:

— Сложи ряд с модулем, потом замкни последовательность сложения и вычитания…

Он запнулся о разделочный стол и добродушно выругался.

— …без сомненья систему назовут (икнул) кольцом!

В одной руке он держал острый нож для разделки мяса и, размахивая им, отбивал такт.

— Давайте, черт возьми, — кричал он, смеясь, — дурачьте меня дальше!

— Спасите его, — закричала Лусилла и рванулась к нему, но Рейм поймал ее за руку.

— Разрешите мне! Он может перерезать себе

горло.

Он продолжал удерживать Лусиллу, которая не сводила с Конута глаз. Но тот даже не подозревал об их присутствии. Он снова запел. Рейм наконец произнес:

— Но он не делает этого, вы же видите. У него было достаточно времени. Так вы говорите, самоубийство? Может, я ошибаюсь, Лусилла, но похоже, он всего лишь вдребезги пьян.

Глава 15

Во всем городе, по всему миру разыгрывались сцены, подобные той, что происходила перед Медцентром — люди, обезумевшие от боязни заразиться (отделяющие их от дикости столетия исчезли), требовали спасения. И если один из сотни действительно был болен, этого оказывалось достаточно. Ведь один процент от двенадцатибиллионного населения — это сто двадцать миллионов, сто двадцать миллионов случаев наиболее опасного, наиболее заразного… и наименее простительного заболевания в медицине. Ибо оспу очень легко предотвратить, и только мир, забывший о Дженнере[4], мог быть застигнут ею врасплох… Или тот мир, в котором память о многовековой профилактике Дженнера систематически изничтожалась.

В самой высокой башне порта Мон Маут принимались и ретранслировались восемь основных телеканалов. Проволочные тарелки на экваторе обследовали небо в поисках сигналов от ретрансляционных спутников. Как только один из них

---

[4] Примечания: 4
Английский врач, основоположник оспопрививания.

появлялся из-за горизонта, тарелка начинала охоту за ним и провожала, пока он не уходил за пределы досягаемости. Тогда тарелка принималась за поиски нового спутника, в то время как первый продолжал свой путь с другой стороны земного шара. На орбите было не менее шестидесяти спутников, которые использовались ретрансляторами, специально оборудованными для приема, очистки, усиления и передачи телепрограмм.

Сэм Генсел был сменным инженером, возглавляющим весь технический персонал, обслуживающий телеканалы порта Мон Маут. В его обязанности не входило снимать фильмы, ставить шоу или решать, какое изображение передавать в эфир. Читающие лекции профессора математики, припадающие на колено танцоры, скорбящие героини мыльных опер — все это он видел на своих многочисленных мониторах. Видел, но не замечал никого. Они были для него лишь живыми картинками. Что ему действительно нравилось, так это тестовые таблицы, потому что Они показывали наибольшее количество важной для него информации. Он замечал плохую фазировку, расцентровку или появление «снега», а если изображение было качественным,

не вникал в его смысл… Но только не сегодня.

Сегодня он был очень бледен.

— Шеф, — окликнул его младший инженер пятого канала, — так по всей стране! Сакраменто тоже охвачен. По сообщениям из Рио, вся Южная Америка в панике.

— Следи за своим монитором, — приказал Генсел, недовольно отворачиваясь. «Очень важно сохранять трезвую голову», — сказал он себе. К несчастью, голова, которую он должен был держать ясной, страшно болела.

— Приму таблетку аспирина, — сказал он линейному мастеру, тридцать лет проработавшему здесь ветерану, руки которого сегодня дрожали. Генсел наполнил картонный стаканчик водой и проглотил две таблетки, вздохнул и присел за кофейный столик.

На одном из мониторов диктор с отчаянной улыбкой читал новости:

— Болезнь не поддается ни одному из известных антибиотиков. Все должны по возможности оставаться дома. Скопления народа запрещены. Все школы закрываются до дальнейших распоряжений. Настоятельно призываем избегать, насколько возможно, личного контакта даже среди членов семей. Департамент Общественного

Здоровья просит вас ожидать на местах, чтобы закончить программу обязательной иммунизации...

Генсел повернулся спиной к экрану и снял телефонную трубку. Он позвонил своему начальнику:

— Мистера Тремонта, пожалуйста. Это Генсел, по поводу обеспечения работ в критических ситуациях.

Секретарша была деловой и энергичной (но не проскальзывали ли в ее голосе легкие истерические нотки?).

— Да, сэр. Мистер Тремонт сейчас дома. Я соединю вас.

Щелк. Щелк, изображение на экране видеотелефона расплылось и потемнело. Потом снова появилось. Старый Тремонт расслабленно ссутулился в большом кожаном кресле, смущенно гладя на Генсел а; блики на его лице говорили, что он сидит у камина.

— Ну, что случилось, Генсел?

У него был странный тоненький голосок. Генсел по долгу служебной дисциплины всегда пропускал мимо ушей шуточки о Старике — у него транзисторы вместо голосовых связок, а на ночь жена просто выключает его. Однако в

его медленной, механической манере говорить определенно было что-то отталкивающее, да еще это старое морщинистое лицо!

Генсел быстро сказал:

— Сэр, по всем каналам обрывают сводки новостей. Ситуация становится угрожающей. По пятому каналу прекратили спортивный обзор, по седьмому пустили старую ленту «Воздушный замок над обрывом». Короче говоря, эфир умирает. Я хочу перейти на режим, предусмотренный для критических случаев. Прервать все шоу и объединить каналы для передачи новостей и информации о мерах защиты.

Старый Тремонт потер свой тонкий длинный нос и внезапно рассмеялся, как Санта-Клаус с витрины.

— Генсел, мой мальчик, — проскрежетал он, — не стоит беспокоиться из-за нескольких сопливых носов. Вы имеете дело с важной общественной службой.

— Сэр, но больны, а возможно, умерли миллионы!

Тремонт медленно произнес;

— Но есть и те, кого это не коснулось. Мы должны продолжать обычные программы, кроме того, Генсел, я уезжаю на несколько дней и оставляю

вас ответственным. Надеюсь, вы не перейдете на чрезвычайный режим, мне бы этого не хотелось.

«Я не успел сообщить ему о ситуации в Филадельфии», — безнадежно подумал Генсел, вспоминая толпу из нескольких сотен человек, осаждающую муниципальную клинику.

Он пощупал теплый лоб и мрачно подумал, что не мешало бы принять еще пару таблеток аспирина… Хотя предыдущие по какой-то причине не прижились у него в желудке. В самом деле, его, кажется, тошнит.

Действительно тошнило.

Сидевший за пультом линейный мастер увидел, как его шеф неуклюже припустил к мужскому туалету, прижимая руку ко рту.

Мастер улыбнулся. Но не прошло и часа, как ему стало не до смеха. Звукорежиссер третьего канала вбежал и сообщил, что шеф лежит на полу возле умывальника, весь холодный, и дышит, как сломанный паровой котел.

Конут, в которого влили чашку черного кофе, постепенно приходил в себя. Он не протрезвел, но начал соображать, что происходит вокруг. Он слышал, как Рейм говорит Лусилле:

— По-моему, все, что ему нужно — хороший курс витаминных уколов. Это привело бы его

в чувство. Но вы видели, что сейчас творится в Медцентре. Придется подождать, пока он сам не протрезвеет.

— Я трезв, — слабо произнес Конут, зная, что это неправда. — Что случилось?

Он выслушал все новости за последние двадцать четыре часа.

Брат Лусиллы умер, Эгерт умер, страшный мор идет по всей Земле. Мир совершенно изменился. Конут слушал и поражался, но в нем оставалось изрядное количество ликера, который ослаблял давление бессмертных, так что он мог достаточно объективно взглянуть на реальность. Это ужасно. Но — тут он почувствовал стыд — почему он не убил себя?

Рука Лусиллы была в его руке и, глядя на жену, Конут понял, что не хочет умирать. Он не убил себя, хотя должен был это сделать. А теперь… Теперь он хочет жить! Ему было стыдно, но он не мог ничего поделать.

Он все еще находился под действием ликера, и это придавало окружающему теплую, свежую окраску. Да, ему стыдно, но это все случилось так давно, что похоже на детскую неудачу. А сейчас ему так тепло и хорошо!

— Пожалуйста, выпей еще кофе, — попросила

жена, и Конут был счастлив сделать ей приятное. Все стимулы прошедших суток действовали на него одновременно — избиение, нервное напряжение, давление бессмертных. Ликер. Конут поймал улыбку Лусиллы и понял, что напевает про себя.

— Извини, — он протянул чашку за очередной порцией кофе.

Волны вокруг платформы поселения становились все выше. Черные баржи подбрасывало, как ломтики чипсов.

Родители Лусиллы стойко выдерживали натиск ветра и дождя, чтобы увидеть печальную процедуру погружения в море гроба с телом их сына с борта черной похоронной баржи. Они были не одни — они стояли среди скорбящих людей, знакомых и посторонних, и вокруг не было тишины. Надсадный рев вибрирующих кабелей, шум пневматических насосов в опорах платформы почти заглушал музыку.

Траурная музыка на похоронах была традицией, пленки с записями хранились в библиотеке. Родственники умершего могли выбрать программу — религиозные гимны для верующих, хоралы Баха для любителей классики, траурные марши для остальных. Сегодня выбора не бы-

ло. Громкоговорители непрерывно играли всю погребальную музыку подряд. Слишком много сегодня собралось людей, оплакивающих своих близких, чьи тела погрузили на приплясывающие баржи, чтобы бросить в глубину моря.

Шесть, семь… Отец Лусиллы насчитал восемь барж, стоящих у платформы и ожидающих загрузки. В каждую помещалась дюжина гробов. «Ужасная болезнь», — подумал он отрешенно, понимая, что многих некому оплакать и проводить в последний путь: вымирали и грузились на баржи целые семьи. Он потер затылок, который начал побаливать. Мать, стоящая рядом, и не думала считать — только плакала.

Протрезвев, Конут начал видеть изменения в мире и свои приключения в более резком и ясном свете. Ему помог Рейм. Он нашел обрывки брошенной Конутом бумаги и безжалостно донимал его расспросами:

— Почему ты должен умереть? Кто такие бессмертные? Как они могут заставить тебя совершать попытки самоубийства, и почему ты еще жив, что тебя спасло?

Конут попытался объяснить. Умереть, говорил он, помня урок, вколоченный в него дубинкой, ничего не значит, мы все умрем. В некотором

смысле самоубийство — это победа, потому что мы заставляем смерть прийти так, как мы этого хотим. Однако Эст Кир и другие…

— Эст Кир уехал, — перебил его полицейский, — ты знаешь? Уехал со своим телохранителем. А еще Мастер Финло, биохимик, его секретарь, сказал, что с ним были толстяк и старуха блондинка. Куда они могли скрыться?

Конут нахмурился. То, что Эст Кир со своими друзьями бежал от опасности, не согласовывалось с представлением Конута о бессмертных. Супермен должен быть героем, почему же они ведут себя как последние трусы? Он попытался объяснить это Рейму, но тот возмущенно перебил его:

— Супер-убийцы, ты хочешь сказать! Куда они уехали?

— Не знаю, — извиняющимся тоном ответил Конут, — но, уверяю тебя, у них были причины.

Рейм кивнул. Его голос внезапно смягчился.

— Да, эта так. Хочешь узнать, что за причины? Болезнь занесли аборигены. Почти каждый из них является носителем активных возбудителей оспы. Ты знал об этом? В целях безопасности им сделали прививки, но, как теперь выяснилось, прививки были для отвода глаз, они не подавили

болезнь. А потом туземцев развезли по большим городам, устраивали встречи с тысячами людей, кормили вместе с остальными. Учили подобающему поведению в цивилизованном обществе. Например, трубка мира не входит в их обычаи, но им сказали, что окружающим будет приятно. Это говорит тебе о чем-нибудь?

Конут подался вперед, не сводя глаз с Рейма. Голова его гудела. Говорит? Да, теперь в его представлении складывалась цельная картина. Эпидемию вызвали искусственно. Бессмертные, руководствуясь защищающей лишь их собственные интересы мудростью, решили истребить человеческую расу, причем выбрали способ, который в древности уже едва не уничтожил человечество — они вызвали страшный мор.

Лусилла пронзительно закричала.

Конут с запозданием понял, что она дремала на его плече, не решаясь заснуть, хотя совсем обессилела после пережитых волнений и бессонной ночи. Сейчас она сидела, выпрямившись и пристально глядя на зажатые в руке маленькие маникюрные ножницы.

— Конут, — закричала она, — я собиралась вонзить их тебе в горло!

Время было позднее, но широкую арку Моста

обрамляла радужная светящаяся линия — огни скоростного монотрека и частных автомобилей.

Водитель одного из монокаров вполуха слушал передачу новостей: «Ситуация на Среднем Западе менее критическая, но волна паники пронеслась по всем основным городам Айовы, Канзаса и Небраски. В Омахе погибли более шестидесяти человек в результате столкновения трех аэробусов с беженцами; столкновение произошло при невыясненных обстоятельствах, по-видимому, оно вызвано ошибкой пилота одного из чартерных рейсов. В Деймоне этим утром почти на полтора часа была парализована работа аэропорта, потому что авиадиспетчеры присоединились к убегающим толпам, покинув свои посты. В заявлении утверждается…»

Водитель моргнул, сосредоточил внимание на пульте управления. Более половины из своих пятидесяти лет он управляет монокаром, причем чаще всего именно на этом маршруте. Он раздраженно потер сенсорный воротник, который носил уже около тридцати лет и который сегодня почему-то начал ему мешать.

Воротник был предназначен для измерения температуры и пульса; в случае серьезного заболевания или смерти водителя он отключал

питание монокара и включал тормоза. Водитель привык носить этот воротник и сознавал его необходимость, но сегодня, одолевая подъем Моста на третьей скорости, он ощутил, что воротник давит ему на горло.

А еще у него болела голова. Глаза чесались и горели. Он потянулся за радиомикрофоном, соединяющим его с диспетчерской, и прохрипел:

— Чарли, я, кажется, отключаюсь, я…

Больше он ничего не смог сказать. Он упал вперед. Датчики зафиксировали его учащенный пульс и дыхание в течение последних минут и прореагировали, когда он потерял сознание. Монокар замер.

Следующий монокар катастрофически приближался к нему сзади. Его водитель больше часа испытывал тошноту и спешил закончить поездку; он не принимал во внимание автоматическое замедление движения по всему Мосту. Когда скорость превысила критическую, питание монокара отключилось, но было уже слишком поздно — монокар мчался вперед, рассекая воздух. Даже сенсорные воротники не могли предусмотреть ситуацию одновременного выхода из строя двух водителей. Белые искры падали с Моста в воду и гасли, это были куски искореженного

металла. Образовался затор. Звуки столкновений доносились до лежащего у подножия Моста Университета. Движение по Мосту остановилось, огни превратились в ряд неподвижных точек с отвратительной вспышкой посредине.

Спустя мгновение вдалеке завыли сирены «Скорой помощи».

Конут обнял плачущую жену, на лице его застыло выражение недоверия, а мозг лихорадочно работал. Лусилла пытается убить его? Полное безумие!

Но, подобно другим безумным событиям в его жизни, и этому существовало объяснение. Хотя и с запозданием, он начал сознавать слабый шепот у себя в мозгу. Он сказал Рейму:

— Они не могут достать меня! Поэтому пытаются добраться через нее.

— Но почему не могут?

Конут пожал плечами и потрепал жену по руке. Лусилла села, взглянула на ножницы и отшвырнула их прочь.

— Не беспокойся, я все понимаю, — сказал ей Конут, а потом повернулся к Рейму: — Не знаю почему. Иногда у них не выходит. Как на кухне, как сейчас — они не могут убить меня. Даже если бы я этого хотел. И еще один раз на острове, когда

я сильно напился. И еще — ты помнишь, Лусилла, — на Мосту. Каждый раз я был полностью в их власти. И на Мосту они почти одолели меня, но я вовремя остановился. Каждый раз я был сильно пьян. Казалось бы, в таком состоянии я должен быть совершенно беспомощным… — Конут задумался.

— Что это с Лусиллой? — сочувственно спросил Рейм.

Девушка вскочила и вновь села.

— Кажется, я засыпаю, — сказала она жалобно, — странно…

Конут рассматривал ее с живейшим интересом, словно перед ним была не жена, а лабораторный экспонат.

— Что странно?

— Я по-прежнему слышу, что кто-то говорит со мной, — сказала Лусилла, раздраженно потирая лицо.

Конут видел, что силы ее на исходе, что она больше не может не спать, даже если бы она считала себя убийцей, даже если бы он умер у нее на глазах. Даже если бы наступил конец света.

— Кто-то говорит с тобой? О чем? — спросил он мягко.

— Не знаю. Чудно. «Мы шептать тебе приятель».

Что-то вроде этого.

— Пиджин, — немедленно определил Рейм, — с тобой говорят аборигены.

Выяснив причину, он перестал думать о ней и обратился к Конуту:

— Ты был на пути к какой-то разгадке, помнишь? Ты говорил, что иногда они не могут добраться до тебя? Почему? В чем тут дело?

Конут вяло ответил:

— Выпивка. Каждый раз я был пьян.

В самом деле! Трижды он был на пороге неминуемой смерти, и каждый раз ему удавалось увернуться. И всякий раз он напивался. Алкоголь в его мозгу, избирательный яд, который прежде всего воздействует на высшие структуры мозга, затрудняя зрение, ослабляя реакции… Именно он защищал его от приказов, призывающих умереть!

— Оспа все умирать, — ясно проговорила Лусилла **и** улыбнулась. — Извините. Это не то, что я хотела сказать.

Конут помедлил минуту, а потом приступил к действиям. Рейм машинально прихватил с собой в комнату ту бутылку, с которой Конут не расставался весь день. Теперь Конут схватил ее, открыл и сделал большой глоток, а потом пере-

дал Лусилле.

— Выпей! Не спорь, попробуй, это хороший крепкий напиток.

Он закашлялся и вытер выступившие слезы. Вкус у ликера был отвратительный, и его понадобилось немного, чтобы Конут опьянел вновь.

Но это «немного» могло спасти ему жизнь… Могло спасти жизнь Лусиллы… Могло спасти весь мир!

Глава 16

Таи-и Матасура-сан поднялся с постели и подошел к новому мощному заграждению.

Сумасшедшие белые не принесли им обед. Уже поздно, рассудил таи-и, хотя расположение звезд было для него непривычным. Еще несколько недель назад единственными часами их племени служил проходящий по небу Южный Крест. А эти странные северные созвездия казались ему холодными и неприятными. По ним он не мог определить ни время, ни направление.

Его широкие ноздри, гневно раздуваясь, втянули воздух.

Чтобы стать таи-и, помимо многого другого, он должен был уметь в совершенстве ориентироваться по звездам. Теперь перед лицом более могущественного искусства белых людей его умение стало бесполезным. Свойственное ему глубокое чутье, доведенное до способности отличать правду от лжи, сделало его вождем племени. Но эти белые были старше его, они не обратили на него внимания, у них чутье сильнее, они могут слышать даже свой внутренний шум.

Он не должен доверять ласковым словам белых

стариков, подумал таи-и и плюнул на землю.

Его соплеменник окликнул таи-и из дверей хижины. На креольском наречии, которое было им более привычным, чем пиджин племени или коверканный английский Матасура-сан, он пожаловался:

— Я позвал их прийти, но они не слышат.

— Один слышит, — возразил Матасура-сан.

— Старики все время болтают.

— Я слышу, — Матасура-сан сосредоточился для внушения.

Он сидел на корточках, поглядывая то на звезды, то на заграждение. За ограждением, несмотря на поздний час, шумел университетский городок.

Теперь Матасура-сан очень ясно понял, что он хочет делать.

Матасура-сан был таи-и не только благодаря своей силе и мудрости, но и по наследству. В 1944 году, когда в японский корабль попала торпеда и его экипаж нашел спасение на острове, там существовало процветающее общество.

Японские черты Матасуры-сан лишь отчасти характеризовали его происхождение. Но его предки были не простыми дикарями. Дело в том, что двенадцать японцев оказались не пер-

выми моряками, попавшими на остров. Семьи, жившие здесь, образовывали англичане-отцы и меланезийки-матери, так как все мужчины-маланезийцы были перебиты. С приходом японцев все мужское население постигла та же участь. Пощадили лишь нескольких, в числе уцелевших был далекий предок Матасуры. Его оставили в живых, потому что он был главным священником острова и прожил более века. За его жизнь заплатили своей многие островитяне.

Через триста лет его потомок в третьем поколении унаследовал некоторые его способности. Одна из них — «глубокое чутье», но не с помощью ноздрей, а за счет какого-то другого органа чувств. Вторая — долгожитие. Матасуре-сан было около ста лет. Это единственная вещь, которую он скрыл от обладателей странных ласковых голосов, нашедших его на острове и посуливших много всего, если он им поможет.

«Глубокое ощущение» от мира по ту сторону заграждения было очень плохим.

Таи-и Матасура-сан все обдумал и принял решение. Он вернулся в хижину и поднял своего помощника ударом ноги.

— Попробуй поговорить с ним снова, — приказал он на пиджине. — Я помогу.

Когда Конут уходил, Лусилла слабо улыбалась во сне.

— Я вернусь, — прошептал он и вместе с сержантом Геймом вышел во двор. Ветер усиливался, свет звезд пробивался сквозь несущиеся облака. Вокруг Медцентра все еще стояли в ожидании тысячи людей, не потому, что надеялись на вакцинацию — тот факт, что прививки не действуют, был объявлен официально, а потому, что не знали, что делать. В клинике безостановочно работали врачи — с бледными лицами и красными от бессонницы глазами, они повторяли привычные процедуры, зная их бесполезность.

Сразу же после поступления тревожных сигналов о болезни они обнаружили, что все справочные материалы, накопленные за три века развития эпидемиологии, разграблены, и нет никакой возможности восстановить их., Конечно, они пытались… Часть медиков сами были больны и находились в больнице; они, как и остальные, были обречены.

Конут беспокоился не за себя, а за Лусиллу. Припомнив обстоятельства экспедиции, он восстановил в памяти, что Эст Кир сам прививался от оспы и дал понять остальным, что им более чем желательно сделать то же самое. Но как быть

с Лусиллой? Она-то не прививалась!

Он уже сказал Рейму об уколах, а тот немедленно сообщил об этом руководству — они попытаются связаться с островами и найти врачей, которые составляли вакцину. Но, скорее всего, это бесполезно. Бессмертные наверняка оборвали все ниточки, ведущие к спасению обычных людей.

Но у этой мысли имелось и естественное следствие: если бессмертные увезли врачей, значит, надо найти место, где они укрылись.

Рейм и Конут подошли к загородке аборигенов. Их уже ждали.

— Вы звали нас? — спросил Конут. Это был вопрос, ибо он все еще не мог поверить.

Матасура-сан кивнул и протянул ему руку. Рейм, глядя на них, только моргал, у него кружилась голова. Конут и его заставил выпить три порции — не потому, что Рейм поддался телепатическому внушению, а потому, что Конут не был уверен. Это и впрямь выглядело как пьяное видение — профессор математики пожимает руки сидящему на корточках темнокожему человеку, не говоря при этом ни слова. Однако это было не видение.

Через минуту Конут выпустил руку сидящего. Матасура-сан кивнул и, по-прежнему не говоря

ни слова, взял из рук Конута бутылку и сделал солидный глоток, а затем передал ее своему помощнику, который лежал на земле позади него и едва сознавал, что происходит.

— Пошли, — пробормотал Конут, глупо выпучив глаза (очень трудно все время оставаться в меру пьяным!), — нам нужен вертолет. Рейм, ты можешь вызвать его?

Рейм полез в карман и, достав полицейскую рацию, коротко переговорил по ней и только потом спросил у Конута:

— Что случилось?

Конут поколебался и взял его за руку.

— Извини. Это все бессмертные. Ты был прав — они завезли носителей оспы и навлекли на нас эту беду. Но этот человек значительно старше, чем кажется, и тоже может читать мысли.

Рация тихонько запищала.

— Они встретят нас около Медцентра, — сказал Рейм, убирая ее в карман. — Пошли.

Только пройдя добрую половину дороги, Рейм догадался спросить:

— А куда мы полетим?

Конут передвигался с трудом; он шел медленно, очень медленно; его ноги были как наполненные воздухом сосиски; окружавший его воздух

был густым, как желатин. Конут тщательно анализировал каждое свое движение — усердные попытки пьяного сохранять ясность мышления; он боялся напиться слишком сильно, но и не отваживался оставаться трезвым.

— Я знаю, где сейчас бессмертные, — сказал он. — Мне сообщил об этом Матасура-сан. Не словами, а держа мою руку, прямо от мозга к мозгу, этому помогает тесный контакт. Он не знает названия местности, но я найду ее на вертолете.

Он остановился и в недоумении оглядел себя.

— Боже, я совершенно пьян. Нам понадобится помощь.

— Я тоже пьян, — запинаясь, проговорил Рейм. — Но я учел это. Нас будет встречать все отделение по чрезвычайным ситуациям.

Расчищенное пространство возле Медцентра было идеальным для приземления вертолетов, правда, сейчас здесь местами лежали распростертые тела больных и просто истощенных людей. Конут и Рейм уже слышали шум вращающихся винтов и в ожидании замерли на краю площадки. К ним приближались двенадцать полицейских вертолетов; одиннадцатый в ряду завис, снижаясь, чтобы поднять их на борт, а двенадцатый подсвечивал ему огнями.

В резком свете прожекторов одна из распростертых неподалеку фигур приподнялась на локте, что-то бормоча. Глаза несчастного были широко раскрыты, хотя свет бил ему прямо в лицо. Он смотрел в сторону Рейма и Конута, губы его беззвучно двигались, а затем с них сорвался слабый крик:

— Носители!

Рейм первым осознал опасность.

— Бежим, — закричал он и, пошатываясь, бросился к снижающемуся вертолету.

Конут последовал за ним, но обезумевшими людьми владело лихорадочное возбуждение, они двигались быстрее.

— Носители! — подхватило десять, двенадцать голосов. Это походило на пробуждение толпы линчевателей.

— Носители! Это они во всем виноваты! Хватайте их!

Больные поднимали головы и тянули к ним руки. Несколько мужчин, кучкой стоявших в стороне, тоже двинулись к ним.

Конут побежал быстрее. Носители? Конечно, он знал, что это неправда. Может, Эст Кир или кто-то из его окружения, отчаявшись проникнуть через алкогольный барьер в его сознание,

решили добраться до него, обработав мозги сотен полусонных измученных людей, которые валялись тут на траве. Бессмертные хотят натравить на них толпу!

Просто невероятно, говорила одна часть его сознания, отягощенная спиртным, просто невероятно, что в этой случайной толпе столько полутелепатов, но другая часть кричала: беги!

В них полетели камни, и на другом конце лужайки, ярдов за пятьдесят от Конута, раздался звук, который очень напоминал выстрел. Но над ними уже вращались лопасти вертолета. Как только они забрались в кабину, вертолет взмыл, оставив внизу бушующую толпу, требующую мести.

Вертолет спешил занять свое место в общем строю.

— Вы очень вовремя, — запыхавшись, сказал Ко-нут пилоту. — Спасибо. Теперь держите на восток, пока…

Помощник пилота повернулся к нему, и что-то в его глазах заставило Конута запнуться на полуслове. Рейм почувствовал неладное одновременно с ним. Едва второй пилот потянулся за пистолетом, Рейм поднял кулак. Пилот полетел в одну сторону, оружие — в другую. Оседлав

поверженного пилота, Конут и Рейм переглянулись. Им не нужно было слов, хотя связь не была телепатической, — просто они одновременно приходили к одинаковым решениям. Конут подобрал пистолет и навел его на оставшегося в кабине первого пилота.

— Это вертолет отделения чрезвычайных ситуаций, не так ли? С медикаментами на борту!

Рейм мгновенно понял. Он прыгнул к шкафчику и вытащил оттуда запечатанную пол-литровую фляжку бренди. Откупорив, протянул ее пилоту и приказал:

— Пей! — А потом, когда пилот выпил, скомандовал: — Включи рацию и прикажи каждому бойцу выпить, по крайней мере, две унции бренди.

«Ну, — подумал Конут, чувствуя головокружение, — это ад на пути избравших битву».

Глава 17

Рейм был всего лишь сержантом, но ведущий их вертолет пилот был заместителем инспектора. Как только в его крови оказалось достаточно алкоголя, чтобы стереть давление бессмертных, он отдал нужную команду. Остальные вертолеты переспросили, правилен ли приказ, но подчинились.

Эскадрилья летела над заливом, над городом, направляясь в горы. Сейчас под ними беспомощно простирался город. На первый взгляд он казался благополучным и спокойным, но там, внизу, царили разруха и смерть, и обезумевшие толпы не знали, на ком выместить свой гнев. По полным ужаса улицам неслись тысячи ног; приглядевшись, Конут заметил горящие разбитые машины, небольшие кучки безжизненных тел — кошмарный беспорядок, который сотворила эпидемия. Хуже оспы была паника. Инспектор сказал им, что в городе погибло более десяти тысяч человек, причем только часть — от болезни. Остальные — жертвы террора.

Конут знал, что именно этого добивались бессмертные. Они достаточно долго сохраняли

свое стадо, состоящее из кротких беспомощных овечек. И стадо процветало, пока не стало соперничать со своими невидимыми хозяевами в борьбе за пищу и место. Тогда, как хорошие хозяева, бессмертные решили уменьшить поголовье.

И что может быть удобнее, чем биологическое сокращение? Как микоматоз избавил Австралию от засилья кроликов, так оспа могла управлять численностью расплодившихся паразитов — людей, которые опасны для бессмертных.

Сержант Рейм хрипло произнес:

— Впереди грозовой фронт. Вряд ли нам удастся обойти его.

Вертолеты, следующие за ними, висели в чистом небе, но впереди, над горами, высились темные шапки облаков.

Конут тряхнул головой. Он один знал путь, по которому ушел Эст Кир, так как тот видел свой путь собственными глазами, а старый островитянин прочел его мысли и передал их Конуту. Они должны попытаться сразиться с грозой.

Конут на мгновение прикрыл глаза. Война шла не на жизнь, а на смерть, и он хотел бы знать, на что похоже ощущение, когда убиваешь человека. Он достаточно хорошо понимал причины, по которым Эст Кир и его друзья убирали с дороги

ему подобных, пресекали исследования, которые выдали бы существование бессмертных. Это была постоянная борьба, и Конут мог понять и даже простить их, ибо они всего лишь боролись за свою собственную безопасность. Он мог бы простить им покушения на свою жизнь, даже попытку разрушить большую часть мира.

Он не мог простить им только одного — попытки воздействовать на Лусиллу. Потому что она была незащищенной. В любом случае какая-то часть населения должна была остаться в живых, но Конут был математиком, и он не допускал и одного шанса на миллион, что Лусилла окажется в их числе.

Все эти годы, размышлял он, все это время бессмертные навязывали человечеству свой путь развития. Отсюда крупные успехи в медицине, расцвет производства товаров для очень богатых любителей роскоши и комфорта. Но как бы все сложилось, если бы не их вмешательство?

Любопытно, подумал он, начиная трезветь, любопытно, не было ли чего-нибудь об этом в законе Вольграна? Нет, не у Вольграна. Где-то в теории статистики. Что-то о случайном движении. Броуновское движение молекул? Он вспомнил, что об этом упоминал Мастер Карл. «Походка

пьяницы» — ненаправленное развитие, которое движется всегда медленнее, чем направленное, но никогда не останавливается. Прямолинейное развитие всегда имеет конец, и если им управляют бессмертные, оно может зайти лишь так далеко, как они задумали.

Тут Конут совершенно ясно понял: у бессмертных нет будущего. Их могущество имеет оборотную сторону; так, содержатель псарни должен держать собак под постоянным контролем, он не может дозволить свободно развиваться своим питомцам и… *Канут*, — раздался про зрительный злобный визг в его мозгу. В панике он схватил фляжку с медицинским бренди и залил голос изрядным глотком.

Фляжка понемногу пустела. Они должны торопиться. Они не отважатся быть трезвее.

Сенатор Дейн недовольно зашевелился и мысленно послал проклятие доносящемуся журчанию смеха. *Прекратите хихикать, идиоты*, подумал он. *Я опять потерял их*.

— Сладкосердечный, — весело пропела древняя девочка-подросток из Южной Америки, мадам Сант-Анна — святая, сказочная Анна, — не плачь!

Возникло мысленное изображение толстого

плачущего ребенка с лицом Дейна.

Дейн ответил другой картинкой; в мадам Сант-Анну стреляют пистолеты, в нее всаживают тысячи шпаг.

Но это не я.

— Разве я беспокоюсь?

Хихиканье.

Ничего, скоро ты заплачешь. Изображение безымянной могилы. Сенатор сделал непристойный жест, но на самом деле он не так уж и разозлился. Он вновь попытался проникнуть в сознание Конута, но не преуспел в этом и наполовину, тогда, чтобы утешиться, он создал изображение пошатывающегося, страдающего тошнотой пьяницы и весело заулыбался. Еще немного полюбовавшись своим творением, сенатор швырнул болезненную мысль одному из черных слуг, в ожидании, пока тот принесет ему сласти.

Сенатор Дейн никогда не напивался, но наблюдал, как это делают обычные люди, и знал, к чему это приводит. Иногда бессмертные позволяли себе такое же избирательное расслабление при помощи алкалоидов. Дейн был совершенно уверен, что количество алкоголя, при котором мозг не поддается управляющему воздействию,

должно отключить и моторные рефлексы. Эти пьяницы свалятся у подножия холма, падая друг на друга. И конечно, они не смогут найти убежище бессмертных — хотя мозг дикаря оказался достаточно сильным, и, возможно, он сумел что-то им передать; но нет — сам Эст Кир выбирал племя Матасуры для экспериментов, а от него ничего не скроешь. Значит, они не найдут.

Но они уже почти отыскали убежище. Когда-то это был курортный отель, подходящий для всякого рода сборищ, которые боятся посторонних — глаз. Бессмертные перекупили его у гангстера, который, в свою очередь, приобрел отель у (более или менее) законных владельцев. Гангстер мешал бессмертным, и они избавились от него, совершив, по их мнению, весьма добродетельный поступок — убили убийцу.

Теперь все дороги, ведущие к отелю, были разрушены, и в пределах двадцати миль не осталось другого жилья. Устроить это стоило недешево, но бессмертные еще полвека назад спланировали грядущую эпидемию и позаботились о своей безопасности; когда дело касалось подобных вопросов, цена в их планах занимала последнее место.

Здесь была комната для каждого из семидесяти

пяти бессмертных, собравшихся со всего мира, — от детей лет шестидесяти до самого старого, родившегося при Калигуле. (Очень немногие родились ранее двадцатого столетия; это объяснялось недостаточным в то время развитием медицины; но уж выглядели они так, словно не собирались умирать вообще.)

Здесь находились женщины, которых в результате многократных пластических операций на определенном расстоянии можно было принять за юных девушек. Имелись среди бессмертных и выглядевшие глубокими стариками — Эст Кир с его синюшным лицом и шрамами, коренастый римлянин, весь покрытый безобразными рубцами, лысый толстый негр, родившийся в рабстве у богатого плантатора в Вирджинии. Цвет кожи не имел значения для бессмертных, так же как раса и возраст — учитывалась только мощь. Они были сильнейшими в мире, так как подстраховывались, убивая слабейших.

И тем не менее они были трусами. Стадом, как дикие гуси, кочевали в поисках благоприятного климата: покинули Европу в начале двадцатого века, исчезли из района Тихого океана в период ядерных испытаний в 1950-е годы. Они загодя покинули Северную Африку перед арабо-изра-

ильскими конфликтами; никто из них не был поблизости от землетрясения или извержения вулкана, каждый из них, едва он понимал, кто он такой, берег свою бесконечную жизнь, окружая себя стенами и охранниками. Они были трусами. И обладали скупостью очень богатых. Да, у них имелись все недостатки, кроме естественной смерти.

В огромном отеле, который обслуживали прилетевшие сюда раньше суданцы, в совершенной недосягаемости для окружающего мира, защитившись даже от возможного столкновения с любопытными полным незнанием языка, они готовились пересидеть эпидемию.

Среди них бродил сенатор Дейн, внешне веселый, но в глубине души обеспокоенный. Он надоел им. Он вызывал всеобщее недовольство постоянным ворчанием и раздражением. Они уже предупредили его об этом словами и мыслями на пятидесяти разных языках (они знали их все), жестами и тоном. Но он постепенно заразил своим беспокойством всех. Страх — вещь относительная. Человек, который умирает с голоду, не боится внезапных ранних морозов, грозящих погубить урожай. Он может беспокоиться лишь о завтрашнем дне. Сытый более дальновиден.

Бессмертные заглядывали лет на сто вперед. Рокфеллеры жизни, отмеряющие обычным смертным дни и часы существования, как монеты нищим, они смотрели далеко в будущее, и каждый камешек на их пути казался горой. Беспокойство Дейна было мелким и далеким, но все же беспокойством.

Предположим, бормотал скрытый за веселостью страх, что они найдут нас. Конечно, они не справятся с нами: мы можем вывести их из строя, как обычно, воздействуя на мозг, но это неприятно. Нам придется бежать. У нас есть другие убежища, но это лучшее.

Заткнись, подумали (или сказали, или дали понять жестом) остальные. Он мешал их развлечениям. Римлянин демонстрировал свое умение удерживать перышко на мыльном пузыре (он был самым сильным из них; перемещать мысленно физические объекты — трудная задача, эта способность развивается с годами).

Но страх говорил: мы потеряли их. Они могут быть сейчас где угодно (мыльный пузырь лопнул). Страх говорил: даже если мы бежим, они найдут наш отель и наших врачей. И что будет тогда? Тогда они положат конец эпидемии, умрут лишь немногие, и пять биллионов оставшихся

начнут охотиться за нами, а ведь нас всего семьдесят пять! (Перо упало на землю. Бессмертные обрушились на Дейна с руганью.)

Извините.

— Не извиняйся, проклятый старый дурак, — закричала мадам Сант-Анна, сопровождая свое восклицание мысленной картинкой, изображающей Дейна в шокирующе-интимных обстоятельствах. Римлянин подхватил изображение, придав ему утонченность, свойственную третьему веку.

Но если они все-таки пройдут? воскликнул Дейн.

— Давай-те, — проговорил своим скрипучим голосом Эст Кир, достаточно разозлившийся, чтобы говорить вслух, — уничто-жим сыво-ротку. Не сто-ит пор-тить себе день!

Дейн неохотно вышел, и, по мере того как он удалялся, в их мозгу ослабевало его встревоженное бормотание. Внезапно оно совсем прекратилось, и бессмертные весело вернулись к своим развлечениям.

…Для Дейна оно прекратилось тоже внезапно. Он спустился в холл этажом ниже и разыскивал одного из слуг-суданцев, когда услышал за спиной какой-то звук. Он попытался обернуться, но был очень толст и все-таки слишком стар.

Удар настиг его, и сенатор тяжело осел, как пузырь, наполненный салом. Потом он только смутно сознавал, что его схватили чьи-то руки, а затем ощутил во рту непривычный острый вкус — это что, ликер? Но он никогда не пил ликер! Кто-то вливал ему в глотку ликер.

— Глотни разок, — басом приговаривал один из вертолетчиков, слегка пошатываясь.

Сенатор Дейн не мог видеть, как отель заполняли пошатывающиеся фигуры. Когда сознание начало возвращаться к нему было уже поздно. Голоса в мозгу молчали!

Алкоголь прервал связь Дейна с остальными. Он оглушил его, ослепил, оставил в одиночестве, словно на необитаемом острове. У него осталась возможность только говорить, слышать и видеть, а для человека, чью жизнь освещало сияние дара общения с помощью мысли, это была темнота. Он зарыдал.

Конут прошел через кухню, где под охраной толпились слуги, а на полу лежал сенатор Дейн, и заторопился за вертолетчиками. Он слышал выстрелы и на какой-то миг поддался панике. Вот решающий момент, думал он, за эти несколько секунд станет ясно, какая судьба ожидает человечество; что это будет — стадо, которое пасут

бессмертные, или неуправляемая масса, которая погрязнет в раздорах между собой, не имея определенной цели. Нет! Это не его мысли! Это мысли Эста Кира, который находился сейчас так близко, что даже борьба и алкоголь не смогли полностью заглушить его влияния.

Конут бросился бежать. Его ощущения не поддавались описанию — словно он находился в двух сознаниях, в двух мирах одновременно. Он видел входящих полицейских, слышал стрельбу; собрав последние силы, он бросился за ними.

Бессмертные сопротивлялись как могли, но их оружие потеряло эффективность. Их усилия выглядели такими же бесполезными, как попытки подкупить носорога или, скажем, вызвать землетрясение по собственному желанию. Они не могли сопротивляться грубой силе, им предстояло умереть или сдаться, и размытое бешенство в их мозгу напоминало зловоние.

Конут поймал последнюю ясную мысль Эста Кира: *Мы потеряли.* И больше ничего. Эст Кир умер, всех остальных взяли живыми.

Глава 18

Обратный путь Конут пропустил — он заснул и проспал несколько часов. Рейм не будил его. Теперь у них на все хватит времени, даже на сон. Медики по восстановленным записям уже работали над изготовлением вакцины, сотни литров сыворотки распространялись среди больных. Толпы умолкли, беспорядки прекратились, у людей появилась надежда, опасность для большинства из них миновала. Но не для всех. Например, понадобилось какое-то время, чтобы доставить сыворотку в Южную Африку, поэтому там умерли многие. Но погибли только миллионы.

Конут проснулся резко, как от взрыва. Голова болела, ноги подкашивались; но он был готов к борьбе. Рейм, наевшийся взбадривающих таблеток, но все равно вялый от усталости, успокоил его:

— Все в порядке. Взгляни!

Они снова были в городе, в наспех освобожденном крыле одного из госпиталей. Здесь, в комнатах по обе стороны коридора, по двое размещались очень старые мужчины и женщины.

Все они выглядели пьяными, некоторые спали.

— Здесь двадцать из них, — гордо сказал Рейм, — даю гарантию, что уровень алкоголя у каждого в крови не менее полутора процентов. Мы будем держать их в таком состоянии до тех пор, пока не решим, что с ними делать.

— Только двадцать? — требовательно спросил Конут, внезапно встревожившись. — А что с остальными?

Рейм хищно улыбнулся.

— Понимаю, — проговорил Конут, рассматривая странное противоречие: мертвый бессмертный. Это лучше, сказал он себе, чем мертвая планета.

Он не стал здесь задерживаться. Он хотел видеть Лусиллу. Рейм уже позвонил в городок и сообщил Конуту, что с ней все в порядке, она еще спит; но Конуту необходимо было убедиться самому.

Когда полицейский вертолет доставил Конута в университетский городок, шел проливной дождь. Конут побежал по мокрой траве, озираясь вокруг. Трава была измята и замусорена, по разбитым окнам Медцентра можно было определить место, где толпа чуть не ворвалась внутрь. Он поспешил дальше, мимо лагеря аборигенов, теперь опустев-

шего, мимо Административного корпуса, мимо памятного места гибели Карла и клиники, где умер Эгерт. Дождь нес с собой едкий дым костров, разожженных в городе.

Но гроза подходила к концу, и сквозь тучи уже проглядывало солнце.

Конут вошел в свою комнату, Лусилла зашевелилась и проснулась. Она выглядела совершенно спокойной и улыбнулась ему.

— Я знала, ты вернешься, — сказала она.

Конут обнял ее, но даже в этот момент не мог забыть о словах Рейма: из пьяного невнятного лепета бессмертных выяснилось нечто очень важное: число людей с зарождающимися телепатическими способностями было гораздо больше, чем Конут предполагал. Но они вовсе не были «неудачными попытками природы».

Они действительно существовали. Мутация, породившая Эста Кира, породила уже много миллионов ему подобных, и с ними уже нельзя было справиться, убивая или подталкивая их к смерти. И, что самое важное, все они были долгоживущими. Этот ген доминировал и теперь встречался так часто, что вскоре таким станет все человечество. Вот какое будущее едва не погубили бессмертные, защищая свою власть и

привилегии от Конута, Лусиллы и других, с кем они не хотели делиться.

— Я знала, ты вернешься, — снова прошептала Лусилла.

— Я же обещал. Я буду возвращаться всегда. — И Конут задумался над тем, как сказать ей, что слово «всегда» внезапно обрело для них новый смысл.

Чума питонов

Глава 1

— Эй, Чандлер, — ухмыльнулся надзиратель Ларри Гранц, — ставлю пятьдесят против одного, что тебя осудят. Как думаешь, а?

— Пошел к черту, — огрызнулся Чандлер.

— Ну, давай, выкладывай. Что ты приготовил судье? Чандлер не ответил. Он даже не взглянул на тюремщика. Человека, находящегося на полпути в преисподнюю, уже не волнует чье-либо мнение.

— Теперь слушай, — произнес надзиратель. — Возможно, тебе вскоре удастся приобрести несколько друзей. Что скажешь? У тебя будет в десять раз больше шансов, если ты сознаешься. Ну, как?

— С какой стати? Я не виновен.

— О да, конечно, но если ты признаешь свою вину — и отдашься на милость суда… Нет? Ну, тогда черт с тобой.

Надзиратель стоял в дверях, ковыряя в носу, с неодобрением поглядывая на Чандлера. Ерунда. Чандлер начинал привыкать к этому.

Трудно было поверить в то, что на дворе — конец двадцатого столетия… Третье десятилетие

Атомного века, эра космических полетов. Конечно, в последнее время мало что от этого сохранилось.

«Интересно, — спросил себя Чандлер, — о чем сейчас думает экспедиция на Марсе, ожидая корабль со сменой, который опаздывает уже на год или на два… Если, конечно, допустить, что они еще живы…»

— Через минуту ты отправишься туда, Чандлер, — произнес Гранд, — и тогда уже будет слишком поздно. Будь человеком, скажи, что ты задумал?

— Мне нечего тебе сказать, — ответил Чандлер, — я не виновен.

— Ты собираешься защищаться таким образом? — настаивал тюремщик.

— Да, я собираюсь защищаться именно так.

— Ну, ну. Они расправятся с тобой. Можешь не сомневаться.

Чандлер покачал головой, что означало: другого пути у меня нет. Гранд с сомнением уставился на него. Чандлер медленно повернулся, испытывая при этом сильную боль. «Жаль, что нет часов», — подумал он, хотя следить за временем уже не имело смысла.

Если бы пять лет тому назад, до появления

демонов, когда Чандлер участвовал в создании телеметрической аппаратуры для научно-исследовательской станции на Ганимеде, кто-то сказал ему, что его жизнь будет висеть на волоске на процессе по обвинению в черной магии, он бы не поверил. Нет, даже не это. Его обвиняли не в черной магии. Ему предстояло ответить за более тяжкое преступление — неучастие в ней.

Трудно было поверить, но так или иначе, Это происходило. И происходило именно с ним. И именно сейчас.

Гранд прислушался к голосу, доносившемуся из-за дверей, потушил окурок каблуком и вздохнул:

— Ну, хорошо. Когда тебя поставят к стенке, вспомни, что ты мог иметь друга в комендантском взводе. — Он распахнул дверь и вывел Чандлера из камеры.

Так как желающих присутствовать на процессе с таким сенсационным обвинением было более чем достаточно, суд над Чандлером проходил в актовом зале школы.

В воздухе стоял едкий запах пота и немытых тел.

Зал был набит до отказа. Похоже, в нем находилось не менее трехсот — четырехсот человек.

Взгляды, которые они бросали на подсудимого, ничем не отличались от взгляда тюремщика. Чувствуя на плече руку надзирателя, Чандлер преодолел три ступеньки, ведущие на сцену, и опустился на свое место возле стола защитника. Его адвокат был уже там. Запри ник, который был назначен судом вопреки его яростным протестам, смотрел на Чандлера без особых эмоций. Он был готов выполнить свой долг, но долг не требовал относиться к подзащитному с любовью. Единственной его фразой было: «Встаньте. Суд идет». В то время как помощник шерифа пробубнил вступительную речь, а священник прочет несколько глав из Иоанна, Чандлер поднялся и оперся о стол. Он не слушал их. Отрывки из Библии появились слишком поздно, чтобы помочь ему. Кроме того, мешала сосредоточиться боль. Когда полицейские задержали его, они не слишком церемонились. Их было четверо, все из заводской службы безопасности. У них не было огнестрельного оружия. Впрочем, оно и не потребовалось. Чандлер отказался от сопротивления через несколько секунд: он прекратил драться, как только ему удалось это сделать. Но полицейские не остановились. Это он хорошо помнил. Он помнил удар дубинкой по голове, в результате че-

го его левое ухо расплющилось и опухло. Помнил удар ногой в живот, боль от которого он до сих пор ощущал при каждом шаге. Он даже помнил град ударов по голове, после которых отключился. Он не помнил только, откуда взялись синяки на ребрах и левой руке. Очевидно, полицейские были слишком возбуждены, чтобы успокоиться, даже когда он потерял сознание.

Чандлер не винил их. Наверно, он сам поступил бы так же. Судья долго шептался со стенографистом. Вероятно, о том, что случилось в Юнион Хауз прошлой ночью. Чандлер немного знал судью Элиторпа и поэтому не ждал беспристрастного суда. В декабре прошлого года судья, будучи одержим, лично разнес вдребезги передатчик городской радиостанции, которой владел, и поджег здание, где она находилась. В огне погиб его зять. Поскольку судья сам побывал в преисподней, он не проявит милосердия к Чандлеру.

Усмехаясь, судья отправил стенографиста на место и оглядел зал суда. Его острый взгляд на мгновение коснулся Чандлера подобно вспышке фонаря, предупреждающего о въезде в железнодорожный тоннель. Во взгляде сквозило такое же предупреждение. Чандлера ожидала гибель.

— Зачитайте обвинение, — приказал судья

Элиторп.

Он говорил очень громко. В зале было более шестисот человек, и судья не хотел, чтобы кто-то пропустил хотя бы слово. Помощник шерифа приказал Чандлеру встать и объявил, что он обвиняется в совершении семнадцатого июня сего года акта насилия по отношению к несовершеннолетней Маргарет Флершем.

— Громче! — раздраженно бросил судья.

— Да, ваша честь, — поклонился помощник шерифа и набрал в легкие побольше воздуха. — Акта насилия под угрозой телесных повреждений, — выкрикнул он, — и совершил над вышеназванной Маргарет Флершем акт насилия, усугубленный телесными повреждениями.

Глядя в потолок; Чандлер потер саднящий бок. Он помнил взгляд Пегги Флершем, когда он навалился на нее. Ей было всего шестнадцать, и тогда он даже не знал ее фамилии.

Помощник шерифа продолжал вопить:

— Далее, тогда же, семнадцатого июня совершил по отношению к Инговар Поршер акт нападения с целью изнасилования. Вышеупомянутое является утвержденным обвинительным заключением, переданным Большим Жюри округа Марисен на чрезвычайное заседание во-

семнадцатого июня сего года.

Лицо судьи Элиторпа выразило удовлетворение, когда помощник шерифа, переводя дух, опустился на свое место. Пока судья переворачивал бумаги на своем столе, толпа в зале пришла в движение. Внезапно раздался плач ребенка. Судья вскочил и грохнул молотком:

— В чем дело? Что с ним случилось? Вы, Дон-дон!

Судебный служащий, на которого указал судья, поспешил к месту происшествии и после краткого разговора с матерью ребенка, доложил судье:

— Не знаю, Ваша Честь. Она говорит, что его что-то напугало.

Судья пришел в ярость.

— Прекрасно! Теперь мы должны понапрасну тратить время всех этих честных граждан и задерживать суд из-за ребенка. Помощник шерифа! Я хочу, чтобы вы очистили зал от всех детей до… — он поколебался, подсчитывая в уме голоса избирателей, — от всех детей до шести лет. Доктор Палмер, вы здесь? Вам бы лучше выступить с э-э… молитвой. — Судья не мог заставить себя сказать «с заклинанием». — Мне жаль, мадам, — обратился он к матери плачущего двухлетнего ребенка. — Если у вас есть, с кем

оставить малыша, я распоряжусь, чтобы ваше место не занимали.

Она тоже имела право голоса.

Доктор Палмер поднялся, пытаясь выглядеть важным, хотя в душе был смущен. Он пристально оглядел актовый зал в поисках улыбок и забубнил:

— Домина Питание, я повелеваю тебе исчезнуть! Прочь, Эл! Прочь, Элоим! Прочь, Сотер и Тетраграмматон, прочь, вся нечисть! Я повелеваю вам именем Господа и всех святых.

Доктор сел, все еще очень серьезный. Он знал, что его выступление далеко не так впечатляюще, как звучное заклинание Отца Лона, In nomine Jesu Christi et Sancti Ubaldi, сопровождаемое плавными взмахами кадила. Но люди, изгонявшие нечистую силу, назначались на этот пост в строгой последовательности — один месяц представителю каждой конфессии. Так повелось с того момента, когда начались все эти беды. Доктор Палмер был унитарием. Изгнание нечистой силы не входило в программу духовной семинарии, и ему пришлось выдумывать собственный текст.

Адвокат похлопал Чандлера по плечу.

— Последняя возможность изменить решение, — сказал он.

— Нет. Я не виновен, и не хочу защищаться таким образом.

Адвокат пожал плечами и поднялся, ожидая, пока судья обратит на него внимание. Чандлер впервые позволил себе встретиться взглядом с людьми из зала. Сначала он рассмотрел жюри присяжных. Некоторых он немного знал. Городок был недостаточно велик, чтобы все подобранные присяжные были совершенно не знакомы любому подсудимому. А Чандлер прожил здесь большую часть своей жизни. Он узнал Попа Матесона, старого и упрямого, владельца Табачного киоска на вокзале. Лица двух других мужчин также были знакомы: вероятно, Чандлер встречал их на улице. Тем не менее старшину присяжных, сдержанную и хмурую женщину он не знал. Он знал о ней только то, что она носит очень забавные шляпки. Вчера, когда ее выбрали из списка присяжных заседателей, на шляпке были красные розы, а сегодня — еще и чучело птицы.

Чандлер не думал, что кто-либо из присяжных был одержим. Его больше волновал зал. В нем он не был так уверен.

Он видел девушек, которым назначал свидания еще в школе, задолго до того, как встретил Марго; мужчин, с которыми работал на заводе. Все они

разглядывали Чандлера, но он не знал, кто и чьими из этих знакомых глаз смотрел на него. Пришельцы наверняка ежеминутно следили за всеми большими собраниями. Было бы удивительно, если бы никто из них не присутствовал здесь.

— Итак, слово защите! — наконец объявил судья.

Защитник Чандлера выпрямился:

— Не виновен, ваша честь, по причине временного пандемического умопомешательства.

Судья был доволен. Зал зашептался, но они тоже были довольны. Они знали, что он, безусловно, виновен, и испытали бы большое разочарование, если бы Чандлер признал свою вину. Они хотели видеть одного из самых гнусных преступников современного гуманного общества пойманным, разоблаченным, приговоренным и наказанным и не желали пропустить ни одного действия драмы. На площадке за школой три служащих шерифа уже заряжали свои винтовки, а школьный сторож отмечал мелом черту на гандбольном поле, за которой предстояло расположиться публике, наблюдающей за казнью.

Все это, как прекрасно понимал Чандлер, было полнейшим безумием и напоминало дурной

сон, хотя Чандлер полностью отдавал себе отчет в происходящем. В небе над головой плавно перемещались по своей орбите искусственные спутники. В каждом доме стоял телевизор. Хотя последнее время их использовали только как хранилище для морских ракушек, цветов… и надежд на лучший мир. А на дворе стоял двадцатый век!

Но они, без всякого сомнения, собирались казнить его, как будто все это происходило в семнадцатом. Процесс обвинения не занял много времени, миссис Поршер показала, что она работает на заводе Мак Келвей Брос по производству антибиотиков, где также работал и подсудимый. Да, это он. Ее привлек шум. В лаборатории (по культивированию микроорганизмов) в прошлый — постойте…

— Было ли это семнадцатого июня сего года? — подсказал обвинитель, и адвокат Чандлера инстинктивно напрягся, чтобы вскочить, но заколебался, взглянул на своего клиента и пожал плечами.

— Да, верно, это было семнадцатого…

По своей беспечности она сразу же вошла в комнату. Она признает, что ей следовало быть осторожней и сразу вызвать полицию. Но, э-э, у них на заводе никогда не случалось каких-либо

чрезвычайных происшествий. Понимаете? И, э-э, она этого не сделала. Она просто глупая женщина. Кроме того, она довольно привлекательна и жутко любопытна. Она увидела Пегги Флершем на полу.

— … Пегги была вся в крови. А ее одежда была… а она была… Я имею в виду ее тело было…

С подчеркнутым тактом прокурор позволил ей пробормотать предположение, что девушка явно была изнасилована.

Она также увидела Чандлера, который с хохотом крушил все вокруг, раскидывая обломки и переворачивая подносы. Разумеется, она перекрестилась и прочла короткое заклинание, но это не помогло. Затем Чандлер бросился на нее: он был такой отвратительный. Такой мерзкий! Но как только он напал на нее, появились полицейские, привлеченные ее криками.

У адвоката Чандлера вопросов не возникло.

Показания Пегги Флершем были приняты без возражений со стороны защиты. Но она мало что могла сказать. Сначала она была сильно потрясена, а потом потеряла сознание. Полицейские сообщили, как арестовали Чандлера. Врач в сдержанных медицинских терминах описал повреждения, которые Чандлер нанес девственной

анатомии Пегги Флершем. Адвокат Чандлера не задал ни одного вопроса, потому что спрашивать было не о чем. И Чандлеру нечего было возразить на то, что он изнасиловал одну девушку и затем пытался проделать то же самое с другой. Слушая показания врача, Чандлер мог по памяти сосчитать каждый перелом и синяк, которые нанес своими руками. Но в тот момент он тоже был зрителем, столь же отдаленным от происходящего, как и сейчас. Однако именно поэтому они его и судили. Именно поэтому и не верили.

В двенадцать тридцать свидетели обвинения закончили свои показания. Судья Элиторп был доволен. Он объявил часовой перерыв на ленч, и Ларри Гранц отвел Чандлера назад в камеру предварительного заключения, которая располагалась в подвале школы.

На столе лежали два сандвича со швейцарским сыром и пакет шоколадного молока. Это был ленч Чандлера. Сандвичи уже успели засохнуть, а молоко стало теплым. Тем не менее он съел все. Он знал, чему радуется судья. В час тридцать адвокат Чандлера возьмет слово, и никто даже не обратит внимания на его речь. Присяжные будут отсутствовать максимум двадцать минут, и приговор будет — «Виновен». Судья радовался

тому, что сможет зачитать приговор не позднее четырех. У них вошло в привычку проводить казнь на закате, а поскольку в это время года солнце заходит после семи, все будет прекрасно — для всех, кроме Чандлера.

Глава 2

Медленно пережевывая кусок пирога, купленного в закусочной напротив, Гарри Гранц заглянул в камеру. — Что-нибудь еще? — поинтересовался он.

— Кофе.

— Ха, у тебя не будет времени его выпить. — Гранц облизал пальцы. — Конечно, если ты, ублюдок, хотя бы намекнул мне… — он выдержал паузу, но, не получив ответа, захлопнул дверь.

Чандлер выглянул в окно. Погода стояла прекрасная. Вдалеке над горизонтом прочертила небо светлая полоса. След реактивного самолета. Чандлер, прислушиваясь, следил за маленькой точкой в начале полосы, и его чуткое ухо уловило отдаленный звук, похожий на раскат грома, вырвавшийся из двигателей сверхзвукового самолета. «Интересно, — подумал он, — кто сидит сейчас за штурвалом этой машины?»

Никто не знал, откуда они прилетают и куда они летят. Ни разу ни один из них не приземлялся в этой части земного шара, даже на базах ВВС. Нигде. С того самого момента, когда беды обрушились на людей. В тот день старый мир

рухнул, и никто не мог даже предположить, по чьей команде время от времени, разрывают небо серебристые стрелы.

В любом случае, Чандлера сейчас волновали более важные проблемы. Самое необычное в его деле заключалось не в том, что он был не виновен — в конце концов, многие преступники (по крайней мере, такие же преступники, как он) жили на свободе и даже пользовались уважением. Чандлер сам остался вдовцом — его жена погибла. Он видел убийцу, покидавшего место преступления, и сейчас этот человек сидел в зале суда, наблюдая процесс над Чандлером. Как минимум пять человек из шестисот присутствующих, участвовали в одном или нескольких убийствах, изнасилованиях, поджогах, кражах, актах гомосексуализма, вандализма, физического насилия и в десятке других действий, наказуемых по законам штата.

Конечно, это же можно было сказать почти о каждом в эти годы. Город, где жил Чандлер, не являлся исключением.

Чандлер попал на скамью подсудимых не столько из-за того, что он сделал, сколько из-за места, где это произошло.

Каждый житель знал, что демоны никогда не трогали предприятия, связанные с медициной и

сельским хозяйством.

Адвокат Чандлера напомнил ему о том же перед началом суда.

— Если бы это случилось не на заводе Мак Келви, а где-нибудь в другом месте, тогда все было бы в порядке. Но здесь, как вам известно, никогда не бывает чрезвычайных происшествий. К сожалению, для вас, неспециалистов, адвокат — это нечто в стиле Перри Мейсона, не так ли? Вы думаете, мы похожи на волшебников. На самом деле я могу только представить ваши доводы (какими бы они ни были) в наилучшем свете. Но в данный момент я могу сказать только одно: вам нечем оправдаться.

В тот момент защитник старался быть честным, даже пытался найти что-нибудь, что смогло бы убедить его самого в невиновности подзащитного. Хотя, представляясь, он прямо предупредил, что надежды на помилование нет.

Чандлер заявил, что ему незачем было насиловать девушку. Он был вдовцом в течение года, но…

— Минутку, — перебил адвокат. — Послушайте, вы не можете просто заявить о том, что были одержимы, но как насчет старого доброго умопомешательства?

Чандлер взглянул на него с недоумением, и защитник пояснил. Разве не могло случиться так, что подзащитный сознательно, подсознательно, бессознательно (назовите это как хотите) пытался отомстить за убийство своей жены?

— Нет, — сказал Чандлер, — конечно, нет! — Но затем замолчал и задумался.

В конце концов, он никогда до этого не был одержим, и на самом деле сохранял определенный скептицизм по отношению к «одержимости». Она казалась ему удобным способом совершать любые противозаконные вещи. Так продолжалось до того момента, когда он увидел Пегги Флершем, входящую в лабораторию с подносом грибковых культур, и с изумлением обнаружил, что его руки наносят ей удар гаечным ключом и разрывают в клочья ее брюки в нелепых ярких цветочках. Может, его случай иной? Вдруг, это не та одержимость, которая способна поражать каждого?

Может, у него, действительно, не все дома?

Марго, его жена, была безжалостно изрублена на куски, и он видел как его друг Джек Саутер покидал их дом. И хотя ему показалось, что пятна на одежде Джека подозрительно похожи на кровь, он оказался абсолютно не готов к тому, что обнаружил в разгромленной комнате. Ему пона-

добилось какое-то время, чтобы опознать Марго в кусках мяса, разбросанных по всему полу.

— Нет, — сказал Чандлер адвокату, — конечно, я был потрясен. Хуже всего было следующей ночью, когда раздался стук в дверь. Я открыл, и на пороге стоял Джек. Он пришел просить прощения. Я, ну… я покончил с этим. Говорю Вам, я был одержим, и это все.

— А я говорю вам, что защита не сможет воспрепятствовать вашей казни, — заявил адвокат. — И это тоже все.

В последнее время пятерых или шестерых преступников наказали за симуляцию одержимости. Чандлеру был знаком этот ритуал. В какой-то мере он даже мог это понять. В течение последних двух лет мир распался окончательно. Настоящий враг был вне досягаемости. А в это время любой гражданин мог внезапно вернуться в первобытное состояние, но, будучи пойманным, вдруг опять стать самим собой, испуганным и изнуренным. Необходимо было найти способ нанесения ответного удара. Но враг оставался невидимым. «Симулянты» служили просто козлами отпущения, наказать больше было некого.

Когда-то каждый в мире занимался своим делом, прекрасно осознавая, *что* может совершить

ошибку, но все-таки утешал себя мыслью, что эта ошибка будет его собственной. Но в один прекрасный день у людей отняли это утешение, и любой человек в любом месте мог вдруг обнаружить, что он творит зло, кому-то подвластен ПОМИМО своей воли и не может остановиться.

Демоны? Марсиане? Никто не знал, кем были те, кто вторгался в людские тела: существами из другого мира или джиннами из бутылки. Люди знали только то, что они беспомощны перед этой силой. Чандлер поднялся, пнул ногой пакет из-под сандвичей и грязно выругался.

Он начал постепенно выходить из состояния шока, который охватил его вначале. «Придурок», — сказал он сам себе. У него не было определенной причины ругать себя, но, как и всему миру, ему требовался козел отпущения: почему бы этим козлом не назначить себя самого? «Придурок, — повторил он, — ты же знаешь, что они собираются тебя шлепнуть».

Он потянулся всем телом и проделал несколько резких вращательных движений руками посреди комнаты. В тишине слышалось похрустывание суставов. Ему требовалось прийти в себя и поскорее начать думать. Через четверть часа или меньше того суд возобновит заседание, и с этого

момента начнется его неуклонное и стремительное приближение к могиле.

Лучше делать хоть что-нибудь, чем не делать ничего. Чандлер осмотрел окна своей импровизированной камеры. Они находились высоко и были забраны решетками. Стоя на столе, он мог видеть ноги людей, проходящих мимо. Мысль о побеге через окно пришлось отбросить сразу. Чандлер не знал никого, кто мог бы передать ему напильник. К тому же времени явно не хватало. Внимательно осмотрев дверь, ведущую в зал, Чандлер задумался. В принципе существовала возможность, когда охранник откроет дверь, выскочить, нокаутировать его и побежать… Только куда?

Помещение, в котором он находился сейчас, было складом спортивных снарядов и располагалось в конце зала.

Через зал можно было попасть на лестницу, а лестница вела прямо в зал суда. «Вполне вероятно, — подумал Чандлер, — что есть еще одна лестница, которая ведет в другую комнату». В конце концов, на что же еще шли налоги, которые он выплачивал все эти годы, если не на строительство школ с более чем одним выходом на случай пожара? Но, к сожалению, Чандлер не

удосужился запомнить путь, которым его сюда вели.

Кстати, охранник был вооружен пистолетом. Чандлер приподнял край стола и попытался раскачать одну из его ножек. Но безуспешно. «Да, по крайней мере, эта часть моих налогов потрачена недаром, — криво усмехнулся он. — Стул? Смогу ли я разбить стул, чтобы сделать дубинку и с ее помощью завладеть оружием охранника?»

Но прежде, чем он успел подойти к стулу, открылась дверь и вошел адвокат.

— Прошу прощения, я опоздал, — отрывисто произнес он. — Как ваш защитник, должен сказать вам, что они обвиняют вас в нанесении телесных повреждений. Насколько я могу судить…

— Ну и что? — перебил Чандлер. — Я и не отрицал факты. Что еще они хотят доказать?

— О, Боже! — воскликнул адвокат, хотя и не слишком громко, чтобы не показаться обиженным. — Ну неужели мне опять надо повторять все сначала? Ваше заявление об одержимости явилось бы оправданием, если бы это случилось где-нибудь в другом месте. Мы знаем, что такие явления существуют, но мы также знаем, что они придерживаются определенной схемы. Некото-

рые области обладают как бы иммунитетом к ним — медицинские учреждения и, в частности, фармацевтические заводы входят в их число. Обвинение доказало, что все это произошло на фармацевтическом заводе. Я советую вам признать себя виновным…

Чандлер присел на край стола. Нужно было все обдумать.

— Поможет ли мне все это? — спросил он.

Адвокат задумался, глядя в потолок:

— Нет.

Чандлер кивнул:

— Тогда о чем еще говорить? О том, где были вы и где был я в ту ночь, когда Президент стал одержимым?

Защитник немного помолчал, не желая показывать свое раздражение.

Снаружи торговец с лотком рекламировал свои амулеты:

— Бусы Святой Анны! Ведьмины узлы! Французский чеснок, лучший в городе!

Адвокат покачал головой.

— Хорошо, — сказал он. — Это ваша жизнь. Мы сделаем, как вы хотите. В любом случае, время вышло, сержант Гранц может войти в любую минуту.

Он закрыл свой портфель. Чандлер не пошевелился.

— В конце концов, времени у нас мало, — добавил защитник, проклиная Чандлера и всех симулянтов вообще, но не желая этого высказывать. — Гранц не любит медлить.

Чандлер нащупал маленький кусочек сыра на столе, медленно положил его в рот и стал рассеянно пережевывать. Адвокат наблюдал за ним. Вдруг он бросил быстрый взгляд на свои часы.

— О, черт! — воскликнул он, подхватил свой портфель и пнул дверь ногой. — Гранц! Что с тобой? Ты что, уснул?

Чандлер произнес присягу, назвал себя и признал справедливость всего сказанного свидетелями. Лица всех присутствующих были обращены к нему. Но он не мог прочесть в них ни ненависти, ни сочувствия. Их было слишком много, и все смотрели на него. Присяжные выглядели как мумии — мертвые свидетели на поминках живого. Только старшина присяжных в своей смешной шляпке проявляла признаки жизни, тревожно поглядывая на Чандлера, на судью, на своего соседа и на людей в зале.

Возможно, это был хороший знак. В конце концов ее взгляд не казался таким застывшим и

осуждающим, как у остальных.

Адвокат задал вопрос, которого ждал Чандлер.

— Расскажите нам своими словами, что произошло.

Чандлер открыл рот и не произнес ни слова. Странно, но он забыл, что хотел сказать. Он проигрывал эту ситуацию много раз, но сейчас все как будто стерлось из памяти. Ему удалось пробормотать лишь несколько жалких фраз;

— Я не делал этого. То есть, действия были мои, но я был одержим. Это все. Другие совершали худшее при тех же обстоятельствах и были выпущены на свободу. Фишера оправдали после убийства семьи Леонардов, а Драпера — после того, что он сделал с сыном Клайна. Джек Саутер, который сидит вон там, остался на свободе после убийства моей жены. Их нужно было оправдать. Они не владели собой. Кто бы ни был тот, кто управляет людьми в такие моменты, с ним нельзя справиться. Я знаю. Боже мой, мы не в состоянии бороться с ними!

Его слова не подействовали. Выражение лиц не изменилось.

Старшина присяжных теперь изучала содержимое своей сумочки; она аккуратно вынимала каждый предмет, внимательно рассматрива-

ла, опускала обратно и вынимала следующий. Но иногда она посматривала на Чандлера, и выражение ее лица не было, по крайней мере, враждебным. Он добавил, обращаясь к ней:

— Это правда. Что-то двигало мной. Кто-то другой. Я клянусь в этом перед всеми вами и перед Богом.

Обвинитель даже не счел нужным задать ему вопросы.

Чандлер вернулся на место, сел, и следующие двадцать минут пронеслись для него, как мгновение — они спешили покончить с ним. Чандлер даже не мог предположить, что судья Элиторп способен говорить так быстро. Присяжные поднялись и шеренгой выбежали из зала. Казалось, они мчатся галопом. Миг, и они уже возвращались. «Слишком быстро! — хотелось воскликнуть Чандлеру. — Время мчится слишком быстро». Но он знал, что это только его ощущение, и двадцать минут состояли из полных двенадцати сотен секунд. Вдруг время оборвалось.

Словно компенсируя свою прежнюю стремительность, оно застыло на месте. Судья попросил суд присяжных огласить приговор, и прошла целая вечность, прежде чем женщина, старшина присяжных, поднялась. Она выглядела немного

взъерошенной и поглядывала на Чандлера с лучезарной улыбкой. Действительно, женщина выглядела как-то необычно, это ему не чудилось, она рылась в своей сумочке в поисках листка с приговором и как будто едва сдерживалась, чтобы не засмеяться.

— Вот он! — воскликнула она с триумфом и помахала бумагой над головой. — Теперь давайте посмотрим. — Она поднесла ее к глазам и прищурилась: — О да, судья. Мы, суд присяжных… и так далее и тому подобное… — Она сделала паузу и подмигнула судье Элиторпу. Глухой ропот пронесся по залу. — Все это чушь, судья, — пояснила она, — тем не менее, мы единогласно, подчеркиваю, единогласно, любовь моя, признали этого сукина сына невиновным. Да! — хихикнула она, — мы думаем, его надо наградить медалью, понятно? А тебе, дорогой мой, надо подойти к нему и поцеловать его, и извиниться. — Она стояла, пьяно покачиваясь и хохоча.

Шепот в зале перерос в крик:

— Остановите ее! Да остановите же ее! — заревел судья, роняя очки. — Помощник шерифа! Сержант Гранц!

— Ну-ну, остынь, — смеялась женщина в шляпе. — Эй, там! Это ты, любовь моя?

Мужчина в первом ряду вскочил на ноги и махнул ей. Крики в зале превратились в вопль, состоящий из одного слова: «Одержимая!»

— Вот что я скажу вам, — продолжала женщина, — давайте споем. Все вместе в его честь…

Помощник шерифа, полдюжины полицейских и сам судья попытались пробиться к ней через поток напуганных до ужаса людей, устремившихся к выходу. Она явно была одержима и не только одна она. Мужчина в первом ряду хрипло пел вместе с ней, затем плюхнулся на свое место как тряпичная кукла, а кто-то за ним вскочил на ноги и продолжил песню, не пропуская ни единого слова, затем другой, за ним третий… казалось, некий оператор, сидя за дистанционным пультом управления, включал сначала одного, затем другого. Все смешалось. Когда полицейские пробились к женщине, она покрыла их поцелуями. Они отшатнулись от нее как от прокаженной, затем с яростью набросились на нее, как линчующая толпа.

Она хихикала, когда они навалились на нее. Из-под груды их тел раздавался ее сдавленный голос: «О, не так грубо! Эй! Есть закурить? Я давно ждала». Затем она задохнулась и бессвязно что-то забормотала. Вдруг раздался ее крик. Это была

настоящая истерика! Полицейские поднялись и помогли ей встать. Она все еще кричала, на глазах ее застыли слезы ужаса.

— О, я… я не могла остановиться!

Чандлер встал и шагнул к двери. Такой беспорядок. Просто полный хаос. Это был шанс.

Он остановился и обернулся. Они поймают его прежде, чем он выйдет за дверь. Чандлер принял другое решение. Он схватил адвоката за руку и дергал ее до тех пор, пока не привлек его внимание. Внезапно он снова почувствовал прилив бодрости.

Появилась надежда! Крошечная, иллюзорная, но…

— Послушайте, — заговорил он быстро. — Эй, вы, черт подери! Слушайте. Присяжные оправдали меня, так?

Защитник был крайне удивлен:

— Не будьте смешным. Это же явный случай одержимости.

— Будьте юристом, приятель. Технические детали — ваш хлеб, не так ли? Сделайте это для меня.

Адвокат бросил на него взгляд, полный сомнения, и задумался. Поколебавшись, он пожал плечами и поднялся. Ему пришлось кричать,

чтобы его услышали:

— Ваша честь! Я считаю, что мой подзащитный может быть свободен.

Его заявление вызвало почти такой же переполох, как и всхлипывающая теперь женщина, но ему удалось перекричать шум.

— Приговор суда присяжных запротоколирован. Признано, что имел место явный случай одержимости. Тем не менее…

— Не болтайте чепуху! — крикнул в ответ судья Элиторп. — Послушайте меня, молодой человек…

Адвокат резко прервал его.

— Позвольте подойти к судейскому столу.

— Разрешаю.

Чандлер сидел не в силах пошевелиться, наблюдая краткую, но бурную беседу судьи с адвокатом. Возвращение к жизни оказалось болезненным. Это была агония надежды. «В конце концов, — думал он, — адвокат борется за меня». Лицо обвинителя было мрачнее тучи.

Адвокат вернулся на место. Он выглядел как человек, одержавший неожиданную, но не нужную ему победу.

— Ваш последний шанс, Чандлер. Признайте себя виновным.

— Но…

— Не отворачивайся от удачи, парень! Судья согласился принять официальное заявление. Конечно, они вышвырнут тебя из города. Но ты останешься в живых.

Чандлер колебался.

— Решайся! Лучшее, что я могу сделать, если ты не согласишься, это сослаться на нарушение процессуальных норм, и это означает, что на следующей неделе ты будешь осужден другим составом суда присяжных.

Испытывая свою судьбу, Чандлер спросил:

— А вы уверены, что они сдержат свое слово?

Защитник кивнул в ответ, состроив при этом кислую мину.

— Ваша Честь! Я прошу вас отменить решение суда присяжных. Мой подзащитный желает изменить свое заявление.

…Час спустя в школьной химической лаборатории Чандлер обнаружил, что адвокат упустил одну маленькую деталь. На улице на холостом ходу работал двигатель полицейской машины, которая выкинет его, как мусор, за пределы города, а в комнате раздавался тонкий, приглушенный свист. Это шумела газовая горелка, и в ее голубом пламени кусок грубо обработанного

железа медленно менял свой цвет от вишневого до оранжевого и, наконец, соломенного. Кусок железа имел форму буквы «С». «С» — то есть симулянт. Такое клеймо они собирались выжечь у Чандлера на лбу, чтобы оно оставалось с ним повсюду, куда бы он ни пошел, и до самой смерти, которая, судя по всему, наступит довольно скоро. «С» — означало симулянт, чтобы с первого взгляда было видно: он совершил самое тяжкое из всех возможных преступлений. Никто ничего не сказал ему, Ларри Гранц вынул железо из огня, и трое здоровых полицейских держали Чандлера за руки, когда он закричал.

Глава 3

На следующий день, когда Чандлер проснулся, боль не исчезла. «Жаль, что нет бинта, — подумал он, — но ничего не поделаешь. Нет так нет».

Чандлер отважился пробраться назад в город. Он лежал на полу крытого грузового вагона, запрыгнув в него, когда поезд отправлялся от сортировочной станции. Попытка добраться автостопом была обречена на провал из-за клейма на лбу. В любом случае поездка автостопом грозила большими неприятностями. Поезд был безопаснее, по крайней мере, безопаснее, чем машина или самолет, печально известные своей способностью притягивать к себе одержимость. Чандлер очень удивился, когда поезд со скрежетом затормозил, лязгая буферами вагонов. Локомотив дернул состав вперед и опять остановился. Наступила тишина.

Чандлер, медленно приходя в себя после почти бессонной ночи, сел, прислонившись к стене вагона. «Интересно, что могло случиться?» — подумал он.

Начинать день, не сотворив крестного знамения и не прочтя нескольких заклинаний,

считалось большой ошибкой. В это время на заводе, где работал Чандлер, как раз начиналась смена.

Рабочие шли через проходную, и начальство проверяло наличие у них амулетов. Капеллан находился неподалеку, готовый прочесть заклинание для изгнания духа одержимости. Чандлер, как человек трезвомыслящий, мало верил в эффективность всех этих амулетов и заклинаний. В конце концов они не уберегли его от совершения жестокого насилия, но без них он чувствовал себя несколько неуверенно… Поезд все еще не двигался. В тишине можно было слышать отдаленное шипение локомотива.

Придерживаясь рукой за стену, Чандлер подошел к двери и выглянул наружу. Дорога в этом месте делала поворот, повторяя изгиб реки. Насыпь располагалась на несколько футов выше трехполосного скоростного шоссе, которое, в свою очередь, находилось метра на три выше уровня воды. Когда Чандлер выглянул, локомотив дважды свистнул. Состав дернулся и снова остановился. Затем еще очень долго ничего не происходило.

Из своего вагона Чандлер не мог видеть локомотива. Поезд находился на самом изгибе дороги,

а противоположная дверь вагона не открывалась. Впрочем, даже ничего не увидев, он понял: что-то не в порядке. Кондуктор с фонарем давно должен был пробежать в конец состава, чтобы предупредить об опасности другие поезда, но он не пробегал. Причиной остановки могли быть станция или переезд, но их тоже не было. Что-то случилось, и Чандлер знал что. Детали не имели значения. Он знал, что стояло за этим происшествием и всеми происшествиями, которые случались в те дни.

Машинист был одержим. Иначе просто и не могло быть. «Это странно, — подумал Чандлер. — Так же странно, как и то, что произошло со мной». Он выбирал состав особенно тщательно. В нем было восемь рефрижераторных вагонов с медикаментами, и, если законы, управляющие одержимостью, о которых говорил адвокат, действительно существовали, ничего подобного просто не могло произойти.

Чандлер спрыгнул на насыпь, поскользнулся на щебенке и чуть не упал. Он забыл о ране на лице. Ухватившись за подножку вагона, на двери которого мелом были нарисованы священный египетский крест и бурбонские лилии для отпугивания демонов, Чандлер подождал, пока

кровь отхлынула ото лба и боль начала утихать. Выждав минуту, другую, он осторожно прокрался к концу вагона и по лестнице вскарабкался на крышу.

Стоял теплый тихий солнечный день. Все как будто замерло. С крыши Чандлер мог видеть тепловоз в начале состава и служебный вагон в конце. Людей не было. Поезд остановился в четверти мили от подвесного моста через реку. В стороне от реки, вдоль дороги, был виден неровный выступ скалы, переходящий в горный склон. Внимательно присмотревшись, Чандлер заметил несколько домов примерно в полумиле от него — угловую часть крыши, застекленную веранду, выходящую на реку, шестиметровую телевизионную антенну, торчащую из-за деревьев. Дома стояли вдоль изгиба дороги, проходившей выше.

Чандлер задумался. Он сохранил и жизнь, и свободу — два подарка судьбы, на которые даже и не смел рассчитывать. Но была нужна еще пища и хотя бы какая-нибудь повязка на голову. Шерстяная шапка, которую он прихватил из школы, могла скрыть отметину на лбу, хотя одна мысль о прикосновении к ожогу, заставляла его поморщиться от боли.

Чандлер спустился на землю. Сжав зубы, осто-

рожно натянул шапку на кровоточащую «С» и шагнул к горе.

— Эй! — раздался вдруг голос позади. — Что это у тебя с головой?

Чандлер резко обернулся, почти обезумев от страха. В открытой двери соседнего вагона он увидел маленького, весьма немолодого человека, который сидел на корточках и смотрел на него.

Незнакомец был одет в грязную рубашку армейского офицера, из-под которой выглядывала хлопчатобумажная футболка. Лицо его было грязным и небритым, глаза покраснели и опухли, но невозмутимый взгляд выражал живой интерес.

— Откуда вы взялись, черт возьми? — спросил Чандлер. — Я вас не видел.

— Значит, плохо смотрел, — ухмыльнулся человек, выпрямился и соскользнул на гравий насыпи. Он ухватился за плечо Чандлера, чтобы не потерять равновесия. Запах, исходивший от него, едва не свалил Чандлера с ног.

Но незнакомец не походил ни на пьяного, ни даже на страдающего от тяжелого похмелья. Его походка скорее напоминала походку человека, который перенес тяжелую болезнь, или ребенка, который еще учится ходить.

— Извини, — пробормотал он, оттолкнувшись

от Чандлера, и сделал несколько шагов по направлению к локомотиву.

Чандлер наблюдал за тем, как незнакомец пошатнулся, выпрямился и повернулся к нему. В поведении этого человека происходили резкие перемены. Некоторое время он задумчиво смотрел на рельсы, и взгляд его был нетороплив и спокоен, потом его охватили ужас и оцепенение. Глаза расширились от страха, а губы задрожали.

— Что с тобой? — с беспокойством спросил Чандлер.

— Я… — мужчина сглотнул и огляделся. Затем его взгляд остановился на Чандлере. Он шагнул, протянул к нему руку и произнес: — Я… — выражение на его лице снова изменилось. Рука упала. Затем он, как бы проявляя дружеское любопытство, поинтересовался: — Я спросил, что у тебя с Головой. Упал на горячую плиту?

Нервы у Чандлера были на пределе. Он не понимал, что происходит, и ему это не нравилось. Кроме того ему не нравилась сама тема разговора.

— Это клеймо, — резко ответил он. — Я получил его за убийство и изнасилование, все?

— Ясно. — Мужчина спокойно кивнул.

— Да, я был одержим… но они не поверили

мне. Потому мне и выжгли «С», что означает «симулянт».

— Паршиво. — Незнакомец подошел к Чандлеру и похлопал его по спине. — Почему они не поверили тебе?

— Потому что это случилось на фармацевтическом заводе. Не знаю, как там, откуда пришел ты, приятель, но в моем городе эти вещи не происходили в таких местах. Но теперь начали происходить. Посмотри на поезд.

Незнакомец радостно улыбнулся:

— Думаешь, поезд одержим?

— Не поезд, а машинист!

Незнакомец кивнул и нетерпеливо посмотрел на мост.

— Это так плохо?

— Плохо? Откуда ты свалился?

Маленький человек начал оправдываться:

— Я имею в виду эта — как вы ее там называете? — одержимость обязательно опасна?

Чандлер глубоко вздохнул. Он не мог поверить, что маленький человек говорит серьезно, и начал ощущать нервное покалывание в затылке. Что-то было не так. Никто никогда не задавал таких вопросов. Он тихо произнес:

— Я никогда не слышал, чтобы она не приноси-

ла вреда. Может, ты слышал?

— Да, может, и слышал, — огрызнулся человек. — Почему бы и нет? Зла не существует. Вы сами делаете из этого зло… и я могу представить себе время, когда такое явление станет приносить пользу. Я могу себе представить, как оно вознесет вас к звездам, наполнит ваш мозг сознанием столь огромным, что оно уничтожит ваше собственное. Я могу…

Он умолк, заметив выражение лица Чандлера.

— Я только говорил — «может быть», — извиняясь, произнес он; поколебался, словно собираясь продолжить, потом повернулся и направился к голове застывшего состава.

Чандлер пристально посмотрел ему вслед. Он почесал кожу вокруг обожженного места на лбу и начал карабкаться в гору.

Поднявшись метров на десять, он вдруг остановился, как будто наткнувшись на кирпичную стену.

Обернувшись, он посмотрел на рельсы, но незнакомец уже скрылся из вида. Чандлер стоял, глядя на пустую насыпь невидящими глазами. Он задавал себе только один вопрос: «С кем я только что говорил? Или с чем?»

…К тому времени, когда он добрался до дороги,

эта загадка отошла на задний план. Он постучал в дверь первого попавшегося здания. Это был большой старый трехэтажный дом с ухоженным садом.

Прошло с полминуты. Из дома не доносилось ни звука. Пахло жимолостью, скошенной травой и диким луком. Было так чудесно. Точнее, было бы в лучшие времена. Чандлер снова постучал, и дверь тут же распахнулась. Очевидно, кто-то стоял за ней, прислушиваясь.

Открывший дверь уставился на Чандлера:

— Незнакомец, что тебе нужно?

Он был невысок, толст и носил невероятно густую бороду, которую, похоже, никогда не расчесывал. Очевидно, он растил ее не для красоты, так как на тех редких участках кожи, где волосы не росли, виднелись глубокие оспины, оставшиеся от старых нарывов.

— Доброе утро, — бойко начал Чандлер. — Я путешествую на восток. Мне нужна какая-нибудь еда, и я готов отработать ее.

Бородач удалился, оставив верхнюю часть голландской двери открытой. За ней виднелась прихожая, но она мало что говорила об обитателях дома. Интерес представляла лишь вывеска в форме радуги, сделанная из реек и картона.

Она гласила: «ДОБРО ПОЖАЛОВАТЬ В ОРФАЛИЗ». Чандлер задумался над ней, но не смог ничего понять.

Помимо вывески в прихожей имелись полочка с японскими фигурками из слоновой кости и старомодная вешалка для зонтиков. Эти детали ничего не говорили Чандлеру. Он предположил, что хозяева дома относились к людям состоятельным. Кроме того дом недавно покрасили. Похоже, хозяева, в отличие от большинства людей, не были деморализованы событиями последних лет. Даже забор украшали какие-то замысловатые фигурки. Бородач вернулся со скромно одетой девушкой лет пятнадцати, высокой и стройной, с крупным подбородком и овальным лицом.

— Гай, тут нечего особенно раздумывать, — сказала она рябому человеку.

— Мэгги, мне впустить его? — спросил он.

— Почему бы и нет, Гай? — пожала она плечами, гладя на Чандлера с интересом, но без симпатии.

— Проходи, незнакомец, — сказал тот, кого назвали Гаем, и повел Чандлера через маленькую прихожую в огромную гостиную высотой в два этажа и с трехметровым камином.

Сначала Чандлер решил, что случайно попал на поминки. В комнате несколькими рядами сто-

яли стулья, большая часть которых была занята. Чандлер вошел сбоку, но все сидевшие уставились на него. Он спокойно оглядел собравшихся. Не в первый раз ему приходилось отвечать на взгляды множества людей.

— Входи, незнакомец. — Бородач подтолкнул его сзади. — Познакомься с жителями Орфализа.

Чандлер едва расслышал его. Ничего подобного он не ожидал. Это было собрание, словно сошедшее с карикатуры Домье «Заседание по четвергам Литературного кружка». Старики с одутловатыми лицами, молодые женщины с лицами ведьм. И все эти лица выражали беспокойство, усталость и страх. Большинство имело те или иные физические недостатки: у одних были забинтованы ноги, у других — руки, третьи просто постоянно морщились от боли.

— Входи, незнакомец, — повторил бородач.

В руке у него был пистолет.

Глава 4

Чандлер сел в дальнем углу и стал осматриваться. «Сейчас таких колоний, наверное, уже тысячи, — думал он, — дальние коммуникации нарушены, и мир стал раздробленным».

Люди просто боялись, и вполне оправданно, жить большими группами, которые привлекали злых духов. Мир влачил жалкое существование, но все его члены были парализованы; глобальная лоботомия лишила мир мудрости и цели. «Если они вообще у него были», — равнодушно подумал Чандлер.

Конечно, в прежние времена было лучше. Правда, иногда казалось, что мир стоит на грани катастрофы, однако ему грозило лишь саморазрушение. И вот настало Рождество.

Это началось в Рождество, и первое Знамение явилось по национальному телевидению. Старый Президент, полный, лысеющий и очень серьезный, выступал с обращением к народу. Он призвал граждан проявить добрую волю и попросил всех пользоваться только искусственными деревьями во избежание опасности пожара в случае ядерного удара. Он внезапно умолк на

середине фразы; двадцать миллионов зрителей увидели, как он ошеломленно огляделся по сторонам и невнятно пробормотал нечто вроде: «Disht dvornyet ilgt». Потом он взял лежавшую на столе перед ним Библию и запустил ею в камеру.

Последнее, что увидели телезрители, были стремительно увеличивавшиеся листки Книги, летевшей в объектив, и вспышка ослепительного света прожекторов, к которым повернулась камера, когда оператор отскочил назад. Через двадцать минут Президент скончался: помощник по вопросам здравоохранения, образования и социального обеспечения, сопровождавший его на обратном пути в Белый дом, спокойно взял ручную гранату у охранявшего ворота морского пехотинца и взорвал Президента вместе с сопровождавшими его лицами.

Этот случай был лишь первым и наиболее впечатляющим. «Disht dvornyet ilgt». Специалисты из ЦРУ лихорадочно работали над таинственной фразой, стараясь отфильтровать посторонние шумы и определить, во-первых, на каком она языке, а во-вторых, что, черт возьми, означает; новый Президент, распорядившийся о проведении расследования, не дожил до первого прослушивания, а его преемник не успел принять присягу, как

настала и его очередь умирать. Церемония была прервана звонком из Министерства Обороны: генерал с четырьмя звездами в полуистерическом состоянии пытался объяснить, почему он отдал приказ немедленно нанести удар по Вашингтону, округ Колумбия, всеми находившимися под его командой ракетами.

Всего было более пятисот ракет. В большинстве случаев командиры частей не выполнили приказ, однако в шести местах, к сожалению, безупречная дисциплина взяла верх, положив конец не только принятию присяги, слезным оправданиям генерала и прослушиванию записей, но и примерно двум миллионам жизней в округе Колумбия, штатах Мэриленд, Вирджиния, а также (из-за неисправности навигационной аппаратуры двух ракет) Пенсильвания и Вермонт. Но это были только цветочки.

Это были первые случаи одержимости, известные миру за последние пять столетий после знаменитого средневекового экзорцизма. Еще около тысячи подобных случаев произошло в течение последующих дней. Данные были получены из разрозненных сообщений телеграфных агентств, пока они еще могли связаться со своими корреспондентами по всему миру (это продолжа-

лось почти неделю). К полудню следующего дня они зарегистрировали 237 случаев одержимости. Без учета сомнительных происшествий — так, торговец из Новой Англии прыгнул с Манхэттенского моста (он страдал болезнью Брайта); тюремщик из Сан-Квентина забрался в газовую камеру (вероятно, он знал, что против него возбуждается уголовное дело) — без учета подобных случаев хронология основных событий имела такой вид:

20.27, ВСВ (Восточное Стандартное Время): Президент подвергся нападению в телестудии.

20.28, ВСВ: Премьер-министр Великобритании отдает приказ о бомбардировке Израиля, утверждая о существовании некоего тайного заговора (приказ не был приведен в исполнение).

20.28, ВСВ: Капитан американской подводной лодки, всплывшей около Монток Пойнт, приказывает совершить срочное погружение, изменить курс и Направиться к Нью-Йоркской гавани.

21.10, ВСВ: Четырехмоторный реактивный самолет компании «Истерн Эрлайнз» совершает посадку с убранным шасси на крышу Пентагона, разбив около 1500 оконных стекол, но не причинив другого серьезного ущерба (неизвестно, правда, насколько пострадали пассажиры и

экипаж), сообщения об этом инциденте носят фрагментарный характер, потому что через два часа весь тот район превратился в груду пепла после термоядерного удара.

21.23: Розали Пэн, звезда музыкальной комедии, спрыгивает со сцены, бежит по центральному проходу и исчезает в такси (на ней отделанный стеклярусом бюстгальтер, набедренная повязка и головной убор за две с половиной тысячи долларов). Ее путь прослежен до Нью-Йоркского аэропорта, где она садится в реактивный самолет компании ТУЭ («Транс Уорлд Эрлайнз»), который больше уже никто не видел.

21.50, ВСВ: Все 1200 реактивных бомбардировщиков Объединенных Вооруженных Сил поднимаются в воздух для встречи над Ньюфаундлендом, где 72 % их разбиваются, так как самолеты-заправщики не могут обеспечить их горючим (приказ о маневре исходил от командующего Объединенными Вооруженными Силами, который, как выяснилось позже, покончил жизнь самоубийством).

22.14, ВСВ: Термоядерный взрыв на подводной лодке разрушает 40 % Нью-Йорка. Анализ причин катастрофы показал, что ракеты ВМС США «Поларис» взорвались под водой в гавани. По

принципу исключения было установлено, что взрыв произошел на лодке «Этэн Аллен».

22.50, ВСВ: Президент и сопровождавшие его лица убиты помощником Президента по вопросам здравоохранения, образования и социального обеспечения. Последний погибает от удара штыком морского пехотинца, у которого была взята граната.

22.55, ВСВ: Спутники фиксируют сильные ядерные взрывы в Китае и Тибете.

23.03, ВСВ: Тяжело нагруженные баржи с боеприпасами взрываются возле голландских дамб в Северном море; дамбы прорваны, 1800 квадратных миль суши затоплено…

…И так далее. Инцидентов было великое множество. Однако вскоре, еще прежде, чем специалисты ЦРУ закончили первичную обработку записи, а их преемники выяснили, что «Disht dvornyet ilgt» на одном из украинских диалектов означает «Господи, получилось!» — прежде выяснился один факт. Множество катастроф произошло по всему миру, но ни одной в России.

Варшава сгорела, вся территория Китая покрылась взрывами, словно оспинами. Восточный Берлин лежал в развалинах вместе с Западным после восьми залпов американской ядерной ар-

тиллерии. Но СССР, судя по данным, полученным со спутников, не пострадал нисколько; впрочем, очень скоро он за это жестоко поплатился. Уже через несколько минут после установления этого подозрительного факта все, что осталось от военной мощи западного мира, с ревом неслось в безвоздушном пространстве на Восток.

Одна уцелевшая ракетная база на Аляске выпустила все свои семь ракет с термоядерными боеголовками. Три американские базы, сохранившиеся на Средиземном море, также запустили все, что у них имелось. Даже Британия, уже повидавшая огненные хвосты американских ракет, взлетевших по приказу одержимых генералов, сумела восстановить несколько своих «Блу Стрикс», ржавевших на складе после отмены британской ракетной программы. Один из этих музейных экспонатов взорвался еще при запуске, но второй кое-как запыхтел по небу вслед за более новыми и мощными ракетами, как черепаха за зайцами. Он достиг цели через добрых полчаса после них — когда уничтожать и разрушать было уже почти нечего.

К счастью для коммунистов, большая часть западного арсенала ушла на самоуничтожение. Его остатки стерли с лица земли Москву, Ленинград

и 9 других городов. Но отчасти повезло и всему миру. Это был Апокалипсис, которого все страшились: применение всего накопленного ядерного оружия. Но в данных обстоятельствах, — когда приказы отдавались и часто тут же отменялись, когда царили хаос и паника, — большинство ракет оказывались незаряженными, и они образовывали лишь гигантские воронки на поверхности океана. Радиоактивные осадки унесли много жизней, но распространились далеко не повсеместно.

И обычные вооруженные силы, вступившие на территорию России, обнаружили, что воевать им не с кем. Русские находились в таком же замешательстве, как и остальные народы. Из руководящей верхушки не осталось почти никого, и, похоже, никто не понимал, что произошло.

Стоял ли за этой ужасной трагедией Генеральный секретарь КПСС, установить не удалось, так как он погиб прежде, чем она завершилась. В грибовидных облаках исчезло более четверти миллиарда людей, почти половину их составляли русские, латыши, татары и калмыки. В комиссии по мирным переговорам делегаты пререкались в течение месяца, пока из-за повреждения коммуникаций не оказались отрезанными от своих

правительств и друг от друга. Таким образом, на некоторое время установился мир. «Скорее, некое подобие мира, — думал Чандлер, рассматривая окружавшие его странные лица и странную обстановку. — Мир средневековых баронов, отрезанных от мира; мир, сохранившийся в районах, не затронутых радиоактивными осадками, но уже едва ли цивилизованный». Даже родной город Чандлера, пытавшийся убить, а затем изгнавший его, был теперь не тем цивилизованным городом, в котором он родился и вырос, но чем-то новым и ужасным.

Чандлер не понимал многого из того, о чем говорили собравшиеся, он просто не слышал их, хотя они все время смотрели на него. Затем Гай повел его под дулом пистолета к импровизированной сцене, сооруженной из листа фанеры, уложенного на широкие тяжелые ящики, судя по всему, из-под какого-то военного снаряжения. На возвышении стояло дантистское кресло, привинченное к фанере; в кресле сидела привязанная ремнями женщина, и сверху на нее светила лампа от кинопроектора.

Девушка с сожалением посмотрела на Чандлера, — но ничего не сказала.

— Незнакомец, поднимись сюда, — приказал

Гай, подтолкнув его сзади, и Чандлер сел на обычный деревянный стул рядом с женщиной.

— Люди Орфализа! — провозгласила миловидная девушка, которую звали Мэгги. — Вот еще двое несчастных, которых мы должны спасти от злых духов!

— Спасите их! Спасите их! — отозвались присутствовавшие. Все они, казалось, носили какую-то невидимую форму, словно бейсбольная команда в холле гостиницы или солдаты за обеденным столом вне своей части. Они принадлежали к одному типу, и довольно необычному: они различались по росту, возрасту, комплекции, но у всех лица пылали страстью, приглушенной болью и страданием. Короче говоря, они выглядели как фанатики.

Связанная женщина не принадлежала к ним. Ей было около тридцати. Трудно сказать, была ли она красивой: никакой косметики, растрепанные волосы, худое застывшее лицо. Только глаза оставались живыми. Она смотрела на Чандлера с сочувствием. И, повернувшись к ней, он увидел, что ее руки прикреплены наручниками к дантистскому креслу.

— Люди Орфализа, — нараспев произнес Гай, встав позади Чандлера и уткнув дуло писто-

лета в его шею, — собрание нашего Общества Самосохранения будем считать открытым. — Послышался одобрительный гул присутствующих.

— Итак, люди Орфализа, — продолжал Гай тем же тоном. — Прежде всего выясним, все ли мы свободны здесь, на горе Мак-Гир.

— Все свободны, мы все свободны, — ответило собрание.

Худощавый рыжеволосый человек поднялся на возвышение и направил один из стоявших там осветителей на Чандлера.

— Люди Орфализа, если мы все свободны, согласны ли вы перейти к следующему вопросу?

— Согласны, согласны, согласны... — эхом прокатилось по комнате.

— А теперь нам предстоит принять и приобщить к благодати эти две заблудшие и найденные нами души.

— Приобщим их к благодати! Спасем их от злых духов! Сбережем Орфализ от нечистого!..

Гай удовлетворенно кивнул и перешел на обычный тон.

— Хорошо, люди Орфализа, приступим. Как я уже говорил, у нас двое новичков. Их души предались безумному ветру, по крайней мере, одна из них, а остальное вам всем известно. Они

причинили зло другим, а значит, и себе. Я имею в виду женщину. Ибо второй тоже мог иметь в себе огненного духа. — Он сурово посмотрел на Чандлера. — Ребята, присмотрите за ним, ладно? — сказал он двум мужчинам, передавая им свой пистолет. — Мэгги, а ты расскажи о женщине.

Девушка выступила вперед и скромно, хотя и не без гордости, начала:

— Люди Орфализа, я шла по просеке и услышала, как приближается машина. Я, конечно, очень удивилась и не сразу сообразила, что делать. Вы ведь знаете, чем опасны машины.

— Злые духи! — воскликнула женщина лет сорока, лицом напоминавшая сома.

Девушка кивнула.

— Да, верно. Ну, и я… то есть, я хочу сказать, люди Орфализа, я знала, где у нас спрятана сеть из колючей проволоки. И мне оставалось только развернуть ее у поворота, где машина должна была сбавить скорость и ждать. Но а сама я, конечно, спряталась. И она попалась! — радостно воскликнула Мэгги. — Она перевернулась, люди Орфализа, и завалилась в канаву, но я не дала ей загореться. Я отключила зажигание и вытащила женщину! Я ткнула ее ножом в спину

совсем легонько, наверное, на четверть дюйма. И боль, которую она испытала, пробила панцирь, сковавший ее рассудок. Я решила, что с ней все в порядке, потому что она стала кричать. Но я привела ее сюда, а потом о ней позаботился Гай. Да, — вспомнила Мэгги, — ее язык произносил что-то невразумительное, когда Гай привязывал ее, правда, Гай?

Бородатый кивнул, усмехаясь, и приподнял ногу женщины. Чандлер с изумлением увидел, что ее голень плотно обернута куском скрученной наподобие жгута колючей проволоки, вокруг которой виднелась запекшаяся кровь. Не зная, что и думать, он поднял глаза и встретил сочувственный и понимающий взгляд женщины. Гай похлопал по ноге и отпустил ее.

— У меня не осталось больше зажимов, люди Орфализа, — объяснил он. — Но, похоже, и этого вполне хватит. Итак, давайте подумаем и решим с этими двумя; я думаю… нет, подождите! — Он поднял руку, призывая присутствующих к тишине. — Прежде всего мы должны прочесть пару стихов.

Он раскрыл наугад том в пурпурном переплете, некоторое время шевелил губами, глядя: на страницу, и затем прочел: «Иные из вас скажут:

„Это северный ветер развевал наши одежды“. И я говорю: „Да, то был северный ветер, но позор стоял за ним, и он расслабил ваши мышцы. И свершив свое дело, он смеялся в лесу“».

Гай осторожно закрыл книгу, задумчиво глядя в дальний конец комнаты. Потом почесал голову и медленно произнес:

— Люди Орфализа, они, конечно, смеются в лесу, я не сомневаюсь, но здесь у нас та, которая, возможно, чиста духом, хотя и была грешна телом. Не так ли? Примем ли мы ее или отвергнем, о, люди Орфализа?

Некоторое время присутствующие только бормотали про себя, потом послышались возгласы:

— Примем! Примем новенькую! Примем и изгоним Злого Духа!

— Прекрасно! — сказала Мэгги, потирая руки и глядя на бородатого. — Гай, отпусти ее. — Он начал развязывать женщину. — Незнакомка, как твое имя?

— Элен Брейстед, — тихо ответила женщина.

— «Мэгги, мое имя Элен Брейстед», — поправила девушка-подросток. — Всегда называй по имени того, к кому обращаешься в Орфализе, так мы будем знать, что говоришь ты, а не Огненный Дух. Хорошо, иди сядь.

Элен молча спустилась с помоста и, прихрамывая, направилась к столу.

— Да, кстати, люди Орфализа, — добавила Мэгги, — машина все еще там, может, мы ее как-нибудь используем? Она не сгорела. Гай, переходи к следующему.

Гай погладил свою бороду и окинул Чандлера внимательным взглядом.

— Хорошо. Люди Орфализа, третий вопрос нашего собрания: принять или отвергнуть еще одного новичка, спасенного от злых духов, как вы решите?

Чандлер невольно выпрямился, почувствовав, что все взгляды устремились на него; но его очередь так и не настала, потому что собрание было прервано. Гай не успел закончить свою речь. Внизу в долине раздался могучий грохот, эхом прокатившийся по горам. Ударная волна выбила стекла.

В комнате началась суматоха. Участники собрания повскакали со своих мест и бросились к широким окнам; Гай и девушка-подросток схватили винтовки; все сразу пришло в движение.

Чандлер хотел подняться, потом снова сел. Рыжеволосый охранник смотрел в сторону. Вполне можно было выхватить у него пистолет и убе-

жать от этих маньяков. Но Чандлер знал, что ему некуда бежать. Может, они и сумасшедшие, но, по крайней мере, организованные.

Похоже, им удалось выработать некоторые практические методы борьбы с одержимостью, пусть даже эти методы основывались на безумной философии. Он решил остаться, подождать и посмотреть. И вдруг Чандлер обнаружил, что бросается за пистолетом.

Нет, он не сам напал на рыжеволосого. Он обнаружил, что это делает его тело; Чандлер тут был ни при чем. Он оказался в том же состоянии, которое испытал прежде и которое едва не стоило ему жизни. Его тело активно действовало, а ум никак не мог вмешаться. Чандлер увидел, что его тело движется совсем не так, как он предполагал. Оно устремилось вперед и ударило рыжеволосого сзади кулаком по уху. Человек покатился по полу, выронив пистолет, тело Чандлера прыгнуло за ним вместе с мозгом Чандлера, беспомощным испуганным наблюдателем. И он завладел пистолетом!

Он схватил пистолет рукой, которая принадлежала ему, но не подчинялась. Он поднял пистолет и обернулся. Внезапно он стал осознавать, что с крыши открыли огонь, а снаружи со всех сторон

доносились выстрелы, отдававшиеся эхом. Одна часть его была удивлена, другая, чужая — нисколько. Он начал целиться в затылок Мэгги, беззвучно крича: «Нет!». Но палец его не нажал на курок.

Он мельком заметил кого-то рядом, оглянулся и увидел женщину, Элен Брейстед, которая быстро приближалась к нему, несмотря на то, что ее ноги были обмотаны колючей проволокой. В руках она держала палку, подобранное где-то топорище. Лицо ее выражало спокойную твердую решимость. Она ударила палкой Чандлера по голове. Удар оглушил его, сзади ударил кто-то еще. Чандлер упал.

Он слышал крики и выстрелы, но не мог пошевелиться. Он чувствовал, как его куда-то поволокли, потом отпустили. Словно в тумане перед ним появилось лицо женщины, оно удалилось и вновь вернулось. Потом сильная пронзительная боль в руке окончательно привела его в сознание.

Это Элен склонилась над ним и почему-то плакала. А боль в руке возникла от ожога. Элен держала Чандлера за кисть и подносила к ней горящую спичку.

Глава 5

Чандлер пронзительно окрикнул и отдернул руку. Элен уронила спичку, вскочила и затушила ее ногой, глядя на Чандлера. Под мышкой у нее был большой тесак. Она положила руку на ручку тесака и спросила:

— Больно?

— Черт возьми! — яростно закричал Чандлер. — Конечно! А ты как думала?

— Я так и думала, — призналась Элен.

Она еще раз внимательно посмотрела на него и впервые с тех пор, как он увидел ее, улыбнулась. Слабая улыбка тут же погасла, когда снаружи возобновилась стрельба.

— Извини, — сказала Элен. — Я должна была так сделать. Пожалуйста, поверь мне.

— Почему ты должна была обжечь мою руку?

— Таковы правила, — ответила она. — Это отгоняет огненных духов. Они не любят боли. — Она вздохнула и, наконец, сняла руку с ручки тесака. — Еще болит?

— Да, болит, — поспешно ответил Чандлер.

Она потеряла к нему интерес и стала осматривать комнату. Три обитателя Орфализа, судя

по позам, в которых они лежали, были убиты. Некоторые получили свежие ранения, которые, впрочем, было трудно отличить от прежних увечий, нанесенных этими людьми самим себе для защиты от злых духов. Наверху и снаружи еще продолжалась стрельба, и пахло порохом. Элен вернулась, прихрамывая и держа в руках тесак. За ней с торжествующей улыбкой следовала девушка-подросток; Чандлер впервые заметил у нее на левой руке нечто вроде жгута из колючей проволоки — рука вокруг него распухла и покраснела.

— Всыпали им, — радостно сообщила она и навела ствол винтовки 22 калибра на Чандлера.

— Нет, — сказала Элен. — То есть, я хочу сказать, Мэгги, с ним все в порядке. — Она показала на его обожженную ладонь. Мэгги подошла с видом эксперта и, продолжая держать его под прицелом, внимательно осмотрела ожог. Потом скривила губы и взглянула в лицо Чандлеру.

— Ты права, Элен. Думаю, он чист. Только надо было прижечь получше. Ладно, ерунда, сделаем ему еще что-нибудь завтра.

«Черта с два вы сделаете», — подумал Чандлер и едва не произнес это вслух, но передумал, решив, что не стоит лезть в чужой монастырь со

своим уставом. Кроме того, их методы могут быть действительно эффективными. К тому же он еще не знал, что ему делать дальше.

— Элен, покажи ему тут все, — распорядилась девушка-подросток. — У меня просто нет времени. В этот раз мы чуть не попались, Элен. Будь поосторожней, никто не застрахован, сама знаешь. — И она с важным видом удалилась, волоча за собой свою винтовку. Очевидно, очень довольная собой.

Элен Брейстед жила в Лехай Коунти, Пенсильвания, и Чандлер сначала недоумевал, что она делает по меньшей мере за три тысячи миль от своего дома.

В эти дни никто не любил путешествовать. Всюду было плохо, но в своих краях человек мог, по крайней мере, рассчитывать на друзей, а идти в чужие края означало подвергать себя дополнительному риску.

Конечно, существовала одна причина для путешествий. Такая же, как у Чандлера.

Элен не хотела говорить об этом. И понятно почему: она была одержима. Когда Мэгги поймала ее машину, Элен была инструментом чужой воли. В багажнике у нее лежала дюжина автоматов, предназначенных для группы охотников

в долине к югу от горы Мак Гир. С некоторым усилием Чандлер произнес:

— Наверное, я был…

— Элен, наверное, я был, — поправила она.

— Элен, наверное, я тоже был одержим. Когда захватил пистолет.

— Конечно. В первый раз?

Он отрицательно покачал головой и тут же ощутил пульсирующую боль от клейма на лбу.

— Ну, значит, ты знаешь. А теперь посмотри вон туда.

Они стояли у большого окна, из которого открывался вид на долину. Внизу виднелись река, железная дорога, огибавшая гору и лесистый склон, по которому он поднялся.

— Вон там, Чандлер, — она показала на железнодорожный мост.

Легкий дымок тянулся к югу в сторону реки. Грузовой поезд, на котором ехал Чандлер, продолжал стоять, доехав до середины моста. Судя по всему, другой поезд врезался в него на большой скорости. Кроме того один из поездов, вероятно, вез какие-то химикаты. Мост превратился в бесформенную массу металла.

— Это диверсия, Чандлер, — сказала Элен. — Они хотели, чтобы мы смотрели туда. А потом

напали на нас с другой стороны.

— Кто?

Элен взглянула на него с изумлением.

— Люди, которые устроили аварию… если они люди. Те, кто завладел мной, и тобой, и охотниками. Я думаю, они не любят Орфализ. Возможно, они его даже побаиваются. Мне кажется, люди Орфализа нашли хороший способ борьбы с одержимостью.

У Чандлера внезапно возникло странное ощущение. Сначала он подумал, что опять стал одержимым, но это было нечто совсем другое. Это была надежда.

— Элен, мне никогда не приходило в голову бороться с ними. Я думал, все решилось два года назад.

— Тогда, возможно, ты согласишься со мной? Может, стоит присоединиться к людям Орфализа?

Чандлер попытался представить себе, что сулила ему надежда. Найти в этом мире кого-то, кто имел план! Каким бы он ни был. Даже если он плох. Чандлер не думал конкретно о себе, о клейме на лбу, о смерти жены. Он думал о возможности сопротивления — даже не защиты; достаточно хотя бы помешать им! — злым духам,

«огненным существам», питонам, инкубам и демонам, разрушившим прежний прекрасный мир.

— Если они примут меня, я присоединюсь к ним, — сказал он наконец. — Что для этого нужно сделать?

Вступить в Орфализ оказалось совсем не трудно.

Мэгги неофициально сообщила ему, что он уже практически принят.

— Чандлер, мы должны наблюдать за каждым вновь прибывшим. Понимаете почему? В нем могут сидеть огненные духи. Хоть он и не виноват, но они тогда натворят тут дел. Но теперь мы знаем, что вы свободны от них. Как вы думаете почему? Да потому, что в вас побывал один, когда началась перестрелка.

— Я не понимаю, — недоуменно пробормотал Чандлер. — Вы говорите, будто знаете, что у меня теперь нет, э… огненного духа, потому что он недавно был у меня?

— Чандлер, все очень просто, — любезно разъяснила Мэгги, скрывая улыбку. — В человеке не бывает одновременно двух духов, понимаете? Если вы сейчас такой же, каким были до того, значит, сейчас вы свободны.

Он задумчиво кивнул.

— Чандлер, давайте сделаем перерыв на обед, — предложила девушка. — Чувствуйте себя как дома. Скоро мы опять начнем собрание и рассмотрим вопрос о вашем вступлении.

— Можно мне помочь вам с обедом? — спросила Элен. Мэгги молча посмотрела на нее, и она поправилась: — Мэгги, можно мне помочь вам готовить обед?

— Не-сейчас, Элен. Пока подождите.

Элен взяла Чандлера за руку и повела на веранду. Обитатели Орфализа собирались вместе после боя.

Казалось, они не были сильно удручены ни своими ранами, ни своими потерями. Они обладали чувством коллективного единства. Сохранение общины значило для них больше, чем выживание отдельных членов.

После трех лет постоянно растущего отчуждения в мире, который он не мог ни понять, ни принять, такой образ жизни показался Чандлеру превосходным. Ему начало здесь нравиться…

— Мне очень жаль, — сказала Элен.

Только тут он заметил, что почесывает свою обожженную руку.

— О, все в порядке. Я понимаю, для чего ты это

сделала.

— Иди-ка сюда. — Она открыла аптечку и достала бинт. — Давай, я тебя перевяжу. Надо, чтобы болело — в этом весь смысл. Но совсем необязательно, чтобы попала инфекция. Что у тебя со лбом?

Свободной рукой Чандлер прикоснулся к своему клейму. Он совсем забыл о нем.

Но рассказать ей об этом оказалось совсем не трудно. Когда он закончил, она похлопала его по руке.

— Жестокий мир. Ты был женат?

— Да. — Он рассказал ей о Марго. И о ее смерти.

Женщина кивнула, опустив глаза.

— Я тоже была замужем, Чандлер, — сказала она после небольшой паузы. — Я потеряла мужа два года тому назад.

— Он был убит?

— Смотря что ты имеешь в виду, — ответила она задумчиво. — Он сделал это своими собственными руками. Встал однажды утром, пошел на кухню, а потом вернулся уже как… я не знаю… как его собственная злая натура. Помнишь, были такие комиксы? Добрый Я белого цвета, а Злой Я — черного, и они нашептывают человеку свою

волю? Он выглядел как свое Злое Я. И он перерезал себе горло ножом для хлеба.

— О Боже! — вырвалось у Чандлера. — Он сказал что-нибудь?

— Да, Чандлер, сказал. Но я не хочу повторять, потому что это было отвратительно и страшно.

Судя по запаху, в доме варили кофе; снизу слышался звон посуды.

— Давай посидим там, — предложил Чандлер, показывая на подвешенные на цепях качели. — Думаю, твой муж был одержим. Или, как здесь говорят, в нем сидел огненный дух…

— Чандлер, — произнесла она задумчиво. — Здесь я с ними не совсем согласна. Я уже давно имею дело с этими духами, с тех пор как мой муж… в общем, уже два года. Они использовали меня.

— Для чего? — с тревогой спросил Чандлер. Возможность быть использованным этими тварями представлялась ему особенно жуткой. Он привык считать их странными демоническими существами из некоего враждебного мира, но то, что у них есть какая-то определенная цель, казалось ему кошмаром.

— Не знаю, Чандлер, — ответила женщина. — Я просто делала это. За два года я побывала почти

во всех странах, потому что они использовали меня как курьера и… для других целей. Они использовали меня для самых разных целей, Чандлер, — сказала она очень сдержанно, — и некоторые из них я не хочу обсуждать.

— Конечно.

Потом ее лицо прояснилось.

— Но не все было так уж плохо. Ты, наверное, не поверишь, по однажды я летала в Лиссабон и сама вела реактивный самолет. Представляешь? Ведь я даже не умею как следует водить машину. Я имею в виду сама. Мне приходилось бывать в России, в Англии. Кажется, один раз я была в Африке, правда, никто не упоминал названия страны, и возможно, я ошиблась. Совсем недавно я приехала из Сан-Диего на большом грузовике и… в общем, это было интересно. Но я не верю в «огненных духов». Они не духи и не ведьмы. И не пришельцы из космоса. Во всяком случае, один из них человек, и его зовут Брэд Фенел.

Чандлер уперся пятками в пол, остановив качели.

— Человек?

Элен спокойно кивнула.

— Во всяком случае, когда-то был человеком, — поправилась она. — Мы были знакомы с ним,

когда он жил по соседству со мной в Катасаукве.

— Но как… как он смог… — удивленно пробормотал Чандлер. Она покачала головой.

— Ты задаешь слишком сложный вопрос, Чандлер. Но я знаю, что одним из этих существ был Брэд Фенел. Брэд предложил мне выйти за него замуж, а когда я ему отказала, он… произнес те же слова, которые я слышала от моего мужа перед тем, как он покончил с собой. — Она встала и повернулась к дому. — Пойдем, Мэгги зовет нас обедать. Надеюсь, я не испортила тебе аппетит.

Во время обеда Чандлер был погружен в свои мысли. К нему приходилось обращаться дважды, прежде чем он отвечал, а затем ему напоминали, что в Орфализе нужно обращаться ко всем по имени.

Он пытался осмыслить слова Элен, и ему это никак не удавалось. Неужели чудовища, которые творили такие дела — люди? «Гораздо легче, — думал он, — считать их демонами из преисподней». Последнее казалось даже более правдоподобным… Прерванное собрание возобновилось после того, как община подсчитала свои потери, похоронила мертвых, и комнату привели в порядок.

Нападавших было четверо. Даже не получив

автоматы они смогли убить восьмерых защитников Орфализа. Однако община не только понесла потери, потому что двое охотников остались живы, хотя и получили ранения, а по правилам этой шахматной игры захваченный враг становился другом.

Гай получил в схватке перелом челюсти, и собрание вел другой человек, толстый юноша с забинтованной ногой. Он с трудом поднялся и, скривившись от боли, похлопал свою ногу.

— О, члены Орфализа и братья, — начал он. — Мы потеряли наших друзей, но выдержали испытание. Хвала Пророку, мы опять победили и изгнали злых духов огня из нашего мира. Мэгги, наверное, нужно привязать этих людей?

Девушка с гордым видом велела одному из охотников сесть в освещенное лампой дантистское кресло, а второму — в другое кресло, поспешно поставленное на возвышение. Оба охотника истекали кровью и страдали от боли, но, очевидно, избавились от своих «духов». Они смотрели на обитателей Орфализа с недоумением и страхом.

— Все в порядке, Уолтер, — доложила Мэгги, когда охотников привязали. — Нет, еще секунду. — Она подошла к Чандлеру. — Чандлер, извините, но вам придется сесть вот сюда.

Чандлер позволил привязать себя к складному стулу на помосте. Затем Уолтер выпил немного вина и раскрыл лежавшую перед ним на кафедре изысканно украшенную книгу.

— Спасибо, Мэг. Гай, я надеюсь, что сделаю это так же хорошо, как ты. Итак, давайте немного почитаем. — Он надел очки и начал: — «Часть тебя остается человеком, но другая часть не человек, а безобразный карлик, который бродит во сне по туманной долине, стремясь пробудиться». — Он закрыл книгу и, с удовлетворением взглянув на Гая, спросил: — Понятно ли вам, наши новые друзья? Это слова Пророка, которого люди зовут Халиль Джебран. Для наших новичков я должен сказать, что он окончил свою телесную жизнь много лет назад, его пророчества совершенны. Как у нас говорят, мы — лишь мышцы борющегося с огненными духами, а он — наша душа. — Послышался одобрительный рокот присутствующих, и Уолтер начал быстро листать книгу, очевидно в поисках знакомого места. — Итак, люди Орфализа, Пророк вопрошает: «Что разорвало наш мир на части?» И отвечает: «Это жизнь, стремящаяся к жизни, заключенная в телах, которые страшатся могилы». Поистине, что может быть яснее этого, люди Орфализа

и наши друзья! Что-то овладевает нами, и мы становимся одержимыми. Что же это? И вот он говорит нам, люди Орфализа и друзья: «Это огненный дух, заключенный в вас, который действует сам по себе». Ну и чертовщина! Выходит, никто не может осуждать нас за то, что делает какой-то огненный дух! Поэтому, во-первых, мы должны понять, друзья и люди Орфализа, что мы не виновны. А во-вторых, что виновны именно мы! — Он повернулся и приветливо улыбнулся Чандлеру, в то время как остальные члены общины подтверждали и одобряли его слова. — Таким образом, люди Орфализа, — продолжал Уолтер, — Пророк говорит, что все виновны: «Убитого нельзя считать непричастным к его убийству, как и ограбленного к его ограблению. Праведник не безвинен в делах грешника, и нет того, кто был бы невиновен в преступлениях злодея». Понимаете, о чем здесь речь? Мы все несем ответственность за все — а это означает, что мы должны страдать — однако нам не нужно беспокоиться о тех делах, которые мы совершили, когда нами владели огненные духи. Но мы обязаны страдать, люди Орфализа. — Его лицо стало суровым. — Нашему дорогому основателю, Гаю, который теперь испытывает страдания даже

сверх меры, дано было постичь это в самом начале, когда им самим овладели злые духи. И все это есть в книге! И в ней говорится: «Ваши страдания добровольны. Это горькое лекарство, с помощью которого ваш внутренний врачеватель исцеляет вашу больную душу». Поразмышляйте над этим, люди Орфализа и друзья. Нет, поразмышляйте серьезно, — добавил он, обращаясь к связанным «друзьям» на помосте. — Мы всегда делаем это в течение минуты. Ада, сыграй нам что-нибудь задумчивое.

Глава 6

Чандлер беспокойно пошевелился, когда страдавшая артритом пожилая женщина принялась извлекать нестройные звуки из электрооргана. Боль в обожженной руке усилилась. «Если бы эти люди не были столь явными психами, — подумал Чандлер, — я с большим удовольствием разделил бы их судьбу. Но, возможно, для такого дела пригодны только сумасшедшие? Во всяком случае, нормальные люди достигли не многого».

К тому же выбора практически не оставалось…

— Ада, достаточно, — распорядился толстый юноша. — Мэг, подойди сюда. Люди Орфализа, сейчас Мэг еще раз для вновь прибывших расскажет, как все началось. К сожалению, Гай не может говорить.

Девушка-подросток поднялась на помост и приняла позу, усвоенную, очевидно, в школьном дискуссионном клубе — в те дни, когда еще существовали школы и дискуссионные клубы.

— Леди и джентльмены, начнем с самого начала. Гай, конечно, рассказал бы лучше, но я тоже помню все очень хорошо. Потому что я сама была свидетелем, и я… — Она поморщилась и продол-

жала. — Так вот, леди и джентльмены — люди Орфализа, — Гай создал Орфализ, Общество Самосохранения, потому что, как сказал Уолтер, он сам был одержимым. Единственная разница между Гаем и всеми нами в том, что он знал, что делать, так как прочел книгу, которую вы здесь видите. Сначала, конечно, когда им овладели духи, это ему не помогло. Он был совершенно бессилен. Да, люди Орфализа, он был одержимым, и когда его душа, и ум, и тело попали под влияние демонов из преисподней, он совершал такие поступки, леди и джентльмены Орфализа, о которых я лучше умолчу. Он был лютней в руке сильного, как сказано в книге. И как ни старался, ничего не мог поделать. Но однажды, когда ой совершал эти поступки, его рука случайно попала в пламя газовой горелки и, как видите, пострадала очень сильно. — С печальной улыбкой Гай поднял свою искалеченную руку. — И что бы вы думали — в ту же минуту он избавился от своего злого духа! Но ведь Гай — ученый, люди Орфализа, он работал в телефонной компании и учился в колледже, к тому же он прочел книгу, и поэтому сразу понял, что к чему. Вы, конечно, знаете, он мой дядя, и я горжусь им. Я всегда любила его, даже когда он… когда он был не в себе и делал со мной эти

ужасные вещи, я знала, что мой дядя Гай тут ни при чем. Во всем виноват кто-то другой. Правда, я не знала кто. И когда он рассказал мне Основное Правило, я стала ему во всем помогать. Я поверила ему, потому что он говорил по Писанию. Злые духи боятся боли! Значит, нам нужно полюбить ее. Я помню наизусть: «Приучите ваше сердце удивляться чудесам повседневной жизни, и ваша боль станет не менее чудесной, чем ваша радость». Ведь так сказано в книге, правда? Вот почему мы должны причинять себе боль, люди Орфализа и новые братья; духи не любят, когда мы испытываем боль, и покидают нас. Все так просто.

На мгновение лицо девушки застыло.

— Я знала, что они меня не захватят. Поэтому мы с Гаем взяли Элс — это другая девушка, на которую он тоже нападал, когда был одержимым, и мы знали, ее тоже не захватят. Потому что злые духи боятся боли, как сказал Гай, и он, — заявила она торжественным тоном, — причинил нам очень сильную боль. Потом мы пришли сюда, нашли этот дом, и с тех пор к нам присоединяются новые братья и сестры. Конечно, нас не так много, потому что теперь люди редко забредают сюда, и многих нам пришлось убить. Да, ничего

не поделаешь. Иногда одержимых не удается спасти, но…

Ее лицо резко переменилось. Оно стало старше, девушка с напряженным вниманием оглядела комнату, потом расслабилась, и закричала.

Гай вскочил. Разбитая челюсть не позволяла ему говорить, но наконец он все же прохрипел:

— Что… что… случилось, Мэг?

— Дядя Гай! — Она спрыгнула с возвышения и бросилась к нему, рыдая.

— Что?!

— Я почувствовала! Они поймали меня, Гай, ты же обещал, что они не смогут!

Он ошеломленно тряхнул головой, глядя на Мэгги так, словно она одержимая, — все еще одержимая — и произносит страшную ложь, чтобы разрушить все его надежды. Казалось, он не мог понять смысл ее слов. Один из охотников в ужасе завопил:

— Ради Бога, развяжите нас! Дайте нам хотя бы шанс!

Чандлер тоже закричал. За какую-то долю секунды ужас изменил до неузнаваемости всех, кто находился в комнате. Люди утратили способность действовать. Толстый неуклюжий Уолтер, который председательствовал на собрании, мед-

ленно направился к охотнику, привязанному к дантистскому креслу и стал наощупь развязывать узлы. Элен Брейстед уронила голову на руки и затряслась.

Трагичность ситуации состояла в том, что все они уже вкусили надежды. Чандлер стал яростно рваться, пытаясь освободиться от веревок, он почти не сознавал, что делает. Мир превратился в ад для всех, но ад начал казаться терпимым, когда появился шанс покончить с ним. И теперь, лишившись этого шанса, люди оказались еще несчастнее, чем прежде.

Уолтер наконец развязал охотника и, двигаясь как-то вяло и словно не видя ничего перед собой, перешел к Чандлеру.

Потом лицо его также изменилось.

Толстый неуклюжий юноша резко дернулся, огляделся и сошел с помоста.

Элен Брейстед подняла голову и с полными слез глазами спокойно встала и пошла за ним. Пожилая леди, страдавшая артритом, повернулась и присоединилась к ним. Чандлер смотрел на них с изумлением и вдруг понял.

Они направлялись к тому углу комнаты, где стояли винтовки.

— Одержимые! — закричал Чандлер, ощущая

всю горечь своих слов. — Остановите их! Гай — смотрите! — Он опять стал отчаянно рваться из своих уже ослабевших пут, опрокинул стул и вместе с ним скатился с помоста.

Трое одержимых могли не торопиться; у них было достаточно времени. Они уже брали винтовки, когда Чандлер закричал. Потом они не спеша развернулись, прицелились и начали расстреливать членов Орфализа. Жутко было смотреть, как страдавшая артритом органистка с лицом хладнокровного палача прицелилась в Гая и прострелила ему горло. После трех выстрелов три члена общины упали замертво. Еще три выстрела — и убиты трое других.

Остальные пытались спастись бегством, но у них не было шансов. Это напоминало бойню.

Когда все члены Орфализа, кроме троих одержимых, лежали на полу, убитые, раненые или как Чандлер, незамеченные, пожилая леди, тщательно прицелившись, выстрелила точно в висок Элен Брейстед, а затем Уолтеру. Они не пытались спастись и встретили свою смерть почти с нетерпением.

Пожилая леди не спеша огляделась, выстрелила в живот раненому, который пытался подняться, перезарядила винтовку и стала обыскивать

убитых. Она искала спички. Найдя их, она попыталась сорвать обивку с кушетки, выругалась и принялась вырывать и комкать страницы книги Халиля Джебрана. Когда на помосте оказался целый ворох бумаг, она выкинула книгу в окно, опустилась на колени и подожгла бумагу.

Некоторое время она стояла, глядя на огонь, и с сердитым нетерпением притоптывала ногой.

Скомканная бумага вспыхнула быстро. Прежде, чем она догорела, занялся деревянный помост. С большим трудом пожилая леди принесла несколько стульев и бросила их в свой костер, который разгорался все сильнее.

Она смотрела на него, пока оранжевый столб пламени не достиг потолка, не загорелись обои на стене и с высокого потолка не посыпалась штукатурка. Теперь огонь уже не мог угаснуть сам, и его могла бы потушить лишь хорошо оснащенная пожарная команда. Лицо пожилой леди прояснилось, она с удовлетворением кивнула. Потом сунула себе в рот конец ствола винтовки и большим пальцем нажала на курок. Мертвое тело упало в огонь.

Чандлера не застрелили, но он почувствовал, что скоро зажарится. Уолтер успел освободить одну его руку, и он, стараясь не привлекать вни-

мания одержимой женщины, взялся за остальные узлы.

Увидев, как она покончила с собой, Чандлер удвоил свои усилия. Он почти не верил в свое спасение, зная, что даже если выберется из горящего дома, все равно останется без средств к существованию. Разрушение этой короткой надежды сломило его дух, но пальцы продолжали трудиться.

Он лежал на полу, бессознательно продолжая бороться за жизнь, в то время как под потолком скапливались облака черного дыма, и куски штукатурки с грохотом падали на пол — словно ребенок сбрасывал с верхней полки тома Британской Энциклопедии. От жары и недостатка кислорода Чандлер задыхался. Потом он резко вскрикнул и вскочил на ноги. Ему хватило нескольких секунд, чтобы выскочить из дома.

Сзади загрохотало. Чандлер решил, что это провалилась мебель с верхнего этажа после того, как прогорел потолок. Он обернулся. Уже стемнело, и все окна в доме светились. Как будто безумный домовладелец решил повесить во всех комнатах оранжевые лампы, которые раскачивались и мигали. На секунду Чандлеру показалось, что в доме еще остались живые люди — какие-то тени

метались за окнами, словно спасая свои вещи или отчаянно взывая о помощи. Но это трепетали охваченные пламенем портьеры.

Чандлер вздохнул и отвернулся.

Все-таки боль оказалась ненадежной защитой. Скорее всего она вызвала лишь раздражение агрессоров, кем бы или чем бы они ни были… Едва почуяв неладное, они приложили немного усилий и уничтожили Орфализ. Он прислушался и огляделся, но, как и ожидал, никого не заметил. Он был уверен, что спастись удалось только ему.

Чандлер стал спускаться с холма, направляясь к разрушенному железнодорожному мосту, и обернулся лишь после того, как услышал грохот, означавший, что провалилась крыша дома. Столб пламени взметнулся ввысь футов на сто, рассыпав во все стороны бесчисленные оранжевокрасные искры, которые начали медленно падать. Некоторые продолжали гореть на земле. Они могли зажечь деревья, и тогда Чандлеру грозила новая опасность; но его рассудок находился в таком оцепенении, что он даже не прибавил шагу. Возле вспаханного поля Чандлер опустился на землю. Он не мог идти дальше, потому что идти было некуда. У него было два дома, и из обоих его изгнали; у него дважды появлялась

надежда, и дважды ему приходилось жестоко разочаровываться. Он лежал на спине, слушая, как потрескивает горящий дом, и глядя на озаренные оранжевым светом верхушки деревьев, за которыми виднелись звезды. Над его левым плечом Денеб мчался по небу за Вегой; ближе к ногам что-то двигалось между яркой розовой точкой Антареса и другой, столь же яркой и такого же цвета, — кажется, Марсом. Некоторое время Чандлер соображал, может ли Марс находиться в этой части неба. Потом он снова стал наблюдать за крошечной движущейся точкой, которая пересекла клешни Скорпиона и скрылась. Может, спутник? Правда, их осталось совсем мало. А других уже не будет, потому что накопленные государством богатства, позволявшие им запускать в небо ракеты, теперь исчерпаны. «Наверно, это самолет», — подумал он и погрузился в сон, не подозревая, сколь далеки от истины его предположения… Он проснулся, когда обнаружил, что встает.

Невидимый захватчик вновь овладел его мозгом. Чандлер попытался оказать сопротивление, хотя и знал, что это бесполезно. Его собственные шейные мышцы поворачивали голову, глаза быстро двигались, рука потянулась к лежавшей

на земле палке, потом как будто передумала. Некоторое время его тело стояло неподвижно, губы шевелились, из глотки доносилось какое-то бормотание. Чандлер почти не слышал слов. Он чувствовал себя мухой в куске янтаря, узником собственной черепной коробки. Он не удивился, когда ноги пришли в движение и понесли его обратно к сгоревшему дому, от которого осталась лишь куча раскаленных угольев.

Чандлер начал догадываться о намерениях своего захватчика. Вероятно, тот представлял собой своего рода уборщика, который наводил порядок после побоища. Теперь он, похоже, искал для Чандлера способ самоубийства, чтобы уничтожить его так же, как и прочих обитателей Орфализа.

Глава 7

Тело Чандлера быстро несло его к дому. То и дело оно останавливалось и оглядывалось. Оно словно пыталось найти более короткие пути решения задачи, но каждый раз вновь продолжало свой путь.

В каком-то смысле Чандлер мог даже посочувствовать ему. Он по-прежнему ощущал боль от клейма на лбу и от ожога на руке; когда тело приблизилось к тлеющим остаткам дома, боль заметно усилилась. Вероятно, обитать в таком теле было довольно неуютно. Его захватчик никак не мог найти подходящего орудия для самоубийства.

Когда они подошли так близко, что, казалось, кожа на лице вот-вот вспыхнет, тело остановилось.

Чандлер почувствовал, что его мышцы готовятся к последнему прыжку. Нога сделала короткий шаг — и поскользнулась. Тело споткнулось и выпрямилось, рот выругался на каком-то неизвестном языке.

Тело застыло в нерешительности, глядя на землю, потом наклонилось и подняло книгу, о ко-

торую споткнулось. Чандлер узнал изорванный том «Пророка», принадлежавший Гаю.

Тело Чандлера немного постояло в задумчивой позе. Потом село, несмотря на жар, исходивший от раскаленных угольев.

В следующую секунду Чандлер понял, что он свободен. Он попробовал встать: ноги действовали; тогда он повернулся и пошел прочь.

Пройдя всего несколько ярдов, он слегка оступился и тут же снова почувствовал в своем теле невидимого захватчика.

Он продолжал удаляться от сгоревшего здания, идя в сторону дороги. Один раз его рука поднялась к глазам словно для того, чтобы захватчик убедился: книга на месте. Это могло в какой-то мере объяснить происходившее. Похоже, сила, овладевшая Чандлером, на время покинула его, чтобы подумать или даже посоветоваться с кем-то, а затем вернулась уже с новым планом. Потом Чандлер совершал и другие действия, но осознавать их был уже не в состоянии; его тело совсем обессилело. Он вышел на дорогу и ждал, пока не подъехал грузовик, тогда он сделал какой-то знак рукой. Когда машина остановилась, Чандлер обратился к водителю на незнакомом языке.

— Shto? — сказал водитель, мрачный мекси-

канец в ковбойке. — Ja nie jestem ruska. Cxego pragniesh?

— Czy ty jedziesz в Лос-Анджелес? — спросил рот Чандлера.

— Nyet. Акапулько.

— Wesi na Лос-Анджелес, — потребовал голос Чандлера.

— Nyet.

Голоса продолжали спорить; Чандлер потерял интерес к разговору и почувствовал облегчение, когда дело каким-то образом уладилось, и он оказался в кузове грузовика. Мексиканец запер Чандлера, и машина поехала дальше; захватчик оставил его тело, и он тут же заснул.

Проснувшись, он обнаружил, что стоит на перекрестке дороги в предрассветном тумане. Через несколько минут подъехала другая машина, и его захватчик некоторое время разговаривал с водителем. Чандлер сел в машину, почувствовав себя свободным, снова заснул и проснулся по-прежнему свободным на заднем сиденье автомобиля, стоявшего перед зданием с вывеской «Международный Аэропорт Лос-Анджелеса».

Чандлер вышел из машины и сделал несколько шагов, потягиваясь. Ему очень хотелось есть.

Вокруг никого не было видно. Аэропорт обна-

руживал признаки разрушения, характерные для всех сколько-нибудь значительных средств сообщения в мире. Часть главного здания обрушилась и, очевидно, сгорела; Чандлер увидел обгоревшие и исковерканные остатки самолета, который врезался в здание. Автостоянку и то, что некогда было зеленой лужайкой, заполняли разбитые автомобили. Похоже, по ним кое-где прошлись бульдозером, чтобы освободить подъездные пути.

Чандлер стоял лицом к взлетному полю. Справа виднелось странное трехногое сооружение высотой в несколько этажей. Вероятно, прежде там размещался роскошный ресторан, но теперь внутри все сгорело и в окнах не осталось ни одного стекла. Само взлетное поле выглядело запустевшим: всего два-три самолета стояли на стоянке, а на взлетных полосах виднелись лишь разбитые транспортные самолеты. Все же Интернациональный Аэропорт Лос-Анджелеса казался пригодным для использования, хотя и изрядно пострадавшим.

Чандлер недоумевал, где все люди.

Словно отвечая на его мысли, послышался шум подъезжавшей машины. Армейский грузовик с грохотом проехал по мосту, который соединял

взлетные полосы со стоянкой.

Пять человек вышли возле одного из самолетов. Они посмотрели на Чандлера, но ничего не сказали и стали перегружать какие-то ящики из грузовика в самолет, четырехмоторный, со стреловидным крылом — судя по всему, устаревшая модель. Чандлер решил, что это один из первых боингов. Они мало использовались в последние годы: слишком большие и быстрые для коротких рейсов, чересчур медлительные для полетов на большие расстояния. Но теперь, поскольку большинство самолетов уже разбились, а новых больше не строили, эти машины могли показаться чудом техники.

Люди, приехавшие на грузовике, не были похожи на одержимых. Во время работы они самым естественным образом ворчали, ругались, останавливались, чтобы утереть с лица пот или почесаться.

Чандлер не заметил у них ни зловещей сосредоточенности, ни придурковатого недоумения, как у тех, чьи тела находились во власти захватчиков. Он надвинул на лоб свою шерстяную шапку, чтобы избежать лишних неприятностей, и направился к людям. Они прекратили работу и уставились на него. Один из них сказал что-то

другому, тот кивнул и подошел к Чандлеру.

— Что вы хотите? — осторожно поинтересовался он.

— Не знаю. Я хотел задать вам тот же вопрос.

Человек нахмурился.

— Ваш исполник не сказал вам, что нужно делать?

— Мой кто?

Человек почесался и покачал головой.

— Лучше не подходите к нам. Здесь какой-то важный груз, понятно? Надеюсь, с вами все в порядке, иначе вы не прошли бы через охрану, но я не хочу, чтобы вы нам мешали. И так забот хватает. Не могу понять, — проворчал он, словно давая волю накопившемуся недовольству, — почему исполники не желают ставить нас в известность, когда собираются кого-нибудь доставить. Теперь вот нужно загрузить и заправить этот самолет, и вы еще, насколько я понимаю, возьмете с полтонны какого-нибудь барахла. Откуда мне знать, сколько потребуется топлива?

Да еще погода. При встречном ветре надо заполнять все баки, но если будет еще лишний груз…

— Я понятия не имею ни о каком грузе, кроме этой книги, — перебил Чандлер. — Она весит не больше фунта. Вы думаете, я должен сесть в

самолет? — Человек неопределенно хмыкнул. — Ладно, поступайте, как знаете. Послушайте, могу я где-нибудь перекусить?

Человек немного подумал.

— Ладно, мы поделимся с вами сандвичами, только подождите здесь. Я вам принесу.

Он вернулся к грузовику. Вскоре другой рабочий принес Чандлеру два холодных гамбургера, завернутых в вощеную бумагу, но отвечать на какие-либо вопросы отказался.

Чандлер доел последнюю крошку, поискал и нашел в разрушенном здании действующий умывальник, вышел и сел на солнышке, наблюдая за погрузкой самолета. Он стал настоящим фаталистом. Похоже, его не собирались убивать немедленно, значит, он мог еще пожить.

В его оценке ситуации оставались большие пробелы, но одно казалось несомненным: эти люди, хотя и не одержимые, все-таки работают на таинственных захватчиков, что само по себе не могло не вызывать ужаса и отвращения. Но, с другой стороны, тут было и нечто утешительное. Получалось, что «исполники» являлись человеческими существами, или, возможно, не совсем человеческими, но, по крайней мере, имевшими нечто общее с людьми: они прилагали сознатель-

ные усилия для достижения определенной цели. Впервые Чандлер обнаружил намек на закономерность в деятельности захватчиков. Может быть, массовые убийства и разрушения — всего лишь временная тактика? Он почувствовал пробуждение смутной надежды — и постарался подавить ее, опасаясь нового тяжелого разочарования.

Люди закончили работу, но не покинули аэропорт и не подошли к Чандлеру, а сели в тени своего грузовика, чего-то ожидая.

Чандлер задремал, но был разбужен шумом легкого одномоторного аэрокапа, который пролетел над зданием, круто развернувшись, пошел на посадку и после короткой пробежки остановился на стоянке. Пилот вышел из кабины, и два человека с большой осторожностью понесли к самолету небольшой, но, по-видимому, очень тяжелый деревянный ящик. Пилот стоял и наблюдал за погрузкой: затем он и один из грузчиков прошли в кабину самолета. Чандлер не был уверен, но ему показалось, что человек из грузовика, вошедший в самолет, не владел своим телом. Его движения выглядели уверенными, но раздраженные взгляды, которые бросали на него остальные, казались весьма красноречивыми. Однако Чандлеру не

пришлось долго раздумывать, потому что и сам он почувствовал себя захваченным.

Он продолжал сидеть. Его собственный голос сказал ему:

— Эй, ты, как тебя там, парень с книгой! Ты должен забрать книгу с собой и сесть в этот самолет, понял? — его глаза повернулись к ожидавшему самолету. — И не забудь про книгу! — Его снова отпустили.

— Не забуду, — ответил он машинально и тут же понял, что его ответ уже некому слушать.

Чандлер нашел выброшенную книгу Джебрана и перебежал дорогу, по которой мчался еще один грузовик. Водитель сбросил скорость и лихо затормозил. Чандлер раскрыл рот от изумления: за рулем десятиколесного тяжеловоза сидела девочка лет четырнадцати. Она обернулась и что-то крикнула через плечо, потом открыла дверь кабины и спрыгнула на землю. Боковая дверь грузовика распахнулась.

Там стояла девочка лет одиннадцати и мальчик в форме скаута. Они тоже спрыгнули на землю. За ними последовала еще дюжина детей, затем еще и еще…

По меньшей мере пятьдесят детей толпились возле грузовика. Среди них были японцы, негры,

мексиканцы и голубоглазые блондины; примерно равное количество мальчиков и девочек. Они построились в колонну и направились к самолету, оживленно переговариваясь, словно по пути домой из школьного автобуса. Чандлер поднялся по трапу вслед за ними и оглянулся на стоявших внизу рабочих. Они молчали и не смотрели на него. В салоне дети с криками и смехом занимали места.

— Что это значит? — спросил Чандлер.

— Замолчи и садись. — Ни один из людей не смотрел на него. Он даже не знал, кто из них сейчас говорил. У всех на лицах застыло тревожное, злое и беспомощное выражение.

— Эй! Послушайте, вы можете по крайней мере сказать мне, куда мы летим?

— Садись. — Но один из них наконец взглянул на него, быстро показал рукой и тут же отвернулся.

Он показал на запад, где простирались десять миллионов квадратных миль почти пустынного Тихого океана.

Не зажегся сигнал, означавший, что нужно пристегнуть ремни, и стюардесса не прошла между рядами сидений, проверяя, все ли в порядке. Люди, стоявшие снаружи, захлопнули дверь и

крикнули Чандлеру, чтобы он запер ее. Пилот и его помощник уже находились на борту, но дверь в кабину была закрыта, и Чандлер не видел их. Пока он возился с запором, заработали двигатели, самолет вырулил на полосу… и взлетел. Только и всего.

Чандлер почти упал на сиденье и схватился за поручни. Дети кричали и пели, скакали по салону, показывали друг другу на разрушенные здания центральной части Лос-Анджелеса в нескольких стах футах под крылом самолета.

— Сядьте! — крикнул Чандлер. — Эй, вы! Вы себе шеи переломаете…

Но тщетно. Они не отказывались слушать его. Они просто не слышали. Взлет произошел гораздо быстрее, чем при любом коммерческом полете. Лайнер взмыл над городом на полной мощности (конечно, жалобы на шум от местных жителей канули в прошлое), совершил крутой вираж, так что дети с криками и хохотом попадали друг на друга, и выровнялся над Тихим океаном. Чандлер почувствовал, что у него заложило уши. Он встал, схватившись за спинку соседнего сиденья. Давно уже Чандлеру не приходилось летать на самолете. Он почувствовал приступ воздушной болезни, но вскоре все прошло. Дети не страда-

ли от подобных проблем. Они вели себя, как на школьной экскурсии. Чандлер сосчитал ребятишек, их оказалось пятьдесят два. Они возились рядом с ним, протискивались мимо него в проходе, но не обращали на него внимания, и он не заговаривал с ними.

Они находились в отсеке второго класса. Чандлер обнаружил, что дверь, которая вела в отсек первого класса, заперта, однако она представляла собой лишь ткань, натянутую на металлическую раму. Не задумываясь о последствиях, Чандлер прорвал ткань ногой и пролез в дыру; дети наблюдали за ним, смеясь и перешептываясь. В отсеке первого класса большинство сидений отсутствовало, многочисленные коробки и ящики крепились к полу ремнями. Однако в спальном отделении остались диваны; Чандлер повалился на один из них и закрыл глаза.

Он вспомнил Элен Брейстед, и ему захотелось плакать. За два часа она стала очень дорога ему.

Да и людей Орфализа тоже жалко. Конечно, они были сумасшедшими. Точнее, фанатиками. И все же они пытались устроить жизнь на основе принципа, который действовал, по крайней мере некоторое время. И действовал даже слишком хорошо — потому что именно успешная защи-

та от «огненных духов» обрекла их на гибель. Уничтожение Орфализа отнюдь не безумная выходка. Оно было спланировано и осуществлено совместными усилиями по крайней мере десятка… Десятка кого?

Если верить Элен Брейстед, то десятка людей.

«Тяжелее всего сознавать то, что все эти злодеяния творят люди», — подумал Чандлер.

Он заснул. Несмотря ни на что, он отключился и проснулся лишь через два или три часа, разбуженный голосами детей.

Он потянулся и сел, чувствуя себя совершенно разбитым. Ни страх, ни тревога больше не могли взбодрить его. Он достиг той стадии эмоционального истощения, когда даже внезапный грохот артиллерийского орудия не привел бы к выделению в кровь адреналина. Он равнодушно смотрел на детей, стоявших перед ним.

— Мистер! — сказал один из них. — Мы хотим есть.

Чандлер вспомнил, что уже видел этого смуглого черноглазого паренька в скаутской форме.

— Да, — пробормотал он. — Я тоже хочу есть.

Ему не нравилось, что они стоят здесь, — не нравилось, что они вообще находятся в самолете. Он не хотел отягощать свое и без того ненадежное

положение ответственностью за полсотни детей, ибо не знал, как позаботиться даже о себе самом. Не зная, что сказать, он спросил:

— Откуда вы?

Но мальчик не дал себя провести.

— Из Св. Розы Лимской. Это наша школа. Скажите, тут есть какая-нибудь еда?

Чандлер медленно покачал головой.

— Сомневаюсь. — Пытаясь освободиться от ответственности, он добавил: — Мы скоро прилетим. Вероятно, там вас покормят.

Мальчик кивнул, доверчиво принимая слова взрослого.

— А куда мы летим, мистер? В Китай?

Чандлер едва не засмеялся. «Хотя, может, и действительно в Китай», — подумал он и ответил:

— Точно не знаю. Возможно, на Гавайи.

— Гавайи! — воскликнула девочка, стоявшая за ним. — Вот это да! На Гавайях есть серфинг, правда, мистер?

Чандлер взглянул на нее. Кажется, это была та самая девочка, которая вела грузовик; но, очевидно, она уже забыла об этом. Осторожно подбирая слова, он ответил:

— Вообще-то, насколько мне известно, серфинг там и изобрели.

— Вот здорово!.. Но правда, — добавила она, — мы ужасно хотим есть.

Чандлер поднялся.

— Ладно, давайте посмотрим.

Он не очень надеялся найти еду, но лучше что-нибудь делать, чем просто сидеть, когда на тебя смотрят голодные дети. Буфет находился сразу за проходом.

Как ни странно, в нем оказалось довольно много еды. Большая часть ее, правда, испортилась. То, что лежало на подносах, сгнило до того, что уже не имело запаха. Но рядом лежали небольшие пакеты с крекерами, сыром, джемом, орехами… и сигаретами. Настоящими сигаретами! Фабричного производства!

Чандлер поручил скауту раздавать продукты и дрожащими пальцами зажег сигарету. Она немного пересохла от долгого хранения, но все равно была чудесной. Прежде всего Чандлер набил карманы сигаретными пачками. Потом сделал себе растворимый кофе с холодной водой, открыл банку с орехами и предался воле судьбы.

Дети оказались храбрее его. Сначала Чандлер подумал, что им просто ничего не известно. Но он ошибся. Они знали, по крайней мере, по чьей воле совершают путешествие и как жестоки

могут быть существа, которые ими повелевают; они уже видели кое-что у себя в школе. Их беззаботное веселье почти успокоило его… пока самолет не начал снижаться; тут Чандлер опять почувствовал, что у него закладывает уши.

За иллюминаторами солнце клонилось к закату. Некоторые дети уже спали в откидывающихся креслах, другие разговаривали или играли пустыми чашками и коробками из-под своего ужина. Но вскоре все они опять загалдели и прилипли к иллюминаторам.

— Это Гавайи! — воскликнула маленькая любительница серфинга. — Правда, мистер Чандлер? Посмотрите, какие тут волны!

— Думаю, да — судя по времени полета. — Он повысил голос: — Эй, вы! Сядьте и пристегните ремни.

Как ни странно, они послушались.

Горизонт скрылся за краем крыла и снова показался; и тогда послышался целый хор голосов: дети увидели землю.

Чандлер нигде не видел аэропорта. Только вода; потом пляж; потом опять вода и какие-то постройки. Затем самолет покачнулся и резко снизился, внизу и по сторонам показались деревья, колеса шасси с визгом коснулись земли,

и сопла с шумом развернулись вперед, чтобы снизить скорость машины.

Когда самолет остановился, Чандлер стал отстегивать ремень — и его тело опять оказалось захвачено.

Оно попыталось встать, уперлось в ремень и откинулось назад. Его голос выругался на непонятном языке, и руки взялись за пряжку. Девочка, любительница серфинга, поднялась и скомандовала:

— Дети! Держитесь вместе. Идите за мной. — Она равнодушно взглянула на Чандлера и открыла дверь. Дети один за другим потянулись к трапу.

Тело Чандлера, бормоча что-то себе под нос, наконец справилось с ремнем, взяло книгу и стало нетерпеливо ждать, пока дети выйдут. Чандлер слышал, как какие-то люди заходят в другую дверь, но не мог повернуть голову, чтобы посмотреть.

Спускаясь по ступеням, он краем глаза заметил, что мальчик-скаут смотрит на него и машет рукой, но Чандлер не мог ответить. Другая группа людей ждала, когда все спустятся. Как только трап освободился, они стали поспешно выгружать из самолета коробки и ящики.

Чандлера удивила эта спешка, но он не мог остановиться и понаблюдать за ними; ноги понесли его через дорогу, по которой мчалась полицейская машина.

Чандлер инстинктивно сжался, но его тело не дрогнуло и, стоя на пути машины, подняло руку. Машина резко затормозила. Чандлер заметил, что у сидевшего за рулем полицейского был очень встревоженный и в то же время покорный вид.

— К Южным Воротам, быстро, — произнесли губы Чандлера. Он почувствовал, как ноги несут его к двери с другой стороны машины. Полицейский рядом с водителем подскочил, словно заяц, и поспешно вылез из машины.

— Джек, поезжай, я сообщу в управление, — торопливо проговорил он.

Водитель молча кивнул. У него побелели губы. Он закрыл за Чандлером дверцу и круто развернул машину в обратную сторону. Когда машина вновь набрала скорость, Чандлер почувствовал себя в состоянии говорить самостоятельно.

— Я, — пробормотал он. — Я не знаю…

— Послушай, приятель, — перебил полисмен. — Лучше придержи язык. Исполник сказал: «К Южным Воротам», — я и еду к Южным Воротам.

Чандлер пожал плечами и посмотрел в окно… как раз в тот момент реактивный самолет, доставивший его на острова, вновь пришел в движение. Он прокатился по взлетной полосе и, набрав скорость, врезался в какой-то неуклюжий турбовинтовой самолет, судя по опознавательным знакам, русский. Послышался грохот — взорвалось горючее — и оба самолета загорелись.

Похоже, движение на Гавайи было односторонним.

Глава 8

Они проехали через центр Гонолулу с включенной сиреной, и все встречные машины сворачивали в сторону. Со скоростью 70 миль в час они мчались по автостраде вдоль моря; Чандлер мельком увидел указатель с надписью «Хило», но не имел ни малейшего представления, что она означает. Вскоре машин стало меньше; потом они вообще перестали попадаться.

Дорога превратилась в пригородное шоссе; по ее сторонам встречались беспорядочно разбросанные жилые дома, торговые центры и пальмовые рощи. «Такие дороги идут во все стороны от каждого города в Соединенных Штатах, — подумал Чандлер. — Но эта дорога какая-то странная». Всего в миле от Гонолулу все словно вымерло. Ни одного пешехода, и лишь ржавые остатки разбитых машин на обочинах. Дома сельского типа окружала густая трава.

Очевидно, жить здесь не позволялось.

Чандлер вытянул шею. Его одолевало любопытство. Он уже открыл рот, чтобы задать вопрос…

— Я сказал заткнись, — рявкнул полицейский, не глядя на него. В голосе полицейского прозву-

чало нечто такое, что ошеломило Чандлера и заставило его подчиниться. Они молча ехали еще пятнадцать минут, потом остановились перед заграждением.

Чандлер вышел. Полицейский захлопнул за ним дверцу. Машина, стирая покрышки, стремительно развернулась и помчалась обратно к Гонолулу.

Чандлер стоял под ярким теплым солнцем и смотрел ей вслед. Пахло гибискусами и гниющими пальмами. Тишину нарушали лишь звуки шагов по гравиевой дорожке. Обернувшись, Чандлер увидел подходившего к нему человека. Теперь он понял поведение полицейского: блюститель порядка был страшно напуган.

— Здравствуйте, — сказал Чандлер приближавшемуся человеку, он тоже носил униформу, но не такую, как у городской полиции в Гонолулу. Это была летняя форма армии США, только без знаков различия. За ним стояли еще несколько человек в такой же форме; они курили и переговаривались. Заграждение имело весьма внушительный вид. Колючая проволока с одной стороны спускалась к пляжу и уходила в океан, с другой — шла по середине боковой дороги и заканчивалась неизвестно где. По обеим сторонам самих ворот

стояли пулеметы.

Охранник заговорил, только когда подошел совсем близко к Чандлеру.

— Что вы хотите? — спросил он, не здороваясь. Чандлер пожал плечами. — Ладно, подождите здесь.

Охранник пошел обратно к воротам.

— Подождите минутку! Чего я должен ждать?

Охранник покачал головой, не останавливаясь и не оборачиваясь. Похоже, это его не очень интересовало, и он ничем не мог помочь.

Чандлер положил на землю изорванную книгу Джебрана, которую до сих пор держал в руках, и сел рядом. Но ему не пришлось долго ждать. Один из охранников направился к нему. Чандлер уже научился распознавать такие решительные и целеустремленные движения. Не говоря ни слова, охранник сунул руку в карман. Чандлер инстинктивно вскочил — но это оказалась лишь связка ключей. Когда Чандлер взял их, взгляд охранника тут же утратил напряженность; но в тот самый момент, когда охранник освободился, Чандлер почувствовал, что его собственное тело снова захвачено.

Он наклонился и поднял книгу. Быстро, хотя и немного неловко, его пальцы выбрали ключ, и

тело направилось к небольшому французскому автомобилю, стоявшему у ворот с другой стороны. Чандлер наконец привык к независимым от него движениям своего тела. Он не мог участвовать в них и поэтому попытался оторвать свое внимание от мышц и чувств. Это было нелегким делом.

Постоянно происходили неожиданные изменения положения тела, и плененный разум посылал запоздалые команды неповинующимся нервам. Чандлер научился не обращать внимания на эти движения. Разум, вселившийся в его тело, обладал своими способами поддержания равновесия и достижения цели, и они были столь же надежными.

Чандлер наблюдал, как его собственные руки приводят в движение машину. Он никогда не ездил на такой модели, но разум, проникший в его мозг, знал ее достаточно хорошо. Они набирали скорость, нещадно тратя бензин.

Чандлер попытался представить себе того, кто управлял его телом. Очевидно, захватчик был не молод, судя по нерешительной походке, и раздражителен. Он небрежно переключал скорости и вообще вел машину с поразительным легкомыслием. Чандлер внутренне содрогался, когда

они на полной скорости совершали такие крутые повороты, что казалось, катастрофа была неминуема, но его рука на руле и нога на акселераторе ни разу не дрогнули.

За Южными Воротами окружающая картина резко изменилась.

Тут встречались красивые дома, но были также и обширные пространства, где дома отсутствовали. Как будто огромное чудовище прошлось по острову, стирая с лица земли все мелкие, дешевые и старые дома, магазины и заводы. Вся эта часть острова Оаху превратилась в роскошный парк.

Он не был необитаемым. Чандлеру показалось, что он видел людей, хотя и не имел возможности их разглядеть. Потом «рено» свернул на узкую, но заасфальтированную дорожку. По обеим ее сторонам росли не известные Чандлеру цветущие деревья.

На протяжении примерно мили дорога петляла и после очередного поворота закончилась большой площадкой перед домом. «Рено» резко остановился перед дверью, расположенной между двумя бронзовыми табличками.

Центр Воздушной Связи ТУЭ. Чандлер заметил наверху высокую конструкцию, напоминавшую антенну радиопередатчика, между тем его тело

направилось прямо в дом, поднялось по неподвижному эскалатору и, пройдя холл, вошло в какую-то комнату.

Здесь его мышцы расслабились.

Он огляделся: на огромной мягкой кушетке у стола пошевелилось и, зевнув, село огромное мягкое тело. Это был очень толстый старик, почти лысый, с серебристым венчиком на голове.

Он без особого интереса посмотрел на Чандлера.

— Как тебя зовут? — просипел он. У него был тяжелый неисправимый акцент, как у русского дипломата. Чандлер сразу узнал этот голос — он часто слышал его из своих уст.

Затем, сипя и задыхаясь, толстяк сказал, что его зовут Коицка. Если у него и было другое имя, он не удосужился сообщить его Чандлеру. Употребляя минимальное количество слов, он приказал Чандлеру сесть и не двигаться.

Коицка покосился на книгу Халиля Джебрана. Он не взглянул на Чандлера, но тот неожиданно для себя встал, подал книгу Коицке и вернулся на место. Толстяк перевернул несколько страниц с выражением скуки и отвращения, словно человек, отрывающий присосавшихся к руке пиявок. Казалось, он чего-то ждал.

Внизу хлопнула дверь, и вскоре в комнату вошла женщина, высокая, темноволосая и не очень молодая.

Чандлер, пораженный ее красотой, был уверен, что видел ее, но никак не мог вспомнить где. Она носила такой же венец, как у толстяка, частично скрытый сложной прической. Женщина сразу перешла к делу:

— Чандлер, не так ли? Прекрасно, любовь моя, мы только хотим знать, что это такое. — Она показала на книгу.

Облегчение, словно боль, пронзило Чандлера. Так вот почему он оказался здесь! Кем бы ни были эти люди, даже управляя чужими мозгами, они не чувствовали полной уверенности в своих силах. Жалкий, безумный Орфализ вызывал у них раздражение: конечно, он не представлял собой прямой угрозы, но создавал некоторые неудобства и потому требовал изучения. Поскольку Чандлер остался в живых, они не пожалели своего божественного времени и переправили его за четыре тысячи миль, чтобы он мог принести им книгу и удовлетворить их любопытство.

Чандлер без колебаний рассказал им все об обитателях Орфализа. Он был совершенно уверен, что скрывать уже нечего. Он не имел никаких

обязательств перед мертвыми; к тому же они на собственном примере показали, что их метод защиты с помощью боли вызывает лишь раздражение захватчиков и не может использоваться для борьбы с ними.

Чандлеру хватило пяти минут, чтобы рассказать все о Гае, Мэгги и других несчастных обитателях старого дома в горах.

Коицка почти ничего не говорил. Вопросы задавала женщина, она же была и переводчиком, когда толстяку не хватало знаний английского языка. С механическим упорством она продолжала задавать вопросы, пока Коицка не сделал нетерпеливый жест, означавший, что с него довольно.

Тогда она улыбнулась Чандлеру и сказала:

— Спасибо, любовь моя. Мы, кажется, где-то виделись?

— Не знаю. Но мне тоже так кажется.

— О, меня видели все. И довольно часто. Ну да ладно, неважно. Счастливо, любовь моя. Будь любезен с Коицкой — возможно, он окажет тебе ответную любезность. — И она вышла.

Коицка некоторое время неподвижно лежал на своей кушетке, почесывая тяжелый нос толстым пальцем.

— Так, — сказал он наконец. — А теперь вопрос, что делать с тобой? Готовить ты, наверно, не умеешь, а?

С неожиданной ясностью Чандлер понял, что сейчас решается вопрос о его жизни.

— Готовить? Боюсь, что нет — то есть, я могу варить яйца, — пробормотал он.

— Так, — проворчал Коицка. — Хорошо. Нам нужно два-три доктора, но я думаю, ты не подойдешь.

— Вы имеете в виду медицинского доктора? — тупо переспросил Чандлер.

— Да, konuechno. А ты думал какого? — Голос толстяка внезапно стал жестким; было совершенно ясно, что Чандлер значит для него гораздо меньше, чем кусты бугенвиллии на газоне.

— Я не доктор, — осторожно ответил Чандлер. — Я инженер-электрик. То есть, был им.

— Был?

— У меня долго не было практики. За последние два года спрос на инженеров упал.

— Так. — Коицка, по-видимому, размышлял. — Ладно, — сказал он. — Может быть… да, может быть у нас будет для тебя работа. Спускайся и… нет, подожди. — Толстяк закрыл глаза, Чандлер почувствовал себя захваченным и направился

вниз, в помещение, которое раньше, вероятно, служило гаражом, а теперь превратилось в превосходную радиомастерскую.

Чандлер подошел к одному из верстаков. Его собственный голос заговорил с ним:

— Тут у нас где-то — да, вот схемы генератора прямоугольных сигналов. Ты знаешь, что это? Напиши.

Почувствовав себя свободным, Чандлер взял карандаш и написал в блокноте, лежавшем перед ним: «Да».

— Хорошо. Тогда сделаешь мне его. У меня уже есть один, но я хочу другой. Ты будешь делать это в городе, не здесь. Отправляйся в Trun'er, там тебе скажут, где ты можешь работать, где возьмешь детали и все остальное. Через два дня приезжай сюда опять. Я буду смотреть твою работу.

Взяв толстую пачку схем, Чандлер почувствовал, как его тело покинуло здание и направилось к маленькой машине. Собеседование закончилось.

Чандлер не знал, сможет ли найти обратный путь в Гонолулу, но эта проблема отошла на задний план, когда он обнаружил, что не может завести машину. Конечно, его руки уже заводили ее, но все произошло очень быстро; к тому же на

ключе от зажигания имелись надписи только на французском, которого он не знал. Методом проб и ошибок ему удалось найти правильную комбинацию и завести мотор. Потом он осторожно поехал вдоль периметра стоянки, пока не нашел выездной путь.

Было около полуночи, на небе сияли звезды, всходила луна. Потом он с запозданием вспомнил, что не должен был видеть звезды. Над дорогой, по которой он приехал, нависали густые кроны цветущих деревьев.

Через несколько минут он понял, что окончательно заблудился. Чандлер остановил машину, с чувством выругался, вышел из машины и огляделся.

Но увидел не много. На дороге не было никаких знаков и указателей. Он пожал плечами и стал рыться в кабине в поисках какой-нибудь карты; карты не оказалось, зато он нашел полупустую пачку сигарет. Он прибавил ее к своему запасу, закурил и расслабился.

Чандлер чувствовал себя точно так же, как в тот день, когда получил первую работу.

Удивительно, размышлял он, один лишь намек на возможность получить нечто вроде законного места в этом сумасшедшем мире успокоил его

издерганные нервы. Он курил, облокотившись на крышу маленького «рено» и наслаждался чудесной ночью. На небе сияли Вега и Денеб; ему казалось совершенно неважным, что он видел эти звезды последний раз двадцать четыре часа назад, вскоре после того, как стал свидетелем убийства двух десятков невинных людей, — да и сам он тогда считал, что его песенка спета.

Собрать генератор прямоугольных импульсов будет не трудно, если удастся достать детали. Несомненно, это своего рода испытание. Если он выдержит его, то получит работу. И этому Коицке тоже не о чем беспокоиться, потому что любой обман будет немедленно обнаружен. Чандлер хорошо представлял себе, что случится с тем, кого Коицка уличит в обмане…

Он ощутил легкий толчок.

Или показалось? Чандлер выбросил сигарету, оглянулся по сторонам. Кажется, ничего подозрительного. Но, вероятно, он и не мог ничего заметить. Словно кто-то хотел завладеть его телом, но в последнюю минуту передумал.

Когда Чандлер уже решил забыть об этом, он увидел фары приближавшейся машины.

Удлиненный низкий спортивный автомобиль подъехал и остановился рядом с ним. Из машины

высунулась женщина, в темноте нельзя было разглядеть ее лицо.

— Это ты, любовь моя? — засмеялась она. — То-то я смотрю кто-то знакомый. Заблудился?

У нее был венец, и Чандлер узнал ее. Эта женщина задавала ему вопросы.

— Кажется, да, — ответил он.

Женщина наклонилась вперед.

— Заходи, любовь моя. А, машина? Оставь ее здесь, кому она нужна. — Когда они отъехали, она хихикнула: — Коицке не понравилась бы твоя прогулка. Кажется, он решил дать тебе работу.

— Откуда вы знаете?

— Ну, любовь моя, ты ведь еще здесь. И что ты должен будешь делать?

— Мне надо поехать в Триплер. Не знаю, где это, — кажется, в Гонолулу? Там я буду собирать радиопередатчик.

— Триплер в другом конце города. Я довезу тебя до ворот, там ты скажешь, куда тебе надо, и они все устроят.

— У меня нет денег…

Его ответ рассмешил ее. Потом она сказала:

— Коицка не такой уж плохой. Но на твоем месте, любовь моя, я бы взвешивала каждый свой шаг. Старайся как можно лучше делать то, что он

говорит. Кто знает? Может, тебя ждет удача…

— Мне уже повезло. Я остался в живых.

— Ну, тогда ты далеко пойдешь.

Некоторое время они ехали молча.

— А этот твой ужасный…

— Орфализ?

— Как бы он ни назывался. У них не было шансов.

Чандлер взглянул на ее лицо, но оно было скрыто тьмой. Почему она вообще разговаривала с ним? Просто из сочувствия?

— Никто не может тягаться с исполниками, — продолжала она весело. — Лучше всего, если ты сразу это поймешь.

Спортивная машина подъехала к заграждению. При свете прожекторов, установленных над пулеметными гнездами, она внимательно посмотрела на Чандлера.

— Что у тебя на лбу, дорогой?

Где-то по пути он потерял свою шерстяную шапку.

— Клеймо, — коротко ответил он, — «С» значит «симулянт». Я совершил преступление, когда один из ваших захватил мое тело, и меня осудили.

После небольшой паузы женщина рассмея-

лась.

— Ну, это просто восхитительно! А я все думала, где я тебя видела. Ты не помнишь? Я была старшиной присяжных на твоем суде!

Глава 9

Чандлер провел ночь в своеобразном общежитии для временных служащих Исполнительного Комитета. Когда-то здесь размещался армейский госпиталь, и до сих пор сохранялся четкий военный порядок. Чандлер получил все необходимое: комнату, еду, постель, инструкции; но никто не желал отвечать на его вопросы.

На следующее утро, следуя полученным объяснениям, Чандлер сел в серебристо-розовый автобус, который доставил его в деловой центр Гонолулу. Водитель не собирал плату за проезд. Чандлер сошел на Форт-стрит и по указанному адресу нашел учреждение под вывеской «Детали в изобилии». Это был магазин радиодеталей, в прежние времена, очевидно, довольно крупный, но теперь его прилавки почти пустовали.

Человек с худым желчным лицом поднялся и кивнул. Чандлер кивнул в ответ. Он порылся в коробке с настроечными ручками, потрогал моток двужильного провода и сказал:

— Один человек в Триплере велел мне прийти сюда и подобрать кое-какие детали. Но я понятия не имею, что мне делать, когда я их найду. У меня

нет денег.

Продавец подошел к нему.

— Я подумал, что вы малихини. Можете не беспокоиться. У вас есть список?

— Я могу написать.

— Хорошо. Каталоги на столе за вами, если понадобятся.

Он предложил Чандлеру сигарету и присел на край прилавка, читая через плечо Чандлера.

— А, — сказал он вдруг. — Генератор прямоугольных импульсов для Коицки, не так ли? — Чандлер подтвердил, и владелец магазина усмехнулся: — Каждые два месяца он кого-нибудь присылает. Мистер?..

— Чандлер.

— Рад познакомиться. А я Джон Си. Не относитесь к этой работе легкомысленно, Чандлер. Хотя она и не нужна Коицке, но может иметь большое значение для вас.

Чандлер молча воспринял эту информацию и протянул владельцу магазина свой список. Джон Си даже не взглянул на него.

— Зайдите примерно через час, — сказал он.

— Через час у меня тоже не будет денег.

— О, с этим все в порядке. Я запишу на счет Коицки.

— Я не совсем понимаю. А что, если бы я пришел и набрал товаров на тысячу долларов — вы тоже записали бы на его счет?

— Конечно, — ответил Си спокойно. — Вы имеете **в** виду для себя? И что бы вы с ними стали делать?

— Ну… — Чандлер затянулся сигаретой, — я мог бы…

— Нет, не смогли бы. И не стоит пробовать, поверьте мне, — сказал Си очень серьезно. — Чего не стоит, так это пытаться обмануть исполников.

— Да, вот еще интересный вопрос: кто такие исполники?

Си покачал головой:

— Извините, но я не знаю вас, Чандлер.

— Значит, вы боитесь даже ответить на вопрос?

— Именно так, черт возьми. Вероятно, никто не будет против, если я скажу вам… но вероятности недостаточно.

— Откуда же в узнаю, что делать дальше? — раздраженно поинтересовался Чандлер. — Заберу все эти детали, отвезу в Триплер и соберу генератор — а что дальше?

— Потом Коицка свяжется с вами, — ответил Си не без сочувствия. — Играйте по правилам,

Чандлер, — это лучшее, что я могу вам посоветовать. — Он сделал паузу. — Коицка не самый худший из них, — сказал он, потом добавил: — Хотя и не самый лучший. Просто делайте то, что он вам велел. И продолжайте делать до тех пор, пока не получите новых указаний. Вот и все. Больше мне нечего вам посоветовать. Будет ли удовлетворен Коицка — это другой вопрос.

В чужом городе практически нечего делать без денег. Проживание в бывшем военном госпитале было бесплатным, так же как и проезд на автобусе, и за радиодетали платить не пришлось. Но карманы летней военной формы, которую выдали Чандлеру в Триплере, были пусты, он не мог даже купить кофе или сходить в парикмахерскую. Он бродил по улицам Гонолулу и ждал, когда пройдет час.

В Триплере доктор осмотрел и аккуратно обработал его шрам на лбу; потом Чандлер поел, вымылся; получил новую одежду. Триплер представлял собой нечто вроде самостоятельного делового центра: главное здание в десять этажей соединялось с остальными постройками крытыми переходами, по которым ходили тысячи мужчин и женщин. Перед тем, как сесть в автобус, идущий в Гонолулу, Чандлер заговаривал со мно-

гими из них, но не получил никаких сведений.

Гонолулу не сильно пострадал от исполников. По сравнению с разрушенными крупными городами ему невероятно повезло — так казалось Чандлеру. Бесцельно бродя по Кинг-стрит, проходя мимо рыбных рынков, Чандлер думал, что примерно так выглядел любой портовый город перед теми страшными рождественскими событиями, когда планета стала одержимой. В корзинах лениво шевелились крабы, большие розовые рыбы лежали на льду, ожидая когда их купят, запах жаркого исходил от десятка ресторанов.

Изменились только люди. Большинство носило такую же, как у него, военную форму без знаков различия. Очевидно, эти люди находились на службе у исполников. Остальные — их оказалось удивительно мало — судя по обрывкам разговоров, прибыли из других стран, в основном из России. Но и русские и американцы, те, кто носил армейскую форму, и те, кто ходил в гавайских рубашках, — все пребывали в каком-то напряжении. Никто не смеялся.

Чандлер посмотрел на часы за дверью ресторана: оставалось убить еще полчаса. Он развернулся и пошел в сторону холмов. И тут он увидел то, что

так преобразило лица жителей Гонолулу.

Это был открытый сквер — вероятно, здесь когда-то располагался военный мемориал — и в центре его находился огороженный участок, где как будто отдыхали люди. Чандлера необычайно удивило, что так много жителей решили вздремнуть на голом асфальте. Он подошел поближе и увидел, что они не отдыхают. Не только увидел, но и услышал, и даже почувствовал запах крови и разлагающейся плоти.

Эти мужчины и женщины не спали. Некоторые из них уже умерли, другие лежали без сознания, все имели тяжелые увечья. Мостовая была залита их кровью. Никто из них уже не мог кричать, но многие стонали, и некоторые тяжело дышали, как при диабетической коме. Прохожие поспешно обходили металлическую ограду; если они и проявляли интерес, то лишь к Чандлеру, но не к тем несчастным. Он понял, что это зрелище стало привычным, и на него стараются не обращать внимания. Чандлер повернулся и побежал, чувствуя, что его сейчас вырвет.

Он находился еще под впечатлением увиденного, когда вернулся в магазин радиодеталей.

Назначенное время уже подошло, однако Си отрицательно покачал головой.

— Еще нет. Посидите здесь, если хотите.

Чандлер тяжело опустился в предложенное ему вращающееся кресло и тупо уставился в стену.

То, что он видел, поразило его больше, чем все ужасы бомбежек и массовые убийства, свидетелем которых он стал: они, по крайней мере, носили временный характер и всегда имели конец. Тут он увидел бесконечную бойню. Чандлер закрыл лицо руками и не поднимал голову до тех пор, пока не услышал скрип двери, ведущей внутрь магазина.

Си с изменившимся лицом отпирал ее снаружи, а другой человек, который стал виден, когда дверь открылась, делал то же самое изнутри.

Похоже, замок действовал при одновременном повороте двух ручек. Человек за дверью, которого Чандлер прежде никогда не видел, носил лишь плавки; на его лице застыло такое же, как у Си, выражение.

Чандлер догадался (теперь это стало легко!), что оба находились во власти захватчиков. Человек, стоявший внутри, выкатил две тележки с электронным оборудованием, не говоря ни слова, забрал пустые у Си; и дверь за ним снова закрылась.

Си запер замок, прищурился и сказал:

— Все в порядке, Чандлер. Вот ваши детали.

Чандлер подошел к нему.

— Что здесь происходило?

— Идите к черту! — внезапно огрызнулся Си. — Я… А, ладно. Извините. Но я вам уже говорил, задавайте вопросы кому-нибудь другому, а не мне.

Он с мрачным видом принялся упаковывать детали из списка Чандлера в картонную коробку. Потом взглянул на Чандлера и сказал, словно извиняясь:

— Сейчас суровое время, приятель. Но на некоторые вопросы, я думаю, ответить можно. Ты хочешь знать, почему большая часть моих товаров спрятана за бронированной дверью? Рано или поздно ты об этом все равно узнаешь. Исподники не хотят, чтобы люди возились с радиоприборами. Берт остается в хранилище, я сижу здесь; дважды в день боссы открывают дверь, и мы выполняем те заказы, которые они одобрят. У Берта, конечно, нелегкая работа — десять часов сидеть в хранилище и ничего не делать. Но могло быть хуже. Да, это уж точно: могло быть хуже.

— Почему он в плавках? Там жарко?

— Жарко будет Берту, если они решат, что он прячет радиодетали. Ты ведь, наверное, видел

Монумент?

Чандлер покачал головой, потом поморщился.

— Это за три квартала отсюда? Где люди?..

— Правильно, — кивнул Си. — За три квартала отсюда, где люди… Где люди служат наглядным уроком для нас с тобой. С десяток, да? Маловато для этого времени года, Чандлер. Обычно бывает больше. Не заметил в них чего-нибудь особенного?

— Они были изуродованы! У некоторых как будто сгорели ноги. У других выдавлены глаза, а лица… — Чандлер резко умолк. Он не хотел больше вспоминать тех корчившихся на асфальте полумертвецов.

— Иногда их больше, — сказал владелец магазина, — и иногда они изуродованы сильнее. И знаешь, как они туда попадают? Они сами делают это. Мой брат пробыл там неделю в прошлом году. Он прыгнул ногами в бетономешалку и умер через семь дней после того, как я посадил его на плечи и отнес туда. Конечно, я этого не хотел, но у меня не было выбора: я не мог управлять собственным телом. Так же, как и он, когда прыгал. Его заставили это сделать, потому что он выполнял работу Берта и хотел собрать дома небольшой коротковолновый приемник. Поэтому я и говорю,

не стоит пытаться обмануть исполни-ков.

— Но что тогда нужно…

Си поднял руку.

— Не спрашивай меня, как избежать Монумента, Чандлер. Я не знаю. Делай, что тебе говорят, и не делай ничего другого, вот и все правила. А теперь, будь любезен, уходи, я буду упаковывать другие заказы.

Глава 10

К утру четвертого дня пребывания на острове Оаху Чандлер ориентировался в обстановке достаточно хорошо, чтобы подписывать в банке Триплера расписки о получении денег со счета Коицки. Но больше он не узнал почти ничего, кроме кое-каких бытовых деталей: например, где можно поесть или где находится бассейн с пресной водой. Он убивал время в бассейне, когда во время прыжка с десятифутовой вышки почувствовал себя захваченным.

Чандлер тяжело плюхнулся в воду и, вынырнув, захихикал.

— Прости дорогой, — извинился он сам перед собой. — У нас разное распределение веса. Будь умницей, возьми свой прямоугольный… как его там?., и через двадцать минут приходи с этой штукой к сигнальной мачте.

Он узнал голос, хотя производил его собственными голосовыми связками. Это была женщина, которая подвезла его после беседы с Коицкой и которая сказала, что спасла ему жизнь на суде.

Чандлер выбрался из бассейна и направился к своему жилищу, вытираясь на ходу. Конечно,

теперь ее послал Коицка — значит, «испытание» подходило к концу.

Хотя он оделся довольно быстро, она уже ждала его возле своей низкой спортивной машины, беседуя с одним из служителей парка. На руке у нее висела цветочная гирлянда, и хотя женщина носила серебряный венец — очевидный знак ее статуса — садовник, похоже, не испытывал перед ней страха.

— Поедем, любовь моя, — сказала она Чандлеру. — Коицка хочет видеть твою штуковину. Сунь ее в багажник, если войдет, и отправимся к Вайкики-вики-вики. Хорошо я произношу? Но мне удается провести только малихини, вроде тебя.

Она перестала болтать, когда спортивная машина дала задний ход, обогнула зеленые насаждения и выехала из ворот парка. Свежий ветер обдувал их лица, ярко сияло солнце, небо поражало своей голубизной. Сидя рядом с этой прекрасной женщиной, Чандлер почти забыл, что она принадлежала к разрушителям его мира. Но ненависть не исчезла, она всегда оставалась с ним. Странно было испытывать такую ненависть и в то же время чувствовать, как она растворяется в этом море зла.

Даже Коицка казался недостаточно страшным

врагом, чтобы сосредоточить на нем всю накопившуюся ярость. Лишенная объекта ненависть переполняла Чандлера, и если он не мог ненавидеть своего бывшего друга Джека Саутера, который убил его жену, то почти так же трудно оказалось ненавидеть неведомого захватчика тела Саутера.

Тем захватчиком мог быть Коицка. Или даже эта женщина, сидевшая рядом с Чандлером. Вполне вероятно, что развлекаясь в свойственной им манере, исполники были способны вселяться в тела противоположного пола. Почему бы и нет? Странные жестокие нравы, несовместимые ни с какой человеческой моралью.

Но Чандлер не мог, сидя рядом с ней, думать о ненависти. Они промчались по широкой дороге через Гонолулу и поехали вдоль берега к Вайкики.

— Посмотри, дорогой. «Бриллиантовая голова»! Такое нельзя пропустить. Это все равно, что не посмотреть, как ночью расцветает цереус в Пунахоу Скул. Ты ведь видел его, не правда ли?

— Боюсь, что нет…

— Розали. Зови меня Розали, дорогой.

— Боюсь, что нет, Розали. — Имя почему-то казалось ему знакомым.

— Ай-яй-яй, какой стыд! Говорят, позапрошлой ночью это было чудесно. На вид обычный кактус, но…

Наконец Чандлер вспомнил.

— Розали Пэн! Теперь я знаю!

— Что ты знаешь? Ты хочешь сказать, — она объехала «бьюик», вызывающе стоявший в пяти футах от тротуара, — что не знал, кто я? Подумать только, а ведь я платила пять сотен в год своему пресс-агенту.

— Прости, — улыбнулся Чандлер, почти расслабившись. — Я всегда плохо разбирался в музыкальных комедиях. Подожди-ка, кажется, что-то писали про твое исчезновение…

Она кивнула, взглянув на него.

— Конечно, писали, дорогой. Я едва не замерзла от холода, пока добиралась до аэропорта. Конечно, все это было не зря, как я потом узнала. Если бы меня не забрали, я бы погибла. Ты помнишь, что случилось с Нью-Йорком примерно через час?

— Наверное, у тебя были друзья… — начал Чандлер и умолк. Молчала и Розали. Через некоторое время она снова заговорила об окружающем пейзаже, показывая на кирпично-красные и пурпурные цвета бугенвиллии и рассказывая о

том, как выглядело побережье, прежде чем его «расчистили».

— О, тут были целые тысячи каких-то убогих домишек. Так что по крайней мере здесь мы сделали доброе дело, — самодовольно заявила она и стала осторожно расспрашивать о его жизни. Но вскоре они остановились у Центра Воздушной Связи, и Розали сказала: — Это было очень интересно, любовь моя. А теперь иди. Коицка ждет тебя. Увидимся позже. — И глаза ее добавили: «Я надеюсь».

Чандлер вышел из машины, повернулся… и почувствовал себя захваченным. Его голос оживленно произнес:

— Zdrastvoi, Rozali, d'yeh Koitska?

Нисколько не удивившись, она показала на здание.

— Кто говорит?

Голос Чандлера ответил по-английски с оксфордским выговором:

— Это я, Рози, Калман. Где игрушка Коицки? О, вижу, спасибо. Я возьму и отнесу ее. Надеюсь, там все в порядке. В последнее время поломки уже надоели.

Тело Чандлера легким неторопливым шагом приблизилось к багажнику машины, достало

генератор прямоугольных сигналов и прошло в здание. Оно крикнуло что-то на том же языке, и сверху послышался сиплый голос Коицки:

— Zdrastvoi. Kto? Kalman? Idite suda, ko mneh.

— Koneshno! — отозвался голос Чандлера, и, поднявшись по лестнице, он прошел в комнату, где в обтянутой кожей инвалидной коляске сидел толстяк. Два человека стали разговаривать, осматривая генератор, и это продолжалось довольно долго.

Чандлер не понял ни слова, пока не сказал самому себе:

— Послушай, как там тебя зовут?

— Чандлер, — подсказал за него Коицка.

— Скажи-ка, Чандлер, тебе известно что-нибудь о волнах субмиллиметрового диапазона? Скажи Коицке. — На короткое время Чандлер ощутил себя свободным; он утвердительно кивнул и опять был захвачен; Коицка повторил его кивок. — Хорошо. Расскажи Коицке, какой у тебя опыт.

Снова освободившись, Чандлер ответил:

— Я работал в одной группе в Калифорнийском Технологическом. Институте, мы проводили спектроскопические измерения в диапазоне миллиона мегагерц. Я не проектировал аппаратуру, но помогал ее собирать. — Он перечислял свои

занятия до тех пор, пока Коицка не поднял свою безжизненную руку.

— Dostatoshno. Если мы дадим тебе схемы, ты сможешь построить?

— Конечно, если будет оборудование. Наверное, мне понадобится…

Но Коицка снова остановил его.

— Я знаю, что тебе понадобится, — сказал он раздраженно. — Достаточно. Мы поняли. — В ту же секунду Чандлера захватили, и его голос некоторое время участвовал в обсуждении этого дела с Коицкой; потом Коицка пожал плечами, отвернулся и, похоже, собрался вздремнуть.

Когда Чандлер покинул комнату и вышел на подъездную аллею, его голос сказал ему:

— Ты получил место. Возвращайся в Триплер и жди, пока мы не дадим тебе знать. Думаю, это будет через несколько дней.

И Чандлер был снова свободен.

Но и одинок. Женщина в «порше» уже уехала.

Дверь здания Центра закрылась за ним на замок. Чандлер огляделся по сторонам, выругался, пожал плечами и направился к стоянке с другой стороны здания, надеясь, что там для него найдется какая-нибудь машина.

К счастью, она нашлась — их оказалось четыре,

и все с ключами. Он выбрал «форд», отыскал дорогу, с наибольшей вероятностью идущую в Гонолулу, и завел машину.

«Очень удачно, — подумал он, — что здесь оказалось несколько машин». Если бы была только одна, он бы не осмелился ее взять, чтобы не оставить без средств передвижения Коицку или какого-нибудь другого исполника, который, рассердившись, запросто мог уничтожить своего нового служащего. Чандлеру не хотелось присоединяться к тем несчастным у Монумента.

Удивительно, как скоро страх стал частью его жизни.

Конечно, теперь он получил работу. Но не было представителя профсоюза, чтобы оговорить условия труда, как и ни малейшего намека о рабочем времени и обязанностях. И абсолютно никакого упоминания о зарплате. Чандлер не имел понятия о своих правах — если они вообще были — и о том, какое наказание его ждет за те или иные прегрешения.

Искалеченные жертвы у Монумента, конечно, подсказывали кое-какие ответы. Он не мог поверить, что такая кара следует за незначительные проступки. «Даже обычная смертная казнь едва ли применяется за мелкие просчеты», — думал

он.

Но уверен он не был. Несомненным казалось одно: теперь он стал рабом, настоящим рабом, рабом до самой смерти. На материке существовала возможность попасть в рабство, но только для тела и только на небольшой срок. Здесь, по соседству с исполниками, он становился рабом навсегда и только чудо могло вернуть ему свободу.

На следующий день, вернувшись после завтрака, он обнаружил в своей комнате полицейского, который сидел на краю его кровати. Когда Чандлер вошел, полисмен встал.

— Так, — проворчал он. — Долго возишься! Вот. Схемы, списки деталей и все прочее. Получишь все за три дня, считая сегодняшний, и мы начнем.

Полицейский тряхнул головой, равнодушно посмотрел на Чандлера и вышел, оставив толстый конверт на подушке. На конверте неразборчивым почерком было написано: «Все схемы секретны! Никому не показывать!»

Чандлер открыл конверт и высыпал его содержимое на кровать. Через час он понял, что в течение последних шестидесяти минут не испытывал страха. «Хорошо заниматься привычной

работой», — подумал он, и эта мысль тотчас улетела, он снова погрузился в изучение схем и мелко напечатанных технических условий.

Это была не просто работа, это была сложная и увлекательная работа. Чандлер знал достаточно о сверхкоротких радиоволнах, чтобы понять: теперь речь идет не об испытании на профессиональную пригодность. — Очевидно, создавалась некая новая сложнейшая установка. Но чем больше он размышлял, тем меньше понимал ее назначение. Здесь имелись и передатчик, и приемник. Как ни странно, ни тот, ни другой не имели направленности: это исключало, например, радар. Чандлер сразу отверг предположение о том, что излучение использовалось для спектрального анализа, как в проекте Калифорнийского Технологического Института, в котором он принимал участие. Установка выглядела слишком сложной — едва ли она могла быть простым передатчиком. То есть, вероятно, могла бы, если бы вместо субмиллиметровых волн использовались обычные метровые. Возможно ли такое? Не слишком ли будет велико ионосферное рассеяние? Или это не имело значения, поскольку требовалось передавать сигналы на короткие расстояния между островами Гавайского архи-

пелага? Но тогда к чему такая мощность? И для чего эта фантастическая электронная панель площадью в несколько сотен квадратных футов, хотя все остальное было миниатюризировано? В некоторых технических деталях Чандлер просто не мог разобраться: схема телефонной сети Соединенных Штатов, вероятно, выглядела бы проще. Он сложил все бумаги, прислонился к стене и, закурив, стал вспоминать все, что ему было известно о субмиллиметровом диапазоне.

При частотах свыше полумиллиона мегагерц начинают действовать законы квантовой теории. Молекулы газов с небольшим набором энергетических состояний непосредственно реагируют на радиоволны. Чандлер вспомнил полуночные беседы в Пассадене. Там говорилось о том, что в этой области существуют огромные возможности; правда, только возможности, поскольку нет технических средств для их реализации, нет даже ясной теории. В принципе, возможны даже такие фантастические вещи, как, например, радио без приемника. Может, и здесь было нечто подобное?

Наконец он сдался. Конечно, эта проблема будет мучить его до тех пор, пока он не найдет ответ, но сейчас у него была работа, которую ни в коем слу-

чае не следовало откладывать. Пропустив ленч, он внимательно изучил список основных компонентов, переписал все необходимое, а конверт с документами положил в сейф, находившийся в приемной, и поехал на автобусе в Гонолулу. В магазине «Детали в изобилии» Си прочитал список с недовольством, переходившим в изумление. Закончив чтение, он несколько секунд молча смотрел на Чандлера.

— Ну что, Си? Ты можешь все это достать?

Владелец магазина пожал плечами.

— Коицка сказал — через три дня.

Си удивленно поднял брови, потом сказал:

— Это относится уже ко мне? Ладно, подожди минуту.

Он исчез в служебном помещении магазина; Чандлер слышал, как Си разговаривал, очевидно, по внутреннему телефону. Через несколько минут он вернулся и просунул список Чандлера через щель в запертую дверь.

— Берту будет нелегко, — пояснил он. — Ему придется работать всю ночь, зато я могу не беспокоиться до завтра. К тому времени он выяснит, чего у нас нет, а я уже постараюсь это достать.

Он опять пожал плечами, лицо его оставалось хмурым. Чандлер недоумевал, как можно до-

стать, к примеру, клистрон на тридцать мегаватт. Но это была проблема Си.

— Ладно, до понедельника.

— Подожди, Чандлер. — Си пристально посмотрел на него. — У тебя ведь нет особых дел, не правда ли? Давай пообедаем вместе. Может, я узнаю тебя лучше. И отвечу на кое-какие твои вопросы, если хочешь.

Они доехали на автобусе до бульвара Капиолани и, пройдя несколько домов, зашли в ресторан Мамаши Чи. Похоже, Си здесь хорошо знали. Он провел Чандлера в кабину в дальнем конце зала, кивнул официанту и сделал заказ, не глядя в меню.

— Кормят тут только рыбой, — предупредил он. — Мясо подают только там, где бывают исполники… Скажи мне одну вещь, Чандлер, что у тебя на лбу?

Чандлер потрогал свою рану почти с удивлением. После того как врачи обработали ее, он просто забыл о ней.

— К чему тебе это? Тоже меня проверяешь? Хочешь посмотреть, совру я или нет?

— Извини, — усмехнулся Си, — по правде говоря, так и есть. Я знаю, что значит «С». Мы уже видели здесь таких людей. Немного, правда. И

обычно они долго не протягивают. Если, конечно, не работают на того, кого это не раздражает.

— Значит, ты хочешь знать, симулировал я или нет на самом деле? Какая разница?

— Очень большая, черт возьми! Мы рабы, но не скоты! — Чандлер задел его за живое.

Владелец магазина, похоже, и сам удивился своей горячности.

— Извини, Си. Мне тоже не все равно. Да, я не симулянт. Я был захвачен, как и другие, только не смог ничего доказать. Мне очень не повезло, потому что это произошло на фармацевтическом заводе. Считалось, что там единственное место в городе, где людей не захватывают. Все так думали. И я тоже. До тех пор, пока не попался.

Си кивнул. Подошел официант. Си посмотрел на него оценивающим взглядом, а потом сделал нечто странное. Он быстро схватил его левое запястье своей правой рукой и тут же отпустил. Официант как будто ничего не заметил. Со знанием дела он разлил вино, разложил маленькие розовые салфеточки, одним движением вытряс и протер пепельницу, а затем — столь быстро, что Чандлер усомнился, видел ли он это на самом деле — схватил запястье Си таким же жестом, повернулся и ушел.

Си взглянул на Чандлера.

— Я верю тебе. Хочешь узнать, почему с тобой так случилось? Мне кажется, я могу объяснить. Исполники получили все антибиотики, которые им были нужны.

— Ты хочешь сказать…

— Да. Они оставили в покое некоторые места, пока не накопили запасов на обозримое будущее. Ведь ты бы тоже так поступил?

— Возможно, — осторожно ответил Чандлер. — Если бы был одним из них.

— Ешь. Пока есть время, я расскажу тебе, что знаю. — Он одним глотком осушил свою рюмку. — Они, в основном, русские — ты, наверное, и сам уже понял. Все это началось в России.

Чандлер кивнул.

— Похоже, что так. Но Россия так же разрушена, как и остальные страны. Все русское правительство погибло, разве нет?

— Они не из правительства. Для исполников коммунизм значит не больше, чем Декларация Независимости. Им плевать на то и на другое. Все очень просто, Чандлер, это проект, вышедший из-под контроля.

— Все началось три года назад в России, — рассказывал Си, — в последние дни второго

сталинистского режима, перед тем, как в результате январского путча неохрущевисты пришли к власти. Западный мир, конечно, плохо понимал, что там происходит.

Россия стала еще более непонятной и изолированной после появления судов маоистского типа и возрождения такой старой советской организации, как ГПУ. Этот период получил название «Обледенения», сталинисты захватили власть именем Отца Народов и стали готовиться к мировой революции с помощью тяжелых межконтинентальных ракет и спутников. В свою очередь, неохрущевисты полагали, что мед привлечет больше мух, чем уксус. И хотя после чисток периода «Обледенения» осталось мало явных приверженцев их доктрины, они все же остались. Потом из одного экспериментального цеха Донбасса им пришло неожиданное подкрепление.

Там создали оружие и даже больше, чем оружие. Скорее, инструмент управления миром, который мог раз и навсегда положить конец всем спорам.

Это был обычный передатчик — по Крайней мере, с виду, но он работал в необычном диапазоне и обладал замечательным эффектом: он мог

управлять человеческим мозгом. Мозг служил для него «приемником». С помощью небольшого портативного передатчика, встроенного хирургическим путем в мозг оператора, вся личность последнего излучалась в виде определенной волновой структуры, которая могла проникнуть в мозг любого другого человека и подчинить его своей воле.

— В чем дело? — Си прервал свой рассказ, глядя на Чандлера. Чандлер перестал есть, его рука застыла на пол пути ко рту. Он тряхнул головой.

— Ничего. Продолжай.

Си пожал плечами и продолжил:

— Пока Западный мир праздновал Рождество — последнее Рождество перед тем, как мир узнал об одержимости — человек, который изобрел эту установку, тайно показывал ее другому человеку. Оба они сейчас мертвы. Изобретатель был поляк, его собеседник — бывший партийный начальник, который четыре года назад спас отца изобретателя от сибирского лагеря. Партийный начальник имел все основания поздравить себя с неожиданной удачей. Существовало лишь три действующих модели передатчика — впоследствии его усовершенствовали, и он приобрел вид серебристого венца, как у Коицки и Розали, —

но этого оказалось достаточно для январского путча.

Сталинистов свергли. К власти пришли неохрущевисты.

Целый завод в Донбассе переключился на производство миниатюрных передатчиков: наладить выпуск оказалось несложным, потому что прибор имел сравнительно простое устройство. Даже хирургическое вмешательство стало необязательным, потому что индукционные катушки могли улавливать внутримозговые ритмы. Только усилительное устройство оставалось очень сложным и громоздким. Но одного усилителя хватало для ретрансляции тысяч миниатюрных передатчиков.

— Ты уверен, что с тобой все в порядке? — спросил Си.

Чандлер отложил вилку, закурил и подозвал официанта.

— Все в порядке. Я просто хочу еще выпить.

Ему требовалось выпить, потому что теперь он понял, что делает для Коицки.

Официант принес виски и унес почти нетронутую еду. — Мы точно не знаем, что произошло потом, — продолжал Си. — Но так или иначе оружие вышло из-под контроля. Думаю, его захва-

тили те, кто работал на заводе. Да иначе и быть не могло. — Он мрачно усмехнулся. — Могу себе представить, как партийные боссы на заводе, стараясь удержать рабочих в узде, ломали головы — что делать: подкупать или запугивать? Раздавать им дачи или отправить часть в Сибирь? Конечно, все было тщетно; нельзя подкупить человека, которому достаточно протянуть руку, чтобы завладеть всем миром, так же как нельзя испугать человека, который может заставить вас перерезать себе глотку. Во всяком случае, в следующее Рождество эти люди захватили мир. И они уже не хранили верность партии. Некоторые из них были чехами, венграми, поляками, и прежде всего они хотели свести счеты. Вот так! Прежде чем развалить весь мир, они покинули Россию на двух крейсерах; потом принялись запускать все баллистические ракеты, которые только могли найти… и они нашли все, раньше или позже. А когда стало безопасно, они перебрались сюда.

Здесь, на Острове, их около тысячи, и за пределами Островов никто даже не знает об их существовании. А если бы кто и знал — что толку? Они могут убить любого человека в любом месте. Они убивают для развлечения, но иногда и с определенной целью. Если кто-нибудь желает

поразвлечься, он обязательно разрушает все средства связи и транспорта, которые ему попадаются — особенно теперь, когда они накопили все необходимое на ближайшие лет двадцать. Мы не знаем, что они собираются делать, когда двадцать лет пройдут. Может, им наплевать?

Чандлер осушил свою рюмку и покачал головой.

— Один вопрос, — сказал он. — Кто это «мы»?

Си аккуратно вскрыл пачку, достал сигарету и закурил. Похоже, она не доставляла ему особого удовольствия; сигареты в последнее время стали отдавать затхлостью.

— Не спеши, — сказал он.

Чандлер вспомнил странные жесты, которыми обменялись Си и официант; последний, пока они ели, все время неприметно находился рядом. Си ждал, когда этот человек подойдет.

Вскоре официант вернулся, глядя прямо на Чандлера. Он обхватил пальцами свое собственное запястье и кивнул. Си тихо заговорил:

— «Мы» — Общество рабов. Конечно, мы все тут рабы, но к обществу принадлежат лишь немногие. Мы…

Послышался звон разбитого стекла. Официант уронил поднос.

Выражение лица Си внезапно изменилось. Его левая рука лежала на столе, правая застыла над ней. Очевидно, он собирался еще раз показать Чандлеру тот же знак.

Но он не смог этого сделать. Его рука затрепетала, как пойманная птица, — она и была поймана. Из уст Си и его голосом зазвучала легкая мелодичная речь Розали Пэн.

— Какая приятная встреча, любовь моя! Не ожидала увидеть тебя здесь! Приятного аппетита!

Чандлер поднес к губам свою рюмку, прежде чем сообразил, что она пуста.

— Спасибо, — проговорил он хрипло. — Ты часто сюда заходишь?

Это походило на банальный разговор из учебника иностранного языка, и никак не вязалось с тем, что только что произошло. Чандлер был потрясен.

— Да, я это люблю, — проворковал Си, осматривая тарелки. — Я вижу уже все съели. Жаль. Твой друг, похоже, ест немного.

— Вероятно, он был не голоден, — выдавил Чандлер.

— Зато я голодна. — Си наклонил голову, словно актер, неуклюже игравший женскую роль. — Вот что! У тебя есть сейчас какие-нибудь дела, любовь

моя? Я знаю, ты уже ел, но я была хорошей девочкой и теперь могу поесть по-настоящему: я имею в виду не чужими зубами, и чтобы калории шли куда надо. Что, если мы встретимся на пляже? Там есть одно место, где готовят чудесное луау[5]. Я могу туда прийти через полчаса.

Чандлер задышал ровнее. Почему бы и нет?

— Буду рад.

— Ресторан называется «Луиджи Варф Рэт». Но чтобы тебя туда пустили, скажи что ты со мной… Он особый. — Си прикрыл глаза, как делала Розали.

— Через полчаса, — сказал он и вновь стал самим собой.

Его затрясло.

Официант принес виски и стоял рядом, пока Си пил.

— Страшно, — сказал Си через некоторое время. — Но, похоже, мы выкрутились. Тебе лучше идти, Чандлер. Договорим с тобой в другой раз.

Чандлер встал. Но он не мог так оставить Си.

— Как ты себя чувствуешь?

Си почти пришел в себя.

— О, нормально. Не в первый раз повисаем на

---

[5] Примечания: 5
Луау — гавайское блюдо из осьминогов.

волоске. Рано или поздно волосок оборвется, и это будет конец, но теперь со мной все в порядке.

Чандлер медлил.

— Так ты что-то говорил про Общество рабов.

— Иди, черт возьми! — закричал Си. — Она будет тебя ждать… Извини, что я на тебя накричал. Но уходи. — Когда Чандлер повернулся, Си добавил уже более спокойным тоном: — Заходи завтра в магазин. Может, нам удастся закончить наш разговор.

Глава 11

Ресторан «Луиджи Варф Рэт» на самом деле находился не на морском пляже, а на берегу Ала Вай канала. За этим водоемом виднелись заснеженные горные вершины. Метрдотель лично проводил Чандлера на балкон, и Чандлер стал ждать. «Полчаса» Розали растянулись почти на два; наконец она окликнула его через весь зал, и он встал, когда она приблизилась.

— Извини, — сказала она беспечно. — Зато ты просто молодец. Двадцать минут у меня ушло на дорогу и целых полтора часа на лицо, чтобы тебе было не стыдно со мной. Хорошо снова оказаться в своей коже. Ну что ж, давай есть!

Разговор с владельцем магазина радиодеталей произвел на Чандлера такое впечатление, которое не могло изгладиться при виде хорошенького женского личика. Но ее личико действительно было хорошеньким, и она явно старалась развлечь Чандлера. Он просто не мог не разделить ее настроения.

Она болтала о жизни на сцене, о своих впечатлениях от спектаклей, об артистах, которых она знала. Ее рассказ в основном состоял из длин-

ного перечисления имен, хотя и без тщеславия: просто она жила в мире знаменитостей. Чандлер никогда не соприкасался с этим миром, но слышал многие из имен, которые она называла. Одно время Рози была замужем за английским актером, чьи фильмы Чандлер всегда смотрел по телевизору. Наверно, любопытно было узнать, что этот человек храпел и жил в основном на уколах витаминов. Но такой взгляд на актера Чандлера мало интересовал.

Клиентура ресторана, в основном, состояла из исполников, молодых или тех, кто старался казаться молодым, как Рози.

Повсюду сверкали серебристые венцы. На двери висела табличка:

КАПУ, МАЛИХИНИ!

запрещавшая посещение ресторана тем, кто не являлся исполником или их сотрудником. «Но кто на острове не сотрудничал с ними?» — подумал Чандлер. Пожалуй, единственный способ сопротивления — убить как можно больше людей, а потом — себя, и тем самым лишить исподников рабов. Впрочем, то же самое и довольно часто исполники делали сами в других местах. Это могло бы причинить им лишь незначительные неудоб-

ства. Ведь с Большой земли постоянно прибывали корабли и самолеты со свежими захваченными телами. Достаточно лишь сохранить им жизнь, а не заставлять самоуничтожаться, как команду самолета, на котором прибыл Чандлер, — и стадо будет пополнено.

Обед с Розали имел и одну весьма неприятную особенность: время от времени Чандлер ощущал себя захваченным и говорил Розали чужие слова обычно на незнакомом ему языке. Она воспринимала это как нечто само собой разумеющееся: просто какой-то ее друг в другом конце зала или на другом конце Острова использовал Чандлера в качестве телефона.

— Мне очень жаль, — беспечно извинилась она, — тебе это не нравится, да?

— А как, по-твоему? — Он не стал продолжать, и без того удивившись своему тону.

— Я понимаю. Это оскорбляет твое мужское достоинство. Пожалуйста, не принимай это так близко к сердцу, любовь моя. Мы не так уж плохи. Даже… — она заколебалась и не стала продолжать. — Ты ведь знаешь, я попала сюда так же, как ты. Меня похитили со сцены в «Винтер Гарден». Правда, тот, кто меня похитил, оказался моим старым другом. Хотя тогда я этого не знала

и перепугалась до смерти.

Чандлер взглянул на нее с удивлением. Она кивнула.

— Ты, наверное, думаешь о нас, как о другой расе? Как о каких-нибудь неандертальцах или, может, даже еще хуже. — Она улыбнулась. — Мы совсем не такие. Около половины из нас прибыли из России, зато остальные — уже со всего мира. Ты, наверное, очень удивишься. — Она назвала несколько имен всемирно известных ученых, музыкантов, писателей. — Конечно, не каждый способен стать членом нашего клуба, любовь моя. Иначе он утратил бы свою исключительность. Основное правило — сохранять верность общему делу. Я сохраняю, — добавила она спокойно после небольшой паузы. — И не забывай об этом. Так надо. Тот, кто становится исполником, должен быть с нами во всем. Есть даже специальные испытания. Это необходимо, и не только для нашей защиты. Для блага всего мира.

Чандлер был потрясен. Рози кивнул# с серьезным видом.

— Если один исполнив расскажет что-нибудь из того, что нужно держать в секрете, это перепутает все карты. Нас только тысяча, а вас, кажется, около двух миллиардов. Результатом будет пол-

ное уничтожение.

Чандлер сначала решил, что она имеет в виду уничтожение Исполнительного Комитета, но потом понял. Нет. Уничтожение мира. Потому что тысяча исполников, хотя на каждого из них приходится два миллиона человек, не могут не победить. Исход борьбы не вызывает сомнений. Если все исполники начнут систематически разрушать и убивать вместо того, чтобы просто забавляться, они запросто уничтожат род человеческий. Человека можно заставить перерезать себе глотку за четверть минуты. Один исполник, который будет убивать, убивать и убивать без остановки, может уничтожить два миллиона своих врагов за один восьмичасовой рабочий день.

А есть еще более надежные и быстрые способы. Чандлер мог не придумывать их — он их видел. Бойня в Орфализе, Монумент — только отдельные примеры. То, что произошло в Нью-Йорке, наглядно демонстрировало возможность массовых методов. Несомненно, еще остались бомбы, хотя бы химические. Людей можно заставить застрелиться, заколоться, устроить аварию, взрыв, проглотить яд, выпрыгнуть из окна, перерезать себе горло. Каждый человек становится убийцей под влиянием скрытого на Гавайях мозга, а когда

убивать станет некого, он убьет себя. За один день такого истребления человечество перестанет существовать. Выживут, возможно, лишь те, кто живут в самых отдаленных уголках Земли и не представляют угрозы для исполников.

— Ты ненавидишь нас, не правда ли?

Чандлер молчал, пытаясь найти ответ. В вопросе Рози не было ни насмешки, ни злобы. Она просто сочувственно интересовалась его точкой зрения. Он покачал головой.

— Это значит не «нет», а «не хочу отвечать»? Ладно, я тебя не осуждаю, но, видишь ли, мы все-таки не исчадия ада. До того, как мы появились, мир уже готовился к самоубийству.

— Есть разница, — пробормотал Чандлер. Он думал о своей жене. Они с Марго любили друг друга, как всякая супружеская чета: без всепоглощающей страсти, но со взаимной привязанностью и нежностью. В последние годы Чандлер не размышлял о своей семейной жизни в целом, но всегда помнил отдельные минуты. Только после смерти Марго он понял, что эти минуты и составляли теперь уже навсегда утраченную любовь.

Но Рози отрицательно покачала головой:

— Разница в нашу пользу. Допустим, начальник Коицки не изобрел бы наших венцов. Тогда

в любой момент у одной из стран могли бы сдать нервы, и она бы начала первой — без той осторожности, с какой действовали мы, взрывая самые опасные ракеты в пустынных местах, а остальные в точно рассчитанных пунктах. Я имею в виду, кто-то начал бы войну. Это означало бы конец, любовь моя. Светопреставление. И оставшиеся в живых позавидовали бы мертвым. Нет, любовь моя, — сказала она решительно. Мы — не самый худший выход для мира. Когда все плохое кончится, люди поймут, кто мы такие на самом деле.

— И кто же вы?

Она секунду колебалась, потом улыбнулась и скромно сказала:

— Мы боги.

У Чандлера перехватило дыхание — не потому, что это было не так, а потому что ему никогда не приходило в голову, что боги могут знать о своей божественности.

— Мы боги, любовь моя, и наделены привилегией избирать в свой сонм смертных. Не суди нас по прежним законам. Не суди нас вообще. Мы — Новая Сущность. Нам не надо приспосабливаться к прошлому, потому что мы разрушили все прошлое. Отныне и до скончания веков законы будут

исходить от нас. — Розали быстро вытерла губы салфеткой. — Не хочешь что-нибудь посмотреть? Давай немного погуляем.

Она взяла его за руку и провела через зал на открытую веранду. Они посмотрели вниз, где некогда был сад. Там находилась несколько десятков человек. Чандлер слышал звуки их голосов. Все они, похоже, носили такую же летнюю армейскую форму, как и он.

— Они из Триплера?

— Нет, любовь моя. Они сами выбрали себе такую форму. Постой-ка здесь минутку.

Женщина в серебряном венце подошла к перилам веранды, где играли розовые и янтарные отсветы огней. Когда она вышла на освещенное место, люди в саду как будто все разом вздохнули. Один из них подошел с охапкой цветочных гирлянд и положил их на землю под перилами.

Они поклонялись ей.

Розали постояла немного с важным видом, потом кивнула и вернулась к Чандлеру.

— Они начали так делать примерно год назад, — шепнула она ему, когда в толпе послышался разочарованный ропот. — Это их собственная идея. Мы сначала не понимали, чего они хотят, но они не причиняли никакого вреда. Видишь,

любовь моя, — тихо добавила она, — мы можем заставить их делать все, что захотим. Но это мы их не заставляем делать.

Через несколько часов — Чандлер плохо помнил каким образом — они оказались в легком самолете, летевшем над Тихим океаном. Над ними светила золотая луна; под ними простирался черный океан.

Когда Розали повернула самолет и стала опускать его к воде, Чандлер молча и ошеломленно посмотрел вниз, но не испытал страха. Он был почти доволен. Рози оказалась хорошим спутником: веселая, жизнерадостная, она умела делиться своей радостью с другими. После долгой поездки на спортивной машине Рози пришла в голову идея завершить вечер недолгим комфортабельным полетом над океаном. Чудесная идея. Он печально подумал о том, что теперь понял, как блеск богатства ослеплял и обманывал поколения деревенских девушек. Роскошь — великий соблазнитель. Венец на ее голове мог в любой момент захватить его тело. Ей стоило лишь пожелать, и ее воля, усиленная ретрансляционной станцией, — вроде той, которую он делал для Коицки — вторглась бы в его мозг и превратила бы его в игрушку. Если бы она захотела, он открыл

бы дверь и покинул самолет, чтобы пролететь тысячу футов по воздуху и стать ужином для акул.

Но он не думал, что она способна на такое. И не думал, что это сделает кто-нибудь другой, хотя собственными глазами видел подобные вещи, и даже гораздо более ужасные. Среди всех порождений больной фантазии не было такого злодеяния, которое не совершил бы в последние годы какой-нибудь апатичный исполник, избирая своими жертвами беззащитных мужчин, женщин и детей. Даже во время полета Чандлер представлял себе жирные тела, лежавшие на мягких кушетках в своих роскошных виллах, в то время как хозяева этих тел рыскали без устали по всему миру, сея смерть и позор.

Но что общего могло быть у этой женщины с той гнусностью?

Чандлер не знал, как разрешить такой парадокс. Он не забывал о ненависти, но чувствовал совсем другое. Она была так хороша. Она была игрива. У него начали появляться мысли, которые уже очень давно не посещали его.

Впереди показалась темная глыба острова, и они стали снижаться.

Рози умело посадила самолет на взлетно-посадочную полосу, которая при их приближении

зажглась огнями — электронное чудо, или венец невольник у выключателя? Это не имело значения. В тот момент для Чандлера ничто не имело значения.

— Спасибо, любовь моя, — сказала она смеясь. — Мне понравилось. Для таких вещей хорошо использовать чье-нибудь чужое тело, но время от времени хочется попробовать свое.

Они вышли из самолета, и она взяла Чандлера под руку.

Когда мне дали венец, — вспомнила она с явным удовольствием, — у меня сразу появилась нехорошая привычка. Я провела в постели шесть ужасных месяцев — целых шесть месяцев! И ведь никто не заставлял. О, я побывала всюду, плавала с аквалангом на Большом Барьерном Рифе, каталась на лыжах в Норвегии и… — она сжала его руку, — в общем, всего не вспомнишь. А потом я как-то взвесилась, просто по привычке, и знаешь, сколько я весила? — она закрыла глаза в притворном ужасе, но они смеялись, когда она их снова открыла. — Больше я так не хочу, любовь моя. Конечно, многие из нас позволяют себе слишком многое. Даже Коицка. Коицка особенно. И некоторые женщины. Но, между нами говоря, тем, кто так делает, сохранять особенно нечего.

Она привела его к вилле, где пахло жасмином и гарденией, щелкнула пальцами, и тут же зажегся свет.

— Нравится? О, у нас все только самое лучшее. Что будешь пить? — Она достала два высоких холодных стакана и не позволила Чандлеру сесть в плетеное кресло. — Сюда, любовь моя, — она похлопала по кушетке рядом с собой. Поджав ноги, она прижалась к нему, нежная, теплая, благоухающая и пробормотала, словно сквозь сон:

— Подожди-ка. Что нам поставить? Какую ты предпочитаешь музыку, любовь моя?

— О… все равно.

— Нет! Ты должен был сказать: «Почему бы нам не послушать тему из „Фенси Фри“», — или еще что-нибудь, где я в главной роли. — Она укоризненно покачала головой, и лучи золотого света заиграли на ее венце. — Но раз ты человек с таким грубым вкусом, придется мне все делать самой.

Она нажала кнопку в изголовье своей кушетки, и в ту же секунду из скрытых в углах комнаты динамиков полилась нежная мелодия. Правда, не из «Фенси Фри».

— Это лучше, — сказала она лениво, и после небольшой паузы спросила: — Славно было в самолете?

— Превосходно, — ответил Чандлер. Осторожно, но решительно он выпрямился и машинально полез в карман.

Она вздохнула.

— Хочешь сигарету? Они на столе перед тобой. Надеюсь, тебе понравятся. Они сохранили только одну большую фабрику. Сигарет стало мало, не считая этих ужасных русских, от которых и дыма совсем нет. — Она коснулась своими холодными пальцами его лба. — Ты никогда не говорил мне об этом, любовь моя.

Его словно дернуло током: прикосновение ее пальцев было в то же время и прикосновением реальности.

— Мое клеймо? — выговорил он с трудом. — Но ведь ты, кажется, там присутствовала.

— О, только время от времени. Я пропустила все скандальные подробности, хотя, по правде говоря, из-за них там и оказалась. Иногда я люблю послушать какие-нибудь скандальные истории… но я услышала только этого глупого адвоката и этого глупого судью. Они меня просто взбесили. — Она ухмыльнулась. — К счастью для тебя, я так разозлилась, что и им решила испортить удовольствие.

Чандлер сделал большой глоток виски. Как ни

странно, это как будто отрезвило его.

— Ничего особенного не было, — сказал он. — Просто я изнасиловал молоденькую девушку. Такое случается каждый день. Конечно, это сделал за меня один из твоих друзей, но я помню то, что происходило и, если хочешь, могу тебе рассказать, со всеми подробностями. Люди из моего города решили, что это сделал я сам, и обвинили меня в симуляции. Как будто я делал это по своей воле, а не под Контролем какого-то исполника или, как они по неведению считают, злого духа или демона. — Его трясло. Он ждал ответа — но она лишь прошептала:

— Мне очень жаль, любовь моя. — И взглянула на него с таким искренним сочувствием, что его гнев угас так же быстро, как и возник.

Он открыл рот, собираясь что-то сказать ей. Но не сказал. Она смотрела на него, такая одинокая, нежная, зовущая. Он поцеловал ее и, когда она ответила на его поцелуй, поцеловал еще раз и еще…

Но не более чем через час он сидел в ее «порше» трезвый, злой, разочарованный и несчастный. С трудом разобравшись в незнакомом управлении, он поехал обратно в город.

…Они целовались со все возраставшей стра-

стью, его руки стали ласкать ее, и ее тело уже отвечало на ласку, но именно в этот момент она прошептала:

— Нет, любовь моя. — Он прижал ее к себе еще крепче, и она, больше ничего не говоря, открыла глаза и посмотрела на него. Почувствовав себя захваченным, Чандлер знал, кто его захватил. Розали. Словно одеревенев, он выпустил ее, встал, вышел из комнаты и закрыл за собой дверь.

На вилле погасли огни. Вне себя от бешенства он заглянул через окно в темную комнату. Ему удалось разглядеть лежавшую на кушетке Рози, ее тело судорожно вздрагивало. Чандлер был уверен: сейчас какая-то женщина или какой-то мужчина лежит в объятиях любимого человека и не может сказать ему о неведомом третьем, проникшем в их постель.

Лишь когда на его запястье что-то сверкнуло, Чандлер, мчась на полной скорости в Гонолулу, заметил, что плачет. Он ехал на ее машине. Не будет ли у него из-за этого неприятностей? Наплевать! Он был готов к неприятностям, ощущая лишь невыносимое отвращение. Хуже всего было даже не то, что она использовала его, как случайный стимулятор полового чувства, но то, что она считала себя вправе так поступить. Чандлер

подумал о людях, которые поклонялись ей под открытой верандой ресторана исполников, и о снисходительном жесте Розали, когда они поднесли ей цветы.

Слепые, жалкие глупцы!

Но не только те обманутые мужчины и женщины в саду попались в ловушку порочной религии, думал Чандлер. Дело обстояло еще хуже. Сами боги и богини также почитали свою божественность!

Глава 12

Через три дня голос Коицки, исходивший из уст Чандлера, вновь вызвал его в Центр ТУЭ.

Имея уже некоторый опыт жизни в этом мире, Чандлер реквизировал полицейскую машину и поехал к Южным Воротам, где охранники дали ему свой автомобиль. Дверь в здании Центра оказалась открытой, и Чандлер прошел прямо наверх.

Он удивился, увидев толстяка сидевшим и более-менее одетым. На Коицке были совершенно несообразные его фигуре цветастые шорты, рубашка с короткими рукавами и сандалии. На его круглой лысой голове торчал венец, другой венец, имевший более строгий вид, он держал в руке.

— Умеешь управлять вертолетом? — спросил он. — Нет? Не важно. Помоги мне. — Его рука, словно гора, легла на плечи Чандлеру. Коицка весил фунтов триста. Медленно, тяжело дыша, он проковылял в дальний конец комнаты и нажал какую-то кнопку.

Открылась дверь.

Чандлер прежде не знал о существовании в

здании лифта: исполники не считали нужным сообщать своим рабам подобные вещи. Лифт осторожно опустил их на второй этаж, где в гараже стоял хотя и старый, но в безупречном состоянии большой кадиллак, «машина гангстеров».

Следуя указаниям Коицки, Чандлер привез их к летному полю, где уже ждал маленький вертолет с плексигласовым носом. В основном благодаря усилиям Чандлера Коицка, пыхтя и отдуваясь, забрался по лесенке в кабину. Первоначально вертолет имел четыре сидячих места. Теперь тут было сиденье для пилота и сиденье рядом с ним, а сзади помещалась широкая мягкая кушетка. Коицка развалился на ней, сжимая свой дополнительный венец. Его лицо застыло: очевидно, он управлял чьим-то чужим телом.

Вскоре его глаза снова открылись. Он без всякого интереса взглянул на Чандлера и повернулся лицом к стене.

Через минуту он просипел:

— Сядь на место пилота. — Некоторое время он тяжело отдувался, потом сказал: — Тебе не стоит интересоваться Розали.

Чандлер вздрогнул от неожиданности. Он обернулся, но увидел лишь спину Коицки.

— Я не интересуюсь! То есть, по крайней ме-

ре… — Он понятия не имел, как закончить фразу, но Коицку, похоже, не интересовал ответ.

Через некоторое время Коицка пошевелился, устроился поудобнее — и Чандлер почувствовал себя захваченным.

Он легко и уверенно повернулся к незнакомым педалям и рулю вертолета, завел мотор и окинул взором пульт с приборами; совершив манипуляции, смысла которых он не понимал, но которые оказались безошибочными, он поднял машину в воздух. Все было выполнено восхитительно. Чандлер не знал, кто из исполников вселился в его тело, но кто бы он ни был, он сделал из Чандлера первоклассного пилота.

Более часа Чандлер оставался пленником в своем собственном теле. Очевидно, управление вертолетом не допускало перекуров. Исполник, захвативший Чандлера, не отпускал его ни на секунду. Словно в плену какого-то сна, Чандлер наблюдал, как его правая рука толкает рычаг, а ноги нажимают на педали. Время от времени его голова поворачивалась, и его голос говорил что-то Коицке. Но их беседа шла не то по-русски, не то по-польски, и Чандлер не понял ни слова. Правда, разговоров было не много, шум лопастей вертолета заглушал большую часть звуков. Чанд-

лер погрузился в мрачное, но не мучительное полузабытье, думая об Элен Брейстед и Орфализе, о Розали Пэн и жирном кровожадном слизняке, лежавшем сзади. Чандлеру пришло на ум, что он, как ни странно, теперь сотрудничает с теми чудовищами, которые убили его собственную жену и заставили его изнасиловать глупую, но безобидную девушку…

Но эта проблема оказалась для него слишком сложной.

Он предпочел думать о Розали Пэн, а потом — вообще ни о чем.

Они пролетели над океаном и приблизились к другому острову. После беглого взгляда на карту Чандлер догадался, что они прилетели на Хило. Он мастерски посадил вертолет на край полосы, где уже разгружались два самолета, и вновь почувствовал себя свободным.

Два рослых юноши, судя по всему, коренные гавайцы, помогли Коицке выбраться из машины и добраться до здания. Чандлер оказался предоставлен самому себе. Здание было неказистое, но добротное. Вокруг него росла высокая, давно не кошенная трава, в которой местами проглядывали розовато-лиловые и красные цветы, — очевидно, прежде там находились клумбы

бугенвиллии и молочая. Чандлер не мог понять назначения здания; оно выглядело как некая смесь конторы и мастерской, затерянной в глуши. Но потом он увидел на стене табличку «Раздача». По-видимому, здесь находилась главная усадьба одной из плантаций. Но внутри почти ничего не осталось. Столы и ржавые машины были в беспорядке свалены снаружи, на месте бывшей стоянки. Теперь внутрь заносили грузы из самолетов. Среди эти грузов Чандлер узнал кое-что из списка, который он дал владельцу магазина радиодеталей. В одном из больших ящиков, очевидно, находился газолиновый генератор. Но о содержимом остальных ящиков Чандлер мог только гадать.

Кроме Коицки здесь присутствовало, по крайней мере, пять исполников в венцах. Лишь нечто весьма важное могло выманить этих лежебок из их берлог, но Чандлер знал, какое важное дело привлекло их сюда.

Вероятно, речь шла о самом их существовании. Чандлер пришел к заключению, что для комфортного житья исполникам требовался запасной ретранслятор на случай какой-нибудь поломки, возможно, даже модифицированный, судя по иной форме венца, который взял с собой Коицка.

И несомненно, именно здесь они собирались построить новую установку.

В течение десяти часов, от полудня до темной ночи, они работали в бешеном темпе. Когда зашло солнце, один из исполников подал команду, и рабочие запустили генератор. Он трясся на своих колесах с резиновыми покрышками, выпуская клубы дыма, и работа продолжалась при свете ламп.

Чандлер работал скорее как рабочий, а не как инженер; он переносил и складывал оборудование в местах будущей сборки. Исполники не принимали в этом участия, но и не оставались без дела. Все они находились в одном из помещений здания и занимались каким-то небольшим прибором — Чандлер не смог его сразу рассмотреть, а когда взглянул еще раз, прибор уже исчез. Он не видел, как они его убрали, и не знал, где они его взяли. К полуночи Чандлер внезапно понял, что это, очевидно, была важнейшая деталь, которую они никому не могли доверить… и именно поэтому явились сюда сами, а не действовали чужими руками.

Несмотря на усталость, Чандлер сознавал, что его открытие имело очень большое значение; похоже, оно открывало какие-то возможности. Но

какие? Слишком многое свалилось на Чандлера за последнее время и это заметно притупило его реакцию. Он не мог соображать так быстро, как того требовала ситуация; в этой Стране Чудес, если бы к нему пришла Черная Королева и отрубила бы ему голову, оно, возможно, даже забыл бы умереть. Оглушенная, истерзанная нервная система уже не реагировала на раздражители. И все же он медленно и мучительно думал о том оружии, которое здесь находится, о рычаге…

В самом конце рабочего дня Коицка и два или три исполника задали Чандлеру несколько вопросов.

Он был слишком утомлен, чтобы думать над ответами, но исполники просто хотели выяснить, способен ли он самостоятельно собрать некоторые несложные части конструкции, и, похоже, его ответы их удовлетворили. На обратном пути Чандлер опять под чьим-то контролем вел вертолет, но все время полета находился в состоянии полусна и даже не помнил, как добрался до своей комнаты в Триплере.

…На следующее утро он явился в магазин «Детали в изобилии» с дополнительным списком деталей, оказавшихся дефектными. Си быстро проглядел список и кивнул.

— Все это у меня есть. Можешь забрать сегодня вечером.

Чандлер предложил ему сигарету из затхлой пачки.

— А в тот вечер…

Но Си встревоженно потряс головой; у него даже выступил пот на лбу. Однако он тут же довольно небрежным тоном спросил:

— Ты интересуешься бейсболом?

— Бейсболом?

— Сегодня днем будет игра юношеской лиги, — сообщил Си словно ни в чем не бывало. — У Школы в Пунахоу. Думаю, неплохо бы заглянуть туда, а потом мы можем вернуться и забрать твои детали. Игра в два часа. Надеюсь увидеть тебя там.

Чандлер вышел в задумчивости. Что-то в поведении Си предполагало нечто большее, чем игра в мяч; после быстрого и скромного ленча Чандлер решил пойти.

На грязной площадке, вероятно, бывшем стадионе колледжа, играли подростки, судя по сложению и цвету волос, коренные гавайцы. Очевидно, даже самый фанатичный поклонник бейсбола не стал бы тратить время на такое зрелище. И все же зрители были. По крайней мере

пятьдесят взрослых наблюдали за игрой, и едва ли среди них находились родственники или знакомые игравших. Ребята играли серьезно и осторожно, а зрители не пытались их подбодрить или выразить свой восторг.

Си вышел из-за школьного здания и подошел к Чандлеру.

— Рад, что ты смог прийти, Чандлер. Нет, ничего не спрашивай. Просто смотри.

На пятой подаче при счете, достигшем трех десятков, в игре наступил перерыв. Какой-то высокий рыжеволосый человек взглянул на часы, облизнул губы, сделал глубокий вдох и вышел на площадку. Он окинул взглядом зрителей; мальчишки без всякого удивления прервали игру… Затем рыжеволосый кивнул судье и покинул поле. Игроки возобновили свою игру, но все внимание зрителей теперь сосредоточилось на рыжеволосом.

У Чандлера мелькнула догадка. В следующую секунду она подтвердилась, когда рыжеволосый поднял руки на уровень пояса и схватил правой рукой свое левое запястье — правда, всего лишь на миг, но этого было достаточно.

Игра оказалась только прикрытием. Чандлер присутствовал на собрании подпольной орга-

низации, которую Си назвал Обществом Рабов и которая осмелилась противостоять Исполнительному Комитету.

Си откашлялся и объявил:

— Тут есть один человек. Я ручаюсь за него. — Чандлер опять очень удивился, потому что все собравшиеся теперь смотрели на него.

— Все в порядке, — нервозно сказал рыжеволосый. — Давайте начнем. Прежде всего, есть у кого-нибудь оружие? Вы уверены? Проверьте хорошенько — мы не должны допускать ошибок. Выверните карманы.

Произошло небольшое волнение, и женщина, сидевшая рядом с Чандлером, достала связку ключей с прикрепленным к ней маленьким ножичком.

— Перочинный нож? Да, черт возьми; избавьтесь от него, бросьте на поле. После собрания подберете. — Сотня глаз наблюдала за полетом перламутрового предмета. — Похоже, теперь все в порядке, — продолжал рыжеволосый. — Ребята играли каждый день, а за всю неделю никто сюда не заглянул. Но пусть каждый следит за своим соседом. Если увидите что-нибудь подозрительное, не ждите. Не рискуйте. Кричите: «Судью на мыло!», или все, что захотите, только кричите. И

погромче. — Он сделал паузу, тяжело дыша. — Хорошо. Си, представь нам новичка.

Владелец магазина радиодеталей положил руку на плечо Чандлеру.

— У этого человека есть кое-что для нас, — сказал он. — Он работает на исполника Коицку и принимает участие в сооружении установки, которая есть не что иное, как еще одна машина для управления нами.

Чандлер мгновенно утратил свое беспристрастное спокойствие:

— Эй, — закричал он, — я никогда не говорил ничего подобного.

— В этом не было необходимости, — строго сказал Си. — Ты что, черт возьми, считаешь меня идиотом? Я выполнял все ваши заказы на детали, разве не помнишь? Частоты у него выше, но основные компоненты те же, что и у первого ретранслятора.

— Но они никогда не говорили мне…

— Не говорили тебе? А они должны были тебе сказать? Что еще они тебе должны?

Чандлер молчал, оглядываясь по сторонам. Слова Си испугали его. И все же он догадывался и даже в глубине души был уверен, что проект, над которым он работал, представлял собой новую

управляющую установку. А значит…

Высокий худой бородач приблизился к Чандлеру, яростно сверля его глазами.

— По-моему, ты не очень надежен, парень, — угрожающим тоном заявил он. — На чьей ты стороне?

Чандлер пожал плечами.

— Мне кажется, на вашей, на чьей же еще?

— Тебе кажется? — Бородач кивнул и, нагнувшись, злобно уставился в лицо Чандлеру. — Посмотрите на его лоб, — закричал он. — Видите?! Он же клейменый!

Чандлер отшатнулся, невольно прикоснувшись рукой к клейму.

— Проклятый симулянт! — продолжал бородатый. — Посмотрите на него! Есть ли на земле более гнусная тварь, чем тот, кто притворился одержимым, чтобы совершать свои грязные преступления? Что ты сделал, симулянт?! Убил?! Сжег детей живьем?..

Си отпустил плечо Чандлера, одной рукой повернул бородача, а другой ударил его в челюсть.

— Заткнись, Линтон. Подожди и послушай.

Бородатый медленно поднялся, приходя в себя. Тем временем Си стал вкратце объяснять, как он понимает работу Чандлера.

— Может, это только запасной экземпляр. Может, он не будет использоваться. А может, и будет — и тогда Чандлер мог бы сорвать его работу! Как вам нравится? Исполники переключаются на вторую установку, пока первая ремонтируется — и их венцы не работают!

Наступила полная тишина, лишь с площадки доносились звуки игры. Только что было зафиксировано две пробежки. Чандлер узнал эту тишину. Она означала надежду.

Линтон первый нарушил молчание, его голубые глаза горели.

— Нет! Мы сделаем еще лучше. Зачем ждать? Мы можем использовать машину этого парня. Запустим ее, достанем венцы — и сами будем управлять исполниками!

Наступила еще более длительная пауза; потом все сразу заговорили, но Чандлер не принимал участия в дискуссии. Он думал.

Допустим, человек вроде него действительно оказался бы в состоянии сделать то, что они от него хотели. Если отвлечься от технических проблем, которые довольно сложны: нужно узнать, как работает установка, избежать ловушек, несомненно расставленных Коицкой для пресечения таких попыток; если даже не думать о наказании,

которое ждет в случае провала…

Допустим, он приведет установку в действие, раздобудет пятьдесят венцов и наденет их на пятьдесят участников этого тайного собрания Общества Рабов…

Произойдет ли тогда какое-то существенное изменение в состоянии мира?

Или всегда и всюду справедливы слова лорда Актона. Власть развращает. Абсолютная власть развращает абсолютно. Власть, заключенная в венцах исполников, слишком сильный соблазн для смертного; Чандлер почти чувствовал, как эти люди рядом с ним превращаются в ненасытных чудовищ.

Но Си усмирил их пыл.

— Мне очень жаль, — сказал он. — Но я знаю одну вещь: один исполник не может управлять другим. Ладно. — Он взглянул на часы. — Мы договорились, что будем здесь не более двадцати минут, — напомнил он рыжеволосому, и тот кивнул.

— Ты прав. — Он оглядел присутствующих. — Сейчас я закончу. Новости. Вы все знаете, что на прошлой неделе они поймали еще нескольких наших. Вы были у Монумента? Три наших товарища сегодня утром лежали там. Но, я думаю,

исполники не знают, что мы организованы, они считают наши действия лишь индивидуальными актами саботажа. Если кто-нибудь еще не знает: исполники не умеют читать наши мысли, даже когда управляют нами.

Доказательство тому — то, что мы пока живы. Ханрахан знал практически каждого из нас; теперь он уже неделю лежит там с перебитым хребтом; они поймали его, когда он пытался устроить взрыв у Восточных Ворот. Но они ничего не узнали о нас. Они не способны читать мысли. Следующее. Больше никаких индивидуальных нападений на исполников. По крайней мере, если речь не идет о жизни и смерти, и даже тогда вы только зря потеряете время, если у вас нет огнестрельного оружия. Они схватят ваш мозг быстрее, чем вы сможете перерезать им глотку. Третье. Оставьте всякие мысли о добрых и злых исполниках. Они все одинаковы, раз надели на голову эту штуку. Четвертое. С ними нельзя договориться. Им на все наплевать. Так что если кто-нибудь собирается выдать нас, — я не говорю, что такие есть, — пусть забудет про это. — Он оглянулся по сторонам. — Что-нибудь еще?

— Как насчет заражения водопровода? — поинтересовался кто-то.

— Надо еще подумать. Пока что нет никакой информации. Ладно, достаточно на сегодня. Собрание окончено. Понаблюдайте немного за игрой, потом расходитесь. По одному.

Си пошел первым. Потом две женщины. За ними потянулись остальные. Чандлер, все еще ошеломленный открывшейся перед ним возможностью, не особенно спешил, хотя, очевидно, следовало уходить. Игра, по-видимому, тоже подошла к концу. Один мальчик с веснушками на лице стоял на игровой позиции, но он оперся на свою биту и смотрел на Чандлера большими серьезными глазами. Чандлер ощутил внезапный холод.

Он повернулся и пошел прочь — но тут же почувствовал себя захваченным.

Он пошел к зданию школы, не имея возможности оглянуться. Сзади послышался плач, и детский голос сквозь слезы произнес:

— Что со мной случилось?

Будь это взрослый, его поведение послужило бы предостережением. Но ребенок никогда прежде не был одержимым и сам не знал, что с ним произошло. Чандлер уже зашел в школу, когда члены Общества Рабов осознали опасность… Он услышал, как кто-то крикнул: «Они поймали его!»

Потом тело Чандлера остановилось и яростно закричало. В нескольких ярдах от него толстая китаянка мыла кафельный пол, она ошеломленно взглянула на Чандлера, но он и сам был не менее ошеломлен.

— Идиот! — заорал Чандлер. — Какого черта ты сюда влез?! Разве ты не знаешь, что это нехорошо, любовь моя? Стой здесь! — скомандовал он сам себе. — Не смей выходить из здания!

И он вновь почувствовал себя свободным. Но со стороны стадиона внезапно послышались крики.

Некоторое время Чандлер стоял в замешательстве, не в силах пошевелиться, словно его еще держали под контролем. Потом бросился к окну классной комнаты. Снаружи на стадионе творилось нечто странное. Половина зрителей лежали на земле, пытаясь встать. Чандлер увидел, как десятилетний мальчик обрушился на пожилую даму, и оба упали. Другой человек сам бросился на землю. Какая-то женщина запустила своей сумочкой в лицо мужчине рядом с ней. Один из упавших поднялся и тут же упал снова. Но Чандлер понимал, что означает это дикое зрелище: один исполник старался удержать на месте группу из двадцати обычных безоружных

человеческих существ. Исполник быстро сновал от одного мозга к другому, тем не менее толпа потихоньку разбредалась.

Недолго думая, Чандлер бросился на помощь, однако захватчик предвидел это. Чандлер успел добежать лишь до двери. Он круто развернулся и моментально оказался возле женщины со шваброй; тут он снова почувствовал свободу, но женщина неожиданно бросилась на него и сбила с ног.

К тому времени, когда он смог встать, было уже слишком поздно помогать… если такая возможность вообще существовала.

Он услышал выстрелы. Двое полисменов с пистолетами бежали к стадиону.

Исполник, который смотрел на Чандлера глазами мальчика, а потом изолировал, действовал достаточно умело. Подмога появилась необыкновенно быстро. За несколько секунд все лица поблизости, имевшие оружие, были найдены и отправлены сюда.

Через две минуты уже никто не сопротивлялся.

Очевидно, и другие исполники пришли на помощь: или привлеченные шумом, или их позвали сразу после того, как собрание было

обнаружено. На площадке осталось только пятеро. Все явно под контролем. Они поднялись и терпеливо стояли, пока полицейские стреляли в них, перезаряжали оружие и снова стреляли. Последним умер бородатый Линтон, и, падая, он на миг встретился глазами с Чандлером.

Чандлер прислонился к стене.

Зрелище потрясло его. Даже близость собственной смерти казалась ему не столь ужасной. Гораздо хуже, гораздо страшнее, гораздо мучительнее — и в который уже раз? — была смерть надежды.

Гибель мечты о том, как он неким волшебным образом завладеет установкой исполников на острове Хило, которая давала им власть, и как здесь, в Гонолулу, Общество Рабов, столь же волшебным образом воспользовавшись полученной свободой, уничтожит Исполнительный Комитет…

Но теперь все безвозвратно пропало.

Он сам спасся чудом и, возможно, лишь ненадолго. Чандлер знал, кто из исполников спас его… и уничтожил остальных. Хотя он слышал этот голос из своих собственных уст, он не мог ошибиться. Это была Розали Пэн.

Он взглянул на рыжеволосого, лежавшего нич-

ком на бейсбольной площадке, и вспомнил его слова. Не бывает ни хороших исполников, ни плохих. Есть только исполники.

Глава 13

Сколько бы ни стоила жизнь Чандлера, он знал, что почти потерял ее и обрел вновь благодаря женщине. Он не виделся с ней уже несколько дней, но, проснувшись на следующее утро после побоища, обнаружил на столе рядом с кроватью записку. Никто не входил в его комнату. Он сам написал ее во сне, но рукой его водил мозг Рози:

Если ты еще раз влезешь во что-нибудь подобное, я уже не смогу тебе помочь. Лучше не делай этого! Те люди просто хотели использовать тебя. Не пренебрегай своими шансами. Ты любишь серфинг? Рози.

Но времени уже не осталось ни на серфинг, ни на что другое, кроме работы. Началось строительство установки на Хило, и это был кошмар. Чандлера доставили на остров вместе с последней партией деталей. Сами исполники не прилетели, но в первый же день телом Чандлера управляло столько различных мозгов, что он потерял им счет. Он начал уже узнавать их по прихрамывающей походке, немецкому акценту, заиканию, характерному жесту раздражения или бранным словам. Потом Чандлеру, как квалифицированно-

му инженеру, позволили поработать несколько часов самому. Остальным членам бригады пришлось туго. В течение всего дня в них незримо присутствовали, по-видимому, около дюжины исполников. Едва рабочий освобождался одним из них, как его тут же захватывал другой. Работа продвигалась быстро, но ценой крайнего изнеможения работников.

К концу четвертого дня Чандлер поел лишь дважды и не помнил, когда спал в последний раз. Когда его отпускали, он едва мог стоять на ногах, а когда захватывали — с раздражением воспринимал неловкие движения своего тела. На закате четвертого дня он на некоторое время оказался свободен и к тому же, как ни странно, без работы, пока кто-то другой заканчивал пайку.

Чандлер, спотыкаясь, выбрался на свежий воздух и огляделся по сторонам, но веки его начали уже сами собой смыкаться. Он успел подумать о том, как прекрасен, наверное, был этот остров в прежние времена. Даже при нынешнем запустении здесь сохранились красивые высокие деревья, за ними виднелась бледная струйка дыма, уходящего в темно-голубое вечернее небо; легкий ветерок разносил аромат… Проснувшись, Чандлер обнаружил, что опять находится в зда-

нии с паяльником в руках.

Потом наступил момент, когда даже воля исполников не могла больше приводить в движение изможденные тела рабочих, и тогда им позволили несколько часов поспать. На рассвете их снова разбудили.

Отдых оказался явно недостаточным. Движения тел стали замедленными и неточными. Двое гавайцев, перенося стофунтовую деталь, зашатались и уронили ее.

Чандлер с ужасом ожидал, что они убьют себя.

Но, похоже, исполники и сами устали. Один из гавайцев раздраженно проворчал с неизвестным Чандлеру акцентом:

— Ладно, хватит, болваны. Вы заработали себе отпуск, мы пришлем другую смену. Можете отдохнуть. — И действительно все одиннадцать измученных рабочих были одновременно освобождены. Первым делом каждый стремился поесть, облегчиться, освободить от обуви стертые до крови ноги — сделать все то, что до сих пор не позволялось. Потом все сразу повалились спать.

Чандлер отключился мгновенно, но из-за переутомления спал очень неспокойно; поворочавшись час или два на твердой земле, он сел и огляделся по сторонам воспаленными глазами.

Мягкие сиденья машин и самолетов уже разобрали, он опоздал. Чандлер встал, потянулся, почесался и стал думать, что делать раньше. Он вспомнил про струйку дыма, которую видел — когда же? три ночи назад? — на фоне вечернего неба.

За все дни у него ни разу не возникала одна довольно очевидная мысль: там не полагалось быть никакому дыму. На острове не могли находиться другие люди, кроме рабочих.

Конечно, это не имело никакого значения. Какое ему дело? Но больше делать было нечего. Он встал, сориентировался и побрел в ту сторону, где видел дым.

Он думал о том, как хорошо владеть своим телом, несмотря на его плачевное состояние. И как чудесно иметь возможность спокойно размышлять.

Природа человеческого существа такова, что оно быстро восстанавливается после ударов, полученных из внешнего мира. Кроме смерти все неизлечимые раны берут начало в нем самом; оно способно переживать сильнейшие внешние потрясения, подниматься и даже преуспевать. До преуспевания Чандлер еще не дошел, но он начал подниматься.

После бойни на стадионе в Пуанхоу все последующее время так спрессовалось и память так затуманилась, что Чандлер даже не успел погоревать о смерти своих, обретенных столь ненадолго, друзей или обдумать их донкихотские планы борьбы с исполниками. Теперь он начал размышлять.

С какой трепетной надеждой они приняли его — человека, подобного им, не исполника, который своими собственными руками прикасался к источнику могущества исподников. Только мог ли он действительно что-нибудь сделать?

Похоже, нет. Он едва понимал техническую сторону своей работы и еще меньше — лежащую в ее основе теорию. Возможно, зная местонахождение установки, он сумел бы пробраться к ней, когда она будет готова. Теоретически возможно даже обойтись без венцов и воспользоваться главным пультом самой установки.

Сумасшедший в кабине реактивного бомбардировщика мог уничтожить город. Ничто не остановило бы его, кроме собственного непроходимого невежества. Чандлер казался себе таким сумасшедшим: сила была почти в руках, но он не имел понятия, как ею воспользоваться.

И все же — где жизнь, там и надежда. Чандлер

подумал, что теряет драгоценное время, которое уже никогда не вернется. Он шел по дороге, ведущей к какому-то заброшенному городку. Но теперь не время для прогулок, решил он, нужно скорее вернуться к установке и изучать, думать, стараться понять как можно больше. Чандлер хотел повернуть обратно и замер.

— О Господи, — прошептал он, глядя вперед.

Город покинула жизнь, но не смерть. Повсюду лежали трупы.

Они умерли давно, наверно, несколько лет тому назад.

Неудивительно, что сначала он их не заметил. От них осталось немного: в основном, кости да кое-где высохшие лоскуты кожи. Одежда большей частью истлела. Но даже по таким останкам было хорошо видно, что ни один из этих людей не умер естественной смертью. Заржавленное лезвие, торчавшее в грудной клетке, там, где нож пронзил сердце; раздробленный маленький череп с выцветшими остатками голубого детского комбинезона рядом с ним. Посреди улицы несколько скелетов лежали ногами друг к другу. Очевидно, там что-то взорвалось, и смерть настигла их, — когда они пытались убежать. Лицо женщины, сморщенное, словно кора дуба,

виднелось между крылом грузовика и пробитой стеной.

Подобно гибели Помпеи, эта трагедия из-за своей давности вызывала лишь удивление. Целый город оказался стертым с лица земли.

Исполники стремились максимально обезопасить себя; по-видимому, они истребили население всего острова или даже всех островов, кроме Оаху, чтобы достичь полной изоляции от людей, не считая тех невольников, которые служили им в Гонолулу и его окрестностях.

Чандлер обошел город за четверть часа, но все улицы походили одна на другую. Похоже, даже животные не тронули трупов, хотя, наверно, здесь и не водилось крупных хищников.

Что-то шевельнулось в дверях.

Чандлер опять подумал про дым, но никто не отозвался на его крик, и, несмотря на упорные поиски, ему не удалось обнаружить никаких признаков жизни.

Поиски были пустой тратой времени, которое следовало использовать для изучения установки. Когда Чандлер вернулся к зданию из шлакобетона, он услышал шум мотора и, подняв голову, увидел самолет, заходивший на посадку.

Чандлер знал, что у него осталось всего

несколько минут. Он постарался провести их с максимальной пользой, но, не успев разобраться в схеме узлов, с которыми сам не работал, почувствовал себя захваченным. Самолет прокатился по полосе и остановился: Чандлер и все остальные бросились разгружать его. «Самолет остановился, почти касаясь крылом здания, что создавало более удобные условия для разгрузки, но явно мешало взлету», — думал ум Чандлера в то время, как его тело выносило ящики из багажного отсека.

Но он уже знал разгадку. Проблемы со взлетом не будет, так же, как у других маленьких транспортных самолетов в дальнем конце взлетно-посадочной полосы.

Эти самолеты уже никуда не полетят.

Работа продолжалась и вскоре завершилась, а Чандлер знал о ней не больше, чем в самом ее начале. Последняя задача состояла в тщательной проверке цепей и уровня сигналов. Чандлер мог принимать участие в работе лишь до определенного момента. Затем два исполника, действуя в телах одного из гавайцев и пилота, который доставил контрольную аппаратуру и остался в качестве рабочей силы, старательно проделали последние тесты.

Остальные люди в изнеможении повалились на землю и ждали.

Они были больше не нужны. Так же, как и Чандлер. Один из них придвинулся к Чандлеру и, криво усмехнувшись, сказал:

— Веселенькое дельце. Меня зовут Брэдли. Думаю, люди в таких случаях должны знакомиться. Как-то странно делить могилу с совершенно незнакомым человеком.

— Могилу?

Брэдли кивнул.

— Как рабы фараона. Пирамида почти готова, приятель. Ты не знаешь, о чем я говорю? — Он сел, сорвал длинную травинку и стал покусывать ее кончик. — Похоже, **Ты** еще не видел трупы в лесу.

— Я нашел целый город примерно в полумиле отсюда. Там одни скелеты.

— Да нет, те уже старые. Есть и посвежее, тут совсем недалеко, за кучей мусора. То есть не совсем свежие, им недели две. Очень любезно со стороны исполников, что они избавились от использованных рабочих в таком укромном месте. Так гораздо приличней… Но мы с Хуаном Симоа пошли искать проволоку и нашли их.

С ледяным спокойствием Чандлер осознал, что

этот человек прав. Использованные рабочие — то есть, конечно, те, кто разгружал первые самолеты, — работали, пока не выбились из сил, после чего от них быстро избавились. Столь дешевую рабочую силу легче заменить, чем отправлять обратно в Гонолулу для восстановления сил.

— Понимаю, — сказал Чандлер. — К тому же мертвые не болтают.

— И не разносят болезней. Наверное, поэтому они устроили бойню в густой чаще. На случай, если какой-нибудь исполник явится сюда с проверкой лично. Разлагающиеся трупы антисанитарны. — Брэдли снова усмехнулся. — Я раньше был доктором на Молокаи.

— Прок… — начал Чандлер, но доктор покачал головой.

— Нет, не говори «проказа». Это «болезнь Хансена». Но как бы она ни называлась, исполники явно боятся ее. Они уничтожили всех наших пациентов, кроме двух, которые спаслись вплавь; потом, на всякий случай, они уничтожили и большую часть медицинского персонала, кроме тех немногих, кто, вроде меня, находился вне Острова и сообразил, что нужно помалкивать о своей прежней работе. Это было прямо у самого пляжа.

— Я сегодня был в городке, — сказал Чандлер. —

И мне показалось, что там есть кто-то живой.

— Ты думаешь, это один из тех прокаженных? Может быть. Но не беспокойся. — Доктор перевернулся на спину и заложил руки за голову. — Стоит ли бояться какой-то болезни Хансена! Мы подцепили болезнь похуже. — Он зевнул и сказал сонным голосом: — Знаешь, в прежние времена я работал на противочумной станции Службы Общественного Здоровья. Мы истребляли огромное количество крыс и блох. Никогда не думал, что окажусь в их шкуре…

Он умолк. Чандлер взглянул на него и подивился его выдержке. Доктор крепко спал.

Чандлер повернулся к остальным.

— Вы позволите им убить себя без борьбы? — спросил он.

Ему ответил один гаваец.

— Малихини, — сказал он, — ты просто не знаешь, куда попал. Им не нужно наше позволение.

— Посмотрим, — мрачно пообещал Чандлер. — Они всего лишь люди. Я не собираюсь сдаваться.

Но в конце концов он не смог себя спасти — его спасла женщина. В ту ночь Чандлер беспокойно ворочался во сне, а проснувшись, обнаружил, что идет к самолету. Солнце едва окрасило восток в розовый цвет, и никто еще не шевелился.

— Извини, любовь моя, — обратился он сам к себе. — Тебе, наверное, нужно вымыться и побриться, но я не знаю, как это сделать. Я имею в виду бритье. — Он хихикнул. — Во всяком случае, ты найдешь все необходимое в моем доме.

Он забрался в кабину самолета.

— Ты уже летал прежде? — спросил он себя. — Надеюсь, тебе понравится. Итак — закрой дверь… пристегни ремень… поверни ручку. — Чандлер восхитился той уверенной легкости, с которой его тело завело мотор, окинуло оценивающим взглядом приборы, развернуло самолет и подняло его в воздух, направив в сторону восходящего солнца.

— О Боже, тебе действительно нужно принять ванну, — сказал он себе, комично поморщив нос. — Ну, ничего. У меня есть чудная ванна, розовая, глубокая и девять видов солей. Но мне не нравится, что ты такой усталый, любовь моя, потому что полет долгий, и ты меня очень утомишь. — Он замолчал, наклонившись к приборам, чтобы проверить курс, и повернул ручку наверху, задирая нос самолета. — Коицка рассвирепеет, — усмехнулся он. — Не бойся, любовь моя, я смогу его успокоить. Но лучше, чтобы ты уже был в безопасном месте, иначе будет слишком поздно.

Он довольно долго молчал, а потом его голос запел.

Это были песни из музыкальных комедий Розали. Даже с помощью столь жалкого инструмента, как голос Чандлера, она пела достаточно хорошо, чтобы занять их обоих, пока его тело не посадило самолет. Так Чандлер поселился на вилле, принадлежавшей Розали Пэн.

Глава 14

Любовь моя, — сказала она, — в мире есть кое-что похуже, чем развлекать меня, когда я не занята. Скоро мы сходим на пляж, обещаю. — И она снова ушла. Примерно одно и то же происходило каждый день. Чандлер был чем-то вроде наложницы. Или даже, скорее, гейшей мужского пола. В его обязанности входило играть в карты, кататься на серфинге, пить крепкие напитки.

Он просто не знал, что с собой делать. В тяжелых ситуациях человек надеется выжить. Чандлер надеялся; и теперь он остался в живых, душился одеколоном, спал на мягкой подушке — но на каких безумных условиях! Он не мог не признать, что Розали — красивая женщина и даже добродушная. Она была права. На свете существовали вещи похуже, чем обязанность быть ее компаньоном, но Чандлер никак не мог привыкнуть к такой роли.

Его раздражало, когда она вставала с качелей в саду и запиралась в своей комнате, потому что знал: она там не спит, хотя и лежит неподвижно с закрытыми глазами. Его приводило в ярость, когда она захватывала его тело, чтобы пододвинуть

ей пепельницу или прекратить нежелательные для нее действия. И он едва не терял рассудок, когда становился игрушкой ее друзей, использовавших его голосовые связки.

И это случалось довольно часто. Один исполник, который хотел связаться с другим, разыскивал ближайшего человека-посредника. Чандлер служил Рози Пэн телефоном, секретарем и иногда даже одеждой для тех, с кем у нее назначалось свидание. Потому что Розали принадлежала к числу тех исполников, которые предпочитали проводить большую часть жизни в своем собственном теле. Она любила танцевать. Ей нравилось обедать в ресторанах. Большое удовольствие ей доставляло являться перед поклонниками у «Луиджи Варф Рэт» и мчаться на доске по длинному гребню волны. Если какой-нибудь исполник желал сопровождать ее, он делал это, пользуясь телом Чандлера.

Питался Чандлер очень хорошо и удивительно разнообразно. Иногда он сильно напивался, в других случаях воздерживался от выпивки. Однажды по воле исполника-марроканца он курил опиум. Как-то раз за обедом ел жареного щенка. Он повидал много интересного и, когда Розали покидала виллу, в его распоряжении оставались

ее дом, музыкальная библиотека, буфет, книги. Она не обращалась с ним плохо. Напротив — баловала и хвалила; и каждую ночь она целовала его, прежде чем удалиться в комнату с защелкивающимся замком.

Чандлер страдал.

Когда она оставляла его ночью, он долго бродил по дому без сна. Конечно, на Хило было тяжело, там над Чандлером постоянно нависала угроза смерти. Но тогда он, оставаясь рабом, все же выполнял работу, которая требовала применения его знаний и навыков.

А теперь? Теперь какой-нибудь китайский мопс мог сделать почти все, что она хотела от Чандлера. Он с отвращением сознавал, что, подобно хитрому псу, стремится стать для нее необходимым — и хотя не приносил ей туфли в зубах и не давал гладить свою шелковистую гриву, но делал нечто подобное.

Но что еще ему оставалось делать?

Ничего. Она спасла его от Коицки, и, если бы он чем-то обидел ее, приговор толстяка был бы приведен в исполнение.

«Смерть лучше такой жизни, — думал он. — Даже в Гонолулу было бы лучше».

Проснувшись утром, он обнаружил, что подни-

мается по широким устланным ковром ступеням в ее комнату. Она не спала, это ее мозг вел его тело.

Он открыл дверь. Она лежала с открытыми глазами, натянув одеяло до подбородка, ее голова покоилась на трех подушках. Когда она взглянула на него, он почувствовал себя свободным.

— В чем дело, любовь моя? Ты заснул сидя.

— Извини.

Но отделаться от нее так просто не удалось. Она заставила его высказать свои обиды и выслушала с участием.

— Ты не собака, любовь моя, — возразила она. — Я не хочу, чтобы ты так думал. Ты мой друг. Неужели тебе не понятно, что мне нужен друг? — Она наклонилась вперед. Ее ночная рубашка была довольно прозрачна, но Чандлер больше не хотел попадаться на эту удочку и отвел взгляд. — Ты думаешь, мы только забавляемся? Я понимаю. Скажи, если бы ты знал, что я выполняю важную работу, чрезвычайно важную, любовь моя, тебе стало бы чуть-чуть полегче? Потому что на самом деле так и есть. У нас много работы на острове, и я принимаю в ней участие. Нам нужно осуществить наши планы и обеспечить себе будущее. Нас так мало. Одной водородной бомбой можно

убить всех. И мы должны сделать все, чтобы такая бомба не попала сюда. Нужно постоянно вести наблюдения в Гонолулу, потому что там о нас знают. Иначе какие-нибудь кретины, вроде твоего Общества рабов, могут уничтожить нас. И в остальном мире еще много проблем. Кстати, — сказала она с гордостью, — мы за два последних месяца решили проблему с индопакистанским населением. У них больше не будет голода по крайней мере в течение двенадцати поколений! Сейчас мы работаем над Китаем, следующая Япония, потом — весь мир. Мы скоро ликвидируем три четверти болванов, и остальные смогут свободно вздохнуть. Вот настоящая работа!

Она заметила выражение его лица и покачала головой.

— Нет, не думай так. Ты называешь это убийством. Конечно, это убийство. Но миру необходим скальпель хирурга. Мы действуем быстро и причиняем меньше страданий, чем голод, любовь моя… и если кто-то из нас получает удовольствие, уничтожая бесполезных, разве от этого что-нибудь меняется? Ничего. Согласна, среди нас есть недостойные. Но не все. И мы улучшаемся. Новые люди, которых мы принимаем, лучше старых. — Рози задумчиво посмотрела на него.

Потом она тряхнула головой.

— Ничего, — пробормотала она, очевидно себе самой. — Забудь про это, любовь моя. Будь ангелом, сходи принеси нам обоим кофе.

«Нет, — с горечью подумал Чандлер, — я не буду ангелом. Я человек».

Она что-то скрывала от него, и он был слишком упрям, чтобы позволить ей дразнить себя.

— Все секреты, — недовольно проворчал он, и она потрепала его по щеке.

— Так надо, — она говорила очень серьезно. — Это самое важное, что есть на свете. Ты мне нравишься, любовь моя. Но я не могу позволить, чтобы это мешало исполнению моего долга.

— Shto, Рози? — невнятно произнес голос Чандлера.

— А, это ты, Андрей. — И она быстро заговорила по-русски.

Чандлер нахмурил брови и пролаял:

— Nye mozhet bit!

— Андрей… — мягко сказала она. — Yf vas sprashivayou…

— N yet!

— No, Andrei…

Тело Чандлера в этом горячем споре нервно подергивалось. Он несколько раз слышал свое

имя, но не мог понять, о чем шла речь. Розали упрашивала, Коицка отказывался удовлетворить ее просьбу. Но постепенно он смягчался. Через несколько минут Чандлер пожал плечами, потом кивнул — и почувствовал себя свободным.

— Выпей еще кофе, — предложила Розали с торжествующим видом.

Чандлер ждал. Он не понимал, что происходит. Ей следовало просветить его, и, наконец, она, улыбнувшись, сказала:

— Кажется, у тебя появилась возможность присоединиться к нам. Не говори ни «да», ни «нет», любовь моя. Это не тебе решать… и к тому же ты не можешь знать, хочешь или нет, пока не попробуешь. Так что потерпи немного…

Чандлер нахмурился и почувствовал себя опять захваченным.

— Khorasho! — пролаяли его губы.

Его тело встало и подошло к стене, висевшая на ней картина отодвинулась, за картиной находился сейф. Чик, чик — пальцы Чандлера так быстро набрали комбинацию, что он не успел заметить ни одной цифры. Дверца сейфа раскрылась.

Чандлер получил свободу, и Розали в возбуждении соскочила с постели. Не смущаясь тем, что ее одежда состояла лишь из легкой нейлоновой

дымки, она пробежала мимо Чандлера к сейфу и достала из него венец, очень похожий на ее собственный. Потом она посмотрела на Чандлера.

— Ты не можешь причинить нам зло с помощью этой штуки, любовь моя, — предупредила она. — Надеюсь, ты понимаешь? Я хочу сказать, не воображай, будто можешь кому-то что-нибудь рассказать. Или совершить над кем-то из нас насилие. Оставь такие мысли. Я буду рядом с тобой, а Коицка будет следить за передатчиком. — Она протянула ему венец. — Когда увидишь что-нибудь интересное — входи. Ты поймешь как. Нет ничего проще и… Да что тут говорить. Надевай.

У Чандлера пересохло во рту.

Она предлагала ему инструмент, с помощью которого исполники захватили весь мир. Несомненно, более простой и более слабый, чем ее собственный. И все же он обладал невообразимой силой. Чандлер стоял в оцепенении, пока она надевала ему на голову венец. Упругие электроды мягко прижались к голове на висках и за ушами. Она что-то сделала…

Секунду Чандлер стоял неподвижно, а потом без всякого усилия выплыл из своего тела.

Он плыл и плыл, словно медуза. С колыхавшимися и свисавшими вниз щупальцами, он

плыл над покосившимися под ним смертными существами, плыл над миром людей, и они даже не знали, не видели… Чандлер плыл.

Он был над всем и выше всего. Он парил в немом мире, где нет цвета, нет формы, нет пространства. Он видел или не видел, но ощущал каким-то особым чувством только людей. Они были смертными существами, которые ползали внизу и боролись за существование, и он касался их своими щупальцами.

Рядом с ним плыло что-то еще. Женщина? Оно имело форму, но не человеческую, скорее, оно напоминало продолговатое облако, сужавшееся в средней части. И все же это несомненно была женщина. Она махнула ему каким-то выростом, и он понял, что его подзывают, и приблизился к ней.

Впереди показались двое смертных.

Женщина вошла в одного из них, он — в другого. Проникнуть в чужое тело оказалось столь же легко, как пошевелить собственной рукой. Они посмотрели друг на друга глазами смертных.

— Ты — мальчик! — засмеялся Чандлер.

— А ты старая прачка! — засмеялась женщина.

Они находились на кухне, где на электрической плите варилась рыба. Мальчик-Рози наморщил

нос, зажмурился и снова стал лишь маленьким мальчиком с миндалевидными глазами, который тут же заплакал. Чандлер понял и устремился за ней.

Сюда, сюда, — показывала она жестом. Толпа бренных тел. Она вошла в одно из них, он — в другое. Теперь они находились в автобусе, который ехал по удаленной от моря дороге и вез людей в грубых спецовках. Чандлер решил, что это рабочие едут расчищать от развалин новый район Оаху, и стал искать Рози. Но не смог ее найти и после некоторых колебаний покинул тело. Она нетерпеливо поджидала его. Сюда!

И он вновь и вновь следовал за ней.

Они побывали в сотне тел и занимались самыми разнообразными делами. Некоторое время пробыли парой подростков, которые стояли на пляже, держась за руки. Быстро покинули комнату, где Чандлер стал умиравшей старухой, а Розали — флегматичной беззаботной сиделкой возле ее постели. Поиграли в «делай как я» в зрительном зале кинотеатра Гонолулу и смеясь, искали друг друга среди рыбных лотков на Кинг-стрит. Потом Чандлер повернулся к Розали, чтобы поговорить с ней и… все исчезло… Он открыл глаза и ощутил себя снова в своем теле.

Он лежал на пушистом ковре в спальне Розали.

Чандлер встал, потирая щеку. Похоже, он упал. Розали лежала в своей постели. Она тут же открыла глаза.

— Ну как, любовь моя?

— Почему так внезапно все кончилось? — спросил он хрипловатым голосом.

Она пожала плечами:

— Коицка отключил тебя. Наверное, устал за нами следить — прошел целый час. Удивительно, что у него хватило терпения на это.

Она грациозно потянулась, но Чандлер был слишком переполнен впечатлениями, чтобы смотреть даже на столь роскошное тело.

— Тебе понравилось, любовь моя? — спросила она. — Ты бы хотел получить это навсегда?

Глава 15

В течение девяти дней положение Чандлера оставалось неопределенным. Эти дни он провел в немой отрешенности, вспоминая мужчин и женщин, тела которых носил, словно одежду, потрясенный и опьяненный.

В тот день он больше не видел Розали. Она оставалась в своей комнате за закрытой дверью.

Он еще был комнатной собачкой.

Но он был комнатной собачкой, имевшей сказочную мечту. В ту ночь, ложась спать, Чандлер подумал, что он собака, которая всего через восемь дней может стать богом.

На следующий день Розали выпросила у Коицки еще час. Она и Чандлер обследовали пещеры горы Рэйньер, проникнув в тела двух больных умиравших отшельников, которые обитали в полуразрушенной гостинице на склоне. Окутанная облаками ледяная вершина высилась в холодном бледном небе. Воздух был разреженный и обжигающий, тела отшельников пронизывала мучительная боль. Чандлер и Розали оставили их и нашли другие в двух с половиной тысячах миль к востоку. Взявшись за руки, они гуляли

под звездным небом, подошли к разрушенному Международному Мосту у Ниагара-Флос, вдыхая пыль нисколько не изменившегося водопада. Они вернулись в свои тела, когда у Коицки опять кончилось терпение, и лежали на сухой и теплой лужайке перед ее домом. Оставалось семь дней.

Они прошли, как сон.

Чандлер многое узнал о внутренних делах исполников. Он имел определенные привилегии, потому что готовился стать членом их организации. Розали выдвинула его кандидатуру.

Он разговаривал с двумя чехословацкими балеринами в их собственных телах, худощавыми брюнетками, которые поочередно смеялись и хмурились, а также с несколькими плохо говорившими по-английски русскими, поляками и японцами, которые являлись к нему лишь в теле мальчика слуги, который работал у Розали в саду. Похоже, все они относились к Чандлеру с симпатией. Он радовался, что проник туда, куда раньше его не допускали… пока не понял, какую угрозу несут в себе эти вольности. Они общались с ним с определенной целью: как следует изучить его.

Отвергнув Чандлера, что вполне могло произойти, они тем самым подписали бы ему смертный приговор, поскольку он видел слишком много.

Но у него не оставалось времени для надежд и опасений.

Настоящее поглощало все его мысли. На четвертый день один из членов Исполнительного Комитета пригласил его участвовать в какой-то операции.

— Ты будешь работать под руководством начальника группы Шандалерра, — сказал исполник голосом мальчика-садовника, и Чандлер стал участником некоего проекта Исполнительного Комитета, хотя никто не потрудился объяснить ему, в чем этот проект состоит. Он поплыл в странном зыбком море сознания вместе с десятком исполников, и они устремились сквозь пустоту в незнакомое Чандлеру место. Он видел, как остальные опустились по спирали и проникли в тела жалких грязных кукол — человеческих существ. Он тоже подыскал себе такую куклу.

Открыв глаза, он увидел ледяной арктический рассвет. Ветер, дувший с северного полюса, завывая, швырял в глаза и уши мелкие частицы льда. Неуклюжая, подбитая ватой одежда плохо защищала от сильного мороза. От холода ныли зубы, глаза наполнились слезами.

Со всех сторон укрепленные на столбах прожекторы освещали ярким светом сотню акров

огороженной земли, окруженную какими-то сараями и бетонными укреплениями, которые были засыпаны грязью и снегом. В самом центре огороженного участка ледяной пустыни высилась стальная скелетообразная конструкция, напоминавшая небоскреб.

Сооружение имело в высоту несколько сот футов, свет прожекторов не достигал его вершины, а основание скрывалось под снегом. Чандлер пригляделся и обнаружил, что тут не один небоскреб, а два, две высокие стальные башни — одна, похожая на ракету, стоявшую на хвостовой части, вторая наподобие Эйфелевой башни, неведомо как занесенной в эту глушь.

Кто-то поймал Чандлера за локоть и хриплым голосом прокричал:

— Это ты, дорогой, не так ли? Иди туда — там Желенко раздает оружие.

Он узнал Розали в сибирском пастухе и послушно последовал за ней к человеку, открывавшему бетонный бункер. Но он узнал не только ее. К его изумлению, двойной небоскреб оказался ракетой и пусковой башней. Судя по размерам, это была орбитальная ракета.

— Я не знал, что еще остались спутники, — прокричал он в плоское грязное ухо, принад-

лежавшее в данный момент Розали. Скуластое чернобровое лицо повернулось к нему.

— Эта, кажется, последняя, — прокричала она в ответ. — В таком беспорядке трудно разобраться. Мерзкая погода, правда? — Она подтолкнула его к бункеру. — Подойди к Желенко, любовь моя! Чем скорее мы возьмемся за работу, тем скорее закончим.

Но Желенко кричал им что-то, чего Чандлер не мог понять.

Розали выругалась.

— Любовь моя, ты взял не то тело. Это один из старых специалистов. Оставь его и подыщи себе хорошенького монгола, как у меня.

Чандлер в смущении поднес к глазам руку. Она была мозолистой, покрытой шрамами, пальцы скрючились от холода — один, со сломанным ногтем, сильно болел, — и все же они явно отличались от коротких смуглых пальцев сибирского пастуха.

— Прошу прощения, — пробормотал Чандлер и покинул тело.

Какова цена Орфализа? Какова цена убийства столь многих невинных людей, включая его собственную жену? Обо всем этом Чандлер не думал. Теперь он проходил испытание, от которого

зависела его жизнь. В первый день своей новой работы он добросовестно старался приобрести сноровку демона.

Если в тот момент Чандлер о чем-нибудь и сожалел, то лишь о недостатке знаний. Ему хотелось бы стать более квалифицированным демоном. Он нерешительно плавал в этом светящемся море, где все так странно искажалось. Покинутый им «специалист» в виде некой бесформенной массы двигался в сторону пусковой башни. Здесь встречались и другие подобные существа — но кого же выбрать? Чандлер выругался про себя. Несомненно, существовали какие-то отличительные признаки. Ни Розали, ни другие члены группы, похоже, не испытывали особых затруднений в выборе «куклы». Но Чандлер не мог найти разгадку и пребывал в замешательстве.

Потом он стал рассуждать. Пусковая башня подразумевала запуск ракеты. Европеец, телом которого он воспользовался, не принадлежал к числу местных жителей. Очевидно, это раб-специалист, который был когда-то одним из руководителей проекта, а теперь работал на Исполнительный Комитет. Монголы служили лишь рабочей силой, время от времени набираемой в окрестных деревнях для самой грубой работы.

«Вероятно, самые большие группы тел-кукол состоят из монголов», — решил Чандлер и наугад вошел в одного их них. Он снова ощутил ледяной ветер. Руки монгола сжимали кайло. В этой бригаде было человек еще сорок — пятьдесят таких же рабочих, которые с муравьиным упорством — и с муравьиной эффективностью — долбили мерзлую землю. По-видимому, они пытались установить столбы, чтобы повысить устойчивость пусковой башни.

Чандлер уронил кайло и стал растирать онемевшие руки. Он сразу понял, что выбрал довольно никудышное тело. Из-за сильного косоглазия все расплывалось и раздваивалось. Он почти ничего не видел, пока не приспособился к таким глазам. Кроме того, все тело болело от долгого изнурительного труда. И оно кишело вшами. «Ладно, — подумал Чандлер, — можно и потерпеть немного. Пора приниматься за работу...» Но тут он увидел, как тело, очень похожее на его, но, очевидно, захваченное исполником, потому что оно держало винтовку, делает ему знаки и кричит что-то на непонятном языке.

«Он не знает, кто я», — подумал Чандлер. Это показалось ему даже забавным. Он направился к человеку с винтовкой, крича:

— Подождите минуту! Я — Чандлер. Я готов идти работать, если вы мне скажете, что… эй! Подождите!

К удивлению Чандлера, человек с винтовкой даже не пытался понять его. Он просто прицелился и выстрелил.

Чандлер был необычайно раздосадован. «Что за идиот!» — с раздражением думал он.

Почувствовав, как пуля входит в тело, он не стал ждать. Он не хотел пережить смерть или даже боль. Прежде чем последняя достигла его сознания, Чандлер, кипя от негодования, покинул тело монгола. «Идиотизм! — подумал он. — Кто-то должен за это ответить!»

Ощущение стремительного падения. Беззвучный взрыв света.

И он снова оказался в теле — своем собственном.

Все еще негодуя, Чандлер встал и выглянул из окна Розали на живописную зеленую лужайку. Его вернули. Коицка или кто-нибудь другой из членов Исполнительного Комитета каким-то образом наблюдал за ним и обнаружил ошибку. Венец Чандлера отключили, и он снова оказался на Гавайях.

Впрочем, тут они, пожалуй, поступили пра-

вильно. Лучше было убрать его с дороги, раз уж они не догадались проинструктировать его заранее. Но все остальное — чистый идиотизм! Его морозили, пугали, гоняли без всякого смысла! Он с раздражением потер ухо. Оно было мягким и теплым, ничем не напоминая то, застывшее от холода, которое он имел несколько секунд назад. Чандлер пробормотал ругательство, проклиная глупость Исполнительного Комитета. Если бы он умел вести дела лучше, чем они, просто отказался бы…

Минут через десять Чандлер подумал, что в конце концов не много потерял от этой ошибки.

Еще через несколько минут ему пришла на ум другая мысль. Он не только начал вести образ жизни исполников, но и стал думать, как они.

Через час Розали легко спустилась по лестнице, зевая и потягиваясь.

— Любовь моя, — нахмурилась она, заметив Чандлера. — Что ты натворил? Ты что, не можешь отличить немецкого специалиста по ракетам от монгольского пастуха?

— Нет, — мрачно ответил Чандлер.

— Не нервничай так, любовь моя. — Она пыталась успокоить его, хотя и сама говорила с некоторым раздражением — Я знаю, тебе было

неприятно, но…

— Неприятно, наверное, было человеку, которого я убил, — перебил Чандлер.

— Ты слишком нервничаешь. Конечно, я понимаю. — Она похлопала его по руке. — Ожидание. Неопределенность. Это так мучительно.

— Откуда ты знаешь?

— Как же, любовь моя, ты думаешь, я через это не проходила? Но все проходит, дорогой, все проходит. А пока иди-ка выпей.

Чандлер позволил ей успокоить себя, хотя ему не понравилось ее легкомысленное отношение к происшедшему. Он принял из ее рук стакан виски, сделал глоток и поморщился.

— Что-нибудь, не так, любовь моя?

— Ты же знаешь, я не люблю так много воды.

— Извини, любовь моя.

Он пожал плечами.

«Ладно, — подумал он, — она права. По крайней мере в одном: я действительно слишком разнервничался». Но он не понимал ее раздражения. Разве может человек действовать спокойно, предавая всех своих друзей, даже память о своей погибшей жене. Неужели она ожидала, что он перешагнет через прошлое без малейшего сожаления.

Розали подавила зевок.

— Извини, любовь моя. Просто удивительно, как устаешь от чужого тела!

— Да.

— Ну ты-то, конечно, устал! — наконец рассердилась она. — Шлялся черт знает где, как бродячий пес!

— Извини, если я каким-то образом причинил беспокойство…

— Оставим это! Ты же имеешь дело с Рози. — Она взяла его голову и принялась баюкать ее, как мать, хотя и рассерженная, но любящая. — Ты боишься?

— Кажется, да, немного, — признался он, поставив стакан.

— Почему же ты сразу не сказал? Дорогой мой, все боятся, пока ждут результатов голосования. Конечно, это очень тяжелое ожидание.

— Когда я узнаю? — спросил он.

Она заколебалась.

— Ты же знаешь, любовь моя, мне нельзя говорить тебе некоторые вещи. Пока.

— Когда, Рози?

Она сдалась.

— Ладно, при таких обстоятельствах ничего страшного не случится…

Он знал, какие обстоятельства она имеет в виду.

— В общем, я тебе кое-что скажу. Видишь ли, любовь моя, тебе нужно немногим больше семисот голосов, чтобы пройти. Это много, не так ли? Но таковы правила игры. А сейчас у тебя, подожди-ка…

Ее глаза на несколько секунд застыли. Чандлер понял, что она куда-то смотрит чужими глазами — вероятно, глазами какого-нибудь клерка на острове, а может, и далеко за его пределами.

— Теперь у тебя примерно сто пятьдесят. Нужно еще время, не правда ли?

— Сто пятьдесят голосов за то, чтобы принять меня, так? А сколько против?

Она похлопала его по руке и мягко сказала:

— Ни одного, любовь моя. И их не нужно больше одного. — Она встала и налила ему еще виски. — Не бойся, дорогой. Рози **на** твоей стороне! А теперь давай-ка чего-нибудь поедим, хорошо?

И у него осталось семь дней.

Глава 16

Время шло. Чандлер, постепенно вытягивая из Рози сведения, получил наконец полную картину ситуации. Ему необходимо было получить голоса двух третей членов Исполнительного Комитета (правда, Рози обещала, что они будут голосовать блоками; склони эту женщину на свою сторону, и она обеспечит тебе еще пятьдесят голосов; убеди этого парня, и получишь целую сотню). Один голос против означал бы, что Чандлер проиграл. И на всю кампанию отводилось десять дней, которые быстро проходили.

Слишком быстро. Чандлер не представлял себе, как много можно сделать за столь короткое время. Он встречался с десятками членов Исполнительного Комитета, которые были личными друзьями Розали; все они могли проголосовать за него, если бы он им понравился. И Чандлер делал все, чтобы им понравиться. Кроме того он работал — уже не над ракетным проектом; теперь он вообще не занимался никакими проектами Исполнительного Комитета за пределами Островов (что его вполне удовлетворяло, ибо большинство таких проектов требовали убийств и разрушений). Он

делал кое-какие электронные устройства для Коицки и других. Чандлеру позволяли ездить в Гонолулу за радиодеталями, которые ему молча выдавала новая владелица магазина «Деталей в изобилии», вдова Си. Ее глаза была красными от слез. Каждый раз Чандлер хотел сказать ей что-нибудь, но никак не мог подобрать нужные слова и в конце концов молча уходил.

Он хорошо представлял себе, какую опасность таит в себе такая большая свобода. Коицка уже не думал скрывать от него назначение установки на Хило. Он даже позволял Чандлеру чинить проводку и оборудование в бывшем Центре Связи ТУЭ, постоянно наблюдая за ним со своей кушетки, и не пытался утаить, что оба агрегата, здесь и на Хило, аналогичны. Судя по всему, последний имел большую мощность; вероятно, такая мощность требовалась для разрабатывавшегося Исполнительным Комитетом проекта экспедиции на Марс, требовавшей большего радиуса действия; но, очевидно, вторая установка рассматривалась в основном как запасная. Проверяя токи в цепи под надзором Коицки, Чандлер спокойно размышлял о том, что очень дерзкий и очень удачливый человек, пожалуй, мог бы вывести из строя установку в здании ТУЗ,

потом каким-то образом пробраться на Хило и, уничтожив вторую установку, положить конец господству исполников… Конечно, не каждый пойдет на такой риск. Слишком велики были шансы отправиться на тот свет.

А Чандлеру не хотелось умирать.

Он очень хотел жить… как преуспевающий член Исполнительного Комитета.

Русские военнопленные, которые возводили гитлеровский Атлантический Вал, поняли бы Чандлера, так же как американцы, работавшие на своих врагов в Корее. Все они считали, что самое главное — остаться в живых.

Чандлер не забыл про Пегги Флершем, Орфализ, Си и замученных людей у Монумента. Он просто считал, совершенно справедливо, что уже ничем не сможет им помочь, а, между тем, ему предстояло набрать еще несколько сотен голосов, чтобы не стать очередной жертвой. Сознавал он и другое. Среди мужчин и женщин, перед которыми он теперь заискивал, вполне могли оказаться те, кто застрелил Элен Брейстед в Орфализе, зарезал его жену руками его друга Джека Саутера, похитил детей, которые летели с ним через океан… «Бессмысленно перечислять всевозможные злодеяния исполников», — твердо сказал себе

Чандлер. Все это умерло, как Си. Только жизнь имела значение. Жизнь любой ценой.

Если говорить объективно, то обитатели Орфализа и жители его родного города, убитые исполниками, имели не больше прав на жизнь, чем полузамерзший монгол, которому Чандлер помог (хотя и сам того не ведая!) расстаться с жизнью. Или гавайцы из уничтоженного поселка на Хило. Или мирные ньюйоркцы, когда в гавани взорвалась подводная лодка. Или…

Чандлер вздохнул. Очень трудно было остановиться и, забыв про все, любезно улыбаться и вести светские разговоры. И все же он справлялся со своей задачей. Это вызывало у него отвращение, но он делал это.

Как только появлялась возможность, Розали доставала ему венец, и они отправлялись путешествовать по миру: в ночные клубы Хуареса, в ламаистские монастыри в Гималаях и прочие места, где она надеялась отвлечь и позабавить его. На четвертый день она взяла его в особое место.

— Тебе понравится, — пообещала она. — О! Я не была там уже несколько месяцев.

Хотя Чандлер еще не научился ориентироваться в безумной топологии бледно сияющего пространства, он почувствовал, что это очень

далекое путешествие. Действительно, они оказались в Италии. Они выбрали себе тела, взяли лодку и отправились в море; Рози заявила, что знает, куда им нужно. Но когда она через некоторое время заглушила мотор, место, в котором они оказались, как будто не представляло собой ничего примечательного.

— Надеюсь, ты знаешь, что делаешь, — заметил Чандлер.

— Конечно, любовь моя! И я в восторге от твоих усов.

Чандлер пригладил их. Ему самому понравилось тело, которое он нашел. Оно носило карабин и шляпу с пером. Но Чандлер избавился от того и другого перед тем, как сесть в лодку. Живой костюм Розали — не старше восемнадцати лет и не выше пяти футов — отличался особой загадочной красотой. Она встала, качнув лодку, и крикнула:

— Все в воду! Последний на борту — малихини!

— Мы поплывем? Куда? — удивился он.

Она уже снимала свою одежду: рубашку с кружевным гофрированным воротником и штаны тореадора. В коротком исподнем она взобралась на борт и потянула Чандлера за длинный ус.

— Прямо вниз, любовь моя. Тебе понравится.

Он встал и начал снимать форменные пиджак и брюки с широким золотым лампасом.

— Подожди немного, — проворчал он. — Мужчине нужно больше времени, чтобы раздеться — у него нет такой богатой практики.

— Любовь моя! Ты ужасный женоненавистник! Следуй за мной! — И она легко и изящно прыгнула в воду головой вниз.

Чандлер последовал за ней. Он никогда не умел хорошо плавать и вообще не очень любил водный спорт. «Это не может причинить тебе вреда», — напомнил он себе, стараясь не отстать от своей спутницы. Но тело чувствовало, что ему могут нанести вред. Он погрузился уже на десять ярдов, на пятнадцать, и конца этому не было видно; он слышал, как колотится чужое сердце и чувствовал, как хотят дышать легкие карабинера. Теплые воды Адриатики не отличались особой прозрачностью. Он ничего не видел, кроме Розали внизу. Но потом внизу показался темный прямоугольный силуэт…

Стройная бледная фигура Розали поднырнула под него и скрылась из вида.

Чандлер решительно последовал за ней, его легкие разрывались. Выбиваясь из сил, он обогнул темный прямоугольник и проплыл еще

глубже. Теперь стал виден металлический параллелепипед футов тридцати в длину с темными окнами. Сооружение держалось на длинных цепях, уходивших в темную глубину.

В том месте, где скрылась Розали, Чандлер увидел квадрат, который имел другой цвет и выглядел как люк.

Он и был люком. Чандлер устремился в него и оказался в темной воздушной камере, судорожно глотая воздух.

Розали уже выбралась из воды и лежала на металлическом полу так же тяжело дыша.

— Отлично, любовь моя, — проговорила она, задыхаясь. — Забирайся сюда. Самое трудное позади. Теперь нужно позаботиться об освещении.

Свет давали маленькие фонарики, для которых Розали где-то разыскала батарейки. В помещении стояли столы, стулья, кровати, ящики с инструментами, шкафы с продуктами.

— Тут мило, не правда ли, любовь моя? Мне повезло, что я нашла его.

Чандлер оглядывался по сторонам, успокаивая дыхание.

— Что это?

— Я думаю, какой-то эксперимент. — Она нашла зеркало, покрытое слоем сажи, и стала вытирать

его чьим-то аккуратно сложенным спортивным свитером. — В прежние времена здесь жили люди, — сказала она, приложив зеркало к стене и осматривая в нем свое тело. — О, замечательно! Я тоже так выглядела когда-то!

— И что мы теперь будем делать?

Она принялась отжимать воду из волос.

— Сначала мы чуть-чуть отдохнем, любовь моя. И выпьем шампанского, если я сумею его найти. А потом мы сделаем кое-что очень приятное.

Чандлер взял в руки гарпунное ружье и положил на место. Он недоумевал, кто мог построить такое подводное жилище.

— Кусто, — наконец произнес он вслух.

— Ты имеешь в виду того аквалангиста? Ну нет, не думаю, любовь моя. Он был французом. Но идея та же. — Она извлекла из какого-то ящика бутылку и радостно воскликнула: — Шампанское! Как и обещала. Боюсь, немного тепловатое, но все равно оно придаст тебе сил для нашего следующего действия.

— Какого?

Но она не хотела отвечать, только наблюдала, как он поддевал большими пальцами красную пластиковую пробку и отскочила, смеясь, когда хлынула пена.

Они пили из кружки и крышки от фляги. Чандлеру очень хотелось понять намерения Рози.

— Послушай, — не удержался он. — Ведь лодку уносит. Как мы вернемся обратно?

— Ах, любовь моя, ты беспокоишься о таких пустяках. Я хочу, чтобы ты расслабился.

— Это не так-то просто… — начал он, но она свирепо взглянула на него.

— Ну-ну, продолжай! Должна сказать, у тебя… — Но тут же смягчилась. — Извини, я знаю, это такой ужасный период. — Она села рядом с ним, касаясь его руки, и добавила: — Все равно нам лучше допить шампанское, прежде чем мы уйдем. Хочешь, я расскажу тебе, как все это было у меня?

— Конечно, — ответил он, допивая вино и едва слыша ее, хотя она говорила довольно приветливо.

— Ох, этот проклятый головной убор! Он весил двадцать фунтов, и его прикололи шляпными булавками. — Он рассеянно погладил ее руку. Судя по всему, Рози говорила о той ночи, когда на Нью-Йорк обрушился ядерный удар. — Шла середина первого акта, я была на сцене, и вдруг… — ее лицо застыло в напряжении, даже теперь, через несколько лет, когда она сама стала одним из

небожителей, — вдруг меня что-то схватило. Я сбежала со сцены и выскочила из зала через переднюю дверь. На улице уже ждало такси. Когда я села в него, меня отпустили, а водитель помчался, как сумасшедший, через тоннель к нью-йоркскому аэропорту. Боже, как я испугалась! Когда мы проезжали мимо полиции, я закричала, но мой… друг освободил на минуту водителя и сделал так, что большой грузовик врезался в полицейскую машину, и в суматохе мы улизнули. Он захватил меня снова в аэропорту. Я, как была в одной набедренной повязке взбежала по трапу в самолет, который как раз собирался взлетать. Пилот находился под контролем… Мы летели одиннадцать часов, и я всю дорогу проклинала этот идиотский убор из перьев.

Она поставила свою пустую кружку, и Чандлер стал открывать вторую бутылку. Теперь Рози говорила о своем друге.

— Я впервые увидела его, когда была еще совсем ребенком и жила в Айлине. Он прибыл с русской торговой делегацией и остановился по соседству, в старом особняке. Ну, а потом он оказался одним из тех русских, которые сделали это. — Она коснулась своего лба, где обычно находился венец. — И когда я поселилась на Островах, — она вновь

просияла, — он выдвинул мою кандидатуру, и со временем они меня приняли. Видишь, как все просто, тяжело только ждать.

Чандлер прижал ее к себе и предложил тост:

— За твоего друга.

— Он отличный парень, — подтвердила она, потягивая вино. — Ты знаешь, как я прилежно отношусь к зарядке и тому подобному? Это отчасти из-за него. Он вполне мог бы нравиться, любовь моя, только, видишь ли, он, конечно, любил меня, но потом гораздо больше стал любить то, что получал с помощью венца. Он растолстел. Большинство из них ужасно толстые, любовь моя. Вот почему им нужны люди вроде меня. И тебя. Пополнение. У них выходит из строя сердце, печень, потому что они целыми днями лежат в постелях и ведут жизнь в чужих телах. Я не хочу себя так распускать… Конечно, есть искушение. Ты знаешь, я почти каждый день нахожу какую-нибудь несчастную женщину, соблюдающую диету, и ем пирожные со взбитыми сливками и разные соусы. Как они, наверное, ненавидят меня!

Она усмехнулась, откинулась назад и поцеловала его.

Чандлер обнял ее обеими руками и ответил на поцелуй. Рози не отвернулась. Она прижалась к

нему, и он почувствовал тепло ее тела. Но потом она прошептала:

— Не сейчас, любовь моя, — и оттолкнула его от себя. — Пришло время поплавать! — Она вскочила на ноги. — Ты прохлаждался тут уже достаточно долго — теперь я тебе покажу, что значит развлечение!

Через десять минут, надев акваланг, который откуда-то достала Рози, он последовал за ней в зеленоватую воду.

Проплыв минуту, Чандлер подумал, что это не очень похоже на плавание. Во-Первых, не чувствуешь себя мокрым. Кроме того, дышишь через трубку, зажатую в зубах. Было, конечно, интересно; но ему хотелось знать, это ли Розали назвала «развлечением». Они увеличили свой вес, прикрепив к поясам металлический груз, однако Чандлер еще сохранял плавучесть, и ему приходилось прилагать усилия, чтобы не подниматься к поверхности, в то время как Розали, по-видимому, слишком утяжелила себя, и ее постоянно тянуло ко дну. Они плыли медленно, отчасти потому, что Розали настояла, чтобы Чандлер взял с собой большой кухонный нож, — «Тут могут быть акулы, любовь моя!»

И все же он находился под водой и мог дышать.

Он следовал за ней, чего-то ожидая — сам не зная чего.

Акулы тут действительно были. Он видел их с десяток, и какая-то тварь — вероятно, одна из акул — увязалась за ними, почти не видимая в зеленоватой воде. Он смотрел на нее с опаской и отвращением. Даже зная, что в чужом теле ему не грозит настоящая смерть, Чандлер нервничал. Уже не думая о том, что испытывает несчастный владелец тела, он представлял себе, как невидимые челюсти внезапно вырывают у него кусок мяса.

Розали обернулась, поманила его рукой и стала опускаться вглубь.

Чандлер начал смутно различать дно, Розали кружилась внизу, поджидая его.

На такую глубину проникало довольно мало света, но Чандлер видел блеск ее глаз под маской. Рози весело подмигнула ему, потом протянула руку и показала что-то за его спиной.

Чандлер обернулся и увидел пять больших темных силуэтов, которые, похоже, приближались к ним.

Он резко развернулся, готовясь встретить их, но Рози поймала его за руку. Она показала ему жестом, чтобы он отдал ей нож. Чандлера охва-

тил ужас. Внезапно в нем пробудились все давно забытые детские страхи, у него перехватило дыхание, бешено заколотилось сердце, в желудке что-то зашевелилось и устремилось к глотке. Бесполезно было говорить себе, что это не его плоть, что его тело лежит в полной безопасности в гостиной за двенадцать тысяч миль отсюда. Чандлер сжался от страха перед зловещими безмолвными тенями, но все, что он мог сделать, это остаться в том же теле и наблюдать за Розали.

Он отдал ей нож. Она оценивающе взглянула на акул, потом скривила губы, подмигнула и, послав ему воздушный поцелуй, аккуратно перерезала его воздушный шланг.

Из баллонов вырвался каскад больших пузырей воздуха. Чандлер почувствовал, как Розали срывает с него маску, но вода уже проникла ему в рот, в глаза, в нос.

Ошеломленный, он закашлялся. Рассчитанным изящным движением она ткнула его острием ножа в грудь. Чандлер ощутил жгучую боль, и в воде расплылось кровавое облако.

Она сорвала собственную маску, сделала аккуратный надрез на животе своего восемнадцатилетнего тела и протянула руки к Чандлеру.

Они поцеловались. Ее руки сомкнулись вокруг

его тела, как оковы. Чувствуя, как его легкие разрываются, он стал судорожно метаться, и кровавые облака разрослись еще больше; обернувшись, Чандлер увидел — невероятно близко — приближавшиеся торпедообразные тела.

Последнее, что увидел Чандлер, было зияющей зубастой пастью, потом он уже не мог больше терпеть. Он покинул Розали, покинул тело карабинера и понесся прочь, не останавливаясь до тех пор, пока не оказался снова в своем теле, потрясенный и совершенно разбитый.

Глава 17

В ту ночь Чандлер уснул очень поздно и спал отвратительно, то и дело просыпаясь. В сновидениях приходила Элен Брэйстед, потом Марго, его жена. Они не угрожали и не пугали. Они только смотрели на него с упреком… Когда он проснулся, ярко светило солнце, и в саду канак (туземец Гавайских островов) жужжал газонокосилкой, как будто обитатели этого дома не совершали никаких убийств. В течение часа Чандлер нервно расхаживал по гостиной, потом взялся за бутылку.

К тому времени, когда Розали с удовлетворенным видом, позевывая, спустилась в гостиную, он был уже достаточно пьян, чтобы предложить ей «Кровавую Мэри».

Когда она закончила завтрак и уже забыла о том, что так давно не ела, Чандлер едва стоял на ногах и говорил заплетающимся языком. Розали не обижалась. Вероятно, она понимала его состояние, или, по крайней мере, сознавала, что показала ему нечто такое, к чему надо привыкнуть. Даже когда ее стали навещать другие исподники, чаще всего используя тело

мальчика-гавайца, выполнявшего в доме самые разнообразные функции, она смеялась и извинялась за Чандлера. Но после того, как все ушли, когда в комнате с ними остался только усталый испуганный канак, который собирался уходить, Рози сказала с мягким упреком:

— Зачем же лезть на рожон, любовь моя. Ты что, не понимаешь? Всему свое время.

— Вчера ты не возражала, — угрюмо произнес Чандлер.

— О, конечно! Ты же знаешь, я не пытаюсь тебя переделать. Но ведь это члены Исполнительного Комитета, и тебе нужны их голоса.

— Разумеется, я не хочу вести себя плохо в присутствии члена Исполнительного Комитета, — заявил Чандлер и потащился на кухню за новой бутылкой. Он достиг той стадии опьянения, когда кажется, что спиртное уже не пьянит. Руки, ноги и язык обнаруживали все характерные симптомы, но Чандлер проклинал ясность своего мозга: боль нисколько не унялась. На кухне он, покачиваясь, остановился возле раковины и под влиянием внезапного импульса подставил голову под струю холодной воды. Когда Розали через несколько минут зашла посмотреть на него, она обнаружила, что он варит кофе.

— Вот так-то лучше, любовь моя, — похвалила она. — А то я уж думала, ты осушишь весь остров!

Он налил в чашку горячий черный напиток и стал пить мелкими мучительными глотками. Розали тоже принесла себе чашку, добавила сливок и сахару и села за стол.

— Время уходит, — напомнила она деловым тоном, — а у тебя еще мало голосов, любовь моя. Я хочу, чтобы ты сегодня занялся Коицкой. Он может обеспечить тебе полсотни голосов, если захочет.

Чандлер допил кофе и налил еще одну чашку, на этот раз добавив в нее изрядное количество виски. Розали поджала губы, но тут же сказала спокойным тоном:

— Есть еще группа с Восточного Берега, девушки из посольства и Брэд с Тони. Они уже проголосовали, но могут привлечь на твою сторону еще кое-кого, если ты их заинтересуешь. Брэд был просто «куклой», но у девушек есть много друзей, и ты можешь получить много голосов.

Чандлер закурил и слушал, не перебивая. Он знал, что это важно. Он знал, что она пытается ему помочь, и без ее помощи он, конечно, пропадет. И все же не мог заставить себя настроиться

на ее тон. Он встал и сказал:

— Пойду приму ванну. — И оставил ее одну.

Через десять минут, еще мокрый после душа, успев надеть лишь шорты цвета хаки, он вбежал к ней в комнату, крича:

— Как?! Как ты сказала? Как зовут твоего приятеля?

Розали, сидевшая перед туалетным зеркалом в одном нижнем белье, оставила свою прическу и удивленно посмотрела на него:

— Любовь моя! В чем дело?

— Ответь же, черт возьми! Брэд? Что за Брэд?

Она начала терять терпение.

— Ты имеешь в виду Брэда Фенела? Ты так странно себя ведешь — разве с ним что-нибудь не в порядке? В чем дело?

У Чандлера горели глаза, его затрясло. Он неловко сел на кровать Рози и уставился на нее.

— Ты хочешь сказать, что Брэд Фенел помогает мне? И если меня примут в Исполнительный Комитет, это произойдет благодаря Брэду Фенелу?

— Ну, любовь моя, я тоже имею к этому кое-какое отношение. Но Брэд действительно был так мил…

Чандлер кивнул.

— Очень мил, — тихо проговорил он. — Прямо

как кукла.

— Ты помнишь его? Позавчера на вечеринке? Такой маленький, смуглый.

— Помню, — пробормотал Чандлер, и он действительно вспомнил, хотя на какое-то время уже успел совершенно забыть то, что рассказала ему Элен Брэйстед. Тот самый Брэд Фенел, который издевался над ней, а потом убил ее, стал теперь влиятельным другом Чандлера. «Это даже забавно, — подумал Чандлер. — С таким другом и врагов не надо».

Но можно ли найти иного друга в Исполнительном Комитете?

Раздражение Розали перешло в тревогу. С Чандлером явно что-то творилось. Она догадывалась, в чем тут дело; Розали ничего не знала про Элен Брэйстед, но знала достаточно об исполниках, чтобы сообразить, какого рода личные чувства тут затронуты. Она подошла и села рядом с ним.

— Любовь моя, — мягко сказала она. — Все не так плохо, как тебе кажется. Есть и хорошие вещи.

— Назови хотя бы одну.

— Ну, любовь моя! Не будь таким букой. — Она обняла его одной рукой. — Еще несколько дней, и ты сможешь делать все, что захочешь. Разве не

стоит ради этого постараться? Ведь ты действительно — будешь делать все, что захочешь. Весь мир в твоих руках…

«И даже смогу послать тебя к черту», — подумал Чандлер. Но она была права. Это все ужасно, но факты есть факты, благоразумно рассудил он. Прощай Элен. Прощай Марго. Он повернулся к сидевшей рядом с ним Розали…

И застыл, ощутив себя захваченным.

— Vi menya zvali? — насмешливо спросил его голос.

Рози попыталась оттолкнуть его. Она уставилась на него большими блестящими глазами.

— Андрей?

— Da, Андрей! Kak eto dosadno!

— Андрей, пожалуйста. Я знаю, ты…

— Дрянь, — завопил голос Чандлера. — Как ты могла? Я не разрешаю этой падали прикасаться к тебе — вообще ни к чему моему — я не разрешаю ему жить! — Чандлер отпустил ее и встал.

Он боролся. Он сопротивлялся; но лишь мысленно и совершенно безнадежно; тело Чандлера вынесло его из комнаты, спотыкаясь, выбежало на дорогу, село в машину Рози и уехало.

Он мчался, как сумасшедший, по каким-то совершенно незнакомым дорогам. Мотор захле-

бывался, визжали покрышки.

Чандлер, плененный в собственном теле, конечно, узнал захватчика. Коицка! Чандлер знал, кто был другом и любовником Розали Пэн. Если бы у него оставались какие-то сомнения, звуки его собственного голоса, хриплые и истеричные, не дали бы ему ошибиться. Всю дорогу он выкрикивал угрозы и грязные ругательства то по-русски, то на ломаном английском.

Машина остановилась возле Центра ТУЭ, и тело Чандлера устремилось в здание, нарочно ударяясь о каждый дверной косяк и каждый предмет обстановки.

— Я мог уничтожить тебя в машине, — прохрипел его голос. — Но это слишком мягкая кара. Я мог бросить тебя в море! Это недостаточно мучительно.

В гараже тело остановилось, бешено озираясь по сторонам.

— Ножи, газовые горелки, — бормотали его губы. — Может выколоть тебе глаза? Или перерезать глотку?

На полке стояла бутыль с кислотой.

— Да, да! — закричал Чандлер, наткнувшись на нее. — Хочешь выпить, а? И я даже оставлю тебя, чтобы не почувствовать боли — она бу-

дет есть твои внутренности, долгая, медленная смерть… — Тело Чандлера отвинтило крышку, наклонило бутыль…

Он уронил бутыль и инстинктивно отскочил в сторону, когда кислота полилась на ноги.

Он был свободен!

Прежде, чем он смог сделать шаг, его опять захватили. Чандлер споткнулся, ударился о стену…

…И снова оказался свободным.

Он подождал немного, не в силах поверить в это, но по-прежнему оставался свободным. Чужой ум не овладевал его т< лом. Не было слышно ни звука. Никто не появлялся, никто не стрелял в Чандлера.

Он сделал шаг, повернулся, покачал головой — ничто не связывало его движений.

Он был свободен и в следующую секунду осознал, что находится в одном здании с опухшим жирным телом человека, который хотел убить его, но который едва ли способен стоять на ногах без посторонней помощи.

Чандлер помнил, что попытка причинить зло исполнику равносильна самоубийству. Он несомненно потеряет свою жизнь — впрочем, она в любом случае пропала. Терять было нечего.

Глава 18

Чандлер бесшумно и стремительно поднимался по лестнице, ведущей в покои Коицки.

На середине лестницы он внезапно оступился и упал, сильно ударившись о перила. Он не сомневался в том, что упал не из-за своей неловкости — это Коицка вновь завладел его телом. Но лишь на миг. Чандлер не стал ждать. Вероятно, Коицку что-то отвлекало, или возникли неполадки в венце, но что бы ему ни помешало, Чандлер не мог рассчитывать на долгую свободу.

Дверь оказалась запертой.

Чандлер нашел тяжелый стул красного дерева с цельной резной спинкой. Вооружившись им, он с ревом бросился на дверь словно разъяренный бык, обрушивающийся на ограду арены. Дверь разлетелась.

Длинные щепки поранили Чандлера, но он ворвался в комнату. Коицка лежал на кушетке с открытыми глазами.

Живой или мертвый? Чандлер не стал выяснять и бросился на него. У Коицки задрожали ресницы, и Чандлер ощутил толчок в своем теле. Но у исполника уже не осталось сил. Его глаза

застыли, и Чандлер навалился на него. Он сорвал и отбросил в сторону венец; огромная туша Коицки бессильно свалилась с кушетки и растянулась на полу.

Коицка был беспомощен. Он лежал, дыша, как паровоз, один его глаз оказался прижатым к ножке кофейного столика, другой смотрел на Чандлера.

Чандлер дышал почти так же тяжело, как и беспомощное тело у его ног. На какое-то время он оказался в безопасности. Едва ли надолго, потому что в любой момент кто-нибудь из исполников мог вынырнуть здесь; и, увидев глазами Чандлера столь красноречивую картину, он несомненно сделает самый неблагоприятный для Чандлера вывод. «Скорее отсюда, — подумал Чандлер. Если спрятаться в другой комнате, может, все обойдется?» Он повернулся спиной к парализованному чудовищу, собираясь покинуть комнату Коицки. Пожалуй, лучше попробовать как-нибудь затеряться в Гонолулу — если только удастся туда добраться. Чандлер не умел сам управлять вертолетом — иначе попытался бы найти убежище еще дальше: вертолет стоял недалеко от здания.

Но едва повернувшись, он почувствовал себя захваченным.

Тело Чандлера повернулось снова к Коицке и пронзительно вскрикнуло.

Его глаза смотрели на Коицку. «Не успел», — подумал Чандлер. Теперь он даже не знал, кто его захватил. Впрочем, какое это имеет значение. Чандлер видел, как его руки коснулись лица неподвижно лежавшего исполника.

Потом он выпрямился, оглядел комнату и подошел к письменному столу.

— Любовь моя, — сказал он самому себе. — Что случилось с Коицки? Напиши, ради Бога! — Он взял карандаш, и тут его отпустили.

Немного поколебавшись, он написал: «Я не знаю. Думаю, у него удар. Кто вы?»

Чужой ум опять на время овладел им.

— Рози, кто же еще, идиот, — сурово проворчал он. — Что ты сделал?

«Ничего, — начал он, потом зачеркнул это слово и написал более точно. — Он собирался убить меня, но у него начался какой-то приступ. Я снял его венец и хотел убежать».

— О, глупец, — пробормотал Чандлер через некоторое время. Он опустился на колени возле огромного пыхтевшего тела, взял его руку и пощупал пульс. Слабое неровное биение ни о чем не говорило Чандлеру, и, вероятно, Рози тоже,

потому что его тело поднялось, постояло в нерешительности и покачало головой:

— Зачем ты это сделал?! — всхлипнул он и с удивлением обнаружил, что плачет настоящими слезами. — О, зачем, любовь моя? Я могла бы как-нибудь уговорить Коицку… Нет, наверное, не могла бы, — в отчаянии проговорил он. — Я не знаю, что делать. У тебя есть какие-нибудь идеи кроме побега?

Ему потребовалось несколько секунд, чтобы написать одно слово, но больше он не смог ничего придумать. «Нет».

Его губы скривились, когда глаза прочитали слово.

— Мне кажется, это конец, любовь моя, — сказал он спокойно. — Во всяком случае, я сдаюсь.

Он встал, снова оглядел комнату.

— Не знаю. Может, и есть какой-то шанс — если мы сумеем все замять. Я, пожалуй, вызову доктора. Ему придется воспользоваться твоим телом, так что не удивляйся, если появится кто-то незнакомый. Может, он вытянет Андрея. Может, тогда Андрей простит тебя. — А если он умрет, — рассуждал голос Чандлера, в то время как его глаза смотрели на неподвижную пыхтевшую тушу, — мы можем сказать, что ты сломал дверь, чтобы

помочь ему. Только ты должен опять надеть на него венец, иначе сразу возникнут подозрения. К тому же кто-нибудь может захватить его тело. Сделай это, любовь моя. Поторопись. — И Чандлера освободили.

Он осторожно пересек комнату.

Он не хотел прикасаться к умирающему животному, которое хрипело на полу; еще меньше ему хотелось возвращать Коицке венец — оружие, которое несомненно убьет Чандлера, если исполник оживет хотя бы на минуту. Но Розали была права. В противном случае любой исполник мог проявить любопытство и проникнуть в мозг Коицки. Венец предохраняет его от…

Венец предохраняет любого от…

Предохранит и самого Чандлера от захвата его мозга!

Чандлер не медлил. Он надел венец себе на голову, повернул выключатель, и в следующее мгновение освободился от своего тела, погрузившись в сияющее пространство сознания и глядя на мертвенно-бледные силуэты внизу.

Он начал действовать, почти не задумываясь, — так, словно уже давным-давно спланировал до мельчайших деталей каждый свой шаг. По крайней мере на несколько минут он полу-

чил возможность сражаться с исполниками их собственным оружием — любой скорбящий отец или муж из внешнего мира знал бы, как воспользоваться такой возможностью.

Чандлер тоже знал. Он сам превратился в оружие.

Венец, которым он теперь обладал, существенно отличался от того ограниченного, контролируемого устройства, которое ему выдавала Рози. Это был личный венец Коицки. В нем Чандлер не мог быть захвачен. Было ли это последствием ужасов последних дней, или тут сыграла роль утренняя пьянка и бессонная ночь — так или иначе, Чандлер чувствовал себя спокойным и собранным. Он знал, что есть какой-то способ направить венец против исполников, и он найдет его. Марго, Элен Брейстед, Мэгги, Си и миллиарды других — все будут отмщены. Вполне возможно, что он погибнет, но ведь он и так давно мертвец.

Во всяком случае, умереть — дело нехитрое; миллионы умерли ни за что, оказавшись во власти исполников, и только ему предоставилась возможность умереть, пытаясь убить их.

Он хладнокровно обошел лежавшее на полу тело и нашел за кушеткой дверь, та вела в коридор, а в конце его находилось помещение, в котором

некогда располагался центр связи. Теперь все помещение занимала сложная электронная аппаратура. Он узнал ее, не испытав особой радости.

Это был главный транслятор всех венцов Исполнительного Комитета.

Достаточно повернуть один выключатель — вот этот — и энергия перестанет поступать. Венцы превратятся в бесполезные украшения. Исполники снова станут обычными людьми. За пять минут он сумеет настолько разрушить установку, что на ее восстановление потребуется по меньшей мере неделя, а за неделю рабы из Гонолулу — каким-то образом он проберется к ним и расскажет о появившейся возможности — смогут отыскать и уничтожить всех исполников на всех островах.

Конечно, есть еще запасная установка, которую он сам помогал сооружать.

Ему пришло на ум, что у Коицки должно быть какое-то специальное приспособление, чтобы приводить ее в действие на расстоянии. Чандлер положил инструменты, с помощью которых он собирался расправиться с транслятором, и задумался.

Через несколько секунд он понял, что едва не сделал глупость. Не надо разрушать, по крайней

мере, пока: установку нужно сначала использовать. Чандлер сел, чтобы тело не упало на пол и, погрузившись в бледное сияние, стал осматривать окрестности. Но не обнаружил никого в радиусе целой мили, лишь слабо мерцало тело умирающего Коицки. Чандлер не стал входить в это тело. Он вернулся в свое собственное, закрыл дверь и снова покинул реальный мир. Благодаря Розали Чандлер все же немного научился ориентироваться в причудливом мире сознания и теперь мчался над водами к острову Хило.

Кто-нибудь должен был находиться поблизости от запасной установки.

Он стал искать — но не нашел никого. Никого в здании, никого на разрушенном аэродроме. Никого в близлежащем мертвом поселке. Чандлер пришел в отчаяние. Он уже готов был сдаться, когда, наконец, обнаружил какое-то существо. Но оно казалось таким жалким, едва ли не слабее разбитого параличом Коицки.

«Неважно», — подумал Чандлер и вошел в это тело.

Но тут же оставил его. Никогда еще Чандлер не испытывал такой боли. В животе словно пылало пламя, голова раскалывалась, ужасная боль пронизывала все тело. «Неужели можно жить

в таких мучениях», — подумал Чандлер, однако заставил себя снова войти в это тело.

Стеная от боли странным нечеловеческим голосом, Чандлер заставлял захваченное им тело пробираться через густые заросли. Время уходило. Добравшись до летного поля, он, задыхаясь, перешел на своего рода неуклюжий бег, обогнул разбитый самолет и наткнулся на дверь.

Боль стала совершенно невыносимой. Он едва не терял сознание. А ведь предстояла еще довольно длительная и сложная работа — выведение из строя агрегата. Можно ли сделать ее в этом агонизирующем теле?

Еще продолжая раздумывать, Чандлер поднял руку, чтобы открыть дверь. Но рука не ухватилась за дверную ручку. Он поднес руку к слепым слезящимся глазам.

На ней не было пальцев. Она заканчивалась культей. И вторая рука оказалась столь же изуродованной.

Чандлер в панике покинул жуткое тело и поспешно вернулся в свое собственное, потом он стал думать.

В какое существо он вселился? В человека? Очевидно, ведь венцы не давали власти над телами животных. Но в нем чувствовалось что-то

нечеловеческое. Чандлер испытал головокружительный миг, когда возможным казалось все: мысли о сказочных эльфах и существах из летающих тарелок вихрем пронеслись в голове. Потом вернулся здравый смысл. Конечно, это был человек. Возможно, больной или безумный. Но человек.

Он только не мог понять, что означали странные культи. Но это не имело значения: он мог пользоваться ими, потому что уже пользовался. Надо было только все продумать.

В этот момент он услышал, как к стоянке возле здания подъехала машина. Чандлер выглянул в окно и увидел «порше» Розали Пэн. Он открыл дверь, и она, стуча каблуками, взбежала по лестнице, словно спасаясь от медведя.

Едва взглянув на Чандлера, она пробежала мимо и опустилась на колени возле тела Коицки.

— Он мертв, — прошептала она, обернувшись к Чандлеру.

— Я его не убивал.

— Я не говорю, что ты убил. — Она медленно поднялась, глядя на него. — Но тебе тоже конец, любовь моя. Не знаю, что смогу теперь сделать для тебя.

— Да, — совершенно искренне согласился

Чандлер, — если он мертв, ты мало чем можешь мне помочь. — Он подошел к ней, глядя на тело Коицки. — Но разве он мертв? Мне кажется, он сейчас дышал.

Она ошеломленно повернулась к телу.

Чандлер подскочил и сорвал с ее головы венец — при этом ему пришлось вырвать клок волос.

Она закричала и схватилась за голову, глядя на него с изумлением и страхом, которые притупили боль.

— Может, я сам смогу для себя что-нибудь сделать, — проговорил он, тяжело дыша.

Розали всхлипнула.

— Ты с ума сошел, любовь моя. У тебя нет никаких шансов. Отдай мне венец, и… я постараюсь помочь тебе, только… Любовь моя! Отдай мне его, пожалуйста!

Чандлер восстановил дыхание.

— А ты бы отдала его на моем месте? — поинтересовался он.

— Да! Пожалуйста! — Она шагнула к нему и остановилась. Ее миловидное лицо исказилось гримасой, волосы торчали в разные стороны. Она опустила руки и вздохнула. — Нет, не отдала бы. Но ты должен, *любовь* моя. Пожалуйста…

— Сядь, — приказал Чандлер. — Вон там, рядом

с его телом. Мне надо подумать, и я не хочу, чтобы ты приближалась ко мне. — Она попыталась возразить, но он повысил голос. — Сядь! Или…

Он прикоснулся к венцу у себя на голове.

Рози повернулась, словно робот, и села рядом с трупом жирного старика. Она сидела и смотрела на Чандлера с выражением тупой покорности. Он попытался на миг представить себе, каково ей теперь: минуту назад — член сонма богоподобных существ, правивших миром, а теперь — простая смертная, чье тело мог захватить Чандлер или любой член Исполнительного Комитета… Новая угроза. Чандлер нахмурился.

— Я не могу оставить тебя здесь, — сказал он, думая вслух. — К тебе может зайти твой друг Фенел. Или еще кто-нибудь. — Выражение ее лица не изменилось. — Вставай, — резко приказал он. — Залезай в этот шкаф. — Видя, что она колеблется, он добавил: — Я не очень хорошо управляю чужими телами. Может, мне не удастся сделать так, чтобы ты сама себя связала. Но я могу заставить тебя совершить самоубийство, Розали.

Шкаф оказался маленьким и неудобным, но имел замок, и Рози поместилась в нем. Заперев ее, Чандлер задержался лишь на минуту. Следовало обдумать кое-какие детали…

Но у него уже был план. Он мог нанести удар и покончить с Исполнительным Комитетом раз и навсегда.

Своим орудием он избрал странное уродливое существо, обитавшее на Хило. Теперь он знал, что оно из себя представляет, и удивлялся, как не сообразил раньше.

Прокаженный! Один из пациентов с Молокаи — доктор говорил, что некоторым больным удалось спастись. С помощью этого прокаженного Чандлер мог вывести из строя установку на Хило: если ничего другого не удастся, можно разрушить генератор или выпустить горючее из баков и поджечь здание.

А вторая установка останется здесь, у него под рукой! Он мог разрушить обе, одну — с помощью прокаженного, другую — еще проще! «И это будет конец Исполнительного Комитета, — подумал он, ликуя, — а потом...»

Он нахмурился.

А потом они поймут, что произошло. Их больше тысячи. Они явятся сюда и убьют его, восстановят все оборудование и вернут себе власть над миром.

Чандлеру хотелось плакать. Победа казалась такой близкой. И все же он не мог до нее дотя-

нуться.

«А ведь вторая установка чем-то отличалась, — вдруг вспомнил он. — Что там говорил Си? Другая частота. И Коицка брал на остров какой-то другой венец…»

Чандлер не стал больше раздумывать. Возможно, он ошибся.

Возможно, ничего не выйдет. Возможно, его подвела память, или он исходил из неверных предположений, или Коицка в последующие дни изменил частоту… все могло быть. Неизвестных факторов набиралось больше, чем он мог вообразить… и все же оставался шанс!

Он выскользнул из своего тела, сориентировался и полетел сквозь белесую пелену к острову Хило. Превозмогая боль, он вошел в тело прокаженного и неуклюже заковылял к установке.

Через пять минут генератор зашумел и привел в действие весь агрегат. Чандлер не разбирался в тонкостях, но, насколько он мог видеть, установка действовала превосходно.

Он с благодарностью покинул тело прокаженного и вернулся в свое собственное.

Еще через пять минут первый транслятор прекратил работу.

Чандлер отключил его.

Когда он разыскал второй венец Коицки и надел его себе на голову, во всем мире остался лишь один человек, обладавший страшным оружием Исполнительного Комитета, и этим человеком был он сам.

Несколько мгновений Чандлер стоял, закрыв глаза, очень усталый и очень спокойный. Он знал, как действовать дальше, но чувствовал, что сначала нужно сделать что-то еще. Однако ему так и не удалось вспомнить, что именно; и тогда он покинул свое тело и отправился на поиски первой жертвы.

Лишь позднее Чандлер понял, чего он не сделал. Он забыл помолиться.

…Все удалось, его самые смелые надежды оправдались! Установка на Хило работала превосходно, и Чандлер стал фактически властелином островов и, следовательно, властелином мира!

Но он еще не ощущал радость победы. Возможно, она придет позже, но сейчас предстояла большая работа. Он видел, что ошибался, полагая, будто разрушение агрегатов освободит мир от тирании исполников. Коицка был не единственным специалистом среди исполников. Очевидно, и другие знали теорию машин, дававших власть над миром; несомненно, в каком-то сейфе, и даже,

наверное, не в одном, хранились схемы, которые могли заработать вновь. Конечно, следовало уничтожить установки, но кроме того следовало уничтожить и планы… и не только на бумаге, но и планы, сохранившиеся в памяти членов Исполнительного Комитета. Фактически требовалось убить их всех.

«Это не только необходимо, — хладнокровно подумал Чандлер, — но еще и легко. Как детская игра». Ведь исполники занимались этим ради забавы или ради осуществления своих глобальных целей каждый день в течение нескольких лет. Он сам имел кое-какой опыт. Выходишь из своего тела, отыскиваешь малоподвижное существо странной формы, которое оказывается сознанием человека, входишь в него; и вот ты уже в теле мужчины или женщины. Потом смотришься в зеркало или ощупываешь рукой голову, чтобы проверить, есть ли на ней венец. Если он есть, такое тело должно быть уничтожено. Для этого есть много способов. Вполне подойдет обычная домашняя утварь — кухонный нож, бутылка с йодом, кое-где можно найти и огнестрельное оружие.

Методично и аккуратно Чандлер экспериментировал с различными методами самоубийства.

Он опробовал все. Оказалось, что если ничего подходящего под рукой нет, можно просто задушить себя, но это было трудно, долго и очень мучительно; он сделал это лишь один раз. Оказалось, что даже с помощью ножовки можно перерезать себе сонную артерию. Он поджег один дом и заперся в шкафу, однако тут тоже потребовалось много времени; утопился в ванне, но вода набиралась ужасно долго. Ножи находились почти всегда, если хорошенько посмотреть; а также пилы, стамески, шампуры, косы — годились любые инструменты с острым краем.

Когда Чандлер впервые узнал о том, что «огненные духи» на самом деле люди, он недоумевал, как они могли вновь и вновь убивать себя в разных телах.

Теперь он знал. Конечно, процедура была очень мучительной и очень утомительной. Но она не оставляла или почти не оставляла места для сожаления, скорби, стыда. Она очень быстро становилась работой и, как любая работа, подлежала рационализации. Через час, когда Чандлер убил всего семь человек и понял, что при таких темпах выбьется из сил прежде, чем сможет обезопасить себя от нападения, он стал систематически улучшать свои методы, и в конце концов

добился высокой эффективности. Уничтожая исполников, он сетовал на гавайцев, любивших строить невысокие дома; но оказалось, что вполне можно убить себя, выпрыгнув из окна двухэтажного дома, если только лететь головой вниз… Кровавая оргия продолжалась весь день и всю ночь; убивая, он продвигался все дальше от здания Центра Связи ТУЗ и истреблял всех, кто носил венец, а потом, когда утомился и стал менее внимательным, — и к тому же понял, что некоторые исполники сняли свои бесполезные венцы — убивал уже всех подряд.

Он остановился только после того, как обнаружил, что добрался до окраины Гонолулу.

Он уже давно сбился со счета, но несомненно убивал, по крайней мере, тысячу раз — и тысячу раз умирал. Конечно, какие-то исполники выжили, но он уже не смог бы отличить их от рабов. Поэтому он остановился… и еще потому, что ужасно устал… но главным образом потому, что потоки крови удовлетворили его жажду мести.

Он выбился из сил.

Вернувшись в свое тело, он несколько минут сидел, прислонившись к стене. Потом встал, снял с головы венец и, помахивая им, вышел навстречу рассвету нового мира.

Великий убийца Чандлер взглянул на свой мир и остался им недоволен.

Конечно, сильное утомление могло притупить его чувства, но все же что-то было не так. Почему он не ощущал ликования? Почему не кричал от радости, не благодарил Бога?

Почему? — недоумевал он, ведь сбылись самые невероятные мечты прошлых лет. За одну ночь отмщены Нью-Йорк и Орфализ, миллионы превратившихся в пепел людей в России и замученные рабы в Гонолулу…

Но он не мог избавиться от мысли, что работа еще не закончена. Он поигрывал своим венцом, равнодушно глядя на светлеющее небо, и где-то в глубине души слышал странный лукавый голос: «Кто владеет венцом, владеет всем миром».

Чандлер кивнул, потому что это было правдой. Он рассеянно поглаживал филигранный прибор, подобно человеку, который поглаживает красивый ковер, когда-то бывший шкурой страшного тигра. Удивительно, как такой маленький предмет мог обладать такой огромной силой…

Чандлер вернулся в здание и стал варить себе крепкий черный кофе. Он слышал, как Розали шевелится в шкафу, где он ее запер. Через минуту ее можно будет выпустить. Но не сейчас, а только

через минуту. Когда он додумает все до конца. Когда примет крайне важное решение. Потому что работа на самом деле еще не закончена. Нужно найти все схемы — и уничтожить. Разумеется, уничтожить. И еще нужно разыскать всех оставшихся исполников и тоже уничтожить.

Да, дел много. Ожидая кофе, он снова надел на голову венец. Конечно, только на некоторое время. Совсем ненадолго. Он торжественно поклялся себе в том, что будет носить его лишь до тех пор, пока не закончит с оставшимися мелкими делами — лишь до тех пор и ни секундой дольше, клялся он и, произнося мысленно эту клятву, знал, что лжет.

Рассказы

Человек, который мог съесть мир

1

У него было имя, но дома его звали «Сынок», а из дому он почти не выходил. Он ненавидел дом. Другие мальчики его возраста ходили в школу. Сынок все бы отдал ради того, чтобы ходить в школу, но его семье, скажем так, не слишком везло. Не вина Сынка, что его отец был таким неудачником. Но это означало для него — никакой школы, никаких сверстников, товарищей по играм. Любое детство — трагедия (о чем взрослые забывают), но детство Сынка представляло собой одну сплошную полосу страданий.

Хуже всего бывало ночью, когда младшая сестренка уже спала, а родители в мрачном настроении ели, читали, танцевали и пили, пока в конце концов не валились с ног. А из всех ночей Сынка хуже всего была, по-видимому, ночь накануне того дня, когда ему исполнялось двенадцать. Он был уже достаточно большим, чтобы знать, как выглядит день рождения. Будут пирожные и конфеты, игры и забавы; будут подарки, подарки, подарки — страшный, бесконечный день.

Он выключил цветной стереовизор, убрал пленку с записями матросских песен и с отсутствующим видом направился к дверям детской.

Дэви Крокетт, до этого сидевший рядом с макетом космодрома, встал и сказал:

— Подожди, Сынок. Я прогуляюсь с тобой. — Лицо Дэви было безмятежным и бодрым, словно утес в Теннесси; он сунул под мышку длинное охотничье ружье, а другой рукой обнял Сынка за плечи. — Куда направляемся?

Сынок стряхнул с плеча руку Дэви Крокетта.

— Проваливай, — раздраженно буркнул он. — Тебя кто-нибудь звал?

Из шкафа, ковыляя на деревянной ноге и опираясь на суковатый костыль, вышел длинный Джон Сильвер.

— Ах, молодой хозяин, — с упреком произнес он, — нельзя так разговаривать со стариной Дэви! Дэви — твой добрый друг. Не раз в тяжелую минуту мы с Дэви составляли тебе компанию. Я спрашиваю тебя, молодой хозяин, разве это достойно, разве честно — приказывать ему убираться? Разве это достойно тебя, молодой хозяин? Разве это хорошо?

Сынок не отвечал, упрямо уставившись **в** пол. Черт возьми, какой смысл отвечать этим куклам?

Он стоял не двигаясь и упорно молчал, пока не почувствовал, что хочет что-то сказать, и бросил им:

— Полезайте в шкаф, оба. Я не хочу с вами играть. Поиграю со своей железной дорогой.

— О да, это замечательная мысль! — услужливо подхватил Длинный Джон. — Ты здорово позабавишься с железной дорогой, молодой хозяин, а тем временем мы с Дэви…

— Убирайтесь! — крикнул Сынок, топнув ногой, и топал до тех пор, пока они не скрылись из виду.

Посреди комнаты стояла пожарная машина; он хотел ее пнуть, но машина быстро отъехала за пределы досягаемости его ноги и скрылась в маленьком гараже под аквариумом с тропическими рыбками. Волоча ноги, Сынок подошел к макету железной дороги и уставился на него. Когда он оказался рядом, из туннеля, разбрасывая искры из трубы, выкатился локомотив «XX век Лимитед». Он промчался через мост, засвистел на переезде и, выбрасывая клубы пара, въехал на перрон вокзала Юнион Стейшен. Крыша станции засветилась и внезапно стала прозрачной. Сынок увидел бурлящую под ней толпу носильщиков и пассажиров…

— Не хочу, — сказал Сынок. — Кэйси, разбей еще раз этот старый «номер девяносто девятый».

Макет послушно дрогнул и повернулся на полоборота. Из кабины паровоза высунулся Кэйси Джонс ростом в один и одну восьмую дюйма и помахал Сынку на прощание. Паровоз дважды пронзительно свистнул и начал набирать скорость…

Это была неплохая катастрофа. Маленькое тело старого Кэйси, выброшенное силой инерции из кабины, было покрыто настоящими пузырями от горячего пара и по-настоящему истекало кровью. Однако Сынок повернулся к зрелищу спиной. Катастрофа нравилась ему долго — дольше, чем любая другая игрушка. Но и она ему уже наскучила.

Он обвел взглядом комнату.

Тарзан, человек-обезьяна, опиравшийся до сих пор на ствол дерева толщиной в полметра и державший в руке конец лианы, поднял голову и посмотрел на него. Но Тарзана, быстро рассчитал Сынок, отделяет от него вся комната. Остальные сидят в шкафу…

Сынок молнией выскочил из детской и захлопнул за собой дверь. Краем глаза он успел заметить, как Тарзан бросается за ним в погоню, но, прежде

чем Сынок переступил порог, тот отказался от своих намерений и застыл неподвижно.

Это нечестно, со злостью подумал Сынок. Они его даже не преследуют; если бы за ним гнались, у него по крайней мере был бы хоть какой-то шанс сбежать. Они просто общаются друг с другом по радио, и через минуту кто-нибудь из воспитателей, или горничных, или кто-нибудь еще, кто окажется поблизости, получит его координаты. И все кончится точно так же.

Но хоть на какое-то мгновение он был свободен.

Он замедлил шаг перед входом в Большую Комнату и направился в сторону комнаты сестренки. Едва он вошел в холл, как забили фонтаны, мелодично зазвенела покрывающая стены мозаика, переливаясь всеми цветами радуги.

— Постой, деточка, куда ты?

Он обернулся, хотя и так знал, что это Мамочка. Она тяжело шлепала к нему своими большими ногами с плоскими ступнями, расставив перед собой руки с розовыми ладонями. На ее лице, скрытом под красным платком, застыло хмурое выражение. Поблескивая золотым зубом, она продолжала ворчать:

— Деточка, ты нас в гроб загонишь! Как нам

тобой заниматься, если ты все время убегаешь? А сейчас ты вернешься с Мамочкой в свою комнату, и мы посмотрим, не передают ли чего-нибудь интересного по телевизору.

Сынок остановился, но даже не удостоил ее взглядом. Шлеп-шлеп, утиная походка, большие ноги, но у него не было никаких иллюзий. На своих утиных ногах и при трехстах фунтах веса Мамочка с легкостью догонит его на расстоянии в тридцать ярдов, даже если бы у него было десять ярдов форы. Все они это могли.

— Я шел повидаться с сестренкой, — сказал он ледяным голосом, в котором звучало все возмущение, на какое только он был способен.

Пауза.

— Правда? — На пухлом черном лице появилось подозрительное выражение.

— Да, правда. Дорис — моя сестренка, и я ее очень люблю.

Пауза — длинная пауза.

— Это очень хорошо, — сказала Мамочка, но в ее голосе все еще звучало недоверие. — Наверное, будет лучше, если я пойду с тобой. Ты же не хочешь разбудить сестренку? Я пойду с тобой и помогу тебе вести себя тихо.

Сынок сбросил с плеча ее руку — они все время

клали на него свои лапы!

— Я *не хочу,* чтобы ты ходила со мной, Мамочка!

— Ой, солнышко! Ты же знаешь, что Мамочка тебе не помешает.

Сынок повернулся и угрюмо направился в сторону комнаты сестры. Если бы они хоть раз оставили его *одного!* Но этого ему никогда не дождаться. Всегда было одно и то же, каждый раз какой-нибудь дерьмовый старый робот… да, *робот*, в ярости подумал он, наслаждаясь этим непристойным словом. Постоянно один дерьмовый робот за другим. Почему папа не может быть таким, как другие папы, чтобы жить в приличном доме и избавиться от этих дерьмовых роботов; чтобы можно было ходить в настоящую школу и сидеть в классе с другими ребятами, а не учиться дома под руководством мисс Брукс, мистера Чипса и всей этой банды *роботов?*

Они все портили. И теперь снова испортят то, о чем он мечтает. Но он все равно это сделает, потому что в комнате Дорис есть одна вещь, которой ему так не хватает…

Единственная реальная вещь, которую он так желал.

Когда они проходили мимо имитации груды

камней под названием Медвежья Пещера, Мама-медведица высунула из нее голову и прорычала:

— Привет, Сынок! Не пора ли тебе спать? В нашем медвежьем логове приятно и тепло, Сынок.

Он даже не взглянул в ее сторону. Было время, когда и такие вещи ему нравились, но теперь ему было не четыре года, как Дорис. И тем не менее…

Он остановился перед дверью ее комнаты.

— Дорис? — прошептал он.

— Деточка, — упрекнула его Мамочка, — ты же знаешь, что малышка уже спит! Зачем ты хочешь ее разбудить?

— Я вовсе не собираюсь ее будить. — У Сынка даже мысли не возникало будить сестренку. Он вошел на цыпочках в комнату и остановился возле кроватки девочки. «Счастливая!» — с завистью подумал он. В свои четыре года она могла жить в маленькой комнатке и спать в маленькой кроватке, в то время как он, Сынок, обитал в сорокафутовой спальне в кровати длиной восемь футов.

Он задумчиво смотрел на сестру. Стоявшая позади него Мамочка одобрительно причмокнула.

— Как это мило, когда дети любят друг друга так, как ты и малышка! — прошептала она.

Дорис спала, посапывая и прижимая к себе

плюшевого мишку. Мишка слегка пошевелился и, приоткрыв один глаз, взглянул на Сынка, но ничего не сказал.

Затаив дыхание, Сынок наклонился над кроваткой и осторожно поднял плюшевого мишку.

Мишка отчаянно извивался, пытаясь вырваться. Сзади послышался укоризненный голос Мамочки:

— Сынок! Немедленно оставь мишку в покое, слышишь?

— Я ничего такого не делаю, — прошептал Сынок. — Отстанешь ты от меня наконец?

— Сынок!

Он крепко сжимал маленького плюшевого медвежонка-робота. Мягкие лапки били его по рукам. Медвежонок ревел игрушечным голосом, скулил, и внезапно на руки Сынка начали капать его настоящие, соленые слезы.

— Сынок! Перестань сейчас же, золотце, ты же знаешь, что это игрушка Дорис. Ой, деточка!

— Он мой, — буркнул Сынок в ответ. Мишка был вовсе не его. Его мишки давно уже не было. Его отобрали, когда Сынку было шесть лет, потому что мишка был *старый,* а шестилетним полагались более сложные и большие роботы-друзья. Этот мишка был вообще другого цвета

— коричневый, а у него был черно-белый. Но он был приятным и теплым на ощупь; Сынок иногда слышал, как он шепчет Дорис на ухо сказку на ночь. И ему очень хотелось иметь такого.

Шаги в холле. Низкий, умоляющий голос от двери:

— Сынок, нельзя отбирать игрушки у Дорис. Веди себя хорошо.

Он стоял, опустив голову и сжимая плюшевого мишку.

— Идите отсюда, мистер Чипе!

— Я к тебе обращаюсь, Сынок! Нельзя так себя вести. Пожалуйста, отдай игрушку.

— Не отдам! — крикнул Сынок.

Мамочка склонилась над ним, пытаясь отобрать у него мишку.

— Деточка, ты же знаешь, что…

— Отцепись! — снова крикнул Сынок. Из кроватки послышался вздох и тихий вскрик. Дорис села и расплакалась.

Спальня девочки внезапно заполнилась роботами — и не только роботами, поскольку вскоре появился робот-дворецкий, ведя с собой настоящих, из плоти и крови, мать и отца Сынка. Сынок устроил жуткую сцену. Он плакал и обзывал их вечными неудачниками, а они тоже чуть не

плакали, понимая, что их не слишком высокое положение в обществе не идет на пользу детям.

Но они не позволили ему взять мишку.

Они отобрали его и отвели Сынка обратно в комнату, где отец серьезно с ним поговорил; мать же осталась в спальне Дорис, чтобы посмотреть, как Мамочка успокаивает девочку.

— Сынок, — сказал отец, — ты уже большой мальчик. Дела у нас идут не так хорошо, как у других, и ты должен нам помогать. Разве ты не понимаешь, Сынок? Мы все должны исполнять свой долг. Мы с матерью теперь не заснем до полуночи из-за того, что ты устроил сцену. Пожалуйста, пользуйся чем-нибудь побольше, чем плюшевый мишка. Он в самый раз для Дорис, потому что она маленькая, но такой большой мальчик, как ты…

— Я тебя ненавижу! — крикнул Сынок и отвернулся лицом к стене.

Его, естественно, наказали. Первым наказанием было то, что через неделю ему устроили еще один день рождения.

Второе наказание было еще хуже.

2

Намного позже, лет через двадцать после описанных событий, в номер отеля на острове под названием Фишермен-Айленд вошел мужчина по имени Роджер Гаррик.

Свет не зажегся.

— Нам очень жаль, сэр, — вежливо извинился посыльный. — Мы постараемся по возможности это исправить.

— По возможности? — Брови Гаррика поползли вверх. Судя по словам боя, смена лампочки представляла собой сложную техническую операцию.

— Ладно. — Он жестом руки отослал боя.

Парень поклонился и закрыл за собой дверь.

Гаррик огляделся вокруг, наморщив лоб. Одной лампочкой больше, одной меньше — особой разницы не было; в конце концов, свет давали еще бра на стенах, настольные лампы у кресел и дивана и фотообои, покрывавшие более длинную стену помещения. Не говоря о том, что на улице стоял ясный, жаркий день и свет лился также и через окна. Однако это было что-то новое — стоять в комнате, в которой не работает верхний свет. Ему это не понравилось. Его почему-то бро-

сило в дрожь.

Стук в дверь. На пороге стояла женщина — молодая, привлекательная, не слишком высокая, но, несомненно, уже взрослая.

— Мистер Гаррик? Мистер Рузенберг ждет вас на солнечной террасе.

— Сейчас иду. — Гаррик копался в куче багажа в поисках портфеля. Вещи даже не были разобраны! Посыльный просто свалил все в кучу и ушел как ни в чем не бывало.

— Не это ли вы ищете? — спросила девушка. Он посмотрел туда, куда она показывала: там лежал его портфель, скрытый за другой сумкой. — Вы привыкнете к тому, что здесь творится. Ничего нет на месте, ничего не работает. Мы уже привыкли.

«Мы». Он пристально посмотрел на нее, но она не была роботом: в ее глазах светилась жизнь, а не блеск электрических лампочек.

— Даже так?

Она пожала плечами.

— Идемте к мистеру Рузенбергу. Кстати, меня зовут Кэтрин Пендер. Я его личный статистик.

— Статистик?

Он вышел следом за ней в коридор. Она обернулась и улыбнулась принужденной, грустной

улыбкой, в которой чувствовалась досада.

— Именно. Вас это удивляет?

— Ну, — пробормотал Гаррик, — это занятие, скорее, для робота. Я, конечно, не разбираюсь в этой области.

— Разберетесь, — коротко отрезала она. — Нет, на лифте мы не поедем. Мистер Рузенберг срочно хочет вас видеть.

— Но…

Она повернулась и уставилась на него.

— Вы что, не понимаете? Позавчера я ехала на лифте и застряла между этажами на полтора часа. Что-то случилось на Норт-Гардиан, и пропало напряжение в сети. А если то же самое случится сегодня? Прошу мне поверить: торчать полтора часа в лифте — это очень долго. — Она повернулась и повела его в сторону пожарной лестницы. По пути она бросила через плечо: — Запомните раз и навсегда, мистер Гаррик. Вы находитесь в районе бедствия… Впрочем, это всего лишь десять этажей.

Десять этажей! *Никто* уже давно не поднимался на десять этажей пешком! Не преодолев и половины расстояния до цели, Гаррик начал задыхаться, но девушка бежала легко, словно газель. Ее юбка задиралась чуть выше колен, и

Гаррик с удовольствием любовался ее привлекательными загорелыми ногами. Но, несмотря на это, не мог удержаться от желания смотреть по сторонам. Он видел гостиницу изнутри, какой видели ее роботы, — оголенную арматуру, поддерживавшую изысканные апартаменты и холлы, по которым прогуливались люди. Гаррик знал, как это подсознательно знал каждый, что везде за кулисами скрываются такие вот места. В подземельях работали роботы; роботы крутились по своим делам за стенами и выполняли поставленные перед ними задачи. Но человек туда *не заглядывал*.

Что-то странное было со сгибами коленей девушки: они были бледнее остальной части ноги…

Гаррик заставил себя вернуться к изучению окружающей обстановки. Взять, к примеру, перила, тонкие, как проволока, и выглядевшие не слишком солидно. Несомненно, они могли выдержать любой вес, но почему бы им соответственно и не выглядеть? Ответ заключался в том, что у роботов не запрограммировано человеческое понимание того, насколько прочными должны выглядеть перила. Если бы у робота возникли какие-либо сомнения — впрочем, трудно пове-

рить, что робот может в чем-то сомневаться! — он протянул бы руку и проверил перила. Только один раз. Потом он запомнил бы это и никогда больше бы не сомневался: идя по лестнице, он не прижимался бы к стене, как можно дальше от паутинки, протянутой между ним и бездонной пропастью…

Весь подъем Гаррик тщательно держался середины лестницы.

Конечно, девушка просто означала еще один отвлекающий фактор (а ему действительно было о чем подумать), но весьма приятный фактор. И когда они наконец добрались до верха, он решил проблему: светлые места на сгибах коленей мисс Пендер появились из-за того, что она загорала активно — прогуливаясь на солнце, возможно работая на солнце, из-за чего солнечные лучи плохо осветили эти места. Нормальный человек загорал бы под кварцевой лампой, которую держал робот-массажист.

— Вам не кажется, что мы уже наверху? — с трудом дыша, спросил он.

— Да, — подтвердила она и окинула его испытующим взглядом. — Ну, обопритесь на меня, если устали.

— Нет, спасибо! — Он, шатаясь, подошел к две-

ри, которая, естественно, сама открылась при его приближении, и шагнул на залитую солнцем террасу.

…Гаррик не был доктором медицины, но сразу сообразил: в этом золотистом напитке что-то содержалось. Он был великолепен на вкус — в самый раз охлажденный, в самый раз газированный, не слишком сладкий. Уже после двух глотков Гаррик был полон энергии и хорошего самочувствия.

Он поставил стакан и сказал:

— Не знаю, что это было, но спасибо. Теперь поговорим.

— С удовольствием, с удовольствием! — прогудел мистер Рузенберг. — Кэтрин, материалы!

Гаррик, качая головой, следил за ней взглядом. Значит, она не только статистик, что всегда считалось занятием для робота, но и архивариус, а это было занятие даже не для робота: в любом приличном отделе подобными вещами занимался полуразумный сортировщик.

— Вы потрясены? — язвительно заметил Рузенберг, стройный, красивый человек с золотистой, ровно подстриженной бородкой. — Но именно поэтому вы здесь.

Гаррик сделал еще глоток газированного на-

питка. Напиток действительно был превосходен: он не опьянял, а освежал.

— Я рад, что наконец знаю, зачем меня сюда вызвали, — сказал он.

— Региональный Контроль прислал вас к нам, не сообщив, что это зона бедствия? — удивился Рузенберг.

Гаррик поставил стакан.

— Я психолог. В Региональном Контроле мне сказали, что вам нужен психолог. Судя по тому, что я здесь увидел, речь идет, скорее, о проблемах со снабжением, но…

— Вот ваши материалы. — Кэтрин Пендер встала рядом, испытующе глядя на Гаррика.

Рузенберг взял у нее катушку с лентой и бросил себе на колени.

— Сколько вам лет, Роджер? — бесцеремонно спросил он.

— Я квалифицированный психолог! — В голосе Гаррика чувствовалось раздражение. — Так получилось, что меня направили в Региональный Контроль, и…

— Сколько вам лет?

— Двадцать четыре, — буркнул Гаррик, глядя исподлобья на Рузенберга.

— Гм, — покачал головой Рузенберг. — Это

немного. Вы, наверное, уже не помните прежние времена?

— Вся необходимая мне информация находится на этих лентах, — угрожающе сказал Гаррик. — Я не нуждаюсь в ваших лекциях.

Рузенберг поджал губы и встал.

— Подойдите на минутку сюда, ладно?

Он подошел к барьеру, окружавшему террасу, и вытянул руку.

— Видите эти здания там, внизу?

Гаррик посмотрел вниз. Двадцатью этажами ниже, у берега моря, расположился городок, видимый отсюда как мешанина пастельных прямоугольников и башенок. По другую сторону залива маячили в легком тумане холмы материка; на воде залива покачивались плоские белые поплавки солнечных датчиков.

— Это энергостанция. Вы ее имеете в виду?

— Энергостанция, — прогудел Рузенберг. — Вся энергия, необходимая миру, поступает с этой и других, разбросанных по всему миру, станций. — Он перегнулся через барьер, вглядываясь в покачивающиеся на волнах поплавки, поглощающие солнечную энергию. — А люди хотели их уничтожить, — помолчав, добавил он.

— Мне только двадцать четыре года, мистер

Рузенберг, — бесстрастно сказал Гаррик, — но я окончил школу.

— О да. Конечно, окончили, Роджер. Но ходить в школу — это не то же самое, что жить в те времена. Я рос в Эпоху Изобилия, когда законом было *потреблять*. Мои родители были бедны, и я до сих пор помню страдания, которые мне приходилось испытывать в детстве. Есть и потреблять, использовать и расходовать. Я не знал ни минуты отдыха, Роджер! Для очень бедного человека это была каторга: требовалось потреблять без перерыва, а чем больше мы потребляли, тем большего требовал от нас Совет по распределению…

— Все это в прошлом, мистер Рузенберг, — прервал его Гаррик. — Мори Фрай освободил нас от этого кошмара.

— Не всех, — тихо сказала девушка.

— Не всех, — кивнул Рузенберг. — Об этом вы, как психолог, должны знать, Роджер.

Гаррик выпрямился на стуле, а Рузенберг продолжал:

— Фрай продемонстрировал нам, что роботов можно использовать в двух качествах — как производителей и как потребителей. Но для некоторых из нас эта поддержка пришла слишком поздно. Привычки детства порой приобретают

патологический характер.

Кэтрин Пендер наклонилась к Гаррику:

— Он хочет сказать, мистер Гаррик, что в данном случае мы имеем дело с патологическим потребителем.

3

До острова Норт-Гардиан было девять миль. Он был не более мили в ширину и немногим больше в длину, но на нем располагался городок с приморскими пляжами, парками и театрами. Принимая во внимание количество жителей, это был, пожалуй, остров с самой большой плотностью населения в мире.

Председатель совета острова собрал заседание в большом, богато обставленном зале. Вокруг блестящего стола из черного дерева сидели девятнадцать советников. Над плечом председателя собравшиеся могли видеть карту острова Норт-Гардиан вместе с окрестностями. Остров светился мягким, холодным голубым светом. Море было грязно-зеленым; ближайший континент, Фишермен-Айленд, Саут-Гардиан и остальная часть небольшого архипелага испускали яркое, враждебное красное свечение.

Маленькие подвижные красные щупальца

атаковали голубой фон. Вспышка — и красный язычок поглотил краешек пляжа, вспышка — и красная искорка запылала в центре города, она росла, ширилась, а потом погасла. Каждая маленькая красная вспышка означала пункт, в котором были прорваны линии обороны острова; но каждый раз мягкое голубое свечение возникало вокруг красных пятнышек и заливало их.

Председатель был высок, сутул и стар. Он носил очки, хотя его глаза робота хорошо видели и без них. В голосе его звучала уверенность в себе и гордость.

— Первым пунктом повестки дня — доклад советника по обороне.

Советник по обороне поднялся с места, заложил большой палец за отворот жилета и откашлялся.

— Господин председатель…

— Прошу прощения, — послышался шепот молодой блондинки с симпатичным личиком, стенографировавшей ход заседания. — Мистер Труми только что покинул Боулинг-Грин и направляется на север.

Все повернулись к карте, где Боулинг-Грин только что вспыхнул красным.

Председатель натянуто кивнул, словно качающая кроной старая секвойя.

— Продолжайте, господин советник, — помолчав, сказал он.

— Наши военно-морские силы вторжения, — начал советник высоким, чистым голосом, — готовы к отплытию при первом же подходящем приливе. Некоторые боевые единицы были… э… выведены из строя э… мистером Труми, но повреждения устранены, и через несколько часов флот будет в полной боеготовности. — Худое привлекательное лицо советника помрачнело. — Однако, к сожалению, мы отмечаем рост своего рода давления на руководство воздушных сил, связанного, что следует подчеркнуть, с определенными шансами, которые дает некоторый, заранее рассчитанный, риск…

— Вопрос, вопрос! — Это был комиссар общественной безопасности, невысокий, смуглый; глаза его сверкали от гнева.

— Господин комиссар… — начал председатель, но его снова прервал шепот стенографистки, внимательно слушавшей через наушники о том, что происходит снаружи.

— Господин председатель, — прошептала она, — мистер Труми уже миновал базу военного флота.

Роботы повернулись, чтобы взглянуть на карту.

Боулинг-Грин, хотя еще местами и вспыхивал красным, в основном приобрел голубой цвет. Однако неровный прямоугольник базы пылал ярко-красным. В воздухе пронесся легкий электронный шум, почти вздох.

Роботы отвернулись от карты и снова уставились друг на друга.

— Господин председатель! Я требую, чтобы советник по обороне объяснил нам потерю «Графа Цеппелина» и 456-й эскадры бомбардировщиков!

Советник по обороне слегка наклонил голову, обращаясь к комиссару общественной безопасности.

— Мистер Труми их выбросил, — с грустью сообщил он.

Собравшиеся в зале роботы снова издали тихое электронное гудение.

Советники начали сосредоточенно перебирать бумаги, а тем временем висевшая на стене карта вспыхивала и гасла, вспыхивала и гасла. Советник по обороне снова откашлялся.

— Господин председатель, не подлежит сомнению, что… э… отсутствие поддержки с воздуха помешает нашей успешной высадке. Тем не менее — я утверждаю это, господин председатель,

вполне осознавая выводы, которые могу… нет, должен сделать из подобного утверждения, — тем не менее, господин председатель, заверяю вас, что силы нашего десанта совершат высадку…

— Господин председатель! — снова раздался взволнованный шепот блондинки-стенографистки. — Господин председатель, мистер Труми уже в здании!

На висевшей позади нее карте Пентагон — здание, в котором они находились, — светился красным.

Генеральный прокурор, сидевший ближе всего к двери, вскочил с места:

— Господин председатель, я его слышу!

Теперь уже все слышали. Издалека, из глубины коридора, донесся грохот. Негромкий взрыв, и снова грохот, смешанный с рассерженными, возмущенными громкими голосами. Потом опять грохот, уже ближе, и громкий треск.

Дубовая дверь с грохотом распахнулась, разлетаясь в щепки.

Через дверной проем в зал шагнул высокий загорелый мужчина в серой кожаной куртке, с ракетными пистолетами в кобурах на поясе, и остановился на пороге, переводя взгляд с одного члена совета на другого. Руки пришельца лежали

на рукоятках пистолетов.

— Мистер Андерсон Труми! — процедил сквозь зубы пришелец.

Он шагнул в сторону. В зал вошла вторая мужская фигура — пониже ростом, еще больше загорелая, опирающаяся на костыль из нержавеющей стали, в котором скрывался лазерный излучатель, в такой же серой кожаной куртке и с такими же ракетными пистолетами; она на мгновение остановилась в дверях, потом заняла место по другую их сторону.

Затем в зал заседаний тяжело ввалился мистер Андерсон Труми, чтобы встретиться со своим советом.

Сынок Труми стал взрослым.

В нем было не больше пяти футов роста, но вес его приближался к четыремстам фунтам. Он стоял в дверях, опираясь на разбитую дубовую раму, его толстые щеки сливались с шеей, глаза тонули в жире, облеплявшем череп, толстые, едва державшие его ноги дрожали.

— Вы все арестованы! — запищал он. — Изменники! Изменники!

Тяжело дыша, он яростно глядел на них. Они стояли, опустив головы. Карта за спиной группы советников постепенно очищалась от красных

пятен: это ремонтные роботы лихорадочно восстанавливали то, что разрушил Сынок Труми.

— Мистер Крокетт! — писклявым голосом крикнул Сынок. — Уничтожьте этих изменников!

Два пистолета со свистом выскочили из кобуры прямо в руки высокого телохранителя. Тра-та-та — и девятнадцать советников, подскакивая по двое и молотя руками воздух, упали, пробитые насквозь ракетными пулями.

— Эту тоже! — крикнул Труми, показывая на блондинку со смазливым личиком.

Бах! Симпатичное личико конвульсивно скривилось и застыло; стенографистка свалилась на свой маленький столик. Карта на стене снова засветилась, но слабо, ибо что могут значить двадцать роботов?

Сынок кивнул второму телохранителю. Тот, сжимая под мышкой костыль из нержавеющей стали, подскочил к нему и свободной рукой обнял Сынка Труми за жирные плечи.

— Ну, молодой хозяин, — произнес он с мелодичным акцентом, — обопрись теперь на плечо Длинного Джона…

— Убрать их, — резко приказал Сынок. Он столкнул председателя совета с кресла и с помощью роботов сам уселся в него. — Убрать их

отсюда *немедленно*, слышите? Я сыт по горло этими изменниками. Я хочу, чтобы они делали то, что я говорю!

— Святая правда, молодой хозяин. Длинный Джон…

— *За работу!* И ты, Дэви, тоже! Я хочу пообедать.

— Понятное дело, хотите, мистер Труми. Все уже готово. — Робот Крокетт пинком отодвинул лежащего на полу советника, освобождая место для процессии роботов-официантов, как раз входившей из коридора в зал.

Сынок начал есть.

Он ел, пока еда не превратилась в пытку, а потом сидел в кресле, всхлипывая и обхватив руками стол, пока снова не смог есть.

— Мистер Труми, — озабоченно сказал робот Крокетт, — не стоит ли вам чуточку воздержаться? Вы же знаете, что доктор Эсхилос не любит, когда вы слишком много едите.

— Ненавижу доктора! — злобно ответил Труми, сметая тарелки со стола. Они упали с грохотом и звоном и покатились по полу, а он с трудом поднялся с кресла и, шатаясь, без посторонней помощи доковылял до окна. — Ненавижу доктора! — снова проревел он, всхлипывая и глядя

сквозь слезы в окно, на свое королевство, где куда-то спешили толпы людей, маршировали солдаты и шумел прибой. Жирные плечи тряслись от боли. Ему казалось, что в горло ему сыплются раскаленные уголья, зазубренными краями разрезая все, что попадается на пути. — Отведите меня обратно, — всхлипывая, сказал он роботам. — Подальше от этих изменников! Отведите меня домой!

4

Как вы сами видите, — сказал Рузенберг, — он опасен.

Гаррик задумчиво глядел в сторону Норт-Гардиан.

— Я лучше посмотрю пленки, — сказал он.

Девушка сразу же схватила катушку и начала вставлять ее в проектор. «Опасен. Да, — мысленно согласился Гаррик, — этот Труми опасен». Опасен для уравновешенного, стабильного мира, поскольку хватит одного Труми, чтобы нарушить стабильность. В течение многих тысячелетий общество училось искусству осторожно идти по канату. Действительно, это была работа для психолога…

А Гаррику не доставляло никакого удоволь-

ствия сознавать, что ему всего двадцать четыре года.

— Готово, — сообщила девушка.

— Просмотрите это, — сказал Рузенберг. — Потом, когда изучите все пленки, касающиеся Труми, мы вам покажем кое-что еще. Одного из его роботов. Но сначала советую познакомиться с материалами.

— Ну, поехали, — сказал Гаррик.

Девушка нажала кнопку, и перед ним в цвете и в трех измерениях появилась в миниатюре вся жизнь Андерсона Труми.

У роботов есть глаза; а куда бы ни отправлялись роботы, туда же отправляются глаза Центрального Робота. А роботы бывают везде. Катушка с лентой, содержавшей историю жизни Сынка Труми, была взята из архива Центрального Робота.

Пленки воспроизводились на шарообразном экране высотой в десять дюймов, хрустальном шаре, позволявшем заглянуть в прошлое. Сначала появились картины, зарегистрированные глазами роботов из детской Сынка Труми. Одинокий мальчик, потерявшийся в огромной комнате двадцать лет назад.

— Отвратительно! — содрогнулась Кэтрин Пендер, наморщив нос. — Как люди могли так жить?

— Не мешайте смотреть, — сказал Гаррик. — Это очень важно.

Фигурка маленького мальчика в шаре пинком расшвыряла игрушки и с рыданиями бросилась на огромную кровать. Гаррик прикрыл глаза и в раздумье наморщил лоб. Да, пленки показывали объективные факты, но психолога интересовала субъективная реальность, скрывавшаяся за этими фактами. Он пинает свои игрушки. Но почему? Потому что сыт ими по горло — а почему он сыт ими по горло? Потому что он их боится? *Он пинает свои игрушки.* Потому что… это *плохие* игрушки? *Он ненавидит их! Он отвергает их! Он хочет…*

Шарообразный экран засветился голубым. Гаррик заморгал; фрагмент кончился.

Цвета поплыли и внезапно образовали четкую картину. Андерсон Труми — юноша. Гаррик почти сразу узнал эту сцену — дело происходило здесь, на Фишермен-Айленд, в каком-то приятном месте с видом на воду. Бар, а в глубине его прыщавый двадцатилетний Андерсон Труми угрюмо глядит в пустой стакан. Картина была зарегистрирована глазами робота-бармена.

Андерсон Труми плакал.

И снова это был лишь объективный факт, а

что скрывалось за этим фактом? Труми пил, пил. Почему? *Пить, пить*… Внезапно, потрясенный, Гаррик понял, что это за напиток — золотая газированная жидкость. Не отравляющая, не вызывающая привыкания! Труми не был пьяницей, нечто иное заставляло его *пить, пить, обязательно пить, ни в коем случае не переставать пить, поскольку иначе*…

И снова голубая вспышка.

Это был еще не конец, пленка представляла Труми, лихорадочно собиравшего произведения искусства. Труми, украшающего дворец, Труми в кругосветном путешествии и Труми, возвращающегося на Фишермен-Айленд.

И это был действительно конец.

— Вот материалы, — сказал Рузенберг. — Конечно, если вы хотите посмотреть сырые, еще не обработанные пленки, мы можем получить их у Центрального Робота, но…

— Нет. — В такой ситуации лучше было держаться подальше от Центрального Робота; кроме того, кое-что в его мыслях уже начало вырисовываться.

— Пустите еще раз первую пленку, — попросил Гаррик, — кажется, там кое-что есть…

Гаррик заполнил бланк заявки и вручил его

Кэтрин Пендер. Девушка бросила взгляд на листок, подняла брови, пожала плечами и вышла.

Когда она вернулась, Рузенберг уже отвел Гаррика в комнату, где лежал скованный цепями пойманный робот Труми.

— Он отключился от Центрального Робота, — пояснил Рузенберг. — Вы понимаете, что это означает. Только представьте себе! Труми не только построил для себя целый город, но и создал собственного Центрального Робота.

Гаррик посмотрел на робота. Это был рыбак, по крайней мере так утверждал Рузенберг. Невысокий, смуглый, черноволосый, и, вполне возможно, если бы его волосы не намокли, они были бы кудрявыми. Робот был еще мокрым после борьбы, в результате которой оказался в воде и в конце концов — в руках Рузенберга.

Рузенберг уже приступил к делу. Гаррик старался думать о роботе как о машине, но это было нелегко. Робот до крайности напоминал человека — если бы не кристаллы и медь, показавшиеся после снятия задней части головы.

— Это так же сложно, как операция на мозге, — быстро работая и не поднимая взгляда, пробормотал Рузенберг. — Нужно замкнуть входные цепи, не нарушая электронного равно-

весия…

Щелк, щелк. Отвалилась маленькая медная спираль, и Рузенберг подхватил ее пинцетом. Руки и ноги рыбака внезапно дернулись, словно конечности лягушки, подключенной к гальваническому элементу.

— Его нашли сегодня утром, — сказала Кэтрин Пендер, — когда он забрасывал сеть в заливе, напевая «О Соле Мио». Он наверняка с Норт-Гардиан.

Внезапно свет замигал и померк, потом вернулся к нормальной яркости. Гаррик встал и подошел к окну. Вдали, там, где небо сходилось с землей, ярким пятнышком маячил Норт-Гардиан.

Щелк. Щелк. Робот-рыбак запел:

Tutte le serre, dopo quel fanal,
Dietro la casertma, ti staro ed…

Щелк. Рузенберг пробормотал что-то себе под нос, не прерывая работы. Кэтрин Пендер подошла к окну и встала рядом с Гарриком.

— Теперь вы сами видите, — сказала она.

Гаррик пожал плечами.

— Его трудно в этом винить.

— А я обвиняю! — горячо воскликнула она. — Я живу здесь с самого рождения. Фишермен-Айленд

всегда был туристской достопримечательностью, — ничего удивительного, это было прекрасное место. А теперь только взгляните. Лифт не работает. Нет света. Исчезли почти все наши роботы. Запасные части, строительные материалы — все теперь на Норт-Гардиан! Не проходит и дня, Гаррик, без того, чтобы на север не ушло несколько транспортных барж, до краев нагруженных товаром, поскольку он этого требует. Обвинять его? Я бы его убила!

Щелк. Трртрак. Робот поднял голову и затянул:

Forse dommani, piangerai,
E dopo ty, sorriderai…

Щелк. Зонд Рузенберга приоткрыл маленький черный диск.

— Кэтрин, взгляни, пожалуйста, сюда. — Рузенберг прочитал серийный номер диска и отложил зонд. Он стоял, ломая пальцы, и раздраженно глядел на неподвижную фигуру.

Гаррик подошел к нему. Рузенберг кивнул в сторону рыбака:

— Копаться в их потрохах — занятие для робота. Видите ли, Труми, как я уже говорил, располагает собственным центром управления. Теперь я должен перестроить его на континентальную

подстанцию, но так, чтобы сохранилась символическая связь его датчиков с Норт-Гардиан. Понимаете, что я имею в виду? Он будет думать по указаниям с Норт-Гардиан, но действовать по командам с континента.

— Понятно, — сказал Гаррик, ничего не понимая.

— А это чертовски сложная работа. Внутри этих кукол не слишком много места… — Не отрывая взгляда от неподвижной фигуры, он снова взялся за зонд.

Вернулась Кэтрин Пендер с распечаткой в руке;

— Да, это был один из наших. Работал помощником официанта в буфете пляжного клуба. — Она скривилась: — Ну, этот Труми!..

— Его трудно винить, — рассудительно заметил Гаррик. — Он лишь пытается как следует исполнять свой долг.

Она смерила его подозрительным взглядом.

— Он всего лишь… — начала она, но Рузенберг перебил ее торжествующим возгласом:

— Есть! Ну, дорогой, садись и расскажи нам, что сейчас затевает Труми!

— Как прикажете, босс, — послушно ответил рыбак. — Что вы хотите знать?

Они спрашивали обо всем, что хотели, а робот, ничего не скрывая и ничего не добавляя от себя, рассказывал им об Андерсоне Труми, короле острова, патологическом потребителе.

Это звучало словно эхо старых недобрых времен Эпохи Изобилия, когда мир задыхался под непрерывным потоком всевозможных благ с автоматизированных производств и отчаянная гонка между потреблением и производством охватила все общество. Однако для Труми потребность исходила не от общества, а от него самого. *Потребляй!* — требовал от него какой-то внутренний голос; этот голос кричал ему: *Используй!* командовал: *Пожирай!* И Труми героически исполнял эти приказы.

Из того, что рассказывал им рыбак, вырисовывалась мрачная картина. На Норт-Гардиан вставали под ружье армии, в его прибрежных водах кружил военных флот. Андерсон Труми разгуливал среди своих творений, словно жирный божок, уничтожая и царствуя. В том, что говорил рыбак, Гаррик замечал некую закономерность. Труми считал себя Гитлером, Гувером и Чингисханом в одном лице; он был диктатором, создающим военную машину, главным конструктором могучего государства. Он был воином.

— Он играет в солдатики, — сказал Гаррик, а Рузенберг и девушка кивнули.

— Проблема в том, — прогремел Рузенберг, — что он перестал играть. Силы вторжения, Гаррик! Ему уже тесно на Норт-Гардиан, он хочет захватить остальную часть страны!

— Его нельзя винить, — в третий раз сказал Гаррик и встал. — Остается вопрос, — добавил он, — что делать?

— Для этого вы здесь, — напомнила Кэтрин Пендер.

— Ну хорошо, — согласился Роджер Гаррик. — Забудем о солдатиках. Уверяю вас, они не опасны. Роботы не могут причинить вред человеку.

— Мы знаем, — коротко отрезала Кэтрин.

— Проблема в том, как положить конец бессмысленному расходованию мировых ресурсов. — Он поджал губы. — В соответствии с информацией, которую мне предоставил Региональный Контроль, первый план заключался в том, чтобы оставить его в покое; в конце концов, благ хватит для всех, так почему бы не махнуть рукой на выходки Труми? Однако это не сработало.

— Вы абсолютно правы, — язвительно заметила Кэтрин Пендер.

— Нет-нет, не на вашем локальном уровне, —

быстро объяснил Гаррик. — В конце концов, что такое несколько тысяч роботов, оборудование стоимостью в несколько сот миллионов долларов? Мы можем вновь обеспечить ваш регион всем необходимым в течение недели.

— А еще через неделю, — прогудел Рузенберг, — Труми снова его уничтожит!

Гаррик кивнул.

— В том-то и дело, — сказал он. — Не похоже, что для него существует предел насыщения. Однако… мы не можем просто так *отказать* ему в удовлетворении его запросов. С точки зрения психолога, это вызвало бы очень нехороший прецедент. Это могло бы внести смятение в умы многих — в умы, которые в определенных обстоятельствах могут позднее не выдержать в случае отсутствия стабильного, гарантированного источника благ. Говоря «нет» Труми, мы открываем двери в могущественные темные уголки человеческого разума. Скупость. Жадность. Гордость от обладания…

— Так что же нам делать? — крикнула Кэтрин Пендер.

— Есть только один выход, — задумчиво сказал Гаррик. — Я еще раз просмотрю материалы по Труми, а потом отправлюсь на Норт-Гардиан.

5

Роджер Гаррик слишком хорошо осознавал, что ему всего двадцать четыре года. Однако это не имело особого значения. Перед лицом столь щекотливого задания даже самые старые и опытные психологи из Регионального Контроля сомневались бы в успехе.

Они с Кэтрин Пендер отправились в путь на рассвете. Вокруг них над морем поднимался туман, под килем тихо жужжал маленький двигатель их моторной лодки. Гаррик сидел, ритмично постукивая пальцами по ящику с оборудованием, а девушка была за рулем.

Некоторые из находившихся в ящике приспособлений изготовлялись в мастерских Фишермен-Айленда в течение всей ночи — не потому, что были столь сложны, а потому, что это была плохая ночь. На Норт-Гардиан творились великие дела; два раза почти на целый час пропадало напряжение, поскольку вся энергия шла на Норт-Гардиан.

Когда они добрались до военного порта на расстояние слышимости, солнце стояло уже высоко.

Порт бурлил активной деятельностью; всюду трудились роботы.

Восьмифутовый портальный кран аккуратно опускал орудийную палубу на корпус одиннадцатифутового авианосца. Прямо перед носом их моторной лодки покачивался на якоре торпедный катер — в натуральную величину. Кэтрин обогнула его, не обращая внимания на возгласы робота-лейтенанта, стоявшего у борта.

Она обернулась к Гаррику, лицо ее было напряжено.

— Здесь… здесь все перемешалось.

Гаррик кивнул. Большие корабли имели размеры моделей, малые были в натуральную величину. В расположившемся за портом городе шпиль Эмпайр Стейт Билдинга едва превышал соседствовавший с ним Пентагон. В четверти мили от этого места возносился в небо висячий мост, внезапно обрывавшийся над водой на длине в тысячу ярдов.

Объяснение было очевидным — даже для начинающего психолога, выполняющего свое первое настоящее задание. Труми пытался править миром без чьей-либо помощи, а там, где в его понимании того, каким этот мир должен быть, наличествовали пробелы, возникали именно такие результаты. «Дайте мне военный флот», — приказывал он своим роботам-снабженцам, и им

удавалось найти единственные военные корабли в мире, которые можно было скопировать, — миниатюрные модели-игрушки в небольшом масштабе, все еще пользовавшиеся большой популярностью у детей. «Дайте мне авиацию!» — и ему в спешке доставляли тысячи моделей бомбардировщиков. «Постройте мне мост!» — но, наверное, он забыл сказать, до какого места.

— Быстрее, Гаррик.

Гаррик тряхнул головой и сосредоточился на окружавшей его действительности. Кэтрин Пендер стояла на сером стальном причале и наматывала причальный конец их моторки вокруг чего-то, напоминавшего дуло орудия береговой артиллерии, но лишь в четыре фута длиной. Гаррик схватил свой ящик и спрыгнул рядом с ней. Кэтрин обернулась и посмотрела на город…

— Подожди минутку. — Он открыл ящик и достал из него две маленькие картонные таблички. Он повернул девушку спиной к себе и булавками, которые тоже достал из ящика, приколол ей одну из табличек к спине.

— Теперь мне, — сказал он, поворачиваясь к ней спиной.

Она с сомнением прочитала написанный на картоне текст:

Я — ШПИОН!

— Гаррик, — начала она, — ты уверен, что поступаешь правильно?

— Прикалывай!

Она пожала плечами и приколола табличку к спине его куртки.

Плечом к плечу они вступили на территорию цитадели врага.

В соответствии со сведениями, полученными от рыбака, Труми жил к югу от Пентагона, в пряничном замке. Большинство роботов не могли попасть туда. Город у стен замка был королевством Труми, который бродил по нему, наблюдая, внося изменения, уничтожая и перестраивая. Но внутренности замка были его частными владениями; единственными роботами, которые свободно передвигались как вне замка, так и внутри его, были члены его личной гвардии.

— Вот его цитадель, — сказал Гаррик.

Действительно, перед ними стоял пряничный замок.

«Пряник» имитировали камни, горгульи и колонны; замок окружал ров, через который был переброшен разводной мост, охранявшийся роботами-стражами с изогнутыми ружьями, в мундирах и меховых шапках высотой в три фута.

Мост был поднят, а стражники стояли по стойке «смирно».

— Проведем разведку, — предложил Гаррик. Неприятно было сознавать, что каждый робот, мимо которого они проходили — а их были тысячи, — оборачивается, чтобы прочитать надписи на их спинах. Но ведь это предусматривалось в его плане. Не было никаких шансов пробраться через город незамеченным. Единственной возможностью было вписаться в некую схему, а для шпионов в этой схеме наверняка имелось свое место.

Гаррик махнул рукой на все сомнения и смело зашагал к пряничному замку.

Единственная дорога внутрь вела через разводной мост.

Они остановились вне поля зрения стражников.

— Попробуем войти, — сказал Гаррик. — Как только окажемся внутри, наденешь свой костюм. — Он передал ей ящик. — Ты знаешь, что делать. Надо только постараться, чтобы он хотя бы одну минуту сидел тихо, чтобы я мог с ним поговорить.

— Гаррик, ты думаешь, нам удастся? — с сомнением спросила девушка.

— Откуда я знаю, черт побери?! — взорвался Гаррик. — Я просмотрел материалы о Труми и знаю все факты из его детства — когда все это началось. Но чтобы добраться до него, требуется время, Кэтрин, а у нас мало времени. Значит…

Он взял ее за локоть, и они двинулись в сторону стражников.

— Ты все поняла? — спросил он.

— Вроде да, — прошептала Кэтрин. Сейчас она казалась очень маленькой и очень юной.

Они прошагали по широкой белой панели, мимо неподвижных стражников…

Кто-то приближался к ним с противоположной стороны. Кэтрин остановилась.

— Идем! — поторопил ее Гаррик.

— Нет, посмотри! — прошептала она. — Это… это Труми?

Да, это был Труми собственной персоной. Андерсон Труми, все человеческое население самого густонаселенного острова в мире. С одной стороны его поддерживала высокая загорелая фигура, с другой ему помогала идти фигура приземистая и тоже загорелая. Они увидели его лицо: на нем застыло выражение ужаса, утонувшее в жире. Пухлые, мокрые от слез щеки мерно подрагивали. Глаза со Страхом взирали на мир, который

он сам создал.

Поддерживаемый своими телохранителями, он проковылял мимо. А потом Андерсон Труми остановился.

Он повернул свое блестящее от жира лицо и прочитал надпись на спине девушки: *Я — ШПИОН*. Он с яростью вглядывался в нее, судорожно сжимая плечо робота Крокетта и с трудом дыша.

Гаррик откашлялся. До этого момента его план работал прекрасно, а дальше в нем был провал. Биография Труми, хранившаяся в архивах Рузенберга, подсказала ему, как добраться до этого человека. Но не хватало какого-то звена. Был пациент, и был психолог, который мог этого пациента вылечить; а начало лечения зависело от Гаррика.

— Эй, вы! — писклявым голосом крикнул Труми. — Кто вы такие? Где ваше место?

Он обращался к девушке. Стоявший рядом с ним робот Крокетт пробормотал:

— Надо полагать, она шпион, мистер Труми. Видите надпись у нее на спине?

— Шпион? — Дрожащие губы искривились в злобной гримасе. — Черт побери, ты кто, Мата Хари? Что ты тут делаешь? Она изменила ли-

цо, — пожаловался он роботу Крокетту. — Она не отсюда. Она должна быть в гареме. Давай, Крокетт, отведи ее туда.

— Подожди! — крикнул Гаррик, но робот Крокетт оказался быстрее. Он уже держал Кэтрин Пендер за руку.

— Идем со мной, — процедил он сквозь зубы и потащил ее за собой через разводной мост.

Она обернулась к Гаррику, какое-то мгновение казалось, что она хочет что-то сказать. Однако она лишь покачала головой, словно отдавая некий приказ.

— Кэтрин! — крикнул Гаррик ей вслед. — Труми, подожди! Это не Мата Хари!

Никто его не слушал. Кэтрин Пендер исчезла в личных покоях Труми. Труми, тяжело опираясь на плечо ковыляющего робота Сильвера, последовал за ней.

Гаррик, придя в себя, бросился в погоню…

Перед ним, как из-под земли, выросли стражники в алых плащах и в покачивающихся на головах шапках; скрещенные дула изогнутых ружей преградили ему путь.

— В сторону! — рявкнул он. — Прочь с дороги! Я человек, не видите, идиоты? Вы обязаны меня пропустить!

Они даже на него не взглянули; попытка преодолеть заслон оказалась бы не более успешной, чем попытка прорваться сквозь стену из шевелящейся стали. Он навалился на них, но они его оттолкнули; он хотел обойти их сбоку, но они снова выросли перед ним. Это было безнадежно.

Положение стало еще безнадежнее, когда он увидел, что разводной мост за спиной стражников начал подниматься.

6

Сынок Труми рухнул в кресло, словно волна жира, заливающая палубу китобойного корабля.

Хотя он не подавал никаких знаков, тут же двинулась процессия прислуживавших ему роботов. Вошел метрдотель, сгибаясь в изысканных поклонах и грациозно жестикулируя; дворецкий, позвякивая ожерельем ключей, внес вина в наполненных льдом ведерках. За ними появились симпатичные роботы-официантки и коренастые роботы-стюарды с подносами и вазами, тарелками, супницами и чашками. Они расставили перед ним принесенную еду — полтора десятка блюд, — и Сынок начал есть. Он жрал как свинья, давясь, запихивая в себя пищу, ибо, кроме еды, для него ничего не существовало. Он ел под ти-

хий аккомпанемент вздохов и стонов; часть еды была посолена лившимися из глаз слезами боли, а трясущиеся руки пролили немного вина. Но он ел. Не в первый раз за этот день и не в десятый.

Сынок Труми ел и плакал. Он уже не отдавал себе отчета в том, что плачет. Внутри его зияла пустота, которую он должен был любой ценой заполнить; вокруг него простирался бескрайний мир, который он должен был заселить, и застроить, и оборудовать — и *использовать.* Он тихо застонал. Четыреста фунтов мяса и сала, а ему приходится таскать их с одного конца острова на другой каждый час каждого дня, без минуты отдыха, без минуты покоя! Должно существовать такое место и такой момент, когда он мог бы отдохнуть. Когда он мог бы заснуть без сновидений, заснуть, не просыпаясь всего лишь через несколько часов с неодолимым желанием есть и использовать, использовать и есть… А здесь все *не так, как надо!* Роботы этого не понимали. Они даже не пытались понять, не мыслили самостоятельно. Стоит только на один день упустить что-то из виду, и сразу все идет *не так, как надо*. За всем требовалось следить, наблюдая и отдавая приказы, — да, и уничтожая, чтобы воссоздавать, снова и снова!

Он застонал и оттолкнул тарелку.

Он отдыхал, опираясь жирным лбом о край стола, и Ждал, а тем временем его внутренности продолжала терзать боль, которую в конце концов можно выносить. Он медленно, с усилием поднял голову, перевел дыхание, пододвинул к себе новую тарелку и снова начал есть…

Через некоторое время он остановился. Не потому, что больше не хотел есть, а потому, что не мог.

У него почти не оставалось сил, но что-то продолжало его беспокоить — еще одна деталь, которую нужно проверить, еще одна вещь, с которой дело обстояло *не так, как надо.* Гурия с разводного моста. Она не должна находиться вне его личных покоев. Она должна, естественно, сидеть в гареме. Дело было только в привычке Сынка Труми к порядку. В свое время гурии из гарема использовались по предназначению, но времена эти давным-давно миновали; теперь они представляли собой движимое имущество, вокруг которого нужно ходить и следить, чтобы все было *как надо;* которое нужно заменять, если оно износится, уничтожать, если оно будет *не такое, как надо.* Но это было лишь имущество, собственность, как был его собственностью весь

Норт-Гардиан — как будет его собственностью весь мир, если ему это удастся.

Но собственность не должна быть *не такой, как надо.*

Он дал знак роботу Крокетту и, опираясь на него, двинулся по длинной террасе в сторону гарема. Он пытался вспомнить, как выглядела та гурия. Лицо не имело значения: он был почти уверен, что она его изменила. На ней была свободная красная блузка и короткая красная юбка, это он мог сказать с точностью, но лицо… У нее, конечно, было лицо. Но Сынок утратил способность запоминать лица. Лицо казалось необычным, но он не мог вспомнить почему. Да, но блузка и юбка были красные, это точно. И она несла что-то в ящичке. А это тоже было странно.

Он начал быстрее переваливаться с ноги на ногу, потому что теперь был уверен: что-то *не так.*

— Гарем, мистер Труми, — сообщил сопровождавший его робот. Он осторожно освободился от тяжести Труми, быстро подскочил к двери и распахнул ее.

— Подожди меня здесь, — приказал Сынок, и, переваливаясь, вошел в покои. Когда-то он оборудовал гарем так, что, находясь здесь, не нуждался в помощи: вдоль стен вели поручни, расположен-

ные на такой высоте, чтобы за них могли легко ухватиться его пухлые ладони; расстояния были невелики, так как комнаты находились рядом. Он остановился и крикнул через плечо:

— Стой там, чтобы меня слышать!

Ему пришло в голову, что если с гурией-роботом что-то *не так*, то для наведения порядка ему понадобятся пистолеты Крокетта.

Когда он вышел во внутренний дворик, его встретил хор женских голосов. Группа красавиц в полупрозрачных одеждах, собравшихся вокруг фонтана, приветствовала Сынка Труми томными взглядами.

— Молчать! — рявкнул он. — Марш по комнатам!

Склонив головы, гурии одна за другой скользнули в свои спальни. Ни следа красной блузки и красной юбки. Тяжело дыша, он начал обходить спальни, заглядывая в каждую из них.

— Привет, Сынок, — шепнула гибкая Теда Бара, потягиваясь на коврике из леопардовой шкуры, но он молча прошел мимо.

— Я люблю тебя! — крикнула ему вслед Нелл Гвинн.

— Иди ко мне! — приказала Клеопатра, но и на нее он не обратил внимания. Затем он прошел

мимо мадам Дюбарри и Мэрилин Монро, мимо Молл Флэндерс и Елены Троянской. Никаких следов гурии в красном.

Внезапно он заметил следы ее присутствия: на полу, брошенные, лежали красная блузка и красная юбка.

— Где ты? — крикнул Сынок. — Выходи, я хочу тебя видеть!

Ему никто не ответил.

— Выходи! — взвыл он.

Внезапно он замер. Дверь открылась, и из нее кто-то вышел: не гурия, не женщина — фигура, лишенная пола, но полная любви, фигура плюшевого медведя ростом с самого Сынка Труми, так же, как и он, переваливающаяся с ноги на ногу, протягивая к нему толстые лапы.

Сынок не верил своим глазам. Медвежонок был чуть темнее, чем его Мишка, и немного выше. Но, бесспорно, несомненно, во всех отношениях это был…

— Мишка! — прошептал Сынок Труми и позволил пушистым лапам обнять свои четыреста фунтов.

…Словно исчезли двадцать лет.

— Мне не разрешили с тобой играть, — пожаловался Сынок медвежонку, а тот отозвался

мелодичным и теплым голосом:

— Все хорошо, Сынок. Теперь ты можешь со мной играть, Сынок. Ты можешь делать все, что угодно, Сынок.

— Тебя у меня отобрали, — прошептал он, вспоминая. У него отобрали плюшевого мишку; он никогда не мог об этом забыть. Они отобрали его, и мать злилась, а отец был в ярости; они ругали маленького мальчика, кричали на него и пугали. Разве он не знает, что они *бедные?* И он хочет окончательно их разорить, играя с дурацкими роботами своей младшей сестренки, несмотря на то, что он уже достаточно большой, чтобы *пользоваться* благами, предназначенными для взрослых.

Та ночь была кошмаром с собравшимися вокруг хмурыми, угрюмыми роботами и плачущей девочкой, а кошмаром сделало эту ночь не то, что его ругали — его не раз уже ругали, — а *беспокойство, страх* и почти *паника* в голосе родителей. Ибо то, что он совершил, как он понял, было уже не детским проступком; это был *большой* грех, отказ потреблять свою долю…

И за этим следовало наказание. Первым наказанием был дополнительный день рождения; вторым был… стыд. Сынок Труми в свои неполные

двенадцать лет познал вкус стыда и унижения. Роботов перестроили так, чтобы они относились к нему с презрением. Едва проснувшись, он становился объектом насмешек и с облегчением ложился вечером спать. Даже младшая сестренка, шепелявя, перечисляла его прегрешения. «Ты не стараешься, Сынок!», «Тебя ничто не волнует, Сынок!», «Ты страшно нас подвел, Сынок!» И в конце концов он поверил им, ибо в возрасте двенадцати лет стал тем, кем его сделали взрослые.

А они сделали его… «невротиком» — так это называлось; красивое слово, означавшее страшные вещи, такие, как страх, беспокойство и постоянные самообвинения…

— Не беспокойся, — прошептал плюшевый мишка. — Не беспокойся, Сынок. Ты можешь со мной играть. Ты можешь играть с теми, с кем хочешь. Но тебе не нужно больше никого другого…

7

Гаррик метался по коридорам владений Сынка, словно тигр в клетке.

— Кэтрин! — кричал он. — Кэтрин Пендер!

В конце концов он нашел дорогу внутрь, неохраняемую, забытую, но на это потребовалось время. Он был крайне обеспокоен.

— Кэтрин!

Роботы бросали на него странные, озабоченные взгляды и то и дело преграждали путь, но он со злостью отталкивал их. Они, естественно, не сопротивлялись — робот не мог причинить вред человеку. Но время от времени они говорили ему, что мистер Труми не желает, чтобы кто-то, кроме него, носился по острову Норт-Гардиан, уничтожая все на своем пути. Он не обращал на них внимания.

— Кэтрин! — кричал он. — Кэтрин!

Труми не опасен, упрямо убеждал он сам себя. Личность Труми была ясно представлена в материалах, которыми снабдил его Рузенберг. Его нельзя было в чем-то обвинять, и он не хотел нанести кому-то вред. Когда-то он был маленьким мальчиком, совершившим проступок и пытавшимся исправиться, как можно больше потребляя; это стало его навязчивой идеей, а потом порядки изменились. Конец регламентации, конец принудительного потребления, ибо роботы переняли у человечества второй конец рога изобилия, и правила изменились…

Возможно, мистер Труми знал об этих переменах, но Сынок — нет. Это Сынок, нехороший мальчик, пытавшийся исправиться, создал ост-

ров Норт-Гардиан…

И это Сынок был владельцем своего поместья и всего, что там находилось, включая Кэтрин Пендер.

— Кэтрин, — хрипло позвал Гаррик, — если ты меня слышишь, отзовись!

А все казалось так просто. Средством, которое поколебало бы навязчивую идею Труми, мог послужить плюшевый мишка; дать ему плюшевого мишку — или костюм плюшевого мишки, изготовленный ночью на фабриках Фишермен-Айленда, с девушкой по имени Кэтрин Пендер внутри, — и пусть он услышит от того, кому мог бы довериться, долгожданную весть о том, что больше не надо выбиваться из сил, что принудительному потреблению положен конец. Внушение могло помочь, но только при условии, что Труми захочет слушать.

— Кэтрин! — кричал Роджер Гаррик, пробегая через зал с зеркалами и статуями. Поскольку, если Труми не захочет слушать, если Гаррик ошибается, и плюшевый мишка не был ключом…

Ну что ж, в этом случае плюшевый мишка будет для Труми лишь роботом. А Труми с удовольствием их уничтожал.

— Кэтрин! — крикнул Роджер Гаррик, с топотом

проносясь через молчаливый дворец.

И наконец он услышал… По крайней мере, это был голос — и к тому же голос девушки. Гаррик находился перед залом с фонтаном и погруженными в молчание роботами-женщинами, неподвижно глядевшими на него. Голос доносился из маленькой комнатки. Он подбежал к двери.

Это была именно та дверь.

За ней лежал Труми, четыреста фунтов сала на мраморном ложе, покрытом матрасом из пенной резины, положив раскормленную голову на колени… плюшевого мишки. Вернее, Кэтрин Пендер в костюме плюшевого мишки, сидевшей вытянув перед собой негнущиеся ножки и неловко поглаживая его толстыми лапками. Она разговаривала с ним — мягко, успокаивающе. Она говорила о том, что он уже *достаточно* съел, *достаточно* использовал, что он потребил столько, что заслужил всеобщее уважение и может больше не потреблять.

Сам Гаррик не сделал бы этого лучше.

Это было сказочное зрелище — ребенок, которого успокаивает его собственная игрушка. Но это зрелище не слишком соответствовало окружающей обстановке, поскольку сераль был

раскрашен в бледно-фиолетовый и розовый цвета, и всюду висели фривольные картинки.

Сынок Труми повернул вздрагивающую голову и искоса посмотрел на Гаррика. В его маленьких испуганных глазках уже не было беспокойства.

Гаррик отступил назад.

Пока он здесь не нужен. Пусть Труми немного отдохнет, как не отдыхал уже многие годы. Потом психолог подключится там, где девушка уже не поможет; но пока что Труми, наконец, отдыхал.

Мишка поднял взгляд на Гаррика, и в его голубых глазах, принадлежавших девушке по имени Кэтрин, Гаррик заметил тень триумфа и сочувствия.

Гаррик кивнул и вышел, чтобы убрать роботов с Норт-Гардиан.

Сынок Труми держал голову на коленях плюшевого мишки. Мишка мягко разговаривал с ним, так мягко.

— Не беспокойся, Сынок, — мурлыкал он. — Не беспокойся. Все хорошо. Все хорошо.

Да, и в самом деле было так. Уже прошло, посчитал Сынок частью своего острого, как бритва, ума, который никогда не отдыхал, уже прошло почти два часа с тех пор, как он ел последний раз. Два часа! И он чувствовал себя так, словно мог

выдержать еще час, а может, и два. А может… а может, вообще сегодня больше не есть. Может, даже научиться питаться три раза в день. Или два. Или…

Он возбужденно подпрыгнул — насколько были в состоянии подпрыгнуть четыреста жирных фунтов — и снова прижался к теплой, мягкой шубке плюшевого мишки. Как это было приятно!

«Тебе не надо столько есть, Сынок. Не надо столько пить. Никто не будет за это на тебя сердиться. Твой отец не будет сердиться, Сынок. И твоя мать…»

Приятно было слушать плюшевого мишку. Это его усыпляло. Как великолепно усыпляло! Это так отличалось от того, что знал Сынок Труми последние полтора десятка лет, когда удавалось заснуть лишь с помощью снотворного. Это действовало так усыпляюще…

И ему действительно хотелось спать.

И в конце концов он заснул. Заснул весь. Заснули не только четыреста фунтов жира и маленькие свиные глазки, но даже острый, как бритва, разум Труми, который обитал в необъятном, неуклюжем теле.

Он тоже спал.

Он не спал все эти двадцать лет.

Мечи и орала

1

После того, как старина Джек Тайг завоевал страну…

(О, ну сколько можно, я ведь вам эту историю уже рассказывал! Хватит меня изводить! Вы и сами прекрасно все знаете: и про Великий Поход из Пунгз-Конерз на Пентагон; и как честный Джек Тайг, Отец Второй Республики, с дробовиком и пистолетом двадцать второго калибра в руках взял верх над вооруженными силами величайшей страны мира. И хватит ныть!)

В общем, после того как Тайг завоевал Америку, жизнь некоторое время шла своим чередом, вполне неплохая.

Да, милое было времечко! Приятно вспомнить! Джек Тайг перевернул мир, перекроил заново. Запасся кофейником крепчайшего кофе, просидел всю ночь в своей комнате — в Линкольновском кабинете, так его в то время называли, а теперь помещение больше известно как Спальня Тайга, — всю ночь писал, строчил не покладая рук, и, когда слуги с тревогой заглянули в кабинет

на следующее утро, дело было сделано: «Билль о Злоупотреблениях» лежал на столе.

Поглядим, помните ли вы все Злоупотребления. Их ведь в школе учат наизусть, по-моему. Ладно-ладно, верю, что помните.

1. Первое Злоупотребление, с которым мы обязаны покончить: насильственная продажа товаров. В дальнейшем никто никогда *продавать* товары не должен. Торговцы имеют право разрешить своим клиентам приобретать понравившиеся товары.

2. Второе Злоупотребление, которое мы обязаны искоренить: реклама. Все рекламные щиты немедленно сносятся и уничтожаются. Журналы и газеты имеют право публиковать платные объявления, отводя им не более одной четвертой дюйма на страницу — и без иллюстраций.

3. Третье Злоупотребление, которое мы обязаны искоренить: использование радио и телевидения в коммерческих целях. Всякий, посягнувший на свободный Божий эфир, с целью всучить публике предлагаемые товары или услуги, объявляется врагом всех народов и наказуется ссылкой в Антарктику. По меньшей степени.

Да это же был воистину рецепт Золотого Века! Так оно и было, и народ возрадовался необы-

чайно.

Кроме… ну, в общем, оставалась проблема подземных фабрик.

Например, жил-был джентльмен по фамилии Коссетт. Звали его Арчибальд, но вы не напрягайтесь, это вам запоминать нет нужды; у жены его желудок был крепкий, как железо, но даже она звала супруга не иначе как Билл, потому что полное имя — это для нее было немного чересчур. Было у них трое детишек, мальчиков, звали которых Чак, Дэн и Томми, и миссис Коссетт полагала, что семья их вполне состоятельная.

Однажды утром она сказала супругу следующее:

— Билл, здорово все-таки Честный Джек Тайг навел порядок, ведь правда? Помнишь, как раньше было? Помнишь? И как мы… кстати, ты ничего не заметил?

— У гм? — переспросил Коссетт.

— Завтрак, твой завтрак, — подсказала Эсси Коссетт. — Как тебе сегодняшний завтрак, Билл?

Билл Коссетт мутными глазами взглянул на свой завтрак. Апельсиновый сок, поджаренный хлеб, кофе. Он тяжко вздохнул.

— Билл! Я тебя, кажется, спрашиваю! Тебе понравился завтрак?

— Я ведь завтракаю, по-моему, или нет? Или ты когда-нибудь готовила что-то другое?

— Нет, милый, никогда, — нежно проворковала супруга. — Каждое утро я подаю одно и то же. Но разве ты *не заметил*, что хлеб не подгорел?

Коссетт послушно прожевал кусочек.

— Превосходно, — прокомментировал он.

— И кофе сносный. И апельсиновый сок.

Коссетт сказал раздраженно:

— Эсси, сок потрясающий. Этого я не забуду до конца своих дней!

— Билл, с тобой утром невозможно поговорить! — вспыхнула миссис Коссетт. — Ты тут же срываешься и…

— Эсси! — заорал супруг. — Я почти не спал всю ночь! — Он одарил ее убийственным взглядом. Да, этот еще молодой мужчина, приятной внешности, заботливый отец и кормилец семьи, явно дошел до ручки. — Я глаз не смыкал! Всю ночь ворочался с боку на бок, с боку на бок, потому что у меня проблемы, проблемы, проблемы! *Прости*, я сожалею! — выкрикнул он: пусть только попробует не принять извинений.

— Но я только…

— Эсси!

Миссис Коссетт была оскорблена в лучших

чувствах. Губы ее жалобно задрожали. На глаза навернулись слезы. Муж, заметив признаки надвигающейся беды, признал поражение.

Он бессильно опустился на стул, а жена робко произнесла:

— Я просто хотела, чтобы ты заметил — завтрак приготовлен как следует. Но ты стал такой нервный, Билл, я… я, — поспешно добавила она, — я хочу сказать, ты помнишь, как было раньше, до того, как Джек Тайг нас освободил? Каждый месяц появлялся новый тостер с автоматическим выбросом ломтиков, и, бывало, для каждого ломтика приходилось настраивать тостер отдельно, чтобы ломтик получался «идеально-поджаристым», а бывало, что тостер настраивался с помощью «Магического Рубинового Светлячка» — только загорится огонек, как раз — и готов поджаристый кусочек. Помнишь? Кофеварка, которую ты купил в июне, варила кофе только из грубого помола, а в сентябре появилась новая, и она протекала? А теперь, — воскликнула она со счастливым видом, позабыв обиду, — а теперь я уже *полгода* пользуюсь одними и теми же приборами! Я успела привыкнуть к ним, научилась правильно ими управлять! И если захочу, то заменю их в точности такими же моделями! Ах, Билл! — Она

всплакнула, не справившись с нахлынувшими чувствами, — ведь раньше, до Джека Тайга, разве то была *жизнь?*

Муж, с грохотом отодвинувшись от стола вместе со стулом, некоторое время в молчании рассматривал супругу. Довольно долго.

Потом поднялся, потянулся за шляпой, простонал:

— Приятного тебе аппетита! — И умчался прочь, в свое бюро.

Вывеска на здании бюро гласила: «А. КОССЕТТ и Компания. Продажа автомобилей марки „бьюик“.

По пути в свой магазин, Коссетт рыдал всю дорогу.

Не расстраивайтесь из-за бедняги Коссетта; в те денечки он далеко не был исключением. Многим приходилось так же несладко. Хотя оказаться в шкуре старины Коссетта — вещь печальная, что и говорить.

Он добрался до своей дилерской конторы и хотел было еще немного повсхлипывать, но разве возможно подобное на глазах у собственных служащих? Стоит проявить секундную слабость — и все они забьются в истерике.

И без того главный продавец магазина Гарри

Быкк, — пребывал в состоянии перманентного транса. Он закуривал сигарету за сигаретой, делал одну затяжку, потом аккуратненько, рядышком друг с дружкой» выкладывал сигарету за сигаретой вдоль края большой круглой стеклянной пепельницы, словно спицы колеса. Он не замечал, что делает. Глаза его, ничего не выражающие, были устремлены на пепельницу, которая, без сомнений, представлялась его остекленелому взгляду дымящейся пропастью, ведущей в преисподнюю.

Когда вошел босс, Гарри вскинул голову.

— Шеф! — вскричал он трагическим голосом, — они прибыли! Новые модели! Я десять раз звонил в офис в Спрингфильде за это утро, клянусь вам, но ответ один и тот же.

Коссетт глубоко вздохнул. Ситуация требовала мужества и выдержки. Он обязан показать себя настоящим мужчиной.

Он гордо выставил подбородок и сказал абсолютно спокойно:

— Значит, они не собираются отменять заказ?

— Они утверждают, что *не в состоянии,* — выдохнул Гарри Быкк и печальными глазами усопшего посмотрел на демонстрационный зал, где яблоку не было где упасть. — Пещеры

подымают квоты. Шестнадцать дополнительных машин, — прошептал он с безнадежным видом, — одних только «роудмастеров», шеф. Я вам не говорил раньше… Завтра мы получаем «спешиалз» и «эстейт гейгонз» и… и…

— Мистер Коссетт! — из глаз его брызнули слезы, — модели фургонов в этом месяце на *одиннадцать* дюймов длиннее! Я больше не могу! — дико заорал он. — У нас скопилось 1841 непроданная машина! Зал забит! Два верхних этажа забиты! Стоянка забита! Вчера мы отбуксировали на свалку все машины, что обменяли на новые, но все равно, на шесть кварталов в обе стороны наши автомобили припаркованы в два ряда! Знаете, шеф, я утром на работу не мог добраться! Пришлось оставить машину на углу Гранд и Стерлинг и дальше идти пешком, потому что проехать невозможно!

Лицо Коссетта дрогнуло, его выражение изменилось — в первый раз с того момента, когда он вошел в контору.

— Гранд и Стерлинг, говоришь? — повторил он глубокомысленно. — Так-так, нужно будет завтра попробовать с той стороны. — Он рассмеялся печальным, горьким смехом. — Знаешь, Гарри, нам еще повезло, что мы имеем дело с «быриками»,

а не с какими-нибудь дешевыми «тройками». Я вчера проезжал мимо «Кулекс Моторз» и… — Эх, где наша не пропадала! — вдруг воскликнул Коссетт. — Вот прямо сейчас пойду и потолкую с Мэнни Кулексом. А что? Разве только у нас одних проблемы, а, Гарри? Ведь все мучаются. Может, хоть раз собраться вместе? До сих пор мы все поодиночке старались выплыть, но дело оборачивается так, что кто-то обязан сделать первый шаг. И этот шаг сделаю я! Какой *смысл* давать волю пещерам топить нас в новых моделях, если Джек Тайг освободил эту идиотскую страну и теперь *никто* не обязан покупать? Пусть Вашингтон пораскинет мозгами. Что-нибудь, да придумают!

Всю дорогу до конторы Мэнни Кулекса, проезжая мимо забаррикадированных картонными ящиками магазинов бытовых приборов; за квартал объезжая трущобы, окружавшие магазинчики недорогих товаров; поднимая стекла, чтобы избавиться от вони испорченных лопнувших консервов, источаемой супермаркетами, Коссетт не в силах был избавиться от одной назойливой мысли: «А вдруг они сами ничего поделать не могут?»

2

Будьте уверены, старина Джек Тайг был в курсе. Он держал ситуацию под наблюдением. Ему-то все было известно, очень хорошо известно. Потому что горючими слезами рыдали не только Арчибальд Коссетт и Мэнни Кулекс, но все автомобильные торговцы. И не только автомобильные торговцы, но все коммерсанты в Рантуле, и не в одном Рантуле, но и во всем Иллинойсе, и на всем Среднем Западе, по всей стране — в общем, если уж говорить прямо, по всему миру. (То есть *обитаемой* его части. В каком-нибудь Нижнем Уэстчестере не было проблем.)

Вещей становилось все больше и больше.

Виноваты были автоматизация и сбыт товаров. В преддверии Большой Войны идея автоматизировать фабрики и заводы казалась недурственной. Возможно, так оно и было. Главное — производительность, все остальное в счет не шло. Производить все, что угодно, главное — побольше. Чего и добились. Затем, после Войны, с потоком товаров справлялись особым способом, который назывался «рекламой». Но что такое реклама, если вдуматься? Реклама означает, что человека вынуждают покупать вещь, которая

на самом деле ему не нужна и которую он, если честно, не хочет приобретать. Да еще за деньги, которые ему только предстоит заработать. Нарастало давление, нервные нагрузки. Сверхнапряжение, общественное смятение, конкуренция и беспорядки.

Джек Тайг с этим покончил. С помощью знаменитого Билля о Злоупотреблениях.

Спору нет — с этим согласились все и каждый, — жизнь до этого была невыносимой — то есть, до того, как Джек Тайг и его героический отряд выступили в марш на Пентагон и всех нас освободили. Беда в том, что теперь, поскольку реклама под запретом, люди не чувствовали себя обязанными покупать новые модели и разновидности товаров, непрерывно поставляемые автоматическими фабриками в подземных искусственных пещерах… А куда же девать все это добро?

Джек Тайг понимал самую суть проблемы с проницательностью, которая дала бы сто очков вперед любому коммивояжеру, охмуряющему сонный неподъемный народ какого-нибудь пригорода, пытаясь всучить народу новый тип пылесосов. Он-то знал, чего хотят люди, чего им надобно. А если и не знал, то быстро выяснил бы,

потому что люди, засыпавшие его петициями и делегациями, использовали всякую реальную и нереальную возможность дабы Джек Тайг прознал об их огорчениях.

Вот, хотя бы, делегация Ассоциации Автоторговцев Среднего Запада во главе с Биллом Коссеттом в собственном лице. Коссетт в председатели не рвался, но ведь идею предложил именно он, что повлекло за собой — как и всегда, — обычное наказание: «Ты придумал? Вот тебе и карты в руки!»

Джек Тайг принял Билла лично. С большим вниманием и сочувствием он выслушал заранее подготовленную речь, что было против правил, ибо Тайг нынче мало походил на пожилого беззаботного пенсионера, много счастливых лет подряд удившего рыбку в речке Делавэр к югу от Пунгз-конерз. Он превратился в дерганного, раздраженного Президента, и делегации стали для него пустым звуком, потому что приходилось принимать их по полсотни в день. Все они требовали одного и того же. Разрешить нам хоть капельку порекламировать *наш* товар, очень вас просим! Разумеется, все товары и услуги были равны перед лицом Билля о Злоупотреблениях — Боже упаси! Никто и думать не думает о

возвращении Века Рекламы! — но все-таки, господин Президент, наша ювелирная фурнитура (или туфли, или лекарственные средства, а так же калькуляторы и пишущие машинки, замороженная пища и так далее и тому подобное) в силу исторических, внутренне присущих динамических особенностей неизбежно отличается от…

Вы бы не поверили собственным ушам, но все они, проявляя чудеса изобретательности, выдумывали причины. Временами попадались истинные жемчужины творческого воображения.

Только Джек Тайг не разрешил им на этот раз зайти столь далеко. После того, как фраза «Никто не желает возвращения Века Рекламы» была произнесена, он выслушал ровно полтора предложения — делегация только-только начинала разворачивать эпическое ларго, открывавшее надгробную песнь, повествующую об их уникальных проблемах — и вдруг сказал громко:

— Эй, вы! Молодой человек!

— Это Коссетт! Старина Билл Коссетт! Славный малый! — послышался хор голосов, и Билла поспешно вытолкнули вперед.

— Очень приятно, — сказал Джек Тайг, пожимая руку Коссетту. У него возникла идея, и, наверное,

пришло время эту идею осуществить. — Вы мне нравитесь, Госсоп, — добавил он. — Я хочу вам помочь.

— Неужели вы разрешите нам *рекла*... — заволновалась делегация.

— Да нет, конечно, — удивился Джек Тайг. — Ни в коем случае. Но я принял решение собрать Чрезвычайную Комиссию, пусть разберется с возникшей ситуацией. Да, джентльмены. Не думайте, что здесь, в Вашингтоне, мы бьем баклуши. И я хочу ввести в состав комиссии нашего друга Арти Госсопа, — то есть Хассопа. — Вот так! — добавил он добродушно, но с гордостью. — А теперь желаю здравствовать! — И он покинул аудиторию через личную боковую дверь.

Билл Коссетт решил, что Президент оказал ему честь, из ряда вон выходящую — по крайней мере, остальные члены делегации его в этом убедили.

Но двое суток спустя он уже думал иначе.

Остальные члены делегации вернулись домой. А что им было делать в Вашингтоне? Они достигли поставленной цели. Проблемой отныне будут заниматься соответствующие люди.

Что же касается славного малого Билли Коссетта, он в это время как раз трудился над поисками выхода из сложившейся ситуации.

Работа ему не пришлась по вкусу. Выяснилось, что Чрезвычайная Комиссия обязана не просто изучать и давать рекомендации. О нет! У Джека Тайга подобные штучки не проходят. Комиссия обязательно должна предпринять *меры*. По причине этого Коссетт очутился в кабине бронированного полугусеничного транспортера, с винтовкой в руках. Вместе с другими бойцами ударного отряда он сидел и смотрел в бронещель, вниз, вдоль спуска, ведущего к воротам подземной фабрики под Фарминдейлом, Лонг-Айленд.

Теперь я вам кое-что расскажу о Фарминдейле.

В добрые старые времена там располагался главный офис национальной корпорации электромеханических бытовых приборов, — НЭБП, ИНК, в сокращении. Разразилась Холодная Война. Совет Директоров НЭБП оценил текущий баланс, усмехнулся, вспомнил о налогах и прослезился, потом принял решение: вложить изрядную долю заработанных средств в новое предприятие.

Предприятие задумывалось не просто как *новое*, но и очень *хорошее* — в конце концов, не зря же правительство платило деньги? В смысле, те деньги, что не удавалось спасти от налогов под прикрытием развития капитала, возвращались

в виде оплаты по военным контрактам — вроде производства электронных бомбовых запалов и так далее. Выкопали они громадную пещеру — истинный подземный Левиттаун для машин, так сказать — акры за акрами цехов и мастерских, и все надежно укрыто от света дня. Отлично, захихикал Совет Директоров, потирая ладони, пусть теперь запускают свои МБР! Ха-ха! Руки коротки!

Это пока шла Холодная Война. Потом Холодная Война, знаете ли, потеплела и превратилась в совсем горячую. Полетели межконтинентальные ракеты. Совет Директоров получил приказ из Вашингтона: автоматизировать, механизировать, ускорить, повысить производительность и увеличить размеры. Совет сделал глубокий вдох и храбро засадил инженеров за кульманы.

Вашингтон требовал удвоить выпуск продукции и сделать фабрику независимой от внешнего мира. «Они что, шутки шутят?» — зашептали между собой инженеры, но запряглись в работу, и, как только проект был одобрен, строительные машины взялись превращать замысел в действительность.

В фабричных цехах и корпусах вновь появились пыхтящие землеройные агрегаты, расширяя объем, выгрызая потайные туннели; за ними

шли укладчики бетона и броневых плит, наладчики ловушек, маскировщики, специалисты по системам безопасности и отражения террористических актов.

Они таки *запрятали* эту фабрику, дружище! Ее невозможно было обнаружить ни в инфракрасных лучах, ни в ультрафиолетовых, ни в нормальных; ее не брал радар или эхолокаторы. В общем, отыскать ее смогла бы разве что собака-поводырь с особо тонким нюхом, а может, и она осталась бы с носом.

Фабрику как следует *укрепили.*

Подойти к ней близко вы бы не смогли, — а если бы и смогли, живыми обратно не вернулись бы. Фабрику *вооружили* самонаводящимися ракетами, батареями сверхскорострельных пулеметов и пушек, всем, что только в голову приходило, — а очень немало людей размышляло над проблемой, — дабы отвадить непрошеных гостей.

Фабрику *автоматизировали;* она не просто выдавала продукцию, она была способна функционировать, пока хватало сырья — и, кроме того, изменять конструкцию приборов, вносить разнообразие, — создавать новые модели, потому что таково базовое требование любой индустриальной технологии: в любой продукт заложена

планом его скорая гибель в результате технического прогресса, то есть прибор устареет и его заменит новейшая модель.

Таков был замысел инженеров. Без участия единой живой души подземная фабрика производила вещи, изменяла дизайн и конструкцию, сама себя перестраивала и выдавала новое поколение приборов.

Более того. Через прямую линию фабрику подключили к главному компьютеру Бюро Переписи в Вашингтоне, установив квоты потребления и продажи товара. На электрических машинках были отпечатаны тексты всех необходимых листовок, брошюр, руководств и технических описаний, электростатические прессы изготовили обложки и иллюстрации.

На каждую хитрую проблему удавалось найти остроумный ответ. Поинтересуется, например, заместитель директора Отдела Исследований и Развития, спросит ехидно:

— А вот как насчет симпатичных девушек? Разве фабрика обойдется без моделей? Как же тогда печатать иллюстрации к руководствам?

— Не-а! — лениво покачают головами инженеры. — Босс, мы вот чего сделаем, глядите!

И набросают довольно заковыристую схемку.

— Ага, понятно, — скажет заместитель директора, остекленело уставясь на чертеж.

На самом деле он вообще ничего не понял, но когда система была построена и запущена, он увидел, что идея и вправду стоящая.

Селектор банка памяти получает сигнал — необходима картинка с красивой девушкой, управляющей, например, электрической яйцеваркой. Селектор ищет среди запаса изображений подходящее: девушка в нужной позе. Другие ленты снабжают изображение одеждой: любой костюм, от эскимосской парки до бикини (в основном использовались бикини) — электронный монтажный блок кроит картинку. Третий файл — его фотографировали на месте, — выдает изображение самой яйцеварки, в натуральную величину или в два раза больше, и в два раза привлекательнее настоящей.

Система работала что надо.

Потом возникла проблема с инструкциями и руководствами.

Проблема состояла не столько в компоновке инструкций — ничего сложного *в этом* не было; в конце концов, потребитель ведь пользуется прибором, не имея понятия о начинке, скрытой под хромированной оболочкой. Но… как быть с

названиями для торговых марок? С фирменными названиями? Где найти гения, рождающего перлы вроде «Авто-таймерный-Чисто-Тепловой-Крутосвариватель» или «Скорлупо-Перфоратор»?

Попытались запрограммировать компьютер, чтобы машина сама придумывала подобные штучки. Компьютер проглотил программу, щелкнул и выплюнул наружу целый набор. Инженеры переглянулись и почесали затылки, «Тепло-Скорлупный Вариатор»? «Яйце-Варный-Часователь»?

Обескураженные, потащились они к заместителю директора.

— Босс, — развели они руками, — придется, наверное, машину дорабатывать. Она выдает невразумительные сочетания.

Но на этот раз уже заместитель лениво покачал головой и сказал:

— Не-а! Без паники. Вы что, никогда не слышали о Жгучеморозящих Рефрижераторах?

Инженеры, весело напевая, вернулись к чертежным доскам, и подземные цеха стали автоматическими.

После этого разгоряченные умы инженерных мечтателей добавили к картине завершающий штрих.

Электрическим перколяторам-процеживате-

лям необходима сталь, хром, медь, разнообразные пластики: для шнура, для рукоятки, для декоративных кнопочек и выступов. Инженеры позаботились о снабжении фабрики сырьем, но не из запасов на складах, о нет, ибо запасы могут иссякнуть. Нет, они научили мощные фабричные компьютеры искать сырье самостоятельно.

Подземная фабрика получила армию роботов, управляемых компьютером, которые вынюхивали залежи сырья под землей и направляли туда автоматических рудокопов. Энергию поставлял термоядерный генератор, поэтому энергии было хоть залейся, пока не кончится топливо (а топливом служил водород из воды вокруг Лонг-Айленда; если эта вода вдруг высохнет, воду можно добыть из глины, из силикатного песка, даже из самого скального фундамента).

Потом перевели маленький красный тумблер в положение «Вкл», на всякий случай отступили на шаг и с опаской втянули головы в плечи.

В первый день кофеварки посыпались из выходных лотков тысячами.

Потом машины начали набирать обороты. Кофеварки валили уже десятками тысяч. Потом машины вышли на полную производственную мощность.

— Кха-кха! — сказал один из конструкторов. — Знаете, я вот вдруг подумал… Насчет маленького красного тумблера. Мы ведь, если появится нужда, можем его обратно повернуть? *Можем ведь?*

Администрация высшего эшелона нахмурилась, услышав вопрос.

— Вы что, забыли — идет война! Производство — задача номер один. Все остальное значения не имеет. Выиграем войну — тогда и подумаем, как эту дурацкую машинерию отключить. А пока существует риск, что вражеские агенты и саботажники могли бы устроить диверсию, нанести урон военной промышленности, красный тумблер работает только в одну сторону!

Потом войну выиграли. Да, теперь настала пора почесать в затылке.

3

На окраине Фарминдейла, у дороги, поднимающейся вверх по уклону, майор Коммейн затараторил в микрофон:

— Коровин, прикрывай меня и следи за ракетами. Ты прикрываешь все подразделение с воздуха. Бонфис, дуй на дорогу. Оттянешь огонь на себя и отступишь, когда появятся грузовики. Гудпастор, прикрывай подрывников. Гершенов,

останешься в резерве. А теперь смотреть в оба! Они появятся с минуты на минуту!

Он щелкнул рацией и, не обращая внимания на капельки пота, обильно усеявшие лоб, стал пристально наблюдать за спуском.

Билл Коссетт нервно поерзал на своем бронесиденье, посмотрел на винтовку в руке. Это была надежная модель, по личному приказу Джека Тайга избавленная от всех усовершенствований. Стрелку необходимо было помнить одну вещь: если нажмешь на спуск, винтовка выстрелит. Но Коссетт редко имел дело с винтовками — до сих пор. Он поймал себя на унылой мысли о том, что неплохо было бы оказаться сейчас дома, в Рантуле. Но тут же перед его внутренним взором возникли кварталы, заполненные непроданными «бьюиками».

Лязгая гусеницами, позади их БМП развернулись в боевую позицию еще четыре транспортера. Дорога на этом спуске, как и еще восемнадцать таких же, связывала подземную фабрику НЭБП ИНК с внешним миром. Вдоль нее, с тщательно выверенными неравными промежутками с ревом проносились бронированные трейлеры, минуя шесть пар ворот из иридиевой стали, вылетая на открытый воздух и направляясь к

автомагистралям. В кабинах трейлеров не было ни одного водителя. Путевые листы отпечатывались прямо в электронной памяти управляющих автоматов перед тем, как машины покидали подземные склады. У каждого бронированного монстра была цель — пункт назначения, куда направлялись партии кофеварок и вафельниц, и каждый трейлер был оснащен средствами, чтобы доставить груз по назначению.

Билл Коссетт робко кашлянул.

— Майор, а почему нельзя просто расстрелять грузовики?

— Потому что они отстреливаются, — проворчал майор Коммейн.

— Да, я знаю. Но почему не использовать тот же прием? Автоматическое оружие. Пусть сражаются: наши роботы-пушки против грузовиков. А потом…

— Мистер Коссетт, — устало ответил майор. — Я вижу, вы пытаетесь мыслить самостоятельно. Это отрадно. Но поверьте, не вам первому пришла в голову подобная идея. — Он показал рукой на подступы к спуску. — Взгляните на дорогу. Думаете, здесь не кипели бои?

Коссетт обозрел подступы к спуску и понял, что сглупил. Сомнений в том, что здесь упорно

сражались, быть не могло — все дороги на милю вокруг были изрыты противотанковыми рвами, усеяны шипастыми лентами, минами-ловушками. Население, охваченное истерией паники, предприняло все эти — вполне очевидные — меры в первую очередь. Но грузовики-трейлеры были слишком сообразительны, чтобы клюнуть на *столь* простую уловку. Через рвы они перекинули настилы, проделали проходы в рядах «драконьих зубов», а мины взрывались, не причиняя вреда — перед собой грузовики запускали барабаны с цепями.

— Пришлось остановиться, — мрачным тоном продолжал майор. — Иначе жить в округе было бы опасно. Фабрики обороняются. Чем жестче мы их давим, тем изобретательнее их контратаки и… *По местам*! — Взгляд майора вспыхнул, он ткнул большим пальцем в переключатель рации. — *Вот они!*

Покрытые бороздами и вмятинами наружные ворота с протяжным скрипом и воем разошлись. Наружу осторожно выглянул монстр.

Внутри грузовика не было водителя, и управлял им не мозг — во всяком случае, не тот мозг, что состоит из органических клеток, — а только запутанный лабиринт из меди, тангстена, стекла

— больше ничего в кабине не было, — но грузовик вел себя до жути по-человечески: он как будто нюхал воздух, подозрительно осматривал окружающую местность, выискивал радарами притаившихся врагов. Грузовики умнели с каждым разом. Они набирались опыта. Их электронные мозги не умели удивляться, не было в их схемах блока, задающего вопросы типа: «Почему?», но у грузовиков была работа: доставить товары по назначению, а в эту общую задачу входила подзадача: ликвидировать возможные препятствия.

Препятствие по имени майор Коммейн пронзительно закричало:

— Не стрелять!

Потому что пушки и пулеметы БМП без лишнего шума уже нащупали прицелами уязвимые места грузовиков — ведущие мосты, рулевые сцепления, но стрелки придавили кнопки, заставляя стволы молчать. Грузовики, взрывая пыль, вразвалку выбирались на дорогу. Орудийные башенки вращались, прощупывая окружающую местность. Грузовиков было восемь. Потом…

— *Огонь!* — гаркнул майор, и разгорелась битва.

Бонфис, выскочив из укрытия у обочины, по-

дорвал трейлеры, шедшие в голове. Остальные перестроились, без малейшего замешательства, без задержки, и открыли ответный огонь; только Бонфис тоже времени не терял даром и за считанные секунды удрал в мертвую зону, где достать его уже не могли.

Коровин подключился к сражению, когда в воздух с ревом взлетели первые оборонительны ракеты. Гершенов поразил еще два трейлера, пытавшихся совершить фланговый обход. В общем, бой разгорелся что надо!

Но это была только разминка, увертюра.

— Подрывники — вперед! — прорычал Коммейн.

И полугусеничный БМП Гудпастора, покачиваясь, выскочил из укрытия, высадил специалистов-подрывников на краю самого спуска. Управляющие машины фабрики умели одновременно заниматься множеством операций, но и число их контуров не было бесконечным. Люди имели основания рассчитывать на то, что пока на дороге идет жаркий бой, главные защитники фабрики не сумеют отразить нападение приступом на вход.

Коммейн надвинул на лицо маску противогаза и прохрипел сквозь душащий слой пластика и

брезента:

— Мы следующие!

Билл Коссетт кивнул, облизнул пересохшие губы и натянул свой противогаз.

БМП тем временем обогнул место боя и устремился к спуску. Не успели они достигнуть цели, как команда саперов взорвала первую пару ворот. Еще змеились струи сизо-коричневого дыма, а саперы уже устанавливали заряды на вторых воротах, в двадцати ярдах вглубь от первых.

— Стоп! — сказал майор Коммейн, тормозя БМП и распахивая люк. — Гляди в оба! — предупредил он, выводя наружу отделение.

Но едва ли имело смысл предупреждать бойцов об опасности. Если они все такие же, как он сам, подумал Билл Коссетт, они точно будут смотреть в оба.

Едва не наступая на пятки отделению саперов, они вошли в пределы автоматической фабрики.

Грохот и жар. Было темно, не считая света от фонариков саперной команды и тех, что были на шлемах солдатов Коммейна. Взорванные ворота жалобно жужжали и щелкали, пытались сомкнуть створки, понимая, что в недра фабрики прорвались непрошеные гости, и протестуя.

— Осторожно! — раздался чей-то вопль и —

СВИШШ-ПУУ! — струя жидкого бутана ударила поперек рампы, расцвела огненным лепестком. Все рухнули на землю — и вовремя. Завоняло паленой шерстяной тканью, завопил майор Коммейн — очевидно, он едва не опоздал.

— Он нас почуял! В укрытие! — крикнул один из солдат.

Но все и так уже постарались укрыться — насколько возможно, потому что трудно вообразить, что понимать под «укрытием» в помещении, которое машинный мозг фабрики успел за целое десятилетие изучить и прощупать. Одна из самонаводящихся тридцатисемимиллиметровых пушек с инфракрасным прицелом почувствовала тепло нужного спектра, излучаемое людьми, отыскала цель и накрыла беглым огнем.

«Я смерть! Я смерть!» — пели снаряды — ВЕНГО! ВЕНГО! ВЕНГО! — но вокруг раздробленных ворот имелись мертвые зоны, где атакующие приникли к земле.

Майор Коммейн, не рискуя приподнять голову, окликнул:

— Все целы?

Ответа не последовало, что означало: либо все в порядке, либо… мертвы, что освобождало от необходимости подавать голос.

Оглушенный, истекающий потом, задыхающийся внутри противогазной маски Билл Коссетт сглотнул комок в горле и пожалел о собственной болтливости. Держал бы лучше пасть на замке, тогда, в Рантуле. Вызвался, называется, добровольцем!

Мощный каблук тяжелого майорского ботинка врезался ему в почку — тридцатимиллиметровый пулемет начал стрельбу правильными очередями: двадцать выстрелов с возвышением в сорок ярдов по азимуту 270, смещение на два градуса и снова очередь, еще два градуса и новая, еще два — и опять очередь. До бесконечности. Прочесывающий огонь.

В чем был добрый знак.

— Он нас потерял! — злорадно заявил майор Коммейн.

Жужжащий, щелкающий, подмигивающий лампочками электронный мозг фабрики, спрятанный где-то в ее недрах, действительно потерял противника… или даже пришел к выводу, что с ним покончено… и завершал дезинфекцию, с тщательной машинной аккуратностью делая последние мазки.

Но язык пулеметных очередей был для Билла Коссетта полной абракадаброй, он ни малейше-

го понятия не имел, о чем толкует майор; ему одно было ясно — спуск рампы вдруг осветился мимолетными вспышками трассирующих пуль, пороховая гарь едва не задушила его, а грохот пулеметов и пронзительное «сквии!» отлетающих рикошетом пуль вполне были способны навсегда превратить Билла в глухого. Не говоря о том прискорбном факте, что одна из пуль — а их вокруг носилось немало — могла его ранить, если не хуже.

Но майор Коммейн приготовился нанести неожиданный удар, так сказать, из-за угла. Он с большой осторожностью приподнялся на локте и всмотрелся в глубь туннеля, где саперы возились с новым зарядом, необычно крупных размеров.

— Готовы? — крикнул он.

Один из подрывников махнул в ответ рукой.

— Взрывайте! — гаркнул майор, и сапер вдавил плунжер своей машинки до отказа.

БРАХХАХУМ! Угол стены, примыкавший к останкам ворот, превратился в пыль и мелкие осколки.

Билл Коссетт широко раскрыл глаза. Сквозь пробоину с поверхности с лязгом выползала машина. Вражеская? Но майор Коммейн приветствовал ее взмахами руки. Значит, наша.

Но только ничего похожего Билл до сих пор не видывал.

И не удивительно.

Лишь Небеса ведают, где ухитрился Пентагон разжиться настоящим «Любимцем Уинни». Согласно легенде, сам Уинстон Черчилль — тот самый! вот значит, как давно было дело! — ведя войну против Гитлера, решил, что для победы не хватает героических пропорций траншеекопателя. Возмечталось ему, что *гигантский* траншеекопатель смог бы обратить вспять течение баталий во Фландрии или, скажем, Суасоне.

Конструкторы произвели на свет «Любимца Уинни», исполинских размеров машину для прокладки туннелей и траншей. Что ж, в году так 1917 его появление и вправду, быть может, повлияло бы на судьбы истории. Только после 1917 в окопах больше не воевали.

Машина, тем не менее, уцелела и оказалась в нужное время в нужном месте, ибо таков был замысел майора Коммейна. Он приглашающе взмахнул рукой, пропуская машину внутрь пробоины, возникшей в бетонно-броневой стене туннеля. «Любимец Уинни» был настроен на горизонтальную прокладку. Пропустив прокладчика вперед и выждав некоторое время, они

двинулись вслед за ним в новенький и потому (предположительно) незащищенный туннель, который должен был пройти параллельно спуску, на котором они находились, вывести прямо в сердце фабрики.

Не веря собственным глазам, Билл Коссетт вскочил и побежал вслед за майором и остальными бойцами. Слишком просто и легко все получалось! Шум боя позади, на поверхности, постепенно затих. В новом туннеле пушек и пулеметов не было — откуда им взяться? Людям ничто не угрожало.

Вдруг…

— Ух! — зашипел майор Коммейн, по неосмотрительности коснувшись стены — стена оказалась горячей, как печь. Он улыбнулся Коссету, лицо его тонуло в тени, свет давали фонарики на-касках и лампы туннелепроходчика.

— На секунду испугался! — объяснил он. — Порода спеклась, наверное… при прокладке. Но откуда…

Он вдруг замолчал, напряженно размышляя.

И правильно сделал, что задумался, потому что первая его догадка была ошибочной. Стена разогрелась вовсе не от атомного жара. Да и откуда взяться атомной энергии в 1940 году, когда

Черчилль строил своего «Любимца»?

— Бежим! — вскричал майор Коммейн. — Эй, все! Уносим ноги отсюда!

Потоптавшись пару секунд в нерешительности, саперная команда помчалась врассыпную прочь от прокладчика. И вовремя.

Потому что стену и в самом деле нагрела атомная энергия, только атом заставил расщепляться не прокладчик, а компьютер, управляющий фабрикой. Сейсмографы засекли вибрацию прокладки нового туннеля; на врага компьютер выслал стальных кротов с боеголовками; и как раз в тот миг, когда люди выскочили из одного конца свежего туннеля, кроты ворвались в него с другого, ударили в корпус прокладчики и взорвались.

Бойцы едва-едва смогли преодолеть путь вверх по рампе и до поджидающих БМП.

На этом закончился раунд первый. Если за ним наблюдал какой-нибудь судья, то опасаюсь, что, будь он даже трижды предубежден в пользу рода человеческого, этот раунд он отдал бы машинам. Машины расправились с противником легко; он явно был не в их лиге. Мысль эта не давала людям покоя всю дорогу до Пентагона. Люди были подавлены, совершенно выбиты из колеи.

4

Не зря прозвали Джека Тайга Непотопляемым. Правда, в то время он еще не успел заработать прозвище. Это с ним потом приключилось, и это совсем другая история. Но Тайг был великим человеком, и черты характера, делавшие его великим, давали о себе знать.

— *Должен* быть способ, — заявил он и врезал кулаком по столу. — *Обязан*.

Чрезвычайная Комиссия, молча зализывая раны, круглыми глазами смотрела на Тайга.

— Ребята, послушайте, — убедительно сказал Тайг. — Машины построены людьми. И люди сумеют их остановить.

Билл Коссетт подождал, не подаст ли кто голос. Все молчали.

— Каким образом, мистер Тайг? — спросил он, сожалея, что вопрос пришлось задавать все-таки ему.

Тайг поморщился раздраженно, уставился в окно пентагоновского кабинета — и ничего не ответил.

— Вы только скажите как, — продолжал Коссетт, — потому что мы не знаем. Мы пытались пробиться — и не смогли. Взрывать машины с

продукцией тоже не получается — мы пробовали. Отрезать электроэнергию невозможно — машины сами обеспечивают себя всем необходимым. Что остается? Компьютер сильнее нас, вот и все.

— Всегда отыщется способ, если поискать, — упрямо гнул свое Тайг. Он нетерпеливо поерзал в своем кожаном кресле. Не потому, что чувствовал себя немного неловко на высоком посту — не зря ведь трудился в свое время в руководстве компании «Юст и Руминант». Хотя вести дела целой страны — совсем другое дело.

Марлен Гросхок смущенно кашлянула.

— Сэр, — сказала она. (Вы ведь знаете, кто такая Марлен Гросхок. Ее *всякий* знает.)

— Погоди, Марлен, потом, — отмахнулся Тайг. — Видишь, мне сейчас некогда.

— Да ведь я как раз об этом, сэр, — возразила Марлен. — По поводу возникшей проблемы, мистер Тайг.

Она нацепила на милый носик очки и заглянула в записи. Марлен тоже далеко ушла вперед по сравнению с теми временами, когда., работала общественной стенографисткой в Пунгз-конерз. И далеко не всегда тропа ее шла вверх. Хотя исполнять обязанности личной секретарши Джека Тайга — это, сомнений нет, было привилегией.

— У меня все записано, сэр. Вы испробовали грубую силу и тонкую изобретательность. Вот я и спросила у себя: а что предпринял бы тот симпатичный сыщик из старого телесериала, мистер Шерлок Холмс?

Она сняла очки, вопросительно оглядела собравшихся в кабинете.

Майор Коммейн с досадой махнул рукой:

— Мы едва ноги унесли. Но другое обидно, мистер Тайг. Мы провалили операцию, вот что мне покоя не дает!

— Поэтому я предлагаю… — сказала Марлен.

— Я домой не вернусь, — заявил Билл Коссетт, — как я посмотрю в глаза жене? И все непроданные «бьюики»… меня дрожь пробирает, только вспомню.

— Шерлок Холмс на нашем месте…

Джек Тайг скрипнул зубами и проворчал:

— Мы им еще зададим, ребята! Верьте мне! Ну, а пока, если нет других предложений, предлагаю закончить совещание. Бог свидетель, мы ничего не добились. Но утро вечера мудренее. Будут возражения?

Марлен Гросхок вскинула ладошку.

— Мистер Тайг, сэр…

— А, Марлен! Да, что у тебя?

Марлен в очередной раз сняла очки и проницательно взглянула на Тайга.

— Шерлок Холмс! — воскликнула она, торжествуя. — Ой пробрался бы вовнутрь! Потому что *изменил бы* свою внешность! Вот! Просто, как дважды два четыре.

Тайг вздохнул поглубже, покачал головой и сказал очень спокойным, терпеливым голосом:

— Марлен, прошу тебя, занимайся стенографированием. Остальное предоставь нам.

— Да выслушайте же меня, мистер Тайг, сэр! Ведь *сырье* на фабрику поступает, правильно?

— Ну и?

— Представим себе… — Марлен изящно склонила на сторону точеную головку, раздумчиво поцокала кончиком карандаша по сахарно-белым зубкам. — Представим себе, что вы измените внешность. Замаскируетесь под *сырье*. Вам не придется пробираться вовнутрь, фабрика сама вас втащит, так сказать. Как вам мое предложение?

Джек Тайг был великим и мудрым человеком, но слишком много легло забот на его плечи за последнее время. Он сорвался:

— Марлен, ты несешь сущий бред. Более идиотского… — он запнулся, — идиотского предло-

жения… — он закашлялся, — я не слышал… А как ты себе это представляешь? В смысле, нашу маскировку?

— Так и представляю, — с серьезным видом ответила Марлен. — Вы *измените* внешность. Чтобы фабрика вас приняла за сырье.

Джек Тайг замолчал, но ненадолго.

Потом он стукнул ладонью по столу.

— Великие Небеса! А ведь девчонка попала в точку! Капитан Маргейт! Где капитан Маргейт? Эй, Коммейн, дуй со всех ног и приведи сюда капитана Маргейта!

Билл Коссетт сунул монетки в прорезь телефонного автомата и принялся ждать, когда его супруга в Рантуле снимет трубку.

На экране появилось изображение. В волосах Эсси виднелись бигуди, сама она облачилась в стеганый халат, который на ней сидел мешком, но в котором она, тем не менее, любила слоняться по дому.

— Билл? Это ты? Но телефонистка сказала, что звонят из Фармингдейла.

— Именно там я нахожусь, Эсси. Мы, э-э, пытаемся… нам предстоит испробовать одну идею. — Как рассказывать о подобных вещах, не сбиваясь на героический тон? Грань весьма тонкая и зыбкая.

К тому же Биллу страстно хотелось, чтобы жена видела в нем героя, но при этом он опасался, что она прознает, до чего же ему этого хочется. — Мы, э-э… мы собираемся пробраться на подземную фабрику. Тайным способом.

— Пробраться? Билл! — голос у Эсси стал пронзительным до визга. — Билл, это *опасно!* Ты обещал, ты клялся мне, что будешь осторожен. Я тебе поверила, я тебя отпустила…

— Ну, Эсси, умоляю тебя, — попытался он успокоить супругу. — Прошу тебя. Все будет хорошо. Я думаю, особая опасность нам не угрожает…

— Он думает! Билл, выкладывай мне немедленно, что вы задумали?

— Нельзя! — Он запаниковал, уставился на телефон, словно увидел перед собой врага. — Они ведь все заодно! Машины то есть. По телефону я не могу…

— Билл!

— Но это правда, Эсси. Мы выяснили. Глубокий туннель тянется от фабрики НЭБП до самого Детройта, до фабрик «Дженерал Моторз». По туннелю трейлеры поставляют компьютерные схемы из Филадельфии. Откуда я знаю, вдруг телефоны прослушиваются ими? Нет! — Он заставил ее замолчать, потому что Эсси вновь собиралась

потребовать от него правду и ничего кроме правды. — Прошу тебя, Эсси. Ни о чем меня не спрашивай. Как там детишки? Как Чак?

— Содрал колено. Билл, ты должен…

— А Дэн?

— Доктор уверен, что у него аллергия, совсем слабая. Билл, я вовсе не хочу…

— А Томми?

Она нахмурилась.

— Вчера надавала ему шлепков, раз сто, — сказала она, что было явным преувеличением, конечно.

Но, по крайней мере, ему удалось отвлечь ее внимание; она подробно описала все злодеяния младшенького: разбитые тарелки, пролитое молоко, брошенные на пол куртки и незашнурованные ботинки.

Билл вздохнул с облегчением. Потому что он не солгал; его вдруг до мозга костей напугало собственное предположение: вдруг автоматические системы междугородных переговоров вошли в сговор с электронными собратьями фабрик? И последние незаметно проникли в телефонные сети? Нельзя выдавать врагу планы!

Ему удалось закончить разговор и повесить трубку, так и не открыв секрета. Он вышел из

кабинки, установленной в командном пункте майора Коммейна.

Герои всякие бывают, но раньше Биллу Коссетту, авторизованному дилеру компании «Бьюик», в голову не приходило, что ему, как заурядному солдату, придется рисковать собственной жизнью в настоящем бою.

На командном пункте кипела бурная деятельность, и не удивительно: ведь для исполнения поставленной задачи командный пункт располагал ресурсами всех Соединенных Штатов Америки.

И усилия начинали приносить плоды. Сцена, представшая перед взором Коссетта, выдавала всеобщее радостное оживление. Майор Коммейн слушал капитана Маргейта, который что-то взволнованно ему объяснял, а остальные члены Комиссии стояли вокруг.

Маргейт, как успел узнать Билл, работал у Джека Тайга личным экспертом по сырьевым материалам и тому подобному. Хороший парень, подумал Коссетт. И Коммейн ничего, человек не слова, но дела. А Марлен Гросхок, которая вертится все время неподалеку… ну, Эсси бы ее присутствие *очень* не понравилось бы. С другой стороны, он ведь выполняет задание прави-

тельства. К тому же, Марлен вносит приятное разнообразие.

Билл Коссетт поспешно заставил себя думать о другом. Например, о проблеме инфильтрации подземной фабрики;

— Нашли! — с восторгом воскликнул капитан Маргейт. — Мы его все-таки нашли! Геологи уверяли, — он удивленно покачал головой, — что под Лонг-Айлендом не может быть залежей угля. Но мы верили машинам. Они-то знали, где искать. И нашли!

— Уголь? — переспросил майор Коммейн, лоб которого прорезали глубокие складки.

— Ну да! — кивнул капитан. — Уголь. Сырье для вашей маскировки.

— Маскировки? — не понял майор.

— Именно, майор. Вы нас замаскируете под куски угля! *Угля!* — Капитан пожал плечами, весело улыбнулся. — Под органику, — поправил он для ясности. — Машине-то все равно. Уголь — это углерод, углеводородные соединения… вы в принципе по составу почти не отличаетесь. На некоторые странности машина, полагаю, внимания не обратит. Да что говорить, — капитан увлекся и развивал тему со все большим жаром. — Машина вас приняла бы, будь вы намного

грязнее, чем на самом деле…

Марлен Гросхок топнула точеной ножкой.

— Капитан!

— Ох, я имел в виду, с точки зрения химического состава, мисс Гросхок, — потупился капитан, а затем занялся подготовкой к операции.

Билл Коссетт оттянул душный воротничок и обратился к капитану:

— Один вопрос, капитан. Допустим, фабрика нас сцапает.

— Обязательно, мистер Коссетт! Для чего и стараемся.

— То есть если фабрика поймет, что мы — не уголь?

Капитан Маргейт поднял голову, оторвавшись от баночек с сажей и кольд-кремом, задумался.

— Вот этого, — произнес он медленно, — следует избежать. Неловкая возникла бы ситуация. Что произойдет — этого я точно сказать не могу, но… — Он пожал плечами. — В общем, это не самое ужасное, — добавил он без тени беспокойства. — Куда хуже, если фабрика вообще вас не заметит, вообще не увидит в вас ничего другого, кроме кусков угля.

— Вы хотите сказать, — ахнула Марлен, побледнев, — что нас…

— Вас используют как сырье, — кивнул Маргейт. — Получится очень симпатичный пластик, мисс Гросхок, — добавил он галантно.

5

Операция, можете мне поверить, для всех участников оказалась тяжелым, изнурительным испытанием. Но все они держались стойко и мужественно.

Не дрогнув ни одним мускулом, сцепив зубы, майор Коммейн позволил намазать себя черной, как сажа, смесью.

Билл Коссетт предпринимал отчаянные усилия, заставляя себя припомнить, как *жутко* обстояли дела в покинутом родном Рантуле. «Да-да, — горячечно шептал он, — лучше уж *это».*

Марлен Гросхок… в общем, по лицу ее мало что можно было прочесть. Но позднее в мемуарах она писала, что в тот момент ей не давала покоя одна мысль: а как же потом всю эту пакость смыть?

Саперы проделали для них аккуратный тоннель, уходивший прямо в слой буроватого угля.

— Тссс! — прошипел капитан Маргейт, поднеся к губам указательный палец. — Слушайте!

В тишине до их слуха донеслось далекое «чомп-чомп-чомп», как будто где-то там, на изрядном

расстоянии от них, гигантская гусеница вгрызалась в броневой металлический лист.

— Это фабрика! — шепотом сказал капитан. — Теперь мы вас оставим. Старайтесь не двигаться, не шуметь. Да, чуть не забыл, вот, в корзинке, вода и сандвичи. Неизвестно, долго ли придется ждать.

Капитан и саперы отступили, вскарабкавшись вверх по штольне.

Несколько секунд спустя заряд малой мощности обрушил потолок, заблокировав туннель. Капитан предупреждал, что придется завалить вход… «Знаете, чтобы фабрика чего-нибудь не заподозрила невзначай!» — но все равно, оставшиеся в туннеле почувствовали себя погребенными заживо, и на крышку гроба уже со стуком падали комья кладбищенской земли.

Время шло. Время тянулось.

Они съели сандвичи, запили водой.

Время тянулось и тянулось.

Они успели проголодаться опять, но поделать ничего не могли, не было больше такой возможности. Они даже не смогли бы отменить операцию, пойти на попятную, потому что не существовало способа связаться с поверхностью. Доносившееся издалека «чомп-чомп-чомп»

постепенно становилось громче, спору нет, но сомкнувшаяся со всех сторон темнота давила; вынужденное молчание действовало на нервы; сернистая вонь низкокачественного угля вызвала у Билла Коссетта сквернейшую мигрень…

И вдруг ожидание кончилось…

ЧОМП-ДОМП-ЧОМП… БАНГ! КЛАНГ! Вспышка фиолетового света пробила угольный кокон. Зубы из нержавеющей стали в пол-ярда длиной принялись пережевывать уголь, продвигаясь вперед на ярд в минуту, проедая траншею в полу их маленькой пещерки, сплевывая раздробленный уголь на широкую ленту конвейера, которая следовала за методично ползущими вперед челюстями.

— Пригнуть головы! — прошептал майор Коммейн на ухо девушке. — В сторону! — прошептал он на ухо Коссетту, хотя едва ли имело смысл шептать среди наполнявшего все вокруг металлического лязга. Они пригнулись, прижались к стене.

— Прыгаем! — шепотом приказал Коммейн, когда стальные зубы благополучно их миновали, и все трое прыгнули на конвейер, пристроились среди трясущихся кучек угля. Вместе с углем их понесло назад и вверх, во внутренность фабрики.

Они лежали неподвижно, едва дыша, опасаясь, как бы следящие устройства фабрики — возможно, за конвейером следили невидимые глаза — не обнаружили диверсантов раньше времени. Но если за поставкой сырья и следили предохранительные устройства, они промахнулись, или сработал коварный замысел. Медленно ползла лента конвейера, все выше и выше, в нарастающий лязг и грохот основного завода НЭБП. Операция удалась. Все было проще простого.

То есть проникнуть на фабрику было просто. Только это ведь было лишь началом.

Когда НЭБП поместил в недра Фармингдейла новую фабрику, местное отделение инспекции по соблюдению норм безопасности и гигиены труда разорвало старый контракт и, объединив лучшие свои умы, изобрело новый.

«Среднегодовая температура — 71,5° по. Фаренгейту», — гласил пункт 14а. «Не менее 40 куб. фут. чистого, свежего, профильтрованного воздуха в пересчете на одного рабочего в минуту», — требовал параграф 9. «Освещение обязательно должно регулироваться по желанию рабочего», — утверждал подпункт XII.

Фабрика была, разумеется, подземной, но условия внутри были созданы самые приятные. Вы не

поверите, но бывало, что рабочие даже отказывались покидать фабрику на ночь, — примерно один человек из десяти, — особенно в разгар сенной лихорадки.

Но все это происходило до того, как фабрику автоматизировали.

Теперь условия, по крайней мере, по меркам людей, были там вовсе неподходящие. Машинам, наверное, нравилось, но людям…

Начнем с того, что светильники ничего общего не имели с приятными для глаз флюоресцентными лампами, о которых мечтал отдел инспекции. Да и зачем они были нужны? Видимый спектр — это исключительно для человеческих глаз. Машины же используют вместо глаз фотоэлектрические элементы, а фотоэлементы прекрасно все видят даже при красном или инфракрасном освещении, которое требует гораздо меньше затрат, и нити накаливания служат дольше. В результате чего помещения фабрики заливал жуткий желтовато-оранжевый полумрак.

Воздух… ну, это просто смешно! Воздух, который остался после того, как последние рабочие покинули фабрику, никуда не исчез, потому что машины воздухом не дышат. И температура совсем разрегулировалась. В дальних концах

галерей было зябко; на участках вокруг печей жара была страшная.

А какой грохот стоял! *Жуть!*

Трое непрошеных пришельцев, съежившись, с округлившимися глазами, оглушенные, озирались по сторонам, пока лента конвейера уносила их все дальше. Билл Кос-Коссетт изумленно созерцал ряды гигантских стальных сфер, выплывавших из кроваво-красного полумрака. Он так и не понял, что же они собой представляют, бросил взгляд в сторону и успел соскочить с конвейера, крикнув:

— Прыгайте!

Остальные повиновались — и вовремя! Уголь, вместе с которым они путешествовали по конвейеру, с глухим грохотом, поднимая облака удушающей пыли, посыпался в зев огромного ковша-приемника.

Людей прошиб пот. Уголь в конечном итоге попадал в стальные резервуары, которые видел Билл, и превращался в полимеры. Фабрика не старалась с помощью воздуходувок отвести избыточное тепло. Зачем лишняя работа? Но люди покрылись горошинами пота не только из-за нахлынувшей волны жара — они слышали, как куски угля перемалывает в пыль и со свистом

куда-то уносит.

Держась за руки, чтобы не потеряться, люди пробирались сквозь багровый полумрак, то и дело спотыкаясь.

— Осторожно! — рявкнул майор, и Коссетт успел втянуть голову в плечи и присесть — мимо пронеслось нечто объемистое, блестящее, просвистело у самого уха.

С другой стороны, фабрика была фабрикой, и Коссетт предполагал, что у любой фабрики должны быть определенные общие и закономерные черты в том, что касается внутреннего устройства. Например, проходы между рядами машин.

Но в подземной фабрике проходы были не нужны. Обычно на фабриках одна смена рабочих сменяет другую, люди уходят на перерыв или в туалет, или попить водички из охладителя. Ничего подобного в пещерах фабрики места не имело. Поэтому машинный мозг отказался от идеи коридоров и проходов. Сборочные комплексы и прочая машинерия были разбросаны по цеху так, как электронный мозг счел нужным — удобство передвижения людей в расчеты не принимались. Комплектующие части и готовые узлы подавались и уносились прочь с помощью вагонеток и тележек, сновавших над головой.

Коссетт испуганным взглядом проводил одну из этих тележек, едва не расколовшую его череп, как вдруг уголком глаза заметил новую движущуюся тень.

— Берегись! — завопил он, хватая Марлен за скользкую от угольной мази шею. Мимо пролетела вагонетка, груженная готовыми тостерами.

Вся троица плюхнулась на пол, потом, проклиная все на свете, поднялась; правда, Марлен не ругалась. Она была все-таки дама, по крайней мере, в отношении непристойных выражений. Но она сказала:

— Нужно выполнить задание и поскорее отсюда выбираться.

Люди переглянулись. Вид у троицы был жалкий: все в саже, в пыли, в грязи. Они заблудились в недрах грохочущих, завывающих катакомб. Оружия у них не было. Они чувствовали свою беспомощность. Что они могли противопоставить умным и могущественным машинам фабрики, вооруженной, если можно так выразиться, до зубов?

— Нечего было сюда соваться. Идея с самого начала была сумасшедшая, — заныл Коссетт. — Нам не выбраться отсюда!

— Никогда, — согласился с ним майор, чья

железная выдержка и стойкость дали, наконец, слабинку.

— Никогда, — кивнула Марлен и, нахмурив милые бровки, посмотрела в кроваво-красные сумрачные глубины фабрики. — Если только нас не сбросит.

— Ты хочешь сказать, выбросит, — поправил Коссетт.

Марлен покачала головой.

Если нас не срыгнет. То есть фабрику не стошнит. Ну, знаете, как при расстройстве желудка.

Мужчины переглянулись.

— В принципе, эта фабрика в самом деле *ест,* кушает, — сказал Коссетт.

— Только телеологии нам не хватало, — возразил Коммейн

— Но она ест сырье.

— Тогда обдумаем ситуацию, — командирским тоном приказал Коммейн, плюхаясь на пол, чтобы избежать столкновения с пролетающим мимо мотком электрических удлинителей. — Допустим, — воззвал он с пола, — мы взорвем полимерные реакторы и конвейер. Управляющая машина заметит нарушения в технологическом процессе, верно? Попытается выяснить причину неисправности, обнаружит, что посторонние

особи, то есть мы, проникли вовнутрь через приемники сырья. Ага! Что остается машине? Только запереть приемники! И оставшись без сырья, фабрика не сможет работать, выдавать продукцию. Следовательно, примем за установленное: фабрика окажется не в состоянии — что?

Билл Коссетт повторил вопрос, заданный из укрытия, которое он отыскал под столом для запасных частей.

— Я говорю, а куда Марлен запропастилась?

Майор привстал на колени. Девушка исчезла. Вокруг в грохочущем, лязгающем полумраке перемещались грозные темные силуэты, но ни один не напоминал фигурку Марлен. Она куда-то пропала, и майор обнаружил, что вместе с девушкой исчезло еще кое-что — сумка со взрывчаткой.

— Марлен! — завопили оба.

И, словно по мановению волшебной палочки, — хотя это было всего лишь совпадением, — она появилась.

— Ты где была? — набросился на нее майор. — Чем занималась?

Девушка остановилась, посмотрела на мужчин сверху вниз.

— Давайте уносить ноги, — сказала она. — Я взяла бомбы. У фабрики вот-вот начнутся желу-

дочные колики.

Они не успели преодолеть и первого десятка ярдов, как взорвалась одна из бомб. Натриево-желтая вспышка и грохот, как от новогодней петарды. Сотня ярдов конвейерной ленты слетела с валков.

А потом пошла потеха…

Менее чем через час все трое были уже на поверхности и наблюдали за дымными плюмажами, которые поднялись над полсотней скрытых вентиляционных колодцев, разбросанных по пустоши за городской чертой.

Джек Тайг был на седьмом небе от счастья.

— Ребята, вы врезали ей прямо в челюсть! — злорадно возрадовался он. — И она вас *выпустила?*

— Она нас *вышвырнула* пинком под зад, — ликующе заявил майор. — Мы находились на участке приема сырья. По-моему, фабрика полностью закрыла этот участок. Все, что осталось от конвейера, машины вымели в мгновение ока вместе с нами — пришлось пошевеливаться, скажу вам, а то бы и нам несдобровать. Входной туннель забили наглухо, и когда мы покидали участок, машины уже монтировали броневые плиты, укрепляя затычку.

— Ребята, мы ее *достали!* — заухал от радо-

сти Тайг. — Знаете, на всякий случай вот что сделаем. Заминируем залежи угля; несколько хорошеньких бомб — и у фабрики живот разболится по-настоящему…

Так и поступили, но особой нужды в этом уже не было; подземная фабрика полностью и целиком замкнулась в себе. Больше она никогда не делала попыток добыть сырье.

В течение нескольких последующих дней люди Тайга испытали ту же самую технику диверсий на прочих фабриках, по всей стране — и всегда с неизменно успешными результатами. Вооруженная охрана, выставленная у ворот фабрики НЭБП била баклуши. Им нечего было делать. Нет, фабрика не умерла. Дважды за первый день, несколько раз в последующие дни одиночный грузовик пытался выбраться на выездной подъем. Но всего один грузовик, в то время, когда раньше их были десятки; и только частично загруженный. Одиночный грузовик был легкой добычей для охраны.

Итак, люди одержали победу.

Разве могли быть какие-то сомнения?

Джек Тайг объявил всенародный праздник в честь триумфа.

6

Эх, и повеселились же они! Какая славная получилась гулянка!

Джек Тайг сиял, как солнце. Он был не в себе от радости. Его лицо, обычно суровое и строгое, лицо старого сильного человека, теперь больше напоминало лукавую физиономию счастливого мальчишки.

— Пируйте, други мои! — восклицал он, и голос его, усиленный динамиками, громовыми раскатами разносился над празднующими. — Сегодня праздник! Мы увидели рассвет нового дня, и вот перед вами эта великолепная *тройка* — без этих героев нашего праздника не было бы!

Он великодушным жестом указал на сидевших рядом **с** ним на помосте. Загремели аплодисменты. Овация.

Все три героических участника диверсии сидели на помосте. Майор Коммейн, в отутюженном кителе, сидел прямой, как палка. Пуговицы сверкали. На груди — алая лента. Тайг, импровизируя, на месте изобрел новый почетный знак. Рядом, мило улыбаясь, сидела Марлен Гросхок. Билл Коссетт, с виноватой улыбочкой, пристроился рядом с женой (а супруга его внимательно рас-

сматривала Марлен).

Джек Тайг рявкнул:

— Пируйте, друзья! Оркестр морской пехоты сыграет нам марш! А потом герои, которые нас спасли, скажут нам пару слов!

Восхитительный вышел пикничок, скажу я вам. «Да здравствует вождь!», гремя медью, эхом отражался от самих голубых небес. Коссетт, забыв о прочих неприятностях, мучился проблемой: что же ему сказать собравшимся, когда его попросят выступить? Вдруг он обратил внимание, что медные горны и трубы военно-морского оркестра постепенно затихают.

К помосту, пробираясь сквозь толпу, подбежал запыхавшийся офицер. Он что-то прошептал на ухо Джеку Тайгу. Лицо у офицера было заметно встревоженно.

Выслушав донесение, Тайг поднялся, вскинул руку. Он улыбался.

— Друзья, ничего серьезного, — объявил он. — Ничего серьезного не произошло! Но фабрика, оказывается, еще *дышит.* Полковник доложил о появлении нового грузовоза. Грузовик как раз покидает ворота фабрики. Поэтому, сохраняйте спокойствие. Сейчас наши ребята, прямо у вас на глазах, расправятся с вторжением!

Паника? Ну, нет, не было никакой паники, да и почему должна была толпа паниковать? Получился цирк, дополнительное развлечение. Что-то вроде травли медведя на ярмарке в Сассексе. Увлекательно и совершенно безопасно.

Пускай упрямая фабрика высылает наружу очередной грузовик, решили собравшиеся тысячные толпы, предвкушая развлечение. Посмотрим, как эти бравые парни превратят его в металлолом! К тому же битва все равно выиграна. Один грузовичок положения не изменит. Как бы ни изощрялись электронные мозги подземных фабрик, а без меди и стали тостер не получится, а уже несколько недель фабрики не получали сырья. В общем, предстоит чистая клоунада, вот и все!

И гости, взобравшись на стулья, чтобы лучше видеть, приготовились к спектаклю. Отцы поднимали на руки младшеньких отпрысков, усаживали на плечи. И вот со свистом вылетел вверх по выездному подъему трейлер. «Тра-та-та!» залились пулеметы. «ВУШШ!» — зашипели пусковые ракетные установки. У грузовика не было ни одного шанса. Раньше, когда трейлеры шли конвоями, нескольким машинам удавалось пробиться. Но сейчас грузовик прорывался в одиночку. И получил свое.

Рука об руку с супругой Билл Коссетт направился осмотреть дымящиеся останки грузовика. Толпа почтительно расступилась.

Эсси Коссетт сказала с удовольствием:

— Так им и *надо!* Грязные машины! Они возомнили себя *хозяевами!* Вот если бы проникнуть туда, вниз, посмотреть, как они умирают с голоду, в точности, как рассказывал мистер Тайг. Милый, а что это за штучки?

— Какие штучки? — рассеянно переспросил Коссетт. — Он внимательно рассматривал бронированный радиатор трейлера, в который прямиком угодил заряд базуки. Ему представилось, что то же самое могла бы сотворить с ним самим ракетная установка, защищающая фабрику.

— Вот эти, блестящие.

— Какие еще блестящие… А! — Сквозь пробоину в борту, где десяток разрывных крупнокалиберных пуль пробил металлический лист, наружу свешивался край контейнера. На контейнере было отштамповано:

«Национальная фабрика Электробытовых приборов».

«Зажигалки. Размер 1 1/2».

И по отскочившей крышке контейнера вниз стекали какие-то блестящие, похожие на шарики сгустки. Нет, самое странное, что они не плюхались на землю, а взлетали *вверх.* Словно капли из протекающего крана, сгустки выдавливались наружу и — ПЛОП! — отправлялись в свободный полет.

— Забавно, — сказал Билл Коссетт жене. Его охватило смутное беспокойство. — Думаю, ничего опасного. Зажигалки! В жизни таких зажигалок не видел!

Он, удивленно поджав губы, выудил из кармана собственный комбинированный портсигар-зажигалку.

Коссетт щелкнул крышкой.

Он поднял ее, поднес к лицу, чтобы прочесть надпись на днище: может быть, его зажигалка-портсигар тоже производства НЭБП?

«ФЛЮТЬ!» Ртутная капелька ястребом спикировала на него, затанцевала над раскрытым портсигаром. Он почувствовал, как в губы ему

настойчиво тычется жесткий конец сигареты, закашлялся, замотал головой.

Восстановив равновесие, Коссетт вырвал изо рта сигарету, посмотрел на нее, швырнул на землю.

— Бог ты мой! — воскликнул он. — Но каким образом? Мы же их закупорили!

И повсюду среди безбрежной толпы люди начали приходить к выводу, что в расчеты вкралась ошибка. Все они приходили к тому же неутешительному выводу, что и Билл Коссетт. Из разбитого контейнера с надписью «Кофеварки. 8 чашек», переливчатые серебристые шарики выплывали наружу, кружили над толпой.

Кофеварки? Да, это были кофеварки.

— На помощь! — закричала женщина, из рук которой вырвали бутыль с холодной минералкой.

— Прочь! — завопил другой мужчина, пытаясь откупорить баночку «Максвел хаус».

Словно струи фонтанов Версаля, плыли в воздухе водяные жгуты, пересекаясь с коричневыми фильтрами. Потом использованные намокшие фильтры аккуратно зарылись в пески Лонг-Айленда, и переливчатый шар кофеварки, буксируя коричневую сферу раза в два больше себя, поплыл

от чашки к чашке, разливая идеально сваренный горячий кофе.

Четырехлетний малыш, с раскрытым ртом наблюдавший за аттракционом, едва не выронил свой сандвич.

— Ой! — вскрикнул малыш, потирая покрасневшие пальцы, потому что еще один летучий сгусток, на этот раз изумрудно-зеленый, выхватил сандвич, поджарил до золотистой румяности, подхватил падающую ветчину и водрузил на ломтик поджаренного хлеба — ветчина даже земли не успела коснуться.

— Билл! — завопила Эсси Коссетт. — Что происходит? Ты же говорил, что фабрику *остановили!*

— Я и сам был уверен, — пробормотал огорошенный супруг, полными ужаса глазами наблюдая за напуганной толпой.

— Разве вы не перекрыли поставки сырья? Как же фабрика может без сырья работать?

Билл Коссетт вздохнул:

— Да, сырье мы перекрыли, — признался он. — Но, очевидно, фабрика нашла выход. Она научилась выпускать продукцию даже без сырья. Магнитные потоки, силовые поля… не знаю! Но в грузовике битком набито бытовых приборов, которым не нужны исходные материалы.

Он облизнул пересохшие губы.

— Это еще не самое страшное, — сказал он так тихо, что супруга едва разобрала слова. Если бы вернулись кошмарные старые времена, я бы еще выдержал. Если бы каждые три месяца появлялась новая модель, и нам приходилось бы продавать и продавать, покупать и покупать… — Но вот эти штуковинки, — сказал он с жалким видом и сморщился, как будто борясь с тошнотой. — Похоже, они вообще не изнашиваются. Да и чему в них изнашиваться? Ведь они совсем не из твердого вещества сделаны! И если появятся новые модели… КАК МЫ, РАДИ ВСЕГО СВЯТОГО, ИЗБАВИМСЯ ОТ СТАРЫХ?

Радостный свет кометы

Трудно было бы найти нечто общее в личностях Альберта Новака, человека, который подкрадывался к Майрону Ландау, и государственного секретаря США, но одна общая черта у них имелась: они желали. Все трое страстно желали чего-то, хотя эти желания в глазах обычного среднего человека, руководствующегося общепринятыми нормами поведения, не выглядели достойными.

Начнем с человека, который подкрадывался к Майрону Ландау, нет — лучше с самого Майрона Ландау. Майрон тоже желал (а объектом желания была его подружка Эллен) с тем старательно скрываемым безрассудством, какое свойственно семнадцатилетнему парню, который никогда еще до сих пор не…

Факторами не в пользу Майрона в этот июльский вечер в Нью-Йорке были неопытность, неуверенность в себе и сопротивление самой Эллен, но на его стороне были могучие союзники. Перед ним простиралась глубокая, завлекающая чернота Центрального парка, где всякое может случиться, а на небе сверкал отличный предлог

для того, чтобы заманить туда Эллен. Так что он купил ей у Румпельмайера порцию клубничного мороженого и повел прогулочным шагом в сторону парка, болтая по дороге об астрономии, красоте и любви.

— Ты уверен, что это не опасно? — спросила Эллен, тревожно глядя на залитые светом натриевых фонарей заросли.

— Ничего не бойся, — сказал Майрон развязным тоном обладателя коричневого пояса каратэ, полученного в одной из лучших академий Вест-Сайда, хотя, честно говоря, никогда до сих пор не бывал в Центральном парке после захода солнца.

Однако он все тщательно продумал и полагал, что сегодняшним вечером им не грозит никакая опасность. Во всяком случае, не такая, которая заставила бы его отказаться от своего плана. Над головой ярко сияла великолепная комета, ставшая в последнее время предметом всеобщего внимания, а вечер был безоблачный. В парке будет много людей, глядящих на небо, рассуждал он, а впрочем, куда еще он мог бы ее повести? Не к себе же домой, где бабка торчит под дверью комнаты, приложив к ней ухо, и только и ждет повода войти и начать искать свои очки. И не к

Эллен, где постоянно болтаются ее мать и сестра.

— Комету плохо видно с улицы, — сказал он с видом знатока, обнимая Эллен и раскланиваясь со статным седовласым джентльменом, который вежливо поклонился им первым. — На улице слишком много света, и, честное слово, Эллен, мы не будем заходить далеко.

— Я никогда еще не видела комету, — уступила она, позволяя вести себя по дорожке.

Честно говоря, комету Уджифусы-Макгинниса, названную по имени двух открывших ее астрономов-любителей, не так уж трудно было разглядеть. Она простирала свой хвост почти на четверть небосвода; в ее хвосте тонули Альтаир, Вега и звезды вокруг Денеба, а блеск ее не затмило бы даже яркое уличное освещение Нью-Йорка. Она царила на небосклоне даже в тысяче миль к югу, где в освещенном прожекторами монтажном зале техники в поте лица двадцать четыре часа в сутки трудились над подготовкой к старту космического зонда, который должен был приоткрыть тайны Уджифусы-Макгинниса.

Майрон взглянул вверх и на мгновение дал себя очаровать великолепному зрелищу, но тут же вернулся с небес на землю.

— Ах, — вздохнул он, медленно ведя пальцами

к нижней части груди Эллен, — только представь себе: все, что ты видишь, — это только газ. Ничего там, собственно, нет, и до нее миллионы миль.

— Как это прекрасно, — сказала Эллен, оглядываясь через плечо. Ей почудился какой-то треск.

Ей это вовсе не почудилось. Треск действительно раздался. Нога статного седовласого джентльмена наступила на сухую палку. Он как раз свернул с выложенной плитами аллейки в тень кустов и был занят натягиванием дамского нейлонового чулка на свои седые волосы и лицо. Он тоже тщательно спланировал этот вечер. В правом кармане его плаща лежал завязанный узлом шерстяной носок с полфунтом стальных шариков от подшипников — это для Майрона. В левом кармане плаща был складной, хорошо наточенный нож. Это для Эллен — во-первых, чтобы быть уверенным: она не сделает этого уже никогда. Он не знал их имен, когда нагружал карманы и покидал свое ранчо в Уотербери, штат Коннектикут, отправляясь на вечернюю охоту в город, но знал, что кто-нибудь ему наверняка попадется.

Он тоже взглянул вверх, на комету, но с раздражением. Когда он показывал ее дочери у себя дома, на дворе, в штате Коннектикут, комета

выглядела красиво. Здесь же она была лишь ненужной помехой. Из-за нее ночь была слишком светлой, хотя это было и не столь плохо, как во время полнолуния.

Не пройдет и пяти минут, рассчитал он, как парень заведет девушку в кусты. Но куда? Лишь бы только они выбрали его сторону аллеи! В противном случае ему придется перебежать дорожку. Это было связано с определенным риском и, к его досаде, плохо вязалось с его изысканными манерами. Однако забава того стоила. Она всегда того стоила.

Статный седовласый джентльмен тихо крался следом за парочкой, держа тяжелый носок наготове. Он уже ощущал первую радостную дрожь сексуального возбуждения в интимных частях тела.

Примерно за две тысячи лет до этого, когда Иисус был маленьким мальчиком в Назарете, а Цезарь Август пересчитывал свои статуи и золото, раса существ, внешне напоминавших крабов с мягкими панцирями, обнаружила существование Великой Китайской Стены.

Ничего удивительного, что они ничего не замечали раньше, поскольку лишь она одна среди тогдашних творений рук Человека была различи-

ма в их телескопы. Ее сооружение завершилось примерно за двести пятьдесят лет до упомянутого события, и большая часть этого времени ушла на медленное путешествие света с Земли на их планету. Под наблюдением существ находилось множество других планет, и они не могли посвящать каждой из них слишком много времени. Но их слуги не имели права на ошибку, и десять тысяч представителей одной из покоренных рас умерло в мучениях, что должно было служить уроком для других.

Надменные, как они сами себя называли и как называли их вассалы, задумались: стоит ли завоевывать Землю и присоединять человечество к числу своих рабов, раз уж они его обнаружили. Это был их обычай, уходивший корнями в глубокое прошлое и снискавший им дурную славу в бескрайних просторах Галактики.

Поразмыслив, они решили пока не забивать себе голову. Да, что-то вроде цивилизации там наверняка существует, но планета Земля слишком далека, слишком примитивна и слишком бедна, чтобы ее завоевывать.

Исходя из этого, Надменные удовлетворились стандартной рутинной процедурой. Во-первых, они организовали похищение в своих дискооб-

разных кораблях некоторого количества земных разумных существ и прочей фауны. Образцы эти умирали в страшных муках, предоставляя важную информацию о химии своего тела, физическом строении и способе мышления. Во-вторых, Надменные послали наблюдательную группу, состоявшую из представителей одной из покоренных рас; им было приказано занять позицию в ядре кометы и следить оттуда за этими эндоскелетными потенциально небезопасными существами, которые развили у себя земледелие, открыли огонь, город и колесо, но еще не располагали даже химическими взрывчатыми веществами.

Затем они выбросили Землю из своего коллективного беспозвоночного разума и вернулись к более интересному обсуждению мер против расы насекомоподобных существ, населявших планету с насыщенной парами атмосферой и высокой гравитацией, которая находилась совсем в другой стороне, близ ядра Галактики. Насекомые упрямо твердили, что не позволят Надменным завоевать себя, и действительно уничтожили немалое число посланных против них эскадр.

Почти четверть коллективного разума Надменных была занята тем, что строила планы, как

нанести поражение этим насекомым в открытой битве. Подавляющая же часть остального их разума предавалась приятным размышлениям о том, что сделать с врагом после победы, чтобы они горько пожалели о своем отчаянном сопротивлении.

В то время как статный седовласый джентльмен подкрадывался к Майрону и Эллен, другой человек, который желал — государственный секретарь Соединенных Штатов — находился на сорок тысяч футов выше и на сто миль севернее от Центрального парка. Госсекретарь летел на борту четырехмоторного реактивного самолета, нос которого украшал американский национальный флаг, и испытывал очередной приступ дурного настроения.

— Заткнись, Денни, — сказал президент Соединенных Штатов, угрюмо почесывая между пальцами босых ног. — Ты зря горячишься. Я же не говорю, что мы не можем бомбить Венесуэлу. Я только спрашиваю, зачем мы должны ее бомбить? И мой тебе хороший совет, следи за словами, когда разговариваешь со мной.

— Сами следите за своими словами, господин президент! — рявкнул госсекретарь, перекрывая шум двигателей. — Я уже сыт по горло вашими

откладываниями со дня на день, уклонением от принятия окончательного решения. Еще немного, и я сойду с самолета и свалю всю работу на вас. Учитывая открывшиеся недавно факты — я имею в виду Исландию — не думаю, что подобная перспектива вам понравится.

— Дэнни, — прорычал президент, — у тебя отвратительная привычка копаться в старых историях. Не отклоняйся от темы. Нам нужна нефть, согласен. У них есть нефть, все это знают. Они не хотят нам ее продать по разумной цене, и ты требуешь, чтобы я не давал им житья, пока они не передумают. Правильно? Однако ты забываешь, что подобные вопросы можно решать по-разному. Почему бы нам, как обычно, не обойтись угрозами и бряцанием оружия?

— Но их наглость, господин президент! Унизительный тон ноты, присланной на мое имя. Здесь уже речь идет не о нефти, оскорблена национальная гордость нашей страны.

— Ох, Дэнни, Дэнни, — вздохнул президент. — Тебе легко говорить. У тебя не сидит на шее Конгресс, который постоянно заглядывает тебе через плечо, что бы ты ни делал. — Он еще раз тяжело вздохнул и открыл очередную банку некалорийной минеральной воды. — Одного я

не понимаю, почему мы должны нанести удар именно сегодня вечером, когда идет заседание Конгресса?

— Я вам уже объяснял, господин президент, — раздраженно буркнул секретарь, — что плохо действует наша система связи. Имеют место сильные ионосферные помехи, вызванные непредсказуемо мощным потоком излучения, исходящего, по-видимому, от…

— Ох, перестань, — страдальчески перебил президент. — Ты хочешь сказать, что комета мешает нашим службам радиоперехвата?

Секретарь сжал губы.

— Неизвестно, комета ли это, господин президент. Подобный эффект никогда раньше не наблюдался, хотя вполне возможно, какая-то связь существует. Впрочем, это неважно. Ситуация такова, что у нас нет устойчивой связи. Таким образом, мы не знаем, планируют ли венесуэльцы какое-нибудь вероломное нападение. Вы хотите рисковать безопасностью Свободного Мира, господин президент? Больше я ничего не скажу.

— Да, ты своего добился, Дэнни. — Президент развернулся в кресле и уставился на яркий поток белого света над востоком, где плыла комета Уд-

жифусы-Макгинниса. — Я слышал и о меньших поводах к началу войны, — задумчиво пробормотал он, — только не помню точно, когда. Ну ладно, Дэнни, уговорил. Дай мне Чарли по закрытому каналу. Объявлю нападение через два часа.

Наблюдатели Надменных, спрятавшись внутри каменного ядра кометы, изучали результаты сканирования Земли с помощью устройства, напоминавшего радар. Это была рутинная процедура. Они не знали, что тем самым создают помехи земной системе связи, впрочем, это была не их проблема. Их задачей было рассеять над Землей град частиц и перехватить их после отражения от поверхности планеты. В результате исследований выяснилось, что Земля далеко продвинулась в своем развитии, давно вступив в технологическую эру, и тем самым став уже не потенциальной, а реальной угрозой для их хозяев.

Вообще говоря, Надменные стали менее надменными, чем прежде. Они терпели неудачи в продолжающейся уже тысячу лет борьбе с насекомоподобными. Счет составлял 53 к 23724 в пользу противника. Зная об этом, наблюдатели понимали, что в подобных обстоятельствах бессмысленно говорить о физическом завоевании

Земли. Она должна быть просто уничтожена.

Не было ничего проще. В арсеналах Надменных имелось множество средств для превращения в пыль обитаемых планет. К сожалению, они плохо работали против насекомоподобных, но были достаточно мощными, чтобы расправиться с человечеством. Однако наблюдатели занимали слишком низкую ступеньку в иерархии и не имели доступа к такому оружию.

От них требовалось лишь сообщить о результатах наблюдения, а потом воздействовать на человечество так, чтобы оно не в состоянии было оказать сопротивление, даже пассивное, когда прибудут очистные команды с дезинтеграторами планет.

Подобная процедура представляла собой определенную техническую проблему, но уже давно была решена. Похищенные представители человечества умирали страшно, но не напрасно. По крайней мере, с точки зрения Надменных, поскольку, погибая в мучениях, давали информацию, которая послужила Надменным для разработки соответствующих методов воздействия. Наблюдатели имели все необходимое оборудование.

С точки зрения похищенных людей, вопрос о

том, напрасно они умирают или нет, естественно, имел совершенно иной ответ. Однако никому не пришло в голову их об этом спрашивать. Так или иначе, наблюдатели включили генераторы, которые должны были воздействовать на человечество и подготовить его к уничтожению.

Ожидая, пока накопится заряд, они послали сигнал ближайшему супердредноуту Надменных, чтобы он прибыл и завершил дело с помощью планетарной бомбы. Потом они задумались о своей дальнейшей судьбе. Дискуссия была не слишком плодотворной. Вероятность того, что комета Уджифусы-Макгинниса унесет их достаточно далеко, чтобы оказаться вне радиуса действия планетарной бомбы, была не слишком велика. Кроме того, никто из наблюдателей понятия не имел, каковы планы Надменных в их отношении, даже если они останутся невредимыми. Однако все наблюдатели сходились в одном: надежды на спасение невелики.

Займемся теперь Альбертом Новаком. Он находился на борту другого четырехмоторного реактивного самолета, который взлетел с аэродрома Кеннеди и взял курс на международный аэропорт Лос-Анджелеса. Альберт, коротко подстриженный молодой человек, был одержим

некой идеей Рядом с ним сидел невысокий седой джентльмен с Запада, с загорелой физиономией брюзгливой черепахи, который протянул ему руку и сказал агрессивным тоном, кивая на иллюминатор:

— Чертова штука! Вы знаете, что космическое агентство хочет потратить тридцать миллиардов долларов из ваших налогов только на то, чтобы возле нее поболтаться? Тридцать миллиардов! Чтобы понюхать какой-то болотный газ! Я этого не допущу, пока я член Комиссии по Астронавтике и Космосу. Разрешите представиться. Я конгрессмен… — но он говорил в пустоту.

Альберт Новак не пожал ему руку, даже не удостоил его взглядом. Несмотря на то что под потолком на трех языках продолжала гореть надпись «Застегнуть ремни», он отстегнулся и двинулся по проходу между рядами кресел. Стюардессы зашипели на него и начали не спеша отстегиваться, чтобы препроводить на место. Он не обращал на них внимания. У него не было ни малейших намерений лететь в Лос-Анджелес, а к стюардессе он обратится, когда придет время. Он вошел в туалет с кассетным магнитофоном и закрыл за собой дверь на задвижку.

Магнитофон уже не годился ни для записи, ни

для воспроизведения. Накануне Альберт изъял из него внутренности, заменив их несколькими дополнительными батарейками и мотком тонкого провода, которым он теперь осторожно соединял тридцать палочек динамита с запалами, которые вшил на глазах улыбавшейся близорукой матери под подкладку своего плаща.

Хотя Новак считал себя угонщиком, он не собирался заставлять пилотов менять курс и требовать посадки на Кубе, в Каракасе или в Алжире. Ему не был нужен самолет. Ему не были нужны даже сто миллионов долларов выкупа, которые он собирался потребовать.

Главным желанием Новака было обратить на себя чье-то внимание. Что касается продуманного во всех деталях плана, то он состоял в том, чтобы подойти к стюардессе с рукой на взрывателе, показать ей гениальное устройство, которое ему удалось протащить через детектор металла, отправиться с ней, как велит традиция, в кабину экипажа, а затем, когда авиакомпания начнет лихорадочно собирать пять миллионов непомеченных двадцатидолларовых банкнот, в которых он намеревался потребовать оплаты выкупа, замкнуть контакты и взорвать динамит ко всеобщей досаде и замешательству.

Он знал, что, уничтожая самолет, погибнет сам, но не придавал этому особого значения. Единственное, о чем он сожалел, это то, что он не увидит лицо матери, когда на нее накинутся репортеры и телевизионщики и она узнает, что ее сын разнес в клочья кучу людей и самолет стоимостью в тридцать миллионов долларов.

Генераторы в ядре кометы Уджифусы-Макгинниса были уже полностью заряжены.

Наблюдатели Надменных в мрачном настроении нацелили луч на планету Земля, Они тщательно все отрегулировали, поскольку знали, каковы могут быть последствия плохо сделанной работы. Когда все было готово, они сорвали пломбу, блокировавшую главный переключатель, и выпустили луч.

В сторону ближайшего полушария планеты сплошным потоком ударило свыше трех миллионов ватт энергии. В атмосфере сразу же произошли определенные химические изменения, а ветры разнесли их по всей планете.

Оборудование обладало строго направленным действием, но обслуживавшие его наблюдатели находились очень близко. За счет отражения от разреженных газов оболочки кометы излучение слегка задело и их.

Поскольку на основании экспериментов, проведенных две тысячи лет назад на похищенных, излучение было рассчитано специально против человечества, оно оказывало лишь ограниченное влияние на наблюдателей. Тем не менее они были двуполыми, теплокровными существами, дышавшими кислородом и во многом схожими с людьми, и поэтому оружие подействовало на них во многом так же, как должно было подействовать на человечество.

Сначала они ощутили резкий прилив эмоций, который определили (но лишь путем логических рассуждений) как радость. Поставить подобный диагноз было непросто, так как им не часто приходилось пребывать в таком состоянии. Но теперь они смотрели друг на друга с глуповатой нежностью, и по-своему, не вполне по-человечески, переживали неожиданный приступ эйфории.

Следующим их ощущением была сильная физическая боль, сопровождавшаяся рвотой, головокружением и чувством общей слабости, а причиной этого была доза излучения, более чем достаточная, чтобы сделать их покорными котятами, готовыми без сопротивления подставить себя под нокаутирующий удар Надменных. Это они тоже поняли. Они пришли к выводу, что

умрут, и притом очень быстро.

Они отнеслись к этому так же, как Альберт Новак, собиравшийся взорвать себя вместе с самолетом. Они были счастливы. Именно так должно было подействовать излучение на человечество, и оно успешно выполнило свою задачу.

И на всей обращенной к комете стороне Земли страх сменялся радостью, напряжение — покоем, ненависть — любовью.

В Центральном парке трое молодых бездельников отпустили девушку, которую заманили за сарай для лодок на 72-й улице, и решили поступать в Гарвард. На южной окраине парка седовласый джентльмен выскочил из кустов прямо на Майрона и его девушку.

— Мои дорогие дети! — кричал он, стаскивая с — лица дамский чулок. — Какие вы чудесные и милые! Вы так напоминаете мне сына и дочь. Позвольте снять для вас номер в лучшем отеле Нью-Йорка, с полным обслуживанием.

В нормальных обстоятельствах подобный инцидент привел бы Майрона Ландау в замешательство, особенно если учесть, что ему только что удалось разгадать загадку застежки бюстгальтера Эллен. Но на этот раз он сам был настолько переполнен радостным возбуждением, что сумел

лишь сказать:

— Ну конечно, дружище, мы согласны. Но только если вы к нам присоединитесь. В противном случае мы отказываемся от вашего предложения.

А Эллен добавила сладким голосом:

— Зачем нам номер в отеле, мистер? Разве мы не можем прямо здесь сбросить с себя эти тряпки?

Над их головами, на высоте сорока тысяч футов, в президентском самолете, совершавшем со сверхзвуковой скоростью обратное путешествие из летней резиденции в окрестностях Бутбэй-Харбор, штат Мэн, госсекретарь поднял к небу горящие в экстазе глаза и заявил:

— Дорогой господин президент, давайте дадим этим мулатам еще один шанс. Не стоит портить такой хороший вечер, бросая водородную бомбу на Каракас.

А президент, обняв его за плечи, всхлипнул:

— Дэнни, как дипломат ты и выеденного яйца не стоишь, но я всегда говорил, что ты самый благородный человек во всем кабинете.

Их внимание на мгновение отвлекла оранжево-желтая огненная вспышка на западе, но это не слишком повлияло на их трансцеденталь-ный экстаз. Они начали распевать вслух старые

любимые песенки, вроде «На старой мельнице», «Милая Аделина» или «Когда я служил на железной дороге», и получали от этого такое удовольствие, что президент совсем забыл о том, чтобы отменить По радио свое предыдущее распоряжение о налете на Каракас. Впрочем, это было необязательно. Бригады механиков, подвешивавших бомбы к летающим крепостям Б-52, сбросили груз с подъемников и устроили гонки на транспортных тележках, а руководивший операцией «Кислая Задница» генерал Кертис Т. Пиновитц вместо того, чтобы прыгать с парашютом над Венесуэлой с целью поддержки бомбовой атаки, решил отправиться на рыбалку. Он искал свой спиннинг, не обращая внимания на шум, доносившийся с ближайшего полевого аэродрома, где 101-я воздушно-десантная дивизия голосовала, куда лететь — в Диснейленд или на Ривьеру. (В любом случае венесуэльцы, точнее, те члены венесуэльского правительства, которые не поленились отвечать на телефонные звонки граждан, только что проголосовали за то, чтобы дать янки столько нефти, сколько они пожелают, и всерьез обсуждали предложение ароматизировать ее жасмином.)

Огненная вспышка над горизонтом не была,

однако, малозначащим событием.

Альберт Новак чуть ослабил захват предплечьем, которым удерживал за шею хрупкую кареглазую стюардессу, и начал объяснять ей, что к тому, чтобы взорвать лайнер, его побуждают не какие-то личные мотивы. Это последняя возможность добиться того, чтобы мать уделила ему столько же внимания, сколько его брату Дику. Хотя он сильно заикался и запинался, стюардесса сразу все поняла. У нее тоже были и мать, и старший брат. Ее красивые карие глаза наполнились слезами сочувствия, и в порыве любви она обвила шею Альберта руками.

— Бедный мальчик, — плакала она, покрывая поцелуями его небритое лицо. — Давай, дорогой мой, я тебе помогу. — С этими словами она вырвала из его рук кассетный магнитофон, следя за тем, чтобы не разъединить провода, и замкнула выключат ель, взорвав все тридцать зарядов динамита сразу.

Сто тридцать один пассажир — мужчины, женщины, дети — в одно мгновение превратились в падающий с неба град изуродованных кусков обгорелого мяса. В их числе были останки пилота, второго пилота, третьего пилота и восьми остальных членов экипажа; и все пассажиры:

матери, дети, пары, переживающие свой медовый месяц и не переживающие медовый месяц, но столь же влюбленные друг в друга, пары, у которых жизнь сложилась так, что они не стали супругами, священник в штатском, юрист, лишенный адвокатской лицензии, и конгрессмен из Орегона, который никогда уже не осуществит своей мечты о том, чтобы ликвидировать НАСА и не допустить дальнейшего выбрасывания денег налогоплательщиков в космос, который, по его мнению, был пуст и совершенно неинтересен.

Кем бы ни были эти куски мяса, все они теперь выглядели почти одинаково. Но ни один из пассажиров или экипажа не умер несчастным, поскольку все оказались под воздействием кометы.

…Глубоко внутри ядра кометы Уджифусы-Макгинниса экран устройства, на котором должен был появиться сигнал о получении приказа уничтожить Землю, оставался пустым. Ни один сигнал не поступил. А впрочем, если бы и поступил, никто бы его не заметил, тем наблюдатели.

Причина отсутствия ответа была проста. Дредноут Надменных, к которому был направлен запрос, так же как и большинство прочих кораблей, входивших в состав галактического флота,

давно был брошен против цитаделей насекомоподобных, населявших ядро Галактики. Там он, как и другие, был вскоре уничтожен, и, таким образом, сообщение, посланное наблюдателями, не достигло адресата.

В каком-то смысле можно было с сожалением подумать о том, что все эти затраты энергии, интеллекта и средств не принесли никаких ощутимых, видимых невооруженным глазом результатов, кроме удовольствия, доставленного нескольким миллиардам высокоразвитых приматов. Но это не слишком волновало Надменных. У них и без того хватало поводов для сожалений. То, что осталось от их коллективного разума, было без остатка поглощено проблемой собственного выживания перед лицом приближающегося флота насекомоподобных и, без сомнения, взаимными обвинениями.

Наблюдателям было уже все равно; они давно погибли от невыносимого блаженства.

И, как оказалось, погибли не совсем напрасно.

Поскольку смерть не позволила конгрессмену из Орегона довести до конца проект ликвидации НАСА, а вместе с ним умерло все его влияние и поддержка, запланированная исследовательская экспедиция в сторону кометы состоялась. Прав-

да, зонд не стартовал в назначенные сроки, так как эффект воздействия лучей счастья держался несколько дней, и техники НАСА просто не желали морочить себе голову подобными пустяками.

Но постепенно мир вернулся в… норму? Нет. Нельзя считать нормальным мир, где большую часть времени все пребывают в благостном настроении. Но ритм работы и отдыха в мире стабилизировался на уровне, близком к прежнему. Так что НАСА удалось найти другое, стартовое окно и реализовать проект встречи с кометой, а то, что они там нашли, стало поворотным пунктом в истории человечества и всей Галактики. Наблюдателей уже не было, но они оставили после себя много интересного.

Когда астронавты вернулись на Землю, президент Соединенных Штатов отказался от партии в гольф и прилетел на борт «Индепенденса», чтобы взглянуть на находки поближе.

— О господи! — захохотал он, в восхищении и ужасе одновременно. — Если бы у меня было подобное два месяца назад, мы бы имели свои порты в Бразилии!

Венесуэла, однако, процветала нетронутой. А президент не мог найти себе места. Хотя он пребывал в хорошем настроении и в согласии

со всем миром, что-то не давало ему покоя — старые привычки умирают с трудом. Он долго размышлял над тем, что если существует такое оружие, то должен существовать и враг, который его сконструировал и изготовил, и что в один прекрасный день этот враг может сюда вернуться и им воспользоваться. Все еще терзаемый некоторыми сомнениями, он вернулся в Вашингтон, пригласил послов Венесуэлы, Кубы, Канады, СССР, Китайской Народной Республики и Соединенных Ирландских Республик Великобритании и все им выложил.

Хотя политики еще ощущали остатки хорошего настроения, вызванного кометой, они, однако, не утратили способности логически мыслить. До них быстро дошло, что где-то существует внешний враг, перед лицом которого им всем придется стать хорошими друзьями. Никому больше не хотелось тратить силы на локальные конфликты. Поэтому были подписаны договоры, выделены средства, и началось строительство.

И человечество, заново вооружившись и обзаведясь превосходными космическими кораблями, отправилось на поиски Надменных.

Они их, конечно, не нашли. Пока они готовились к своей акции, последний из Надменных

испустил дух, так и не смирившись с поражением. Но много поколений спустя люди наткнулись на насекомоподобных из ядра Галактики, и то, чем это для тех закончилось, удовлетворило бы даже Надменных.

Смертельная миссия Финеаса Снодграсса

Это история Финеаса Снодграсса, изобретателя, который построил машину времени и отправился с ее помощью на две тысячи лет назад, примерно ко времени рождения Христа. Он познакомился с императором Августом, его супругой Ливией и другими богатыми и могущественными римлянами того времени и, быстро подружившись с ними, заручился их поддержкой в проведении скорейших преобразований образа жизни Первого Года. (Он заимствовал эту идею из научно-фантастического романа Л. Спрэга де Кампа «Да не опустится тьма».)

У него была не очень большая машина времени, но большое сердце, поэтому Снодграсс отобрал свой багаж с учетом плана оказания максимума немедленной помощи человечеству. Отличительными чертами Древнего Рима были грязь и болезни, страдания и смерть. Снодграсс решил дать Римской империи здоровье и сохранить ее народу жизнь с помощью медицины двадцатого века. Все остальное могло образоваться само

собой, как только человечество избавилось бы от ужасных эпидемий и ранней смертности.

Снодграсс привез с собой пенициллин, ауреомицин и средства для безболезненного лечения зубов. Он познакомил римлян с линзами для очков и объяснил хирургическую технику удаления катаракты. Он обучил их анестезии и микробиологии и показал, как очищать питьевую воду. Он построил фабрику бумажных носовых платков и научил римлян прикрывать рот во время кашля. Он потребовал и добился того, чтобы были закрыты открытые сточные канавы, и был первым, кто доказал преимущества сбалансированного питания.

Снодграсс принес в древний мир здоровье, сохранив и свое собственное. Он прожил больше ста лет и скончался в сотом году нашей эры, вполне удовлетворенный.

Когда Снодграсс прибыл в огромный дворец Августа на Палатинском холме, население земного шара составляло примерно двести пятьдесят миллионов человек. Он убедил власти поделиться его благами со всем миром, облагодетельствовав не только сто миллионов подданных империи, но и еще сто миллионов в Азии, и десятки миллионов в Африке, Западном полушарии и на островах

Тихого океана.

И вот все стали здоровыми.

Детская смертность упала с девяноста процентов до двух. Продолжительность жизни немедленно удвоилась. Все прекрасно себя чувствовали и демонстрировали свое здоровье, рожая все больше детей, которые, здоровыми, достигнув зрелости, имели еще больше детей.

Нельзя считать здоровым население, которое не в состоянии удваивать свою численность каждое поколение.

Римляне, готы и монголы были выносливыми людьми. Каждые тридцать лет население мира возрастало вдвое. К 30 году нашей эры оно составляло полмиллиарда, а в 60 году — целый миллиард. К тому времени, когда Снодграсс, счастливый, скончался, численность населения была такой же, как и сегодня.

К сожалению, у Снодграсса не было в машине времени места для чертежей грузовых кораблей, книг по металлургии, чтобы построить станки, с помощью которых можно было бы производить хлебоуборочные комбайны и мощные паровые турбины, которые снабдили бы электроэнергией города, — для всей технологии, появившейся в течение последующих двух тысячелетий.

Соответственно, к моменту его смерти условия жизни были не самыми лучшими. Многие жили в очень плохих условиях.

В целом Снодграсс был удовлетворен, поскольку о технических изобретениях люди наверняка могли позаботиться сами. В мире со здоровым населением рост его численности становится действенным стимулом к научным исследованиям. Неисчерпаемая природа, как только ее законы будут изучены, наверняка обеспечит всем необходимым любое количество людей.

Несомненно, так оно и было. Паровые машины системы Ньюкомена качали воду для орошения полей задолго до смерти Снодграсса. В 55 году на Ниле, возле Асуана, была сооружена плотина. Электромобили заменили запряженные волами повозки в Риме и Александрии еще до 75 года, а спустя несколько лет огромные, неуклюжие дизельные моторы освободили от труда галерных рабов на торговых судах, курсировавших через Средиземное море.

В 200 году нашей эры численность населения составляла около двадцати миллиардов человек, и технология продолжала развиваться рука об руку с захватом новых территорий. Атомные плуги расчистили Тевтобургский лес, где еще

гнили останки Вара, а удобрения, производимые из морской воды с помощью ионного обмена, давали фантастический урожай гибридных зерновых культур. В 300 году численность населения стояла на пороге четверти триллиона.

Реакция разложения водорода давала огромное количество энергии из моря; с помощью атомной трансмутации любое вещество превращалось в пищу. В этом возникла необходимость, так как для сельского хозяйства уже не было места. Земля стала перенаселенной планетой. К середине шестого века шестьдесят миллионов квадратных миль земной суши были столь плотно заселены, что ни один человек, стоявший на суше, не мог вытянуть руку без того, чтобы не задеть другого человека.

Но все были здоровы, и наука продолжала двигаться вперед. Моря осушили, что немедленно утроило поверхность доступной суши. (Через пятьдесят лет дно моря было столь же плотно заселено.) Энергию, которую раньше получали путем разложения морского водорода, теперь добывали, перехватывая всю энергию Солнца с помощью гигантских «зеркал» из чистого силового поля. Другие планеты, конечно, замерзли, но это не имело значения: в течение последующих

десятилетий они были разрушены ради энергии, содержащейся в их ядрах. То же произошло и с Солнцем. Поддержание жизни на Земле требовало огромных энергетических затрат; к тому времени каждая звезда в Галактике отдавала все свои энергетические ресурсы Земле, и строились планы откачки энергии из Туманности Андромеды, чего могло бы хватить на последующие тридцать лет.

В это время были сделаны расчеты.

Принимая средний вес человека за сто тридцать фунтов — округленно $6x10^4$ граммов — и предполагая продолжающееся удвоение населения каждые тридцать лет (хотя, с тех пор как Солнце было уничтожено, такого понятия, как «год», больше не существовало; одинокая Земля бесцельно плыла в направлении Веги), оказывалось, что к 1970 году общая масса человеческой плоти, костей и крови составит $6x10^{27}$ граммов.

В этом и заключалась проблема. Общая масса самой Земли составляла только $5{,}98x10^{27}$ граммов. Человечество уже жило в норах, пронизывающих земную кору и слой базальта, разрабатывая замерзшее железо-никелевое ядро; к 1970 году все ядро само должно было бы превратиться в живых мужчин и женщин, и людям пришлось бы

прокладывать туннели сквозь массу собственных тел, корчащийся, сдавленный сгусток живых тел, дрейфующий в космосе.

Более того, простая арифметика показывала, что это еще не конец. За конечное время масса человечества сравнялась бы с общей массой Галактики и в некотором будущем превысила бы общую массу всех существующих галактик.

Такое положение дел никого не устраивало, и был разработан проект.

Несмотря на трудности, были выделены необходимые ресурсы для создания небольшого, но жизненно важного устройства — машины времени. С одним добровольцем на борту (выбранным из 900 триллионов желающих) ее отправили назад, в первый год нашей эры. Ее груз состоял лишь из охотничьего ружья с одним патроном, и этим патроном доброволец убил Снодграсса, когда тот поднимался на Палатинский холм.

К величайшей (или просто потенциальной) радости нескольких квинтиллионов никогда не рожденных людей, опустилась благословенная Тьма.

Человек-схема

Я знаю, во мне нет ничего смешного, но мне не нравится, что об этом знают и другие. Я веду себя также, как и все прочие, не обладающие большим чувством юмора: я шучу. Если бы мы сидели рядом на ученом совете факультета и я захотел бы представиться, я бы, вероятно, сказал: «Бедеркинд меня зовут, меня поиграть компьютеры ждут».

Никто особенно не смеется. Как и все мои шутки, эта тоже нуждается в объяснении. Шутка заключается в том, что именно благодаря теории игр я впервые заинтересовался компьютерами и построением математических моделей. Математические модели — единственные дети, которых я произвел на свет. Во всяком случае, эта фраза вызывает улыбку, и я понял почему: даже если вы не особенно удачливы в словесной игре, вы всегда можете сказать, что это имеет какое-то отношение к сексу, а мы все рефлекторно улыбаемся, когда кто-то упоминает о сексе.

Мне следовало бы рассказать, что такое математическая модель, верно? Ладно. Это просто. Это изображение чего-то, выраженное в цифрах.

Оно используется потому, что машинам гораздо легче оперировать цифрами, чем реальными предметами.

Допустим, я хочу узнать, как будет вести себя планета Марс в течение ближайших нескольких лет. Я беру все, что мне известно о Марсе, и перевожу в числа: одно число — для его скорости на орбите, другое — для массы, третье — для диаметра в милях, четвертое определяет, с какой силой притягивает его Солнце, и так далее. Сообщив компьютеру все, что он должен знать о Марсе, я рассказываю ему с помощью таких же чисел о Земле, Венере, Юпитере, о самом Солнце, обо всех прочих глыбах материи по соседству, которые, на мой взгляд, оказывают влияние на Марс. Затем я обучаю компьютер некоторым простым правилам, в соответствии с которыми набор чисел, описывающий, скажем, Юпитер, воздействует на числа, описывающие Марс: закон обратных квадратов, некоторые законы небесной механики, ряд релятивистских поправок — компьютер должен знать очень много разных вещей. Но не больше, чем я ему рассказал.

Когда я сделаю все это — не по-английски, конечно, а на одном из языков, понятных компьютеру, — внутри него будет храниться матема-

тическая модель Марса. Потом этот математический Марс может вращаться в математическом космосе столько, сколько мне хочется. Я говорю компьютеру: «18 июня 1997 года, 24.00 по Гринвичу», и он… наверное, можно сказать — он «представляет», где будет находиться Марс по отношению к моему телескопу «Квестар», стоящему на заднем дворе, в полночь по Гринвичу 18 июня 1997 года, и сообщает мне, в какую сторону смотреть.

Конечно, вы понимаете, что это не настоящий Марс, а только математическая модель. Но чтобы узнать, куда направить свой маленький телескоп, я могу считать модель «настоящим Марсом», только все происходит намного быстрее. Мне не нужно ждать 1997 года; я узнаю все за пять минут.

Но не только планеты могут продолжать математическую квазижизнь в банках памяти компьютера. Взять моего друга Шмуэля. У него тоже есть своя шутка, и состоит она в том, что он делает двадцать детей в день на своем компьютере. Он имеет в виду, что после шести лет усилий ему наконец удалось описать в виде чисел развитие ребенка в утробе матери, весь его путь от зачатия до рождения.

После этого было сравнительно легко описать все, что может произойти с детьми до их рождения. У мамы высокое кровяное давление. Мама курит по три пачки сигарет в день. Мама заболела скарлатиной или получила удар в живот. Мама продолжает каждую ночь трахаться с папой, пока ее не увезут в роддом. И так далее. Суть всего этого в том, что Шмуэль может видеть, когда что-то идет не так и дети рождаются недоразвитыми, или слепыми, или с ретролентальной фиброплассией, или с аллергией к коровьему молоку. Это проще, чем приносить в жертву множество беременных женщин, вскрывая их, чтобы посмотреть.

Ну ладно, вы больше не хотите слушать про математические модели, поскольку какой для вас интерес в математических моделях? Я рад, что вы спросили. Давайте рассмотрим пример. Предположим, вчера вечером вы смотрели парад звезд «Давным-давно» и видели Кэрол Ломбард или Мэрилин Монро в юбочке, развевающейся над симпатичными бедрами. Полагаю, вам известно, что этих девушек нет в живых. Я также полагаю, что ваши железы среагировали на мерцание катодной трубки так, как будто они живы. И поэтому вы все же получаете удовольствие от

математических моделей, поскольку каждая из этих великих девушек в каждом своем движении и улыбке — не что иное, как число из нескольких тысяч цифр, преобразованное в световое пятно на фосфорном покрытии. И еще несколько чисел, чтобы выразить частотные характеристики их голосов. Ничего больше.

Суть заключается в том (как часто я употребляю эту фразу!), что математическая модель не только изображает реальный предмет, но иногда столь же хороша, как и реальный предмет. Нет, честно. Я имею в виду, неужели вы действительно полагаете, что если бы это были живые Мерилин или Кэрол, видимые, скажем, в свете прожекторов, то вы получили бы большее впечатление, чем от потока электронов, создающего их изображение в кинескопе?

Однажды вечером я видел Мэрилин в передаче «Давным-давно». И у меня возникли все эти мысли, и потому всю следующую неделю я потратил на подготовку мотивированной заявки о выделении средств, а когда дотация была получена, взял академический отпуск и начал превращать себя в математическую модель. Это на самом деле не так трудно. Непривычно — да. Но не трудно.

Я не хочу объяснять, что такое ФОРТРАН, СИМ-

СКРИПТ или СИ, и поэтому просто скажу то, что мы говорим всем, — это языки, с помощью которых люди общаются с машинами. Мне пришлось хорошо попотеть, — чтобы рассказать машине все о себе. Потребовалось десять месяцев и пять аспирантов, чтобы написать соответствующую программу, но это не так уж и много. Чтобы научить компьютер играть в покер, в свое время потребовалось больше. После мне оставалось лишь ввести себя в машину.

Именно это, по словам Шмуэля, было сумасшедшей затеей. Как и у всех, занимающих достаточно ответственные посты на факультете, у меня есть удаленный терминал в… я называл это моей «игровой комнатой». Однажды я устроил там вечеринку, сразу после того как купил дом, когда все еще думал, что собираюсь жениться. Как-то вечером Шмуэль заметил, как я вхожу в дверь и спускаюсь по лестнице, и застал меня методично печатавшим мою историю болезни от четырех до четырнадцати лет.

— Болван, — сказал он, — неужели ты думаешь, что заслуживаешь увековечивания в компьютере 7094-й модели?

— Свари кофе, — попросил я, — и оставь меня в покое, пока я не закончу. Послушай, можно вос-

пользоваться твоей программой по осложнениям после свинки?

— Параноидальный психоз, — заметил он. — Наступает примерно в возрасте сорока двух лет. — Однако он ввел в машину пароль и дал мне доступ к своей программе.

Закончив, я сказал:

— Спасибо за программу. Но твой кофе омерзителен.

— Нет, это у тебя омерзительные шутки. Ты действительно считаешь, что в этой программе будешь имен-,но ты? Ты?

К тому времени у меня на лентах уже была большая часть сведений, касающихся физиологии и внешних факторов, и я прекрасно себя чувствовал.

— Что такое «я»? — спросил я. — Если оно говорит, как я, думает, как я, помнит то же, что и я, и поступает так, как поступил бы я, — что оно такое? Президент Эйзенхауэр?

— Эйзенхауэр умер много лет назад, болван, — отрезал он.

— Проблема Тьюринга, Шмуэль, — сказал я. — Предположим, я нахожусь в одной комнате с телетайпом. А компьютер находится в другой комнате с телетайпом и запрограммирован так,

чтобы моделировать меня. А ты находишься в третьей комнате, связанной с обоими телетайпами, и ведешь беседу с нами обоими — и ты не сможешь сказать, кто из нас я, а кто машина; в чем тогда разница? И есть ли она?

— Разница в том, Джозайя, — ответил он, — что я могу дотронуться до тебя, могу почувствовать твой запах. Если бы я был достаточно сумасшедшим, я мог бы поцеловать тебя. Тебя. Не модель.

— Ты бы смог, — сказал я, — если бы тоже был моделью и был бы в машине вместе со мной. Я пробовал шутить с ним: — Смотри! Можно решить проблему перенаселения, если поместить всех в машину. Или, предположим, я заболел раком. Мое физическое «я» умирает. Зато математическая модель жида и невредима.

Но он действительно был обеспокоен, решил, что я схожу с ума. Его беспокоила даже не сама сущность проблемы, а мое отношение к ней, и я стал очень осторожен в беседах со Шмуэлем.

Итак, я продолжал играть в игру Тьюринга, стараясь сделать ответы компьютера неотличимыми от моих собственных. Я объяснил ему, что значит зубная боль и то, что помнил о сексе. Заложил в него связи между людьми и телефонными номерами и названия всех столиц штатов, за зна-

ние которых я получил награду в десятилетнем возрасте. Я научил его неправильно писать слово «ритм», так как сам всегда писал его неправильно, и говорить «поместить» вместо «положить» из-за юношеской привычки. Я играл в эту игру, и, Бог свидетель, я выиграл ее.

Не могу с уверенностью сказать, что я потерял взамен.

Но кое-что потерял.

Я начал терять память. Когда из Кливленда позвонил двоюродный брат Элвин, чтобы поздравить меня с днем рождения, я целую минуту не мог вспомнить, кто он такой. (За неделю до этого я рассказал компьютеру все о моих летних каникулах, которые проводил с семьей Элвина, включая и тот день, когда мы оба потеряли девственность с одной и той же девушкой под мостом недалеко от фермы моего дяди.) Мне пришлось записать телефонные номера Шмуэля и моей секретарши и постоянно носить их в кармане.

По мере того как продвигалась работа, я забывал все больше. Однажды вечером я посмотрел на небо и увидел три яркие звезды, расположенные на одной линии прямо над головой. Это меня напугало, потому что я не знал, что это за звезды, пока не пришел домой и не достал звездный ат-

лас. А ведь Орион был для меня самым простым созвездием. А когда я посмотрел на телескоп, который сам сделал, то обнаружил, что не помню, как рассчитывал зеркало.

Шмуэль продолжал предостерегать меня. Я действительно очень много работал, по пятнадцать часов в день и больше. Но не чувствовал переутомления, а так, словно постепенно теряю самого себя. Я не просто учил компьютер быть мной, но вкладывал в него части самого себя. Это настолько потрясло меня, что я устроил себе выходные на всю рождественскую неделю и уехал в Майами.

Но когда я вернулся к работе, то уже не помнил, как работать на клавиатуре вслепую; пришлось вводить информацию в компьютер по одной букве. Я чувствовал, что хотя и продвигаюсь вперед, но информации все еще недостаточно, некие важные моменты еще отсутствуют. И я продолжал переливать себя в ячейки магнитной памяти: ложь, которую я сказал на призывной комиссии в 1946 году, шуточный стишок, который сочинил о моей первой жене после развода, и что написала Маргарет, когда сказала, что не выйдет за меня замуж.

Для всего этого в банках памяти было полно

места. Компьютер мог вместить в себя все, что содержал мой мозг, особенно с помощью программы, которую я написал вместе со своими пятью аспирантами.

В результате память не исчерпалась. Исчерпался я сам. Помню оглушающее чувство темноты и пустоты; и это все, что до сих пор помню.

Что бы ни означало «до сих пор».

У меня был друг, который свихнулся, когда работал над телеметрическими исследованиями для одной из программ «Маринера». Я помню, как навещал его в больнице, а он рассказывал мне медленным, спокойным, бесстрастным голосом, что врачи делают для него. Или с ним. Электрошок. Гидротерапия.

Это, по крайней мере, разумная рабочая гипотеза, объясняющая, что происходит со мной.

Я помню — или мне кажется, что помню, — резкий электрический разряд. Я чувствую — или мне кажется, что чувствую, — ледяной поток вокруг меня.

Что это означает? Хотел бы я знать. Готов допустить, что, вероятно, чрезмерная перегрузка меня доконала, и теперь я тоже пребываю в полном покое, в больнице, где за мной наблюдают психиатры и ухаживают медсестры. Можно такое

допустить? Господи, я *молюсь*, чтобы это так и было. Я молюсь, чтобы тот электрический разряд оказался шокотерапией, а не чем-нибудь еще. Я молюсь, чтобы тот холодный поток оказался лишь водой, сочащейся из моих влажных простыней, а не потоком электронов в транзисторных модулях. Я не боюсь того, что сошел с ума. Я боюсь альтернативы.

Я не верю в альтернативу. Но все равно боюсь ее. Я не могу поверить, будто все, что от меня осталось, — моя индивидуальность, мое «я» — всего лишь математическая модель, хранящаяся в банках памяти компьютера 7094. Но если это так?! Если это так, Господи, что случится, когда — и как я смогу этого дождаться? — кто-нибудь включит меня?

